Российская академия наук
Институт психологии

В.В. Знаков

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2005

УДК 159.955
ББК 88
З 71

Знаков В.В.
З 71 Психология понимания: Проблемы и перспективы. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. — 448 с.

УДК 159.955
ББК 88

В монографии представлены результаты теоретических и экспериментальных исследований в области психологии понимания. Осуществлен анализ методологического значения феномена понимания в современном гуманитарном знании в эпоху перехода от неклассической науки к постнеклассической. Исследовано соотношение когнитивных и экзистенциальных компонентов понимания с позиций психологии субъекта и психологии человеческого бытия, раскрыта неразрывная связь понимания с самопониманием. Намечены и проанализированы перспективные направления развития психологии понимания (новые подходы к исследованию психологической специфики понимания в нарративном подходе, герменевтике, психологии человеческого бытия); выявлены половые и гендерные различия в понимании и взаимопонимании; осуществлено исследование личностных качеств понимающего субъекта, определяющих специфику понимания; затронута тема понимания субъектом произведений искусства.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемой понимания.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-06-16023д

ISBN 5–9270–0078–9

Памяти Андрея Владимировича Брушлинского —
Человека, Интеллигента, Ученого

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя научная монография по своим целям и задачам отличается от учебного пособия. Автор не ставил перед собой задачу полно и по возможности объективно описать все существующие в современной науке направления исследований в области психологии понимания. Его главные цели иные. Во-первых, проанализировать методологическое значение феномена понимания в современном гуманитарном знании в эпоху перехода от неклассической науки к постнеклассической (Степин, 2000). Во-вторых, рассмотреть соотношение когнитивных и экзистенциальных компонентов понимания с позиций психологии субъекта и психологии человеческого бытия. В-третьих, не только назвать, но и попытаться на конкретно-психологическом уровне исследовать те «точки роста», которые характеризуют наиболее острые проблемы и перспективные направления развития психологии понимания. Мое видение этих проблем и направлений отражено в названиях глав и разделов монографии. Это новые подходы к исследованию психологической специфики понимания в нарративном подходе, герменевтике, психологии человеческого бытия; соотношение познавательных, когнитивных и экзистенциальных, бытийных компонентов понимания и самопонимания; понимание субъектом произведений искусства; анализ личностных качеств понимающего субъекта, определяющих специфику понимания; половые и гендерные различия в понимании и взаимопонимании. Разумеется, я отчетливо осознаю, что некоторые важные направления психологического изучения понимания не нашли отражения в монографии — нельзя объять необъятное. Вместе с тем я убежден в том, что затронутые темы являются практически значимыми и научно перспективными.

Вышедшая более десяти лет назад моя первая монография по психологии понимания (Знаков, 1994) в основном была

посвящена когнитивным аспектам проблемы. В ней анализировались характеристики понимания, его основные формы, условия возникновения и т.п. За это время ситуация в российской психологической науке значительно изменилась. Одной из самых заметных тенденций стало смещение интереса многих психологов с когнитивной плоскости анализа психики в экзистенциальную. Применительно к проблеме понимания это означает, что оно стало изучаться не только как процедура индивидуального познания, а гораздо шире — как способ бытия человека в мире.

В новой книге представлены результаты переосмысления целого ряда проблем и вопросов, которые лишь в конспективной форме были обозначены в предыдущей. Я пытаюсь осмыслить ряд принципиальных психологических сюжетов в свете той новой ситуации, которая сегодня возникла в мировой науке в исследованиях междисциплинарного феномена понимания как психологами, так и представителями других наук. Я пытаюсь дать интерпретации феномена понимания с позиций психологии человеческого бытия и сопоставить эти интерпретации с нарративными, герменевтическими, этическими, экзистенциальными и другими. Насколько я могу судить по публикациям, для психологии понимания это новая тематика. Однако исследование этих проблем, конечно же, не означает отказа от тех когнитивных по своей сути исследований, которые я проводил раньше. Просто сейчас я пытаюсь встроить их в более широкий и глубокий контекст постнеклассического понимания фундаментальных научных проблем.

При написании научного труда у исследователя всегда возникает вопрос о критериях отбора многочисленных и очень противоречивых материалов, связанных с изучением таких сложных объектов, какими являются психические явления. Этот вопрос в книге решается следующим образом. Во-первых, я ориентировался в первую очередь на психологическую литературу. Непсихологические исследования понимания рассматриваются очень кратко. Во-вторых, я старался анализировать по возможности новейшие исследования западных ученых, доступные далеко не всем российским психологам. За последнее десятилетие в психологии понимания появились новые понятия, подходы, методы, проблемы, единицы анализа, новые области приложения знаний о понимании. В-третьих, в монографии, безусловно, отразилась

субъективная пристрастность автора, связанная с опытом исследовательской работы. И это вполне естественно, потому что, согласно постнеклассическому взгляду на науку, познающий субъект включен в познаваемый мир, а объективное знание несет на себе печать индивидуальности получившего его ученого.

Основное содержание книги представляют результаты психологических исследований, выполненных в течение последних десяти лет. Надеюсь, они будут интересны не только психологам, но и философам, социологам, педагогам, а также другим категориям читателей, интересующихся проблемами человекознания.

ГЛАВА 1. ПОНИМАНИЕ В ПОЗНАНИИ И ОБЩЕНИИ

1.1. Проблема понимания в теории познания и психологии мышления

Современное научное познание направлено на выявление *двух основных типов закономерностей*, определяемых двумя группами законов. Первая группа законов — это законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Вторая группа — законы, отражающие регулирующие механизмы и предписывающие, как именно должны происходить те или иные процессы (чаще всего в мире человека). По своей сути они отражают законы долженствования, нормы — моральные, социальные, юридические и др. Например, моральное долженствование, по В. Франклу и С.Л. Рубинштейну (морально-нравственный императив, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим), лежит в основе психологии человеческого бытия.

Нормативно-регулятивные установления не могут быть истинными или ложными. Более корректно их следует называть правильными или неправильными (с точки зрения разных людей). Оценка правильности-неправильности осуществляется путем соотнесения знания не с критериями истинности, а с ценностями, принимаемыми и отвергаемыми различными социальными группами. Иначе говоря, ценностно-нормативная

регуляция основана на согласованности мнений разных групп людей. В современном российском обществе примером ценностно-нормативных регуляторов поведения могут служить мнения представителей различных социальных групп о первостепенной важности или, наоборот, незначимости получения высшего образования их детьми. С разных ценностно-смысловых позиций каждое из двух мнений может обсуждаться как правильное или неправильное, но ни про одно из них нельзя сказать, что оно более истинно, чем другое. Применительно к таким случаям понятие истинности фактически теряет смысл, потому что мнения формируются прежде всего на основе ценностных ориентаций людей, принадлежащих к разным социальным слоям населения страны.

В многообразии форм человеческого бытия есть немало сфер, в которых не «объективные» знания, а ценностные ориентации людей приобретают первостепенное значение. Во многих сферах бытия знание не может претендовать на объективность и достоверность. Оно является личностным, а следовательно, в значительной степени неосознаваемым и интуитивным. В частности, к ним относятся психотерапия, психологическое консультирование и другие виды практической деятельности, связанные с необходимостью постижения внутреннего мира другого человека.

Очевидно, что законы первого типа легче обнаружить в естественных науках, в то время как второго — в гуманитарных и общественных. Что касается научной психологии, то, как известно из работ Б.Г. Ананьева, Ж. Пиаже и других ученых, по своей сути она представляет собой неразрывное единство естественно-научного, социального и гуманитарного знания. Такой же точки зрения на психологию придерживался и А.В. Брушлинский. В проблеме детерминизма, как он ее понимал и неоднократно формулировал, отражается одновременно и естественнонаучный, и социально-гуманитарный характер психологической науки.

Одним из методологических последствий осознания сходства и различия законов первого и второго рода оказалось изменение точки зрения на условия творчества, деятельности ученых. В научном познании ушедшего XX в. одной из наиболее заметных тенденций стало такое изменение условий познавательной деятельности, при котором произошло сближение способов рациональных рассуждений в естественных и гуманитарных

науках. Условия изменились в результате того, что в современной науке стала преобладать точка зрения, в соответствии с которой любое научное познание (и в гуманитарных, и естественных науках) невозможно без критического рефлексивного анализа исходных предпосылок научного мышления. Неизбежное следствие рефлексии над ценностными основаниями рациональных способов своих рассуждений — признание учеными включения познающего в познаваемое, осознание невозможности существования «объективного», отчужденного от познающего субъекта истинного знания.

В наше время неразрывная связь знания с особенностями личности получающего его ученого стала очевидным фактом не только для психологов, но и для многих философов, осмысливающих методологические основания познания. И наиболее проницательные из них отчетливо понимают, что в современной науке происходит пересмотр оснований традиции гносеологической и логико-методологической трактовки истины, сформировавшейся в идеалах рационального научного познания, и обращение к экзистенциально-антропологической традиции истины, укорененной в проблеме бытия субъекта (Микешина, Опенков, 1997). Гносеологические корреспондентный и когерентный подходы к анализу истины опираются на первую традицию: они отвлекаются от субъекта и ориентируются на знание и познавательные процедуры, имеющие нормативный характер. В противоположность этому в рамках второй из названных традиций, как справедливо отмечает Л.А. Микешина, «сам субъект предстает правомерным и необходимым основанием для истины как соответствия знания предмету и соответствия предмета понятию. Субъект — основание, поскольку он есть представленность социального и культурно-исторического опыта, предметно-практической деятельности, через которые и очерчивается круг непотаенности, доступности сущего и удостоверяется истина. Человек не обладатель истины и не ее распорядитель, но условие возможности и основание ее понимания и выявления либо в предмете, либо в знании» (там же, с. 72).

Экзистенциально-антропологическая традиция интерпретации истинности научного знания ставит во главу угла ведущую роль субъектного деятельностного начала в познании и одновременно ставит вопрос о сущности истины, не сводящейся к адекватности как совпадению образа и объекта. Согласно этой

традиции, истина является характеристикой не только знания об объекте, но и в значительной мере знания о субъекте. С этих позиций не может быть принято традиционное материалистическое определение истины как адекватного отражения объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания. «Субъект "творит" истину, преобразуя объект, себя и свое знание о мире и объекте» (там же, с. 66). Положение о том, что истина есть не только соответствие знания вещи, предмету, но и соответствие предмета своему понятию, в современной методологии научного познания оценивается как несомненное достижение философской мысли, с необходимостью входящее в целостное понимание истины (хотя справедливости ради нужно сказать, что эта мысль неоднократно высказывалась и обсуждалась еще С.Л. Рубинштейном).

Таким образом, в наши дни гносеологический анализ познания невозможен без учета психологических особенностей личности познающего субъекта. Однако теория познания, гносеология, по самой своей сути, должна обращать внимание только на характеристики адекватности отражения действительности в истинном знании и отвлекаться от субъективных способов конкретного отражения адекватности в сознании познающего субъекта. В этой связи большое значение приобретают психологические исследования, показывающие «меру вовлеченности» особенностей личности, интеллекта и мировоззрения субъекта в процессы формирования им мнений об истинности знаний, получаемых в различных познавательных и коммуникативных ситуациях.

Сегодня большое значение приобретает изучение таких междисциплинарных проблем, которые, безусловно, значимы и для точных наук, и для социогуманитарного познания. Одной из наиболее показательной в этом плане является проблема понимания. Для современной науки одинаково важно исследовать и когнитивные, познавательные, и экзистенциальные, бытийные, аспекты этой проблемы. Однако следует признать, что первоначально *научные* исследования понимания, проводившиеся преимущественно в рамках философии, были направлены главным образом на анализ изучения роли понимания именно в познании.

В классической философии проблема понимания была поставлена как проблема знания о знании. Развитие этого положе-

ния в современной теории познания пошло по линии истолкования понимания как метазнания: понимание не существует вне знания, оно является определенной формой знания (Селицкая, 1976). Для обоснования этого тезиса предпринимаются попытки объяснить понимание посредством различных форм знания, причем первое иногда отождествляется со вторым. В частности, С.Ф. Зак считает, что «понимание является наиболее глубоким видом знания и достигается лишь там, где знание приводится в определенную систему» (Автономова, Филатов, 1981, с. 168). Кроме того, существует точка зрения, согласно которой понимание — не только результат познания человеком предметной действительности, т.е. знание, но прежде всего сам процесс все более глубокого проникновения в сущность изучаемого, специфический способ познания или «набор особых познавательных процедур» (Ракитов, 1986).

По мнению Л.А. Селицкой, гносеологическая природа данного феномена состоит в том, что понимание пронизывает и опосредствует все другие познавательные процедуры (наблюдение, описание, предсказание, объяснение и др.). Вместе с тем понимание оказывается необходимым условием познания, формирования целостной картины научных знаний о познаваемом объекте. «Тогда и описание, и объяснение, и предсказание просто создают разные уровни понимания. Иными словами все эти познавательные операции должны быть опосредствованы пониманием» (Селицкая, 1976, с. 77). Понимание — это определенная форма воспроизведения объекта в знании, возникающая у субъекта в процессе взаимодействия с познаваемой реальностью.

В науке воспроизведение в знании изучаемых фактов, событий, явлений обычно бывает представлено в виде теоретического обобщения результатов исследования. Применительно к научному познанию это означает, что понимание относится не к эмпирическому уровню освоения действительности, а к теоретическому (Селицкая, 1976). Теоретически описать познаваемый объект — значит выявить законы его функционирования, а понятие закона неразрывно связано с понятием долженствования. Любой закон природы или общества тогда является выражением не случайных, а закономерных связей и отношений действительности, когда он отражает не только то, что есть, но и то, что должно быть. Например, в июне в средней полосе России может пойти снег, но это не отменяет законов природы, согласно которым

летом должно быть теплее, чем зимой. Научное понимание атмосферных явлений основывается не на случайных фактах, а на том, как должен изменяться температурный режим в результате вращения Земли вокруг Солнца.

Следовательно, понятие долженствования имеет непосредственное отношение к феномену понимания: понятое знание о мире обязательно включает представление о том, каким должен быть мир. Понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным. Указанная особенность понимания была осознана давно, на нее обратили внимание великие естествоиспытатели прошлого. В частности, А.А. Ухтомский писал: «Наряду с **истиной как наиболее полным восприятием данного** приобретает свое место **истина, как понимание того, что должно быть...** и вместо идеала наиболее полного восприятия того, что есть, приобретает свое место идеал наиболее точного понимания бытия. Истина становится уже не столько **тем, что есть**, сколько тем, **что должно быть**; она не сама текущая обыденность с калейдоскопической сменою содержания, но то, “что управляет этою обыденностью и ее калейдоскопом"! Главное значение приобретает не массив реальности, какова она есть в своей бесконечной множественности событий и вещей прошлого, текущего и будущего, но тот **закон**, который стоит за нею, то **слово**, которое ею высказывается! Калейдоскопу событий и впечатлений противопоставляется **истинно сущее**, как **закон** и **слово бытия**...» (Ухтомский,1994, с. 141). Следует заметить, что в науке представления о должном присущи не только пониманию, но и другим познавательным процедурам. Пожалуй, с еще большим основанием про них можно сказать, что они являются компонентами объяснения и выдвижения гипотез.

Таким образом, одно направление изучения проблемы понимания в теории познания заключается в определении его как познавательной процедуры, сопоставимой по своим гносеологическим функциям с наблюдением, описанием, предсказанием и объяснением. Согласно такому представлению, главным аспектом понимания, характеризующим его адекватность действительности, является детерминация со стороны объекта. Такой подход вполне соответствует традициям гносеологического анализа, который предназначен прежде всего для установления связей между действительностью и ее образом у познающего субъекта. Для гносеологии характерно понимание объективности познания только

как адекватности знаний, идей и других результатов познания действительности объективной реальности. При этом субъективные компоненты познавательной деятельности оказываются как бы на втором плане, считаются не очень существенными.

Тот факт, что гносеологический анализ страдает неполнотой описания субъективного образа, так как не учитывает психологической специфики последнего, в науке осознан давно. Еще С.Л. Рубинштейн писал: «Если при гносеологическом анализе психический образ выступает не как собственно субъективный образ, а как образ, раскрывающий объект, и этим подчеркивается содержательная объективность данного образа, то для психологического исследования главным уже является не содержание объекта, а то, в каком качестве он выступает для субъекта, т.е. психологический анализ мышления направлен на выявление факта значения объекта для субъекта или отношения субъекта к объекту» (Рубинштейн, 1958, с. 24).

В теории познания субъективно-личностные особенности образа не имеют принципиального значения, их раскрывает психология. Однако понимание — это «образ» особого рода: оно чрезвычайно «нагружено» субъективными компонентами, выражающими отношение субъекта к объекту. Преодолеть отмеченную недостаточность философско-методологического подхода к изучению проблемы стремятся ученые, придерживающиеся иных взглядов на природу понимания.

Другое направление гносеологического анализа обсуждаемого феномена состоит в постановке вопроса о понимании «как специфическом типе познавательного отношения, направленном на познание человека и продуктов его деятельности» (Быстрицкий, Филатов, 1983, с. 273). Например, В.П. Филатов пишет: «В гносеологии под пониманием имеется в виду общая для повседневного и научного сознания форма освоения действительности, заключающаяся в раскрытии и воспроизведении смыслового содержания чего-либо. В понимании реальность — прежде всего социально-культурная, историческая, но также и природная — преломляется в связную систему предметов "мира человека". Входящие в этот мир явления, события, процессы предстают как носители смыслов и значений. Понимание есть процесс постижения, освоения и выработки последних человеком. Главная его функция — это осмысленное поведение и ориентация индивида в общественной жизни, в культуре и истории» (Филатов, 1989, с. 207).

Основным вопросом теории понимания считается вопрос о выявлении предметно-смысловых контекстов и определении конкретно-исторических норм объективности знания, влияющих на формирование значений и смыслов в субъект-субъектных взаимодействиях. Неудивительно, что в социокультурном плане понимание рассматривается как способ интерсубъектного мышления: «Будучи интерсубъектным способом мышления, понимание позволяет изучить индивидуально-личностные и неповторимые черты объектов познания, культуры, общения и истории, будь то индивидуальность и неповторимость поступков отдельной личности или группы людей, отдельных исторических эпох, народов, государств или каких-либо других человеческих общностей и явлений» (Шилков, 1992, с. 175).

Индивидуально-личностный характер понимания проявляется прежде всего в мотивационной направленности познавательного процесса, выделении субъектом значимых и неактуальных для него сторон объекта понимания. Соотношение значимого и незначимого в познании проанализировано в монографии В.Г. Асеева: «Диалектика соотношения значимого и незначимого своеобразно проявляется при анализе истинности, объективности познавательной деятельности. С одной стороны, познание должно быть беспристрастным, что является одним из важнейших субъективных условий объективности. С другой стороны, всякое познание имеет побуждение, практическое или общепознавательное и исходит из сложившейся теории, гипотезы, т.е. системы ожиданий, установок, диспозиций. Человек всегда так или иначе заинтересован в определенном исходе познания, следовательно, оно всегда в той или иной мере пристрастно, подчинено побуждению или целой системе побуждений, которые могут искажать его истинность или ограничивать масштабы познавательной деятельности» (Асеев, 1993, с. 49).

Однако пристрастность познания не препятствует, а скорее способствует осуществлению понимания. Это оказывается следствием того, что формирование отношения субъекта к объекту, определение ценности знания о понимаемом предмете, событии, явлении непосредственно вплетено в психологическую ткань понимания, является обязательной предпосылкой его возникновения и развития. Вместе с тем установление истинности знания о понимаемом не имеет прямого отношения к феноменологии понимания (Знаков, 1999б). Тем не менее определение

истинности-ложности знания помогает исследователю получать новые, более адекватные знания о понимаемой реальности. В конечном счете это приводит к углублению и уточнению понимания мира познающим субъектом.

Подводя итоги краткого гносеологического анализа проблемы, попытаюсь выделить главное — то, что позволит дифференцировать содержательные аспекты познания, мышления, знания и понимания.

Процесс познания представляет собой постановку человеком вопросов об интересующих его сторонах действительности и поиск ответов на них, формулирование проблем, задач и их решение. В результативном плане познание — это совокупность знаний, возникающих в результате ответов на вопросы и решения задач. Акты познания, в том числе и те, которые впоследствии приобретают общественную форму и определяют прогресс человечества, совершаются в головах конкретных индивидов в процессе их мышления.

Отношения между познанием и мышлением сложны и противоречивы. Познание переходит в мышление и практически перестает быть самим собой, когда продукт взаимодействия субъекта с объектом, т.е. знание, превращается в процесс (Пономарев, 1967). Включаясь в процесс мышления, знание становится дополнительным стимулом его развития и источником получения нового знания о действительности. В момент получения нового знания завершается один из циклов мыслительной деятельности. В этот момент мышление — поиск нового, неизвестного — снова на мгновение превращается в познание: человек узнает то, к чему стремился. Затем начинается следующий цикл взаимодействия человека с миром, образованный переходом познания в мышление и последнего снова в познание.

Как в теории познания, так и в психологии мышления давно известно, что во время решения познавательной задачи субъект неоднократно переформулирует ее исходные условия. В каждой новой формулировке задачи уже в какой-то мере заключено неявное знание, являющееся решением этой задачи. Если человек сделает предположения и выводы в изменившейся ситуации, которые не противоречат объективным условиям задачи и соответствуют целям познающего субъекта (например, если шахматист догадается, что размен ферзя может повлечь утрату инициативы и в конечном счете привести к проигрышу), у него

сформируется операциональный смысл (Тихомиров, 1969) последовательности шагов мыслительного поиска, он поймет переформулированную задачу и решит ее.

Как свидетельствует методология науки, ни для одной области научного познания понимание не является ведущим методом исследования и его основной целью. Понимание — это не способ постижения мира, а только его момент, момент получения знания о действительности (Лекторский, 1986). Понимание опосредует процесс получения знания, наделяя его смыслом.

Функция понимания в познании состоит в осмыслении, анализе знания, имеющего для субъекта проблемный характер, в раскрытии его происхождения и потенциальных возможностей. Проблемное знание отражает область тех не известных человеку закономерностей или способов действия, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Анализируя непонятные события или ситуации, отраженные в проблемном знании, человек определяет, какие предположения и умозаключения можно сделать, какие ответы возможны на вопросы, поставленные по отношению к проблемному знанию на разных стадиях решения задачи. Догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы образуют различные конкретные операциональные смыслы знания для познающего субъекта.

Понимание как один из компонентов познания связано не столько с процедурами получения нового знания (операциями и действиями по преобразованию наличной ситуации, переформулированию исходных условий задачи, поисками новых способов решения и т.п.), сколько с процедурами его осмысления. С этой точки зрения понимание представляет собой не простую констатацию наличия проблемного знания в мыслительной деятельности. Понимание включает выяснение того, почему что-то непонятно, почему в процессе мышления получено именно такое знание, а также на какие потенциальные вопросы оно может ответить, какую роль сыграть в решении задачи. Иначе говоря, в гносеологии понимание рассматривается как интерпретативная деятельность. Не удивительно, что некоторые ученые «ставят проблему понимания в науке как проблему вычленения в логике научного познания интерпретативных структур в качестве фундаментального элемента теоретической унификации знания» (Объяснение.., 1982, с. 15).

Изложенная позиция не противоречит результатам современных исследований по логике и методологии научного познания. В частности, в логике вопросов и ответов отмечается, что «под значением вопроса следует понимать совокупность ответов, допускаемых этим вопросом» (Белнап, Стил, 1981, с. 18). Аналогичной точки зрения придерживался М.М. Бахтин, он писал: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (Бахтин, 1979, с. 350). Известный историк и философ Р. Дж. Коллингвуд также считает, что смысл любого исторического события можно определить, только установив, на какой вопрос (вопросы) оно может служить ответом. Вследствие этого в историческом исследовании нельзя утверждать, что один древний текст противоречит по смыслу другому, если не доказано, что авторы обоих текстов отвечали на один и тот же вопрос (Коллингвуд, 1985). В отечественной психологии точку зрения на соотношение знания, понимания и познания, согласно которой понимание является процедурой реконструкции вопросов, на которые отвечает знание, обосновывает Л.П. Доблаев (Доблаев, 1982).

В психологии познания проблема понимания изначально ставилась в контексте анализа соотношения содержания и феноменологических проявлений этого феномена с мышлением и знанием. Мышление человека представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, выявляет некоторые не известные ранее стороны, свойства последнего, получает новое знание о нем. Знания, с одной стороны, «являются результативным эквивалентом мышления, т.е. тем, во что превращается мышление (как процесс взаимодействия) в фазе продукта; с другой стороны, переходя в процесс, т.е. включаясь в деятельность индивида, знания проявляются как компонент мышления или какой-либо производной от него формы психической деятельности. Будучи следствием мышления, знания являются вместе с тем и одним из его условий» (Пономарев, 1967, с. 90). Тем самым знания реально проявляются не только в различных способах мышления разных людей: о них с достаточным научным основанием можно говорить как о неотъемлемой части мировоззрения любой эпохи.

Как отмечает В.А. Кольцова, «знание становится частью реального мира, мощным средством воздействия на человека, организации и преобразования бытия. Более того, в определенный

момент оно отчуждается от своего творца, приобретая самостоятельное, независимое от него существование. *Знание столь же реально, сколь реальна любая вещь, созданная человеком. Идеальное столь же объективно, как и материальное.*

Как же сочетаются определение знания как идеального воспроизведения, воссоздания и его понимание как реальности бытия человеческого мира? Как разрешается данная дилемма? Ответ на этот вопрос обращает нас к рассмотрению гносеологической и онтологической природы знания как формы познанной действительности и как продукта человеческой деятельности. Гносеологический аспект определения знания включает его рассмотрение в контексте познавательного отношения к объективной действительности, где знание выступает как идеальный объект. Но знание — это одновременно и *продукт познавательной деятельности человека, в* ходе которой оно воплощается в созданных им произведениях (научных трактатах, статьях, исследовательских методиках, приборах). Сохраняя свою гносеологическую характеристику как познания *сущности* мира, знание получает, таким образом, онтологическую форму своего бытия в качестве объективированного в духовном производстве, духовном способе жизни. В этом своем аспекте оно выступает уже непосредственно как феномен культуры, как реальность, доступная для ее объективного исследования и познания. *Бытие знания как продукта человеческой деятельности в качестве культурного феномена составляет, таким образом, реальную предпосылку историко-научного познания прошлого»* (Кольцова, 2004, с. 162—163).

Понимание отличается от знания, прежде всего, тем, что представляет собой осмысление знания, действия с ним. Однако следует подчеркнуть: человек понимает не знание, а отраженный в нем предметный мир. Знание это не цель понимания, а средство. Разнообразные знания подобны стеклам очков: в познании и общении они играют роль линзы, с помощью которой мы лучше видим и понимаем окружающее.

Действуя, мысленно преобразуя отраженный в знании фрагмент действительности, субъект выходит за его непосредственные границы, например: понимая художественное произведение, картину, зритель включает его объективное содержание в контекст своего опыта и пытается определить замысел художника. Осуществляя выводы, выдвигая гипотезы, совершая дру-

гие мыслительные действия по преобразованию объекта познания, человек получает новое знание о нем. Вследствие этого в акте понимания субъекту нередко открываются такие стороны объекта, которые не были в явном виде представлены в исходном знании. Именно так с помощью периодической системы элементов Д.И. Менделеева, воплотившей научное понимание физико-химической природы вещества, были предсказаны, а затем и открыты новые элементы галлий, германий, скандий и другие.

С нетождественностью знания и понимания, неосмысленным знанием мы сталкиваемся в самых разных сферах человеческой деятельности. К примеру, в канун 200-летнего юбилея А.С. Пушкина литературоведы с изрядной долей изумления констатировали: «В двадцатом веке Пушкина много и хорошо изучали; но на исходе века и на пороге заветного двухсотлетия заговорили о “разрыве между изучением и пониманием” — т.е. о дефиците нашего понимания Пушкина при столь обширном изучении» (Бочаров, 1999, с. 83).

Психологический анализ показывает, что ситуации и контексты употребления терминов «знание» и «понимание» обычно в научной литературе не различаются, а сами эти термины воспринимаются как синонимы тогда, когда понимание отождествляется со знанием как продуктом мыслительной деятельности. Например, можно называть понимающим человека, знающего, как действовать в сложной ситуации, которую он раньше пытался понять, и это ему удавалось. Вместе с тем мы нередко называем знающим того, кто понял суть трудного вопроса, т.е. обладает знанием о возможных ответах на вопрос. Такого человека, например инженера-механика, хорошо усвоившего теорию машин и механизмов и успешно применяющего ее на практике, все равно как назвать: знающим предмет или понимающим его.

И наоборот: содержание понятий «знание» и «понимание» оказывается принципиально различным тогда, когда они анализируются вне контекста той интеллектуальной деятельности, в ходе которой субъект понимает отображенную в знании реальность. В повседневной жизни человек нередко попадает в ситуации, в которых он знает что-то, но не понимает. Это происходит, как правило, тогда, когда у него отсутствует минимум знаний о подобных явлениях, который необходим для осмысления непонятного.

Допустим, человек, не сведующий в радиотехнике, обнаружил, что его телевизор сломался. Получив новое знание, он не способен

понять его предметное содержание, потому что не может соотнести новое свойство телевизора с известными ранее: принципы работы аппарата ему неизвестны. Следовательно, чтобы понимать отображенную в знании действительность, необходимо осмысливать ее содержание, опираясь на прошлый опыт, т.е. на знания, полученные в мыслительной деятельности, осуществленной ранее.

Связующее звено между знанием и пониманием в процессе мышления — смысл отраженного в знании фрагмента предметного мира. Очевидно, что без научного анализа этого звена невозможно раскрыть психологические механизмы понимания.

В настоящее время одна из центральных задач психологии мышления состоит в анализе возникновения и развития смысловых образований в мыслительной деятельности человека. За последние три десятилетия в экспериментах, проведенных российскими психологами, были выявлены и проанализированы разнообразные виды и параметры процессов смыслообразования у человека, решающего мыслительную задачу: операциональные смыслы отдельных исследовательских актов, смыслы некоторых элементов задачи и всей их совокупности, соотношение вербализованных и невербализованных смыслов в ходе решения задачи и т.д. Углубленное изучение места и роли процессов порождения и функционирования смыслов в динамической структуре мыслительной деятельности субъекта «составляет сегодня одно из важнейших направлений исследований, приведших, по существу, к формированию смысловой теории мышления» (Тихомиров, 1981, с. 38). В рамках этой теории мышление рассматривается как «формирование, развитие и сложное взаимодействие операциональных смысловых образований» (Тихомиров, 1969, с. 81).

В цикле исследований по решению мыслительных задач, выявивших избирательность и целенаправленность мыслительного поиска, были прослежены и изучены различные виды операций и действий, способствующих формированию у субъекта операциональных смыслов. Однако данных о том, как развитие и взаимодействие операциональных смысловых образований приводят к формированию понимания испытуемыми промежуточных и конечного результатов мыслительного поиска, в психологической литературе пока почти нет. Между тем очевидно, что теория мышления может называться смысловой только в том

случае, если смыслообразование и понимание рассматриваются ее сторонниками в качестве важнейших составляющих мыслительной деятельности человека.

Таким образом, при психологическом анализе соотношения знания и понимания не следует забывать, что, осмысливая знание, мысленно оперируя отраженным в нем предметом, человек формирует представление не только об объективном содержании знания. В процессе осмысления отраженной в знании реальности у субъекта возникает смысл последнего, т.е. познавательное отношение к содержанию понимаемого фрагмента действительности.

Познавательное отношение проявляется в характере мыслительных действий с содержанием понимаемого, направленных на выход за его рамки, включение понимаемого фрагмента в более обобщенную картину мира. К таким действиям относятся догадки о причинах понимаемых событий и выводы о последствиях, к которым они могут привести; предположения о замыслах творца и т.п. В частности, смыслом произведения предметного искусства оказывается не его сюжет (объективное содержание), а та идея, тот вывод, который делает реципиент в процессе восприятия и понимания произведения.

Определение понимания через категорию познавательного отношения — не следствие интеллектуализма. Такое определение совсем не означает, что понимание возникает только в познавательной деятельности и не может формироваться, например, в игре или общении. Я использую названную категорию в том более широком значении, которое придавал ей С.Л. Рубинштейн: познавательное отношение включает в себя и отражение, и отношение. По Рубинштейну, целостный акт психического отражения представляет собой неразрывное единство не только познавательных, но и аффективных, эмоционально-волевых процессов (Рубинштейн, 1957).

Понятие отношения двойственно — это объективная связь между предметами, событиями, явлениями и вместе с тем это отношение субъекта к объекту, человека к миру. Познавательное отношение проявляется как активность духовного самоопределения субъекта: психологическая индивидуальность человека проявляется в том, как он относится к миру и людям, т.е. в сформированности этого отношения именно как своего отношения. «Познавательное отношение человека к миру является,

таким образом, производным от реального бытия человека и осуществляется в процессе его практического взаимодействия с бытием и другими людьми. Поэтому Рубинштейн возражает и против определения бытия, материи только через отношение к познанию, сознанию, а не самому человеку как практическому общественному существу. Исходным является не определение бытия в отношении к сознанию, познанию, а такое определение бытия, которое включает человека как практическое существо, в том числе и познающее бытие» (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989, с. 217). Следовательно, «отношение человека к бытию как познавательное отношение опосредствовано общественным отношением к другому человеку» (там же).

Итак, формирование познавательного отношения субъекта к объективному содержанию понимаемого фрагмента действительности, порождение операционального смысла знания о нем — это и есть процесс понимания. Понимание представляет собой осмысление отраженного в знании объекта познания, формирование смысла знания в процессе действия с ним.

Такое определение понимания позволяет уточнить характер его отношения к знанию в психической деятельности человека. При рассмотрении знания и понимания в результативном аспекте можно утверждать, что понять — значит узнать смысл понимаемого. С точки зрения понимающего субъекта «знать» и «понимать» означает одно и то же в том случае, если он знает смысл понимаемого. В частности, упомянутый выше инженер-механик понимает теорию машин и механизмов, потому что знает смысл основополагающих принципов данной теории. При обращении к процессуальному аспекту анализа проблемы следует сказать, что понимание формируется в деятельности по мере того, как субъект порождает, узнает операциональный смысл этого знания. До возникновения смысла знание существует в психике человека как непонятное, т.е. ситуации «знать» и «понимать» различаются.

В заключении раздела необходимо снова вернуться к уточнению содержания и объема понятий, употребление которых в научной литературе (особенно психологической) создает большую путаницу — «познание» и «понимание». Неопределенность возникает в основном в результате неодинаковых ответов на вопрос: входит ли понимание в познание, является ли его компонентом? И да, и нет. Для ученого ответ определяется тем, какое значение

категории «познание» он имеет в виду — широкое, философско-методологическое, или узкое, психолого-эмпирическое.

Дело в том, что, с точки зрения современной методологии науки, центральной для анализа познавательного процесса является проблема взаимоотношений смысла и значения, образующих структуру познания как единства стабильного и изменчивого. «Познание не есть копирование некоторой внешней познаваемой реальности, но внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания» (Касавин, 2001, с. 260). Иначе говоря, познание рассматривается как продуцирование смыслов. Но ведь это именно то, что выше было сказано о понимании! С этой точки зрения понимание, безусловно, входит в познание. В рамках такой трактовки теории познания функции понимания сводятся к процедурам герменевтического истолкования смысла текстов и любых иных форм культуры; постижению характера мыслей и переживаний людей; реализации способа бытия человека в мире. Однако для психолога, изучающего психику конкретного человека, соотношение познания и понимания обычно оказывается иным.

С одной стороны, познание и понимание невозможно исследовать, не учитывая того очевидного обстоятельства, что они включены в более обобщенный психический феномен — сознание. Для психолога сознание — это высший уровень организации психической жизни субъекта, который выделяет себя из окружающей действительности, отражаемой им в форме психических образов. Важнейшие функции сознания обеспечивают успешность познания и понимания. Я имею в виду мысленное построение действий субъектом, предвидение их последствий, самоконтроль поведения и способность отдавать себе отчет в том, что происходит в окружающем и своем внутреннем мире.

Проблема сознания всегда была одной из ключевых проблем психологической науки. И сегодня именно научные представления о природе, структуре и механизмах сознания в наиболее явном виде отражают недостаточность только когнитивно-логических представлений для описания такого сложного феномена, как человеческая психика. Современный взгляд на структуру сознания отражает наличие в нем социально-установочных, эмоционально-образных, рефлексивно-личностных, а также принципиально нерефлексируемых компонентов (Акопов, 2002). Такое

недизъюнктивное единство разных составляющих психики неизбежно сказывается на интерпретации содержания феноменов познания и понимания.

Исходной точкой и результатом научного *познания*, как правило, оказывается новое объективное знание об окружающем человека мире. Такое знание характеризуется определенной структурой: в нем представлены как результаты отражения (осознания) субъектом наличия, существования фактов, событий, явлений действительности, так и их закономерные связи. Субъективно-личностные психологические механизмы *понимания* в значительной степени детерминируются не только объективным знанием, но и плохо осознаваемыми, а также нередко нелогичными продуктами самосознания, самоанализа, рефлексии и т.п. Результат понимания — не получение человеком нового знания, а порождение индивидуального смысла «живого знания».

С другой стороны, в век информационного изобилия, даже избыточности информации, каждый из нас действительно постоянно попадает в ситуации, в которых мы узнаем что-то такое, смысла чего не понимаем. Очень часто новое знание так и остается непонятым. Иногда это бывает из-за отсутствия знаний, необходимых для хотя бы приблизительного понимания, например возможных путей клонирования человека. Еще чаще корни непонимания кроются в нежелании субъекта проделывать умственную работу, потому что ее результатом может оказаться информационная перегрузка его психики. Причем то, что новое знание не понято, человек чаще всего осознает и может рассказать о своем непонимании проблемы, ситуации, намерения собеседника и т.п. Неудивительно, что, проводя исследование, психолог часто имеет дело с двумя категориями испытуемых. Одни могут сказать: «Я это знаю, но не понимаю», другие: «Я не только знаю, но и понимаю». В общении с экспериментатором испытуемые различаются, в частности, по типам вопросов, которые они задают о предмете познания и понимания. Например, как это следует из главы 4 данной монографии, такого рода различия отчетливо проявляются при изучении самопознания и самопонимания.

Таким образом, на методическом уровне анализа изучаемых проблем психологу удобнее различать «познание» и «понимание», хотя очевидно, что такое различение условно и обусловле-

но лишь удобством проведения психологического исследования. Вследствие этого в книге, особенно в разделах, посвященных описанию эмпирических исследований, я чаще буду употреблять слово «познание» в узком смысле, чем в широком.

1.2. Когнитивная традиция в психологии понимания

За последние 20—30 лет из разнообразных и многоплановых исследований проблемы понимания сформировалась самостоятельная область психологического знания — психология понимания. Это произошло после того, как были описаны отличительные признаки *понимающего субъекта,* выявлены *характеристики* понимания (Смирнов, 1966), различные *формы* понимания одного и того же материала, основные *условия*, необходимые для возникновения понимания, проанализированы главные *направления* изучения понимания в мировой психологии (Знаков, 1994). Ясно, что истоки такого аналитического способа описания научной дисциплины следует искать в психологии познания и методах современной когнитивной психологии.

В психологии понимания ***понимающим субъектом*** называют человека, попавшего в ситуацию, которую необходимо понять, и проявившего «понимательную активность» (термин, нередко используемый западными психологами), желание понять. В одних и тех же обстоятельствах человек либо может стать понимающим субъектом, либо не может. В соответствии с двумя описанными критериями в этой книге я буду называть понимающим субъектом человека, во-первых, оказавшегося в обстоятельствах, побуждающих его к пониманию, и, во-вторых, проявляющего соответствующую активность, желание понять факты, события, явления и т.п.

Понятие характеристик понимания, по-видимому, впервые было использовано в работах А.А. Смирнова, изучавшего психологию памяти. Он выделял три главные ***характеристики*** данного феномена — *глубину, отчетливость* и *полноту.*

Глубина понимания характеризуется тем, насколько глубоко и разносторонне человек анализирует существенные связи и отношения понимаемой ситуации или явления. Чем шире круг

предметов, явлений, с которыми связывается понимаемое, чем более они существенны, тем глубже понимание. Глубина понимания в значительной степени зависит от мотивации, от нашего желания или нежелания глубоко понять материал. Экспериментальные исследования показывают, что один и тот же материал испытуемый может понять поверхностно, т.е. на уровне понимания-узнавания. Но может и глубже осмыслить связи и отношения понимаемой ситуации и достигнуть понимания-объединения. В специально созданных экспериментальных условиях можно проследить, как происходит процесс углубления понимания материала. Сначала испытуемый понимает ситуацию на уровне узнавания. Затем узнавание ранее известного и предположения о возможных аспектах понимаемой ситуации приводят к более глубокому и целостному пониманию, которое основано на объединении частей в целое.

Понимание субъектом какого-либо понятия может стать глубже при сопоставлении более или менее типичных ситуаций, которые ему соответствуют. Поясню это утверждение на примере слова «любовь» и понимания людьми феномена любви. Согласно толковым словарям русского языка, любить человека означает чувствовать к нему сильную привязанность, начиная от склонности до страсти (Даль, 1997, с. 282). Как известно, к примеру, из рыцарских романов, в европейской культуре любовь мужчины к женщине часто проявляется в ухаживании, включающем поведение, мало отличающееся в разных странах. К числу типичных действий можно отнести такие традиционные типы поведения, как дарение женщинам цветов. Это нашло отражение в шутке: «Любовь — это не то, когда тебе приносят букет роз и ты их нюхаешь, а то, когда тебе весь день рассказывают про бензин 92-й марки — и ты слушаешь».

Начало шутки, актуализующее в сознании читателя или слушателя схему, фрейм любовных отношений, способствует возникновению привычного обыденного понимания любви между мужчиной и женщиной. Однако гораздо более значимой для углубления понимания является вторая часть шутки. Она отсылает понимающего субъекта к иному контексту любовных отношений, превращая женщину из пассивного объекта обожания в активного сопереживающего мужчине субъекта. В этом контексте наиболее значимым оказывается то, что любовь усиливает утверждение бытия человека как направленность на другого.

Общая направленность как частный случай включает способность терпеть ради любимого то, что для женщины может быть совсем не интересным и может казаться не столь уж важным.

Здесь открываются потаенный смысл и глубокое значение любви — необходимого условия формирования и развития человека как творца своей жизни, подлинного субъекта бытия. «Любовь оказывается новой модальностью в существовании человека, поскольку она выступает как утверждение человека в человеческом существовании. Чтобы существовать как человек, человек должен существовать для другого не как объект познания, а как условие жизни, человеческого существования. Напротив, акт или чувство ненависти, презрения есть отказ в признании, полное или частичное перечеркивание бытия человека, значимости его бытия. Ненависть есть идеальная форма изничтожения, морального "убийства" человека» (Рубинштейн, 1997, с. 97).

Таким образом, соотнесение привычных существенных признаков понимаемого с менее очевидными, на первый взгляд, контекстами способствует выявлению новых граней уже известного. В конечном счете это способствует более глубокому пониманию субъектом мира человека — фактов, событий, ситуаций.

Отчетливость понимания — от его зарождения до завершения формирования — включает несколько ступеней развития: 1) Предварительное осознание связей и отношений, подлежащих пониманию. На этой ступени большую роль играют недостаточно вербализуемые формы знания, образующие личностное знание — вера, убеждения, мнения и т.п. 2) Смутное понимание: оно сопровождается чувством знакомости, но не доходит до вербализации, осознанного узнавания понимаемого материала. 3) Следующая ступень — субъективное ощущение понятности, которое тем не менее трудно выразить в словесных формулировках. 4) Наконец, окончательное понимание, при котором человек становится способным ясно выразить и определить понимаемое.

Трудности отчетливого осознания того, что мы понимаем, нередко связаны с защитными механизмами личности. Например, с полуосознаваемыми попытками отрицания очевидных фактов — такого рода случаи описаны в книге В. Франкла, в которой анализируется поведение людей в немецких концлагерях (Франкл, 1990). Другой защитный механизм — рационализация — связан с неосознанным стремлением человека создать

представление о себе в лучшем свете. В результате рационализация приводит к такому пониманию соотношения себя и социума, которое ему выгодно. Таким образом, защитные механизмы личности являются существенными психологическими механизмами понимания, которые необходимо тщательно изучать и исследовать.

Полнота понимания проявляется в множественности вариантов интерпретации понимаемых фактов, в осознании человеком того, что понимаемое может быть включено в различные контексты. В результате оказываются возможными неодинаковые понимания одних и тех же фактов, событий, явлений. Кроме того, со временем люди могут переоценивать свое отношение к событиям и от этого понимание приобретает иной смысл. Множественность версий описания и ценностно-смысловых контекстов, в которые включается понимаемое, всегда оказывается признаком полноты понимания. Есть основания для утверждения о том, что существуют целые культуры, в которых типичными являются описания событий и ситуаций, основанные на потенциальной возможности разных вариантов их интерпретации. В частности, в восточной художественной традиции полнота понимания нередко достигается именно таким способом. Например, по такому принципу построен рассказ классика японской литературы Р. Акутагавы под названием «В чаще»: дровосек, разбойник, странствующий монах рассказывают о совершенном в лесу убийстве самурая. В результате у читателя постепенно пополняется картина происшедшего, но окончательного понимания, основанного на точном знании фактов, нет и быть не может. Аналогичные приемы можно встретить и у европейских писателей, считающих продуктивными вкрапления «восточного орнамента» в живую ткань западного стиля художественного повествования. Пример — роман М. Фриша «Назову себя Гантенбайн».

Если субъект понимает факты разными способами, то может их описать и объяснить разными словами. Отсюда следует важный вывод для улучшения взаимопонимания в общении. Если мы что-то понимаем достаточно полно, то без труда можем это переформулировать, т.е. рассказать о понимаемом событии другими словами. В этом случае в соответствии с мнемическим условием понимания у нас больше шансов на то, что партнер нас поймет. Ведь если не первый, то второй или третий вариант

описания события он сможет соотнести с чем-то таким, что ему уже известно или что-то напоминает. И наоборот: чем меньше мы видим связей и отношений понимаемых событий, тем беднее их описываем и хуже объясняем. Вследствие этого сужаются возможности взаимопонимания в общении. «Множественность версий и содержащихся в них описаний одних и тех же событий является важнейшей гносеологической особенностью понимания. В глазах разных субъектов одни и те же факты могут получить отличные друг от друга информационно-оценочные толкования, переоцениваться с течением времени. Чем всестороннее представлен факт в высказываниях субъектов, тем полнее и глубже его понимание, тем больше оснований для взаимопонимания сторон. И наоборот, чем ограниченнее представлены связи искомых событий, тем меньше объяснительные возможности их понимания, а значит, и меньше возможности взаимопонимания субъектных сторон» (Шилков, 1992, с.177).

В психологии понимания доказано, что в ситуациях, в которых нужно что-либо понять, у людей могут возникать по меньшей мере *три* различающиеся по психологическим механизмам ***формы понимания***. То, какая форма понимания возникает у субъекта, обусловлено, прежде всего, характером конкретной ситуации и его мыслительной деятельности. Иначе говоря, в какие объективные обстоятельства, требующие понимания, попадает человек и какую задачу он решает в этих обстоятельствах.

При решении задачи на распознавание ответа на вопрос: «Что это такое?», у человека возникает *понимание-узнавание* объекта, события, ситуации. Если понимающий субъект выдвигает гипотезу, делает предположение о том, к какой области относится объект, то он решает задачу на доказательство правильности своего предположения. В этом случае у нас возникает *понимание-гипотеза*. Если мы попадаем в такую ситуацию, в которой главное, что нужно для понимания, — это объединить элементы понимаемого в целое, то мы решаем задачу на объединение, конструирование целого из частей. При решении задачи на конструирование у понимающего субъекта возникает форма *понимание-объединение.*

Для понимания фактов, событий, явлений в нашей психике должны реализоваться обобщенные ***условия понимания*** — целевое и мнемическое.

Целевое условие понимания формулируется так: человек обычно понимает только то, что соответствует его прогнозам, гипотезам, целям.

Мнемическое условие: человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, что не противоречит его прошлому опыту, — для понимания всегда нужны некоторые предварительные знания о понимаемом.

Для возникновения взаимопонимания в общении дополнительно должны реализоваться эмпатическое и нормативное обобщенные условия понимания.

Эмпатическое условие: нельзя понять другого человека, не вступив с ним в личностные отношения, не проявив эмпатию по отношению к нему.

Ценностно-нормативное условие: для достижения взаимопонимания в коммуникативных ситуациях люди должны исходить из одних и тех же постулатов общения и соотносить предмет обсуждения с одинаковыми социальными образцами, нормами поведения.

В психологии понимания выделяются ***семь основных научных подходов к изучению понимания***: *методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и психологический* (см.: Знаков, 1994). В каждом направлении внимание исследователей направлено преимущественно на один из аспектов комплексной проблемы. Например, в когнитивном подходе акцент делается на установлении соотношений между структурой объекта понимания (в большинстве исследований им является текст на естественном языке) и теми знаниями, которые используются субъектом для получения представления об объекте и определяют характер его интерпретации. Многие психологи сконцентрировали свое внимание на анализе организации структур знаний субъекта, с которыми соотносятся события текста. Такие структуры называют по-разному: схемами, макроструктурами, фреймами. Именно умение извлечь из памяти нужный фрейм и соотнести его с входным сообщением определяет успешность понимания.

Обобщение многообразных определений приводит к выводу, что понимание представляет собой такой психологический феномен, в котором наиболее существенными являются *два* аспекта.

Первая особенность понимания заключается в том, что, понимая факты, события, ситуации, мы всегда ***выходим за непосредственные границы понимаемого*** и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст. В частности, смысл любого рассказа (повести, романа) заключается не в предметном содержании, его фабуле, а в отношении читателя к прочитанному. Отношение проявляется в интерпретации, выводах, предположениях, ответах на вопросы и т.д. Другими словами, «понимание предполагает способность выйти за пределы непосредственно данной информации. Это можно пояснить на простейшем примере: предъявляется ряд чисел: 144, 89, 21, 377. Задается вопрос: понятно ли, что это? Возможны два ответа: первый — в пределах данной информации — запоминание: "Это арифметические числа 144, 89, 21, 377". Но это запоминание, а не понимание. Второй ответ: "Это числа из ряда Фибоначчи", — выход за пределы непосредственно данной информации и способность воспроизвести формулу расчета ряда Фибоначчи и весь ряд. Это и означает понимание» (Юрьев, 2000, с. 436).

Второй отличительный признак понимания как психического образования заключается в том, что, для того чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими ***представлениями о должном***. Я говорю о сопоставлении понимаемого с такими ценностными представлениями понимающего субъекта, которые представлены в принимаемых им социальных, групповых, моральных нормах поведения. Если то, что человеку необходимо понять, расходится с тем, что он ожидает в соответствии со своими представлениями о мире, то у него возникают трудности с пониманием ситуации. Значимость представлений понимающего субъекта о должном можно проиллюстрировать сценкой из обыденной жизни.

На улице стоят и разговаривают два человека. Один из них достает что-то из кармана и роняет на землю денежную купюру стоимостью 1 тысяча рублей. Проходящая мимо женщина говорит ему об этом. Как должен поступить человек, уронивший деньги? Ответ очевиден — поднять их. Но эти двое продолжают разговаривать, как будто ничего не произошло. Непонятно почему. *Непонятно, потому что их поведение не соответствует нашим представлениям о должном.* Ситуацию можно понять, если выдвинуть гипотезу, предположение: возможно, разговор очень важен, но близок к завершению. Собеседники намереваются

закончить его через несколько секунд, потом уронивший поднимет деньги. Такое понимание я называю пониманием-гипотезой. Но вот подул ветер, купюра зашевелилась, ее вот-вот унесет. А беседующие мужчины все равно ничего не предпринимают. Гипотеза начинает подвергаться сомнению: вряд ли разговор настолько важен, что можно пожертвовать тысячей рублей. Наконец, в результате внимательного наблюдения выясняется, что двое разговаривающих просто пьяны. Теперь все становится понятным. В памяти человека, наблюдающего сценку и пытающегося ее понять, актуализуется подходящая для объяснения ситуации, т.е. «должная» структура знаний — фрейм поведения пьяных людей. Он дает целостное представление о ситуации, и в его рамках вполне допустима такая деталь, как не обращать внимание на упавшие деньги. Появляется адекватное понимание увиденного.

Назовем два наиболее общих отличительных признака понимания, характеризующих его как феномен познания и общения: 1) выход за границы непосредственного содержания, включение понимаемого в более широкий контекст, способствующий порождению смысла того, что нужно понять; 2) соотнесение объекта понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта, его суждениями о том, какой в соответствии с законами физического и социального мира должна быть воспринимаемая и понимаемая ситуация (в реальной жизни каждому понятно, что слон больше моськи, но не наоборот).

***

В самых общих чертах таковы *контуры* психологии понимания как раздела психологической науки, который находится на стыке общей и социальной психологии. В сущности, в этом ракурсе она предстает *когнитивной* дисциплиной. С когнитивной точки зрения, понимание рассматривается как одна из процедур человеческого познания — наряду с объяснением, интерпретацией, прогнозированием и другими. Понимание как познавательная процедура направлено *не* на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности.

1.3. Нарративный подход и герменевтическая традиция в исследовании понимания

Сегодня любому вдумчивому исследователю уже ясно, что проблему понимания надо рассматривать не только как познавательную, но гораздо шире — как *способ бытия* человека в мире и понимания им этого мира. Такая методологическая позиция приобрела устойчивость к концу XX в. В ее основание были положены размышления крупнейших мыслителей нашего столетия — философов, психологов, историков. В психологии эта позиция связана, прежде всего, с развитием субъектно-деятельностного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

С позиций психологии человеческого бытия понимание нужно субъекту для того, чтобы понять мир и самого себя: определить, что он есть, какое место занимает в мире. Сегодня значительный вклад в изучение экзистенциальных, бытийных компонентов понимания вносят исследования в области *нарративной* психологии. Это научное направление на протяжении последних 20 лет активно развивается в западной психологии.

Нарративный подход

Сторонники нарративной психологии проводят аналогию между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. По мнению Е. Тршебински, нарративный подход может помочь ученым унифицировать Я-концепцию как систему знаний, верований, мнений и убеждений. В его рамках можно интегрировать классические понятия «me» и «self» в единой модели ментального опыта. Такая модель деятельно регулирует процессы самопонимания, принятия решений и деятельности (Trzebinski, 1995). Основной вопрос при этом заключается в том, каким образом человек взаимодействует со своим опытом во время рассказа о нем.

В последние годы у многих психологов наблюдается смещение фокуса научных интересов с когнитивной плоскости анализа психических явлений на экзистенциальную. Описывая две названные плоскости, известный американский психолог

Дж. Брунер отмечает, что есть два основных типа понимания мира.

Первый он называет *парадигматическим*, основанным на непосредственном восприятии окружающего мира. Приверженцы этого типа понимания опыта ориентируются на логичность рассуждений и результаты строгих эмпирических исследований. Такие люди говорят только то, что знают, и стараются высказывать именно то, что имеют в виду. Они ищут определения причинно-следственных связей, чтобы узнать порядок происходящих событий и иметь возможность контролировать реальность. Они не приемлют неопределенности: любую теорию подвергают проверке, и если ее впоследствии удается доказать, то, следовательно, она является истинной.

Второй тип понимания Брунер называет *нарративным* (повествовательным). В этом случае мы имеем дело с человеческими желаниями, потребностями, целями. По сути, это формы рассказов, в которых люди описывают превратности человеческого бытия. Нарративный тип понимания мира и себя в мире предполагает, что человек потенциально способен сказать больше, чем осознает. Повествование — это всегда процесс, в ходе которого люди пытаются понять и выразить такие связи событий, которые приобретают субъективную значимость только во время рассказа (Bruner, 1986).

Однако Брунер делает вывод (с которым я не могу согласиться) о том, что «*две обсуждаемые перспективы представляют два несопоставимых подхода к развитию.* Одна рассматривает знание в свете его универсальной и неотъемлемой валидности и проверяемости; в соответствии с другой знание — частное, конкретное, определяемое контекстом. Говоря классическим языком, один подход изучает мысль в ее номотетическом и объяснительном проявлении, другой — в идиографическом и интерпретативном» (Брунер, 2001, с. 10). Он полагает, что «два эти подхода представляют собой два принципиальных, несоизмеримых пути обретения человеком знания о мире — и посредством подтверждения универсальной логической необходимости, и посредством объяснительной реконструкции соответствующих обстоятельств» (там же).

Следует признать, что Брунер пытается по-новому взглянуть на проблему, хотя и не новую, давно известную в науке, но существенную в силу своей всеобщности, ее отнесенности к любым

формам естественнонаучного и гуманитарного познания и понимания мира. Уже В. Дильтей в «понимающей психологии» разделял науки о природе, основным методом которых является объяснение причинно-следственных связей изучаемого, и науки о духе, для которых главным оказывается понимание, интерпретируемое им как постижение, вчувствование субъектом в мир переживаний и мыслей других людей. По мнению Дильтея и фактически следующего за ним Брунера, как предмет, так и методы двух типов наук являются принципиально различными и плохо поддающимися сопоставлению.

Две описанные линии развития методологии научного познания породили представления о двух неодинаковых способах понимания субъектом мира. Образно и метафорически точно эти способы описал Р. Пирсиг, условно назвавший их классическим и романтическим видами понимания. «Классическое понимание видит мир прежде всего как совокупность формирующих принципов. Романтическое понимание рассматривает его по большей части в аспекте внешних образов. Если вам случится показать романтику какой-либо механизм, чертеж или электронную схему, то вряд ли он выкажет большой интерес. Это его не тронет, потому что видимая им реальность ограничена поверхностью — скучные и сложные перечни наименований, линий и чисел. Ничего интересного. Но если вы дадите ту же самую синьку, схему либо опишете то же устройство человеку классического склада, он вполне может проникнуться его красотой, так как увидит, что в этих линиях, контурах и символах заключено огромное богатство формирующих принципов.

Романтический способ питается в основном вдохновением, воображением, творчеством, интуицией. Преобладают скорее чувства, чем факты. "Искусство", когда его противопоставляют "науке", часто предстает овеянным романтикой. Оно движимо не разумом или законами, а ощущениями, интуицией и эстетическим чувством. В североевропейских культурах романтический способ зачастую ассоциируется с женственностью, но такая ассоциация далеко не неизбежна. Классический способ, в противоположность романтическому, движим разумом и законами, которые сами являются формирующими принципами мысли и поведения» (Пирсиг, 2003, с. 88—89).

Цель классического понимания — привносить порядок на место хаоса, делать неизвестное известным путем его сортировки

и контролируемой разумом классификации. Приверженцам романтического способа понимания мира свойственна изначальная направленность на целостность понимаемого (еще до того, как они обратили внимание на части), склонность доверять интуиции и иррациональным доводам. Классический метод часто кажется им «скучным, неуклюжим и уродливым, как и любой уход за каким-нибудь механизмом. Все рассматривается в понятиях составных частей, компонентов и соотношений; ничто не приобретает конечного вида, пока не будет с дюжину раз пропущено через компьютер. Все подлежит оценке и доказательствам, подавляет своей тяжеловесностью, неизбывной серостью — сама смерть» (там же, с. 89).

Не правда ли классический способ понимания очень напоминает парадигматический, а романтический — нарративный? Однако мне кажется парадоксальным то, что не всемирно известный ученый Дж. Брунер, а писатель Р. Пирсиг, сравнивая способы понимания мира, приходит к заключению, соответствующему размышлениям современных методологов и историков науки. Это вывод не о принципиальном различии, а о единстве и взаимной дополнительности двух видов понимания мира. «Классическим пониманием движет интерес к этим кучкам и принципам, на основе которых происходит такая сортировка попутно с установлением между этими кучками взаимосвязей. Романтическое же понимание направлено на пригоршню песка еще до начала сортировки. Оба этих взгляда на мир, безусловно, важны и имеют свою ценность, но никак не могут друг с другом примириться.

Сейчас насущной необходимостью стало научиться так смотреть на мир, чтобы, не нанося ущерба никакому из двух этих видов понимания, слить их воедино (курсив мой. — *В.З.*). Такое понимание не отвергало бы ни сортировку песка, ни созерцание не поделенного еще на части песка ради самого этого созерцания. Способность так воспринимать мир направляла бы внимание смотрящего на бесконечное пространство, откуда черпается песок» (там же, с. 100 – 101).

Недопустимость дизъюнкции, установления непреодолимых барьеров между естественнонаучным (объективным) и индивидуально-персоналистическим рассмотрением мира еще в начале XX в. ясно понимал известный немецкий психолог В. Штерн. Он убедительно доказал, что научные позиции «не только соеди-

нимы, а даже внутренне связаны друг с другом и с необходимостью дополняют друг друга» (Штерн, 1998, с. 206). Соответственно, «разделение на номотетический и идиографический способы исследования можно рассматривать не в качестве основания для строгого разделения научных дисциплин. Это скорее две точки зрения, а не две области исследования; достаточно часто при решении одной и той же проблемы происходит их взаимодействие, а иногда даже и объединение» (там же, с. 207).

В отечественной психологии неразрывное единство естественнонаучных и гуманитарных методов познания и понимания в наиболее отрефлексированном виде представлено в научной традиции, основоположником которой является С.Л. Рубинштейн. Согласно этой традиции, психофизиологические, антропологические и другие «естественные» характеристики человека как предмета познания (см., например: Ананьев, 1968) связываются с жизнедеятельностью, смыслами и этической значимостью для субъекта других людей, развитием их личности, осмыслением бытия, ролью высших бытийных ценностей. Именно таким образом два описанных подхода интерпретируются в психологии понимания и психологии человеческого бытия, у истоков которой стоял Рубинштейн. Продолжая традицию, я описываю указанные способы понимания мира не как несовместимые и противоположные, а, наоборот, как взаимодополнительные и взаимозависимые. Процесс мышления понимающего субъекта направлен на познание причинно-следственных связей объективной реальности и поиск истины. Вместе с тем он направлен и на конструирование субъективного опыта, порождение и развитие индивидуального смысла событий, происходящих с человеком. Парадигматический способ дает субъекту возможность видеть в окружающем его мире проблемы и задавать *информативные* вопросы, полезные для их решения. Нарративный подход ориентирован на выявление целостных ситуаций человеческого бытия: субъект задает себе и другим *смыслопорождающие* вопросы, направленные на развитие историй.

С помощью нарративного подхода изучается не только то, как люди рассказывают истории о превратностях человеческого бытия, но и правила структурирования событий, т.е. способы конструирования реальности рассказчиком.

Наиболее важными способами нарративного сообщения следует считать структурирование события таким образом, чтобы

в повествовании присутствовал *смысл* движения (связанность или последовательность) и *цель*, или ценностный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее правдоподобным. Описание событий безотносительно к цели повествования не создает ни у рассказчика, ни у слушателя чувства адекватности повествования. Главная задача повествователя — развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, т.е. постоянно иметь в виду цель рассказа. Повествование должно быть логичным. Так, при успешном повествовании формируется последовательность событий в направлении поставленной цели. Правила нарративного конструирования полезно применять не только для научного описания и объяснения поведения. Они также направляют наши усилия на то, чтобы объяснять человеческие поступки, и следовательно, на то, чтобы быть понятными друг для друга (Gergen, Gergen, 1986).

Важной чертой историй является то, что они *случаются* и всегда содержат случайные события, т.е. непредвиденные обстоятельства. Еще Аристотель в «Физике» определял шанс как случай, который мог бы быть целенаправленным, но фактически таким не является. В соответствии с нарративным подходом случай — это то, что случается и получает смысл именно в контексте истории, например в романе. При написании романа писатель располагает события так, что, на первый взгляд, они выглядят случайными или даже лишними, но по прочтении истории приобретают смысл. Таким образом, такие события выполняют функции предвестников, ожиданий и предзнаменуют то, что должно случиться. В процессе создания индивидуальной истории творец пытается объединить в ней все то, что с ним случайно произошло. Следовательно, рассказывание историй является стратегией преодоления непредвиденных обстоятельств. Все, что было сказано об историях, является частью человеческого бытия, к примеру, биографии являются частью общей истории (Bohme, 1994).

Сегодня правила нарративного конструирования используются не только в узких рамках герменевтики и нарративного подхода: они оказывают направляющее влияние на создание многих научных теорий. Основная причина этого заключается в том, что наблюдение само по себе не может определить выбор наиболее предпочтительного конечного результата или крите-

рия, лежащего в основе теории. Оно также не предоставляет ученому возможности для определения абсолютно верной причинно-следственной связи. Форма построения теории может указать только на то, что люди считают оправданно ценным, то, к чему следует стремиться. В результате наблюдения ученый располагает множеством потенциальных фактов, однако оно не дает указаний на то, как их отбирать и группировать. Именно выбор нарративной формы во многом определяет, что считать фактом, а не наоборот. Самое важное здесь — нарративная форма, а наблюдение выступает лишь в качестве риторической схемы.

В психологии нарративная парадигма является конкретным выражением макроаналитического метода познания психического (Брушлинский, 2003). Нарративный подход ориентирован на выявление психологических особенностей интерпретации людьми разных, в том числе порождаемых, конструируемых социальных реальностей. В качестве типичного примера социальных реальностей можно привести целостные ситуации человеческого бытия, отраженные в историях о жизни, которые люди рассказывают друг другу. Главная задача интерпретации — описание способов воздействия реальности на формирование жизненных смыслов людей. Разумеется, любая социальная реальность объективна, и потому интерпретация не может быть произвольной: она опирается на факты и достоверное истинное знание. Однако центральным в нарративном подходе все-таки оказывается не категория истины, а понятие смысла.

В мире человека конструируемые реальности представлены в основном жизненными историями, которые люди рассказывают, интерпретируя, познавая, развивая их содержание и приписывая им смысл. Осмысливаемые истории дают человеку возможность понять себя не как объект, а осознать *изнутри*, с точки зрения смысла своего существования: история всегда в явном или скрытом виде включает рассказчика.

Для психолога истории, ситуации оказываются единицами макроанализа, включающего и конструктивное описание событий, из которых состоит история, и самого «конструктора» — рассказчика. Для понимающего субъекта история — это способ, которым он осмысливает жизнь, выстраивает свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. Пересказ субъектом истории, переосмысление ее составляющих (событий и собственных реакций на них)

способствуют углублению самопонимания и личностному развитию. К такому эффекту приводит соединение актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотнесения опыта с новой пространственной и временной ситуацией.

Новая, иногда альтернативная интерпретация истории приводит и к иному ее пониманию. Повествование всегда одновременно адресовано не только себе, но и другим людям. Вследствие этого новое понимание субъектом пересказываемой истории приводит к изменению его взаимопонимания с тем, кому он рассказывает. Ведь для того, чтобы достичь взаимопонимания, необходимо не только расширить с помощью пересказа свой опыт, углубить самопонимание, — нужно еще суметь посмотреть на историю с другой точки зрения, встать на позицию другого человека. В соответствии с нарративным подходом одним из центральных моментов психологического анализа должна стать процедура интерпретации изучаемых фактов, событий и т.п.

Герменевтическая традиция

Стремление искать адекватные способы истолкования психологических и социокультурных феноменов неизбежно приводило психологов к размышлениям о сходстве и различии конкретно-научных проблем интерпретации с теорией, методологией и методами *герменевтики*. Именно в этой области ученый сталкивается с необходимостью адекватного описания реальностей, соответствующих двум группам законов: отражаемых людьми и порождаемых ими.

Во-первых, это проявляется в одной из главных проблем герменевтики — двойственности смысла любого символа. Во-вторых, в признании того, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает, осмысливает и интерпретирует. С позиций герменевтики, понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Иначе говоря, понятия образуются не как результат отражения мира, а как результат его понимания. Язык теоретических терминов служит для того, чтобы определить, что принимать за данность, объективную реальность в этом мире. В-третьих, в осознании герменевтиками того, что вербальное представление события всегда предполагает его

вторичное осмысление (и новую интерпретацию), основанное на сопоставлении смысла события и его «противосмысла».

Кратко раскрою содержание и смысл трех указанных положений герменевтического способа понимания и интерпретации ситуаций человеческого бытия.

1. Герменевтика ищет истоки понимания не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. Например, смысл любого произведения искусства считается понятным, если его удалось проинтерпретировать с позиций той культурно-исторической эпохи, среды, в которой оно создавалось. Герменевтикам фактически *не интересен прямой смысл*, буквальное значение исторического документа, художественного произведения или памятника культуры. Они рассматривают их как некие *символы* той эпохи, в которой последние создавались. Ключевым словом для представителей герменевтического направления является слово «символ». К примеру, один из наиболее известных и крупных мыслителей в этой области П. Рикёр развивает теорию двойственности смысла любого символа (Рикёр, 1995а). С его точки зрения, например, тексты Тита Ливия или Тацита состоят из символов, которые должен уметь *расшифровывать* современный историк.

Каждый символ имеет прямое, первичное, буквальное значение, обозначающее вполне конкретный фрагмент объективного мира. Но вместе с тем символ одновременно имеет и другой смысл — косвенный, вторичный, иносказательный. Этот вторичный смысл может быть понят только через первичный. Иначе говоря, обозначая одну вещь, символ вместе с тем означает и нечто другое. Понимание символических структур — наиболее типичный пример необходимости выявления понимающим субъектом взаимно дополнительной детерминации понимаемого законами двух типов. Для понимания и адекватной интерпретации символического изображения какой-либо ситуации субъект должен не только *отразить* ее реальные причинно-следственные связи и отношения, но и выявить вторичный символический смысл, *порожденный* творческой деятельностью человека или человечества.

Отличительная особенность герменевтики заключается в том, что ее представители всегда делали акцент прежде всего на способах конструирования, порождения человеком новых реальностей — в искусстве, психоанализе и других областях человеческой

жизни. Герменевтика ищет истоки понимания не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. В частности, смысл любого произведения искусства считается понятным, если его удалось проинтерпретировать с позиций той культурно-исторической эпохи, среды, в которой оно создавалось.

Иначе проблема интерпретации решается в психологии понимания и психологии человеческого бытия. Герменевтический подход представляется явно недостаточным любому психологу, со студенческой скамьи знающему о том, что психология является и гуманитарной, и естественной наукой. Это знание требует от психолога-исследователя не только обращать внимание на смыслы и ценности, но и выявлять объективные причинно-следственные связи как отражаемых, так и порождаемых, конструируемых субъектом реальностей.

Понимание и интерпретация являются центральными категориями герменевтики. Интерпретация — это такая работа мышления, которая состоит в расшифровке смыслов, скрытых в культуре. Расшифровать смысл — значит за буквальным значением слов увидеть все богатство возможных смыслов. Интерпретировать — значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел. Он состоит в том, чтобы преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста. Читатель должен как бы поставить текст на один уровень с собой, включить смысл этого текста в свое понимание.

В процессе интерпретации интерпретируемый и потому конструируемый мир текстовых событий, соприкасаясь с реальным внутренним миром читателя, изменяет его. Интерпретация способствует созданию новой жизненной позиции читателя, формированию нового самопонимания. По Рикёру, повествование как бы возвращается в жизнь, вписывается в мир повседневного опыта интерпретатора: при помощи повествований жизненному опыту субъекта придается новый смысл (Рикёр, 1995б).

Бытие человека заключается в том, что он присваивает смыслы, заключенные в культурных памятниках. Человек существует, понимая окружающий мир. В таком случае понимание оказывается уже не одной из процедур человеческого познания, а становится способом бытия. Бытие осуществляется в понимании. Задача герменевтики состоит в том, чтобы показать, что су-

ществование человека обретает смысл лишь в интерпретации всех значений, которые рождаются в мире культуры. Существование субъекта становится подлинно зрелым человеческим существованием только в результате присвоения тех смыслов, которые сначала находятся вовне — в произведениях, памятниках культуры и других объективированных проявлениях духовной жизни.

При таком подходе вполне естественно, что современных герменевтиков привлекает проблема так называемого *ложного сознания*. Эта проблема была отчетливо заявлена З. Фрейдом. Именно Фрейд вскрыл механизм: за тем, что мы осознаем, могут скрываться неосознаваемые побуждения, мотивы, желания. Наше сознание как бы подсовывает нам ложную картину действительности. Как известно, очень многие наши обыденные представления базируются на глубинных сексуальных влечениях, являются символами этих влечений. Э. Фромм в работе «Психоанализ и религия» отметил, что самым важным вкладом психоанализа в развитие человеческой культуры является то, что он открыл новое измерение истины. Психоанализ показал: того факта, что человек *верит* во что-то, еще *недостаточно*, чтобы судить о правдивости его высказываний. Только если понять бессознательные корни мотивации, то можно узнать, рационализирует он или говорит правду (Фромм, 1990).

Это принципиальное положение. До этого в герменевтике поиски механизмов понимания осуществлялись в основном в культуре, т.е. *вне* субъекта. Психоанализ фактически поставил вопрос о существовании *внутренних условий* понимания. Согласно Рикёру, герменевтика начинается только там, где прежде имела место буквальная, а значит, ложная интерпретация содержания сознания. Неудивительно, что герменевтики большое значение уделяют соотношению культуры и влиянию психоанализа на современную культуру. Начало психоаналитической интерпретации культурных феноменов было положено самим Фрейдом. Вспомним хотя бы его работу о Леонардо да Винчи. В наши дни Поль Рикёр в работе «Герменевтика и психоанализ» пытается найти собственную интерпретацию вклада психоанализа в историю и теорию культуры (Рикёр, 1995а).

2. Герменевтический подход не сводится к познанию истины, скорее он ориентирован на ценностно-смысловую интерпретацию действительности (Закирова, 2001б). Современные

герменевтические исследования основаны на рефлексивном осознании двух типов рациональных суждений: 1) познания как такой рационализации и объективации, посредством которых субъект получает общезначимое знание; 2) познания мира как человеческого бытия, основанного на общении и приобщении. Во втором случае разум трансцендирует не только к индивидуальному, но и такому межличностному опыту, который основан не на достоверном знании, а на интуитивном постижении — себя, собеседника, соотношения данной коммуникативной ситуации с «человеческим в человеке». Такой подход основан на иной, отличной от теории познания, интерпретации сущности истинности знания, а следовательно, и соотношения знания и понимания.

В герменевтической традиции проблема соотношения знания и понимания ставится иначе, чем в когнитивной. С когнитивной точки зрения знание, в котором отражается внешний и внутренний мир, служит человеку основанием для рациональной деятельности. Понимание не только основывается на знании. Понимание порождается умственным действием путем выхода за пределы содержания знания, включения его в некоторый уже известный понимающему субъекту и актуализируемый им из памяти контекст. В античной герменевтической традиции и у мыслителей эпохи раннего Возрождения (Кузанский, 2000) контекст нередко оказывается принципиально непознаваемым, существующим как некое непостижимое и неизреченное единство человека с миром. Затем применительно к проблеме понимания это направление мысли продуктивно развивается в русской философии. В частности, А.С. Хомяков под пониманием имеет в виду «не понимание чего-то и даже не абстрактную способность понимать, а понимание в качестве всеединства, в качестве самопонимающего Бытия, которому, однако, не присуще сознание и самосознание» (Холодный, 2004, с. 22). Разумеется, русский мыслитель не полагает, что у понимающего субъекта отсутствуют сознание и самосознание. Его цель иная: доказать, что первоосновой познания действительности является такое непосредственное иррациональное понимание, которому не свойственно отчуждение от себя и рефлексия своих оснований.

В основе герменевтической интерпретации понимания лежит неоднократно высказываемая многими философами мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разу-

ма. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Однако «ученое незнание», характеризующее гениев (невольно вспоминается Ньютон, сравнивавший себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания), основано на рефлексии мысли — неосознаваемости истины всегда в свернутом виде, неявным образом содержится знание о ней.

Учитывая сказанное, неудивительно, что с герменевтической точки зрения задача понимания для субъекта состоит в том, чтобы интуитивно постичь целое еще до ясного осознания его частей. Процесс понимания, предшествуя знанию, порождает плохо осознаваемый понимающим субъектом контекст понимаемого. И чем отчетливее человек осознает ограниченность своего знания, его слитность с непознаваемым контекстом, тем, как это ни парадоксально, он осмысленнее им оперирует. «Осмысленно оперировать знанием, одновременно отдавая себе отчет в принципиальной невозможности "знания о знании", в состоянии только тот, кто воспринимает его вместе с непознаваемым контекстом, т.е. *не зная, понимает*» (Бакеева, 2004, с. 42).

Для средневековых мыслителей специфика такого понимания, отличная от представлений современных когнитивистов, была неразрывно связана с исповеданием веры. Понимание считалось основанным на действии отрицания знания и восхождения к неизреченному единству человека с Богом. Сегодня с позиции психологии человеческого бытия важно подчеркнуть, что восхождение осуществляется не путем усилий рационального мышления, а всем существом человека, воспаряющего к высшим духовным устремлениям и поднимающегося над смыслом отдельных слов понимаемого высказывания или письменного текста. Если субъект хочет проникнуть в суть дела, то ему нужно не задерживаться на буквальном значении отдельных слов и выражений, а стараться постичь целое.

«Требование "подняться пониманием над смыслом слов" здесь не просто метафора, но призыв к действительному выходу в некое пространство — "пространство понимания". Этот выход, таким образом, становится возможным только как бытийный акт, а не как мыслительная операция. Понять какое-либо высказывание означает здесь воспринять непостижимый максимум именно

в том ракурсе, который и характеризуется данным высказыванием. В силу этого понимание выступает не как процесс усвоения смысла знания, но как выход в ту область (на границу знания), в которой содержатся, а вернее сказать рождаются, все возможные смыслы вообще. Именно это "пространство возможных смыслов" и является одновременно основной проблемой, целью и результатом "науки незнания" Николая Кузанского» (Бакеева, 2004, с. 40).

3. Современный исследователь проблем герменевтики А.Ф. Закирова пишет: «В основе герменевтической интерпретации — преодоление субъектом понимания *противоречия* между обобщенным характером социального опыта, зафиксированного в понятиях как *объективное значение знания*, и конкретным характером присвоения этого знания, *смыслами*, представляющими собой *субъективную ценность объективных значений*» (Закирова, 2001а, с. 17).

Одна из герменевтических конкретизаций отмеченного противоречия обнаруживается при психологическом анализе процессов понимания повествований. Важная функция историй состоит в преодолении прошлого. Преодоление прошлого — это особый способ того, как человек справляется с непредвиденными обстоятельствами. Суть способа — «перерассмотрение». Приставки «пере» и «рас» означают противоположность. Процесс «перерассмотрения» отражается в таком способе прочтения текста, который способен его разрушить (с целью анализа отдельных частей текста). Смысл, полученный таким образом, может противоречить смыслу всего текста в целом. Г. Бёме, изучавший именно эти аспекты перерассмотрения, назвал их «смыслом» и «противосмыслом» (Bohme, 1994).

Названные феномены приобретают особое значение в идущей еще от Фрейда традиции интерпретации снов. Результат интерпретации снов состоит не только в разоблачении противосмысла рассказанного сна, но и в привнесении чего-то нового в понимание смысла подавленных желаний, выраженных во сне. Анализируя сны, мы, грубо говоря, разоблачаем самих себя. Таким образом люди учатся, с одной стороны, выделять в своей повседневной жизни тревожащие их ситуации; с другой — относить свои сны к инфантильным желаниям.

Фрейд предположил, что противосмысл легко преобразуется из реального смысла и находится в таком же отношении со смыслом, как сказанное с несказанным. Именно поэтому смысл инди-

видуальных историй может иметь совершенно противоположный смысл по сравнению с всеобщей историей. Индивидуальные истории отдельных людей тоже могут противоречить друг другу. Здесь существует обратная связь между частными историями и всеобщей историей. Общая история разлагается на большое количество отдельных историй, которые затем, объединясь в единое целое, искажают смысл всей истории (Bohme, 1994).

Итак, герменевтика в основном направлена на интерпретацию таких событий и явлений, которые не только происходят в мире человека, но и порождаются, конструируются людьми. Закономерности, регулирующие ход событий, соотносятся со смыслами, ценностями и выражаются в предписывающих нормах и соглашениях. Теоретическая и методическая направленность герменевтики проявляется в ее тематике: проблемах двойственности смысла символа; первичности языкового описания, впоследствии принимаемого за данность, объективную реальность; соотношении смысла и противосмысла и т.п. Вместе с тем очевидно, что наиболее перспективным направлением развития герменевтики следует признать идею взаимодополнительности логико-гносеологического и ценностно-смыслового начал интерпретации. Такая идея требует перехода от представлений о безлично-объективных основаниях интерпретации к изучению ценностно-смысловой позиции и видов активности понимающего субъекта (Закирова, 2001б). Психология субъекта с ее исходной направленностью на взаимно дополнительное описание закономерностей первого и второго типов открывает новый взгляд на проблему интерпретации. Соответственно это означает расширение междисциплинарных связей между психологией и герменевтикой.

1.4. Межличностное познание и взаимопонимание в общении

В современной психологии общепринятой является интерпретация понимания как такого диалогического образования, адекватное описание которого невозможно без анализа общения, интерактивных взаимодействий между людьми. Во взаимодействии

реализуется отношение человека к другому человеку как субъекту, у которого есть свой собственный внутренний мир. «Взаимодействие человека с человеком в процессе общения — это и взаимодействие их внутренних миров: обмен мыслями, идеями, образами, влияние на цели и потребности, воздействие на оценки другого человека, его эмоциональные состояния. Чем сложнее субъект-субъектное взаимодействие, тем глубже должно быть проникновение во внутренний мир партнера (в том числе и с его помощью) и тем более совершенным является отражение его внутреннего мира» (Кучинский, 1988, с. 36—37).

Понимание включает как когнитивные, так и коммуникативные компоненты. Используя метафору А.А. Брудного, можно сказать, что понимание является мостом, связывающим познание и общение.

В процессе общения человек познает и понимает не только мир, но и самого себя (Мудрик, 2001). Самопознание и самопонимание являются важнейшими составляющими самосознания субъектов общения. Психологические исследования показывают, что навыки и степень выраженности склонности к самоанализу партнеров по коммуникации непосредственно связаны с их удовлетворенностью процессом и результатом общения.

Например, выявлено, что в супружеских парах испытуемые с высокими оценками по шкале личного самосознания (Fenigstein et al., 1975) проявляют большую удовлетворенность близкими отношениями с партнерами, чем испытуемые с низкими показателями. Причина этого непосредственно связана с самораскрытием в общении. Субъекты с высоким уровнем личного самосознания чаще, чем испытуемые с низкими оценками, обращаются к своему внутреннему миру, они обладают повышенной потребностью делиться с любимыми людьми своими чувствами и мыслями. Углубленный самоанализ обычно приводит не к социальной изоляции, а большей удовлетворенности взаимоотношениями, облегчающими близкое общение. Раскрытие своего внутреннего мира другим способствует более глубокому и полному самопознанию. Субъекты с высоким уровнем развития личного самосознания яснее осознают тенденции своего поведения и обладают более осознанными Я-концепциями, что объясняется не только повышенным самовниманием, но и готовностью обсуждать свои мысли и чувства с партнером. Открываясь другим, люди получают обратную связь, проясняющую им истинную

природу их мыслей и чувств. У испытуемых с низким уровнем самосознания, напротив, наблюдается нежелание вступать в общение, подразумевающее переживание и выражение сильных чувств. Следовательно, избегая самораскрытия, субъекты с низким уровнем развития личного самосознания отвергают путь к более полному самопознанию (Franzoi et al., 1985).

Вместе с тем, обсуждая связь самосознания и самораскрытия, психологи должны отдавать себе отчет в том, что готовность субъекта раскрывать частные сведения о себе нельзя безусловно относить только к диспозиции, такой психологической характеристике человека, в которой проявляются индивидуальные особенности его личности. Необходимо учитывать и кросскультурные аспекты проблемы. Результаты психологических исследований показывают, что в западных и восточных культурах люди по-разному не только относятся к самораскрытию, но и поразному понимают его. Для жителей западного мира готовность вступать во взаимодействие — ключ к установлению личных отношений. Вследствие этого, чтобы строить близкие отношения с другими людьми, особенно в деловых взаимодействиях, каждый должен показывать или по крайней мере имитировать высокую степень и глубину самораскрытия. Естественно, что прежде всего это проявляется в вербальной коммуникации. Что касается азиатских культур, то там в деловом и личном общении успешный человек — не тот, кто много говорит или показывает больше чувств. Таким субъектом общения считается тот, кто знает, о чем говорит, и умеет продемонстрировать положительные и честные отношения в процессе раскрытия себя другим людям (Chen, 1993).

В отечественной психологической науке во второй половине XX в. проблема общения переместилась с периферии в центр исследовательских интересов, а особенности общения стали одним из важнейших фокусов психологического знания. Из специфического объекта, предмета исследования (в социальной психологии) общение превратилось одновременно и в способ, принцип изучения вначале познавательных процессов, а затем и личности человека в целом (Проблема.., 1981). «Проблема общения имеет в отечественной психологии давнюю традицию, связанную с трудами В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна и др. ученых, которые рассматривали общение как важное условие психического развития индивида,

формирования личности. Однако необходимо отметить, что проблема общения не ставилась ими как самостоятельная психологическая проблема. Категория общения использовалась преимущественно в качестве объяснительного принципа при анализе других проблем психологии: проблемы развития психики человека в онтогенезе, формирования коллективистской направленности личности, социально-психологических условий возникновения и развития различного рода социальных общностей и т.д.» (Барабанщиков, Кольцова, 1992, с. 10).

Принципиально новый подход к изучению проблемы общения возник с появлением цикла работ Б.Ф. Ломова (Ломов, 1984). В них был осуществлен психологический анализ целенаправленного включения процессов общения в сам способ исследования психических явлений. Результатом анализа стал вывод о появлении нового методологического принципа общей психологии — принципа общения. Этот принцип применяется сейчас при изучении двух основных форм данного феномена: общения как средства организации деятельности и как удовлетворения духовной потребности человека в другом человеке.

Повышение интереса к проблеме общения тесно связано с изменением акцента в исследовании психологической структуры личности. В 1950—1960-е годы основные усилия психологов, ведущих борьбу с функционализмом (в частности, Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева), были направлены на поиск интегральных характеристик личности, представление ее как целостной и непротиворечивой системы. В 1970-е годы отчетливо проявилась тенденция к подчеркиванию диалогической природы личности, принципиальной незавершенности ее структуры. Эта тенденция отражает стремление психологов изучать личность как динамическую систему, постоянно находящуюся в процессе развития, одним из важнейших источников которого является общение.

Многие авторы отмечают, что развитие личности происходит в ходе диалогов с собой и окружающими, в сопоставлении разных точек зрения. Например, Л.И. Анцыферова пишет: «Общение — психологическая основа диалогичности природы личности, внутренний мир которой функционирует как скрытый диалог с внутренними аудиториями, организованными по социальным образцам (юридической, педагогической, сценической и др.)» (Анцыферова, 1982, с. 71). Общение оказывается, с одной стороны, средством организации диалога, а с другой — источни-

ком активности личности, побудительным толчком к сопоставлению своей ценностно-смысловой позиции с позициями реальных или воображаемых собеседников.

Одна из функций общения состоит в организации совместной деятельности. В актах общения конкретно выражаются те способы, какими достигается оптимальная структура деятельности, проявляются взгляды людей на объект труда и их представления о психологических качествах партнеров. В процессе общения происходит формирование общих представлений об объекте и разрабатывается стратегия совместной деятельности (Проблема.., 1981, с. 11).

Вместе с тем общение участников в совместной деятельности немыслимо без того или иного проявления отношения не только к объекту труда, но и к партнерам. В этом плане «общение выступает как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта. Ее результат — это не преобразованный предмет (материальный или идеальный), а отношения с другим человеком, с другими людьми» (Ломов, 1984, с. 248). Соответственно другая функция общения как компонента совместной деятельности состоит в формировании и развитии межличностных отношений в процессе познания людьми друг друга. От характера отношений между партнерами, например отношений «содействия — противодействия» или «согласия — противоречия» (Кучинский, 1983, с. 73), так же как и от способа организации совместной деятельности, непосредственно зависит степень взаимопонимания между субъектами общения.

В результате исследований многие отечественные психологи стали называть общением такую форму взаимодействия субъектов, которая изначально мотивируется их стремлением познать и понять психические качества друг друга, в ходе которой формируются межличностные отношения дружбы, любви или, наоборот, неприязни.

Однако межличностное познание и понимание изучались не только в контексте общения. Большой вклад в анализ этих феноменов внесли исследования социального восприятия. Термин «социальная перцепция» был впервые предложен Дж. Брунером в разработанной им концепции «Нового взгляда» (Bruner, 1992). В отечественной науке Г.М. Андреева, А.А. Бодалева, их ученики и последователи в развернутых циклах теоретико-экспериментальных исследований показали, что в социальном мире

восприятие человека человеком никогда не сводится только к перцептивным процессам. Взаимодействие всегда основано на межличностном познании, включающем эмпатию, идентификацию, потребность понять причины поведения другого человека.

Исследования межличностного познания в отечественной психологии имеют давние традиции и характеризуются всесторонним анализом психики познающих друг друга людей, ее когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых аспектов. Следовательно, «межличностное познание» рассматривалось психологами как такое общее, родовое понятие, которое включало в себя в качестве частных, видовых «межличностное понимание» и «взаимопонимание».

Сначала, в 1960-е годы, выявлялись возрастные, половые, профессиональные и дифференциально-психологические особенности восприятия человеком других людей (см.: Бодалев, 1982). Эксперименты были направлены на установление психологических закономерностей формирования образа другого человека, определение того, какими особенностями его физического облика и выразительного поведения определяется образ. Схема экспериментов была проста: объектом восприятия испытуемых было лицо другого человека или его внешность в целом, которые они должны были воспринять и описать словами. Такая схема экспериментов базировалась на использовании методологических положений, отражающих функционирование психологических механизмов восприятия. Прежде всего это относится к положениям о неразрывном единстве чувственного и смыслового содержания восприятия и соотношению частного и общего в перцептивном образе.

Эксперименты с самого начала были построены таким образом, чтобы выявить присущую человеческому восприятию взаимообусловленность чувственных и словесно-логических компонентов перцептивных образов. Задача испытуемых заключалась в том, что они должны были не только воспринимать, но и воспроизводить в речевых отчетах черты внешнего облика другого человека. При этом психологи опирались на положение Рубинштейна о том, что чувственное и смысловое содержание образа восприятия представляет собой «комплекс чувственных и нечувственных, абстрактных элементов, слитых в единое целое» (Рубинштейн, 1957, с. 105).

Характерная особенность восприятия человека состоит в том, что в восприятие предмета включается и обозначающее его слово. И хотя слово как таковое обычно не осознается, «его смысловое содержание включается в восприятие предмета как его компонент и осознается как смысловое содержание самого предмета, а не как содержание слова» (Рубинштейн, 1957, с. 88). Воспринимая объект (в частности, другого человека), субъект воспринимает его не просто как чувственную данность, а как осмысленные чувственные данные, т.е. как предмет, обладающий свойствами, зафиксированными в понятийных характеристиках этого предмета. Таким образом, при восприятии объекта «чувственное содержание образа становится носителем смыслового содержания» (там же).

Эксперименты показали, что структура образов весьма различна у людей, обладающих неодинаковым опытом труда, познания и общения. Это обусловлено, во-первых, тем, что «объективно воспринимаемые черты физического облика другого человека могут в значительной степени трансформироваться, искажаться под влиянием сложившейся самооценки взрослого человека, уровня его притязаний, характера взаимоотношений с воспринимаемым человеком» (Куницына, 1969, с. 118). Во-вторых, имея перед собой один и тот же объект восприятия — внешность другого человека, люди «видят» его под разными углами зрения, выделяют при отражении этого объекта разные его стороны и свойства.

Специфические особенности «видения» другого человека в значительной мере определяются уровнем теоретического мышления воспринимающего субъекта, степенью обобщенности тех связей и отношений, в которые он включает чувственно воспринимаемые характеристики объекта. Уровень обобщенности интеллектуальной деятельности отражается в каждом конкретном акте восприятия, так как в перцептивном образе воплощаются не только конкретные чувственно воспринимаемые особенности объекта, но и его обобщенные свойства. «Нормальное восприятие человека характеризуется тем, что, воспринимая единичное, он осознает его как частный случай общего. Уровень этой обобщенности изменяется в зависимости от уровня теоретического мышления» (Рубинштейн, 1946, с. 252).

Лонгитюдные исследования показали, что способность «увидеть» во внешности другого человека не просто сумму отдельных

черт, а целостную систему, комплекс элементов, появляются только в старшем школьном возрасте. Такой комплекс воплощает наряду с индивидуальными особенностями физического облика и обобщенные психологические свойства человека, характеризующие его как гражданина, работника, семьянина и т.п. У старших школьников расширяется объем воспринятого, разнообразится группа отмечаемых черт: включаются новые признаки, которые рассматриваются более многопланово; они охотнее прибегают к использованию знаний из других областей. Иначе говоря, они все больше обобщают материал восприятия. Испытуемые не ограничиваются описанием внешности воспринимаемых людей, а стараются оценить их личностные качества.

Следовательно, с возрастом увеличивается «удельный вес» процессов осмысления, понимания знаний о воспринимаемом. Тот факт, что восприятие включает и процессы понимания, был подтвержден результатами экспериментов и теоретически осмыслен в концепции Рубинштейна. Он писал: «Будучи осознанием предмета, восприятие человека нормально включает акт понимания, осмысления» (Рубинштейн, 1946, с. 250). Психологические механизмы восприятия другого человека невозможно раскрыть без изучения особенностей понимания. Вследствие этого естественным продолжением исследований по восприятию оказались эксперименты, направленные на изучение понимания человека человеком.

Цель экспериментов, проводившихся в 1970-е годы, состояла в том, чтобы выяснить, есть ли отличия (если есть, то каковы они) в характере понятий испытуемых о другом человеке. Изучались понятия, формирующиеся у людей, принадлежащих к разным профессиональным, возрастным и тому подобным группам. Основным методом был метод «свободных характеристик»: испытуемые характеризовали (называли качества личности) хорошо знакомых им людей.

Результаты экспериментов позволили составить представление о том, какими факторами определяется содержание понятий о другом человеке. Была обнаружена зависимость содержания понятий о личности и от реально присущих ей качеств, и от внешних факторов, обусловливающих специфику внутренних условий познавательной деятельности оценивающего субъекта.

Эта зависимость подтверждает, с одной стороны, отмечавшуюся С.Л. Рубинштейном неотделимость мысли от своего пред-

мета (в данном случае качеств личности оцениваемого человека), неотделимость содержания понятия от объекта, свойства и функции которого в нем фиксируются. С другой стороны, детерминация понимания личности со стороны реально присущих ей черт и внешних факторов подчеркивает несовпадение понятия непосредственно с этим объектом. Это происходит вследствие невозможности исчерпать все богатство содержания объекта, а также непрерывного преобразования его чувственно воспринимаемого содержания в процессе познания.

Следовательно, объективность содержания понятий — это производная и от объективного мира, который в них отражается, и от объективности знания, частью которого являются понятия. «Объективность знания не предполагает того, что оно возникает помимо познавательной деятельности человека; все идеальное содержание знания — это и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Всякое научное понятие — это и конструкция мысли, и отражение бытия» (Рубинштейн, 1957, с. 45). Объективное содержание понятия — это, разумеется, отраженное содержание предмета. Однако, только преломляясь через внутренние условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение.

При межличностном познании выявление объективного содержания понятия происходит путем включения субъектом отображаемых черт личности другого человека в свой внутренний мир, преломления их сквозь призму прошлого опыта, внутренних условий психической деятельности. К последним относится и отношение познающего субъекта к познаваемому.

Эксперименты показали, что испытуемые всегда в той или иной мере проявляли свое отношение к оцениваемому человеку. Эмоциональное отношение является обязательным проявлением оценивания, конституирующим признаком формирующихся понятий. В этом проявляется присущее психике человека единство сознания и переживания: отражение действительности всегда преломляется через субъективное отношение к ней. Субъективное отношение к окружающему определяется объективными отношениями, в которые включается человек, и, в свою очередь, опосредует зависимость его деятельности от объективных отношений.

Как отмечали В.Н. Мясищев (Мясищев, 1960, с. 159) и Б.Г. Ананьев (Ананьев, 1968, с. 261), отношение человека к действительности проявляется, прежде всего, во взаимоотношении с другими людьми. Каждый человек является носителем отношений, изучать которые можно, только сопоставив их с отношениями других людей к этому человеку и явлениями окружающей его действительности. Отсюда вывод: при анализе межличностного познания следует принимать во внимание систему отношений не только познаваемого субъекта, но и познающего. «Важным методическим следствием человека в его отношениях является то, что отношения к людям рассматриваются не односторонне, как отношения к объектам, ибо другие люди являются не только объектами, но и субъектами отношений. Отношения людей друг к другу приобретают характер двусторонности — взаимоотношения с отдельными людьми и коллективами (школьными, производственными и т.п.)» (Мясищев, 1960, с. 159).

Подлинно научный анализ формирования понятий о качествах личности не может ограничиваться изучением психологического своеобразия оцениваемого человека. Нельзя оставлять познающему субъекту роль находящегося вне познаваемого явления бесстрастного регистратора, либо способного проникнуть во внутренний мир другого человека и адекватно зафиксировать его, либо нет. Между тем именно такой и была первая стадия исследования формирования понятий. Психологический анализ должен строиться на изучении целостной системы взаимоотношений познающего и познаваемого субъектов. В такой системе формирование понятий предстает как процесс, подверженный влиянию не только прямых связей (от познаваемого качества личности к познающему субъекту), но и обратных.

Таким образом, психологические исследования выполнили свою задачу: дали большое число фактов о характере и структуре понятий, формирующихся у одного человека при познании им другого. Вместе с тем они обнаружили и ограниченность экспериментальной схемы, невозможность использовать ее для изучения глубинных механизмов межличностного познания. Ограниченность проявилась, во-первых, в том, что эксперименты были ориентированы на исследование преимущественно результативной стороны познавательной деятельности (определение характера и структуры понятий). Вследствие этого они не позволяли судить о процессах и причинах изменения понятий. Во-вторых,

при анализе взаимодействий между познающим и познаваемым субъектами «вычленяется лишь один момент: учитываются отношения между партнерами, когда один из них выступает только как субъект, а другой как объект отражения» (Еремеев, 1977, с. 12). В то же время из результатов экспериментов следует, что для раскрытия психологических механизмов межличностного познания в равной степени нужно учитывать психологические характеристики обоих партнеров.

Ограниченные возможности экспериментальной схемы привели к аналитическому отделению психологического содержания феномена «межличностного понимания» от «взаимопонимания». Психологи интерпретировали межличностное понимание людьми друг друга как понимание целей, мыслей, личностных черт партнеров, а также прослеживание мотивов поступков и объяснение ценностных представлений. Поскольку межличностное понимание формируется в разных ситуациях в течение продолжительного отрезка времени, то оно является *ситуативно обобщенным*. Это означает, что понимание субъектом психологических особенностей другого человека формируется на основе такого взаимодействия с ним в различных ситуациях, которое позволяет прогнозировать его мысли и поступки в новых обстоятельствах. В отличие от межличностного понимания взаимопонимание *предметно обусловлено* и имеет ситуативный характер. Взаимное понимание или непонимание людей в общении обычно возникает по конкретным вопросам, которые они обсуждают. В межличностном понимании наиболее явно представлены субъект-субъектные компоненты взаимодействия, а объектная составляющая общения оказывается как бы отодвинутой на задний план, невидимой при поверхностном анализе. О взаимопонимании уместно говорить применительно к ситуациям явно выраженного субъект-объект-субъектного взаимодействия. Например, о межличностном понимании, а не о взаимопонимании идет речь в исследованиях понимания учителем ученика (Кондратьева, 1980) и учеником учителя (Лендел, 1979).

Следует обратить внимание и на то, что «межличностное понимание» и «взаимопонимание» в конце XX в. стали предметами познания в *разных* отраслях психологической науки. Результаты изучения межличностного понимания представлены в основном в тех работах, авторы которых направляют свое

внимание преимущественно на анализ личностных аспектов субъект-субъектного взаимодействия. Я имею в виду прежде всего общепсихологические исследования проблемы (Rosemann, Kerres, 1986), а также статьи и монографии по социальной перцепции (Межличностное.., 1981).

Взаимопонимание было объектом изучения, в частности, в социальной психологии коллективов и социальной психологии науки. Было показано, что «для социальной психологии науки важен не только и не столько характер понимания взаимодействующими субъектами личностных особенностей друг друга, сколько понимание ими особенностей видения и истолкования предметных сторон, проблемных аспектов реализуемой деятельности, вокруг которых обычно концентрируется научное общение» (Емельянов, 1987, с. 12).

К предметным сторонам научной деятельности можно отнести и *программную ориентацию исследователей*. Единая или сходная программа исследования, или научная парадигма, определяет общность взглядов ученых на проблему и способствует улучшению взаимопонимания между ними (Емельянов, 1987). И наоборот: различие программ нередко оказывается одной из основных причин взаимного непонимания в научной коммуникации. По мнению психологов, это происходит потому, что «представители разных парадигм в силу различия используемых ими концептуальных схем могут понимать одни и те же утверждения по-разному, могут не понимать друг друга. Так, Лоренц не понимал Эйнштейна, ибо пользовался другой парадигмой; Эйнштейн не понимал утверждений Бора о полноте квантовой механики. Аналогично складывались отношения между Галилеем и Кеплером, Павловым и Бехтеревым» (Костюк, 1980, с. 259).

В 1980-е годы психологи перешли от анализа отражательно-познавательной функции знаний о другом человеке к исследованию межличностного познания в плоскости взаимного воздействия людей друг на друга. Анализ экспериментальных данных А.А. Бодалев и другие ученые осуществляли, опираясь на теорию формирования человека как субъекта труда, познания и общения, основы которой были заложены Б.Г. Ананьевым. Как известно, стержневой мыслью Ананьева, проходящей через все его работы о педагогических приложениях психологии (в которых и намечены контуры этой теории), была идея активности

школьника в процессе обучения и, как следствие, неоднозначности определения учителя и ученика. Он писал: «Противоречивая связь в процессе воспитания объекта и субъекта, отнюдь не совпадающая с однозначным делением на воспитателя и воспитанника, видоизменяется в зависимости от того, как происходит формирование человека в трех основных видах деятельности: труде, общении и познании» (Ананьев, 1980, с.18).

В экспериментах, направленных на анализ познания человека человеком как активного взаимодействия между ними, отчетливо выделяются два направления.

1. Социально-психологическое изучение межличностного познания как рефлексивного многоуровневого процесса взаимодействия людей. Основное внимание при этом уделялось роли социально-статусных и ролевых детерминант в формировании восприятия и понимания субъектом других людей, исследованию влияния коммуникации на формирование оценочных эталонов и шаблонов восприятия, влиянию уровня развития взаимоотношений в коллективе на межличностное познание и т.п.

2. Анализ психологических детерминант межличностного понимания как формирования ценностно-смысловых позиций участников общения. Формирование ценностно-смысловой позиции — это процесс осмысления субъектом конкретной социальной ситуации исходя из тех этических, эстетических и других ценностных норм, которыми он руководствуется в своем поведении. Оно осуществляется в процессе соприкосновения, столкновения и взаимопроникновения точек зрения собеседников на личностные качества партнеров и предмет деятельности или общения. В этом направлении психологи видят перспективы развития исследований познания человека человеком именно в углубленном изучении межличностного понимания как процесса формирования ценностно-смысловых позиций партнеров (их столкновения, взаимопроникновения и взаимовлияния). Другими словами, в переходе от монологической (субъект-объектной) схемы анализа, какой она была на первых двух этапах экспериментов, к диалогической (субъект-объект-субъектной).

Среди исследований, проводившихся по субъект-объект-субъектной схеме, иногда встречаются работы, авторы которых прямо ставили перед собой задачу разработать принципы диалогического подхода к психологическому анализу коммуникативных

ситуаций. Однако чаще на необходимость диалогического анализа наталкивают процедура и результаты экспериментов, как, например, в исследованиях С.В. Кондратьевой, направленных на определение особенностей понимания учителями учеников (Кондратьева, 1980).

Из них следует, что учителя с низким уровнем педагогического мастерства используют типичный монологический подход в оценке личности ученика. Это проявляется, во-первых, в том, что ученик выступает для них прежде всего не как субъект, а как такой объект познания, наиболее важным качеством которого является успеваемость. Давая характеристику хорошо успевающим ученикам, они выделяют преимущественно их положительные качества, а личность слабоуспевающих характеризуют на негативной основе (ранее этот факт отмечался Ананьевым: Ананьев, 1980, с. 215).

Во-вторых, таким учителям «нередко свойственна субъективность понимания, его зависимость от установок (иногда негативных), стереотипов, предубежденности и т.п.» (Кондратьева, 1980, с. 144). Факт формирования установки воспринимать людей только с одной точки зрения, стереотипности восприятия другого человека — распространенное явление в межличностном познании. Между тем это типичное проявление монологического подхода, по сути своей не способного отразить все многообразие качеств личности познаваемого человека. Дело в том, что целевая установка на предвосхищение и поиски только знакомого не позволяет раскрыться новому. Познающий субъект старается растворить позицию познаваемого в своей. В результате в другом человеке он видит только отражение самого себя.

В-третьих, ученик — объект познания — выступает для них как нечто неизменное, застывшее. Стремление проникнуть в незавершенное, развивающееся ядро личности — это отличительная черта диалогического подхода к межличностному познанию (определяющей тенденцией такого подхода является ориентация на анализ процессуальных аспектов психики). Именно это свойственно учителям с высоким уровнем педагогического мастерства. «Для учителей-мастеров характерны проникновение в скрытые резервы развития, оптимистичность характеристики личности» (Кондратьева, 1980, с. 144). С повышением уровня мастерства уменьшается влияние, оказываемое успеваемостью на оценку личности ученика, повышается объективность его понимания.

Характерно, что у учителей-мастеров рельефнее выступает положительное отношение к ученикам.

Как показали эксперименты, познать человека — это значит вступить в отношение с ним. Установление отношений не обязательно предполагает непосредственное общение «лицом к лицу». В современном мире, который трудно представить без информационных технологий, все большее значение приобретает общение людей с помощью Интернета. Но и в этом случае психологические исследования выявляют значимую роль взаимоотношений собеседников в формировании взаимопонимания (Войскунский, 1999). Линия изучения взаимоотношений партнеров по общению (в отечественной психологии идущая от теории отношений Мясищева) реализовалась в исследованиях эмпатии.

Осознание включенности отношения субъекта к познаваемому человеку позволяет с диалогических позиций иначе, чем с монологических, объяснить содержание эмпатии. Согласно монологическому подходу, широко распространенному в западной социальной психологии, эмпатия — это переживание человеком при виде состояния другого человека той же эмоции, которую он у последнего отметил. При этом эмоциональное переживание человека, например радость, рассматривается как некий «объект», который копирует познающий субъект. В результате происходит удвоение: у них оказываются одинаковые эмоции.

С диалогических позиций эмпатия включает не только эмоциональный отклик на переживания партнера, но и осознание того, что такое радость, понимание содержания понятия «радость». Однако осознание невозможно без оценки. Если один человек радуется, глядя на другого, то содержание его эмоции все же принципиально иное: он радуется в результате оценки извне, со своей ценностно-смысловой позиции. Его эмоция включает и оценочный план отношения к радости партнера, поэтому эмпатию не следует рассматривать как чисто эмоциональное явление. В процессе психического развития эмпатические переживания формируются как эмоционально-когнитивные системы, в которых более сложные формы эмпатии опосредованы знанием.

Если одним из существенных механизмов реализации межличностного влияния в общении оказывается эмпатия, то в качестве другого выступает идентификация. Идентификацию,

т.е. способность встать на точку зрения партнера, нельзя отождествлять с пониманием (к сожалению, это нередко происходит в исследованиях межличностного познания). Идентификация является необходимым, но недостаточным условием понимания. Нельзя сводить ее и к взаимному уподоблению людей друг другу (что тоже весьма распространено).

В основе механизма идентификации лежит своеобразный социально-перцептивный процесс соотнесения ценностно-смысловых позиций участников межличностного взаимодействия. Значимый другой предстает для познающего субъекта в качестве не объекта уподобления, а регулятора его поведения, эталона, с которым он сличает свое поведение.

Исходным условием диалогического общения является вера в существование у партнера своего индивидуально-своеобразного мировоззрения, осознание неповторимости формирующейся у него в общении ценностно-смысловой позиции. Диалогическое понимание личности партнеров возникает как бы на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Такое понимание не требует отказа от своей точки зрения на качества личности партнера и «вживания» в его представления о себе. Это привело бы к дублированию, к возникновению точно такого же понимания качеств его личности, как у него самого. Диалогическое понимание имеет творческий, а не дублирующий характер вследствие того, что субъект, не отказываясь от своей точки зрения, способен обнаружить в партнере такие качества, которые тот со своей позиции увидеть не может.

Таким образом, диалогический анализ межличностного понимания должен строиться по меньшей мере на трех основаниях: учете взаимоотношений и взаимовлияний партнеров; признании их права на свой стиль мышления и поведения; прослеживании динамики развития личности, а также выявлении процессуальных аспектов понимания коммуникантами чужих взглядов, установок, психологических особенностей личности. Целостная совокупность отношений понимающего субъекта, стиль мышления и поведения, представления о партнерах интегрируются в его ценностно-смысловой позиции.

Межличностное понимание, в котором воплощается понимание собеседниками психологических особенностей личности друг друга, неразрывно связано с взаимопониманием. Взаимопонимание обязательно включает специфику понимания каждым

из партнеров фактов, событий, явлений, которые они обсуждают. Очевидно, что в процессе общения возникают не только субъект-субъектные взаимодействия, но и субъект-объект-субъектные. Общаясь, люди обычно что-то обсуждают. Тема общения (или предмет совместной деятельности) оказывается тем объектом, который опосредует понимание партнерами личностных качеств и устремлений друг друга. Общение редко бывает беспредметным: даже в тех случаях, когда отсутствует его явная тематическая направленность, вербальным или невербальным объектом взаимодействия партнеров становятся психологические особенности их личности и мировоззрения.

Следовательно, взаимопонимание в тематически направленном общении или совместной деятельности включает две тесно переплетающиеся и взаимообусловленные его формы: взаимопонимание как согласование индивидуальных пониманий объекта труда (предмета общения) и как понимание личностных особенностей партнеров. Для того чтобы ясно осознавать психологический состав обеих форм понимания, исследователь должен проанализировать интеллектуальные компоненты психической деятельности субъекта, направленные на извлечение объективного содержания из взаимодействия с объектом, а также на согласование знаний о нем со знаниями других участников общения. Вместе с тем психологу необходимо изучить эмпатийные и оценочные компоненты, связанные с формированием отношения к объекту и отношения к партнерам.

***

Итак, в результате многих исследований в современной психологии произошел пересмотр содержания и смысла понятий «межличностное понимание» и «взаимопонимание». От дифференциации обозначаемого разными понятиями фактически одного и того же феномена психологи перешли к их интеграции: они стали употреблять термин «межличностное взаимопонимание» (Желтонова, 2000). Закономерность и даже неизбежность интеграции обусловлены логикой развития научных исследований в области психологии понимания.

Во-первых, на начальных этапах исследования проблемы понимание анализировалось по субъект-объектной схеме

и рассматривалось психологами (в том числе и мной) преимущественно как познавательный феномен. Такой взгляд на проблему приводил к тому, что в подавляющем большинстве исследований психологи выявляли лишь *результаты* понимания (не только в познавательных ситуациях, но и в коммуникативных). Последующий переход к диалогической субъект-субъектной схеме анализа способствовал формированию представлений о важности взаимной активности субъектов общения. Вследствие этого в поле зрения психологов попали *процессуальные* аспекты взаимопонимания и *отношения* субъектов общения.

Во-вторых, в наше время психологи стали значительно большее значение придавать роли *ценностных* характеристик знания в формировании понимания. Это произошло после обоснования того, что не столько истинность, сколько субъективная ценность понимаемого знания определяет индивидуальную специфику понимания. Понимаемое всегда соотносится понимающим субъектом со своими представлениями о *должном*, ценностно-нормативными конструктами — этическими, эстетическими, правовыми и т.п. Именно то, с какими нормами и ценностями соотносится понимаемое, определяет характер понимания. Как только ученые осознали то, что понимание можно рассматривать не как познавательную процедуру, а как способ бытия человека в мире, сразу же на передний план психологического анализа выдвинулись наиболее значимые для субъекта смыслы и ценности. Неудивительно, что специалисты по психологии понимания вместо понятия «смысловая позиция» стали использовать термин «ценностно-смысловая позиция» участников диалога.

Аксиологические, ценностные стороны познания на постнеклассическом этапе науки приобрели первостепенное значение: понимание субъектом мира зависит не только от его угла зрения на мир, но от «ценностной нагруженности» его взгляда. Такая позиция имеет глубокие корни в отечественной психологии, особенно в школе С.Л. Рубинштейна. Как известно, в работе «Человек и мир» он убедительно показал связь ценностей и смыслов со значимостью для жизни человека других людей, их ценностью для субъекта, осмыслением им бытия (Рубинштейн, 1997). Как отмечает Л.И. Рюмшина, в более широком научном и культурном контексте «эта позиция близка идеям многих древних философов, а также экзистенциально-гуманистическому на-

правлению, большое внимание уделяющему уникальности и самоценности человеческой личности, роли высших бытийных ценностей в существовании и развитии личности, экзистенциальному поиску ценностей и смыслов человеческого бытия» (Рюмшина, 2004, с. 40—41).

Психологическая структура межличностного взаимопонимания

Обобщение результатов многочисленных исследований дает возможность описать современные представления о психологической структуре взаимопонимания. В психологической науке взаимопонимание рассматривается как комплексный феномен, состоящий по крайней мере из четырех компонентов.

Во-первых, взаимопонимание — это согласование индивидуальных точек зрения на объект понимания — природного явления, социального события, обсуждаемой темы и т.п. Объектом понимания всегда является и фрагмент предметного или виртуального мира с присущими ему закономерностями развития, и субъективное отражение фрагмента. Психологическая специфика отражения определяется индивидуальной структурой личностного знания, с которой соотносится понимаемое, рефлексией знания, сопровождающейся погружением в глубины своего жизненного опыта.

Во-вторых, взаимопонимание обязательно включает понимание себя. Сегодня в гуманитарных науках уже общепризнанным считается суждение, согласно которому любое понимание одновременно является и самопониманием. Независимо от того, на что направлено понимание — изучение человека, общества или природы, — это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвышается над собой.

В-третьих, обсуждаемый феномен включает понимание партнера по общению. Понимание субъектом другого — это

понимание целей, мыслей, личностных черт партнера, а также его ценностно-смысловой позиции, социальных нормативов и этических принципов, которые он реализует в конкретной коммуникативной ситуации. Как отмечают немецкие психологи Б. Роземанн и М. Керрес: «Понимание другого должно означать, хотя и всегда частичное, представление о его мыслях и мире чувств, прослеживание мотивов поступков и объяснение ценностных представлений» (Rosemann, Kerres, 1986, S. 151). Нет сомнения в том, что успешность взаимопонимания в значительной степени определяется осознанием каждым из партнеров общения того, как другой понимает себя.

Весьма значительную роль в понимании другого играют эмпатия (постижение эмоционального состояния партнера, сопереживание ему) и идентификация — умение поставить себя на место другого человека, взглянуть на объект понимания с его точки зрения. Такие умения К. Роджерс называет «эмпатическим пониманием». Оно возникает тогда, когда психотерапевт в каждый момент воспринимает чувства и личностные смыслы клиента, когда он может понять их как бы изнутри, так, как их ощущает сам клиент, и когда он способен успешно передать свое понимание клиенту (Роджерс, 1994).

В конце XX в. У. Айкс с коллегами для обозначения способности субъекта адекватно определять то, что думает или чувствует другой человек, ввели понятие «эмпатийная точность» (Ickes, 1993). В отличие от сходных категорий (например, «эмоционального соответствия» — переживания такого же рода, как у другого человека) эмпатийная точность выражает прежде всего познавательную сторону взаимодействия, т.е. способность субъекта делать умозаключения о том, что происходит во внутреннем мире партнера по общению.

Первоначальное предположение американских психологов сводилось к тому, что способность к эмпатийной точности более высока у женщин, чем у мужчин. Такое предположение основывалось на представлении о том, что в Я-концепциях субъектов разного пола оценка умения понимать других людей обладает неодинаковым «удельным весом», субъективной ценностью: женщины придают навыку понимания большее значение, чем мужчины. Однако эмпирические исследования показали, что точность оценки определяется не столько полом субъекта, сколько мотивацией межличностного понимания.

В частности, было обнаружено, что мотивация понимания партнера возрастает, если испытуемый считает его (ее) внешность привлекательной. Эксперименты показали, что участники эксперимента, находившие партнеров противоположного пола привлекательными, были больше заинтересованы в том, чтобы узнать и понять их. Таким образом, испытуемые проявляли явно выраженную мотивацию к наиболее точной оценке мыслей и чувств партнеров. Результат — положительная корреляция между мнением субъекта о физической привлекательности собеседника и точностью понимания его личностных качеств (Ickes et al., 1990).

В экспериментальных условиях мотивация и, соответственно, эмпатическая точность межличностного понимания могут возрастать при инструкции, побуждающей испытуемых вспоминать о жизненно важных для них коммуникативных умениях и навыках. Успех женщин в достижении эмпатии и предвосхищении поступков партнера является для них показателем удовлетворенности от общения, в то время как для мужчин способности к межличностному пониманию менее важны для формирования их самооценки.

Однако оказывается, что женщины действительно точнее понимают других только тогда, когда знают, что их способность к межличностному пониманию станет предметом обсуждения и оценки. Как показали К.Дж.К. Клейн и С.Д. Ходжес, женщины проявляют более точное, чем мужчины, понимание других только тогда, когда они предварительно мотивированы, т.е. в инструкции прямо говорится о том, что проверке подлежат их способности, проявляющиеся в межличностном взаимодействии. Если же экспериментатор говорит испытуемым, что им предстоит выполнить задание, измеряющее их познавательные способности, то различия в эмпатической точности пропадают. Когда мотивация испытуемых повышается путем обещания денежного вознаграждения, то точность оценок возрастает у представителей обоих полов, причем у женщин она оказывается даже более высокой, чем в случае бескорыстной самооценки способности понимать других людей. Следовательно, половые различия в точности оценивания мыслей и чувств партнера определяются разным уровнем мотивации и не сводятся к неодинаковости эмпатических способностей мужчин и женщин (Klein, Hodges, 2004).

Успешность межличностного взаимопонимания в значительной степени зависит от личностных качеств субъектов общения. В отечественной психологии в последнее время интенсивно развивается смысловой подход к личности и общению. С его позиции, взаимопонимание представляет собой согласование индивидуальных смыслов партнеров по коммуникации. При этом ведущая роль в координации смыслов принадлежит устойчивым ценностно-смысловым образованиям личности. В общении происходит проявление всего спектра ценностно-смысловых связей личности: в отношении себя, собеседника, общения и даже жизни в целом. Неудивительно, что предметом исследования психологов становятся такие качества, как самоотношение, направленность личности, смысложизненные ориентации и т.п. Из проведенных в последние несколько лет одним из наиболее интересных является диссертационное исследование Ю.А. Желтоновой, выполненное под руководством Л.И. Рюмшиной (Желтонова, 2000).

В нем показано, что высокого уровня взаимопонимания достигают партнеры, для которых характерно наличие ощущения осмысленности и подконтрольности жизни, самоуважение, устойчивость чувства привязанности к собственному Я, ориентация на взаимную открытость, коммуникативное сотрудничество. Для того чтобы достичь взаимопонимания, хотя бы у одного из собеседников должна быть отчетливо выражена диалогическая направленность коммуникативной стратегии.

А уменьшение возможности хорошо понять друг друга связано с понижением выраженности диалогической коммуникативной направленности и повышением манипулятивной. В наименьшей степени способны достигать высокого уровня взаимопонимания те пары, хотя бы один из партнеров которых имеет выраженную манипулятивную или авторитарную направленность в общении. Кроме того, уменьшение шансов понять другого человека определяется высокой значимостью для субъекта таких ценностей, как «работа», «исполнительность», «рационализм», и, наоборот, низкой значимостью таких ценностей, как «любовь» и «уверенность в себе».

«Личностный портрет» субъектов общения, способных достичь высокого уровня взаимопонимания, характеризуется следующими психологическими особенностями:

1) выраженностью диалогической направленности в общении, способностью к центрации на собеседнике и пониманием необходимости уступок в диалоге;
2) устойчивостью чувства уважения, расположенности и привязанности к собственному Я при тенденции реагировать на происходящее интрапунитивным способом;
3) переживанием осмысленности и подконтрольности жизни;
4) значимостью конкретных ценностей-целей (здоровья, любви, семьи, жизненной мудрости, материально обеспеченной жизни, работы), а также ценностей-средств межличностного общения (воспитанности, жизнерадостности, чуткости), непосредственно-эмоционального мироощущения (жизнерадостности, честности, чуткости) и конформно-альтруистического плана (воспитанности, ответственности, терпимости, чуткости, самоконтроля).
5) значимостью конформно-альтруистических ценностных ориентаций при относительной незначимости ценностей самоутверждения.

Вместе с тем у партнеров, достигших высокого уровня взаимопонимания, наблюдается противоречивый характер показателей понимания себя: у них были обнаружены выраженная мотивация на социально одобряемое поведение и неразвитость навыков внутриличностной рефлексии (Желтонова, 2000).

Наконец, *в-четвертых*, социально-рефлексивный компонент межличностного взаимопонимания: представления субъекта о том, как партнер по общению понимает его. В отечественной науке психологические закономерности структурно-функциональной организации рефлексии как базового свойства личности очень подробно и профессионально проанализированы в диссертации И.М. Скитяевой (Скитяева, 2002). В западной психологии основательно изучены три главных источника знаний, опираясь на которые люди формируют социально-рефлексивные представления о себе и понимании их другими. Первый источник знаний коренится в теории социального сравнения. В ее основе лежит предположение о том, что при оценке себя, своего поведения и возможностей субъект сравнивает себя с другими людьми, особенно подобными себе. Второй источник знаний о себе — отраженная оценка, или «отраженное Я». В этом случае люди получают сведения о себе через прямую оценивающую

обратную связь от значимых других или через ярлыки, навешиваемые на них другими. Третий источник самопознания — саморефлексия, поведенческое самовосприятие. Люди иногда действуют как внешние наблюдатели и используют смысл собственных действий для заключений о себе. Более того, люди нередко выступают как наблюдатели своего внутреннего мира (например, мыслей и чувств) и используют содержание наблюдений для выводов о себе (Schoeneman, 1981; Sedikides, Skowronski, 1985).

Итак, говоря о межличностном взаимопонимании, я имею в виду психологический феномен, состоящий из описанных выше четырех компонентов.

ГЛАВА 2. ПОНИМАЮЩИЙ СУБЪЕКТ

2.1. Психология субъекта и эволюция научных взглядов одного из ее творцов — А.В. Брушлинского

Категория «понимающий субъект» принадлежит к ключевым понятиям психологии понимания. Любого ли человека можно так назвать: всегда ли, попадая в ситуации, побуждающие нас что-то понять, мы становимся понимающими субъектами? Нет, не всегда. Для того чтобы человека можно было назвать понимающим субъектом, необходимо соблюдение двух условий: 1) он должен оказаться в ситуации, которая потенциально предполагает ее понимание и даже побуждает человека к пониманию; 2) человек должен захотеть понять, иметь мотивацию к пониманию. Например, вернувшись вечером домой, вы обнаружили, что ваш пятилетний сын разобрал механические часы и разбросал все части по полу. В этой ситуации возможны по меньшей мере три варианта действий с часами. Первый: вы берете веник, совок и выбрасываете все в мусорное ведро — вы не стали понимающим субъектом. Второй вариант: вы собираете детали и относите их в часовую мастерскую — и опять вас нельзя назвать понимающим субъектом. Третий вариант: вы пытаетесь сообразить, как нужно объединить в работающее целое отдельные части причудливой формы, т.е. хотите понять, как собрать часы. И только в этом случае, причем независимо от успешности выполнения действий по объединению деталей в функционирующий часовой механизм, вы на время превращаетесь в понимающего субъекта.

Категория «субъект» играет настолько значимую роль в психологии понимания, что необходимо подробнее рассмотреть как

содержание и объем этого понятия, так и психологическую сущность феномена человеческой субъектности.

Проблема субъекта является одной из ключевых в психологической науке, как западной, так и российской. Как отмечает Л.И. Анцыферова, «в западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитической практики (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни и др.), понятие "субъект" занимает одно из центральных мест. Оно обозначает способности человека быть инициирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т.д.» (Анцыферова, 2000, с. 29—30). Аналогичные соображения высказывает Л.В. Алексеева: «В теориях личности А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса, К. Хорни, К. Юнга понятие "субъект", по сути, занимает одно из центральных мест. В качестве антитезы внешней детерминации психического в исследованиях Дж. Мида (Mead, 1912; 1975) Г. Олпортом (Ailport, I960), X. Кохутом (Kohut, 1971) выдвигались на первый план такие понятия, как "самость" ("self"); в исследованиях Э. Эриксона (1996) — понятия "эго" и "Я"» (Алексеева, 2004, с. 74).

Для формирования научного представления о понимающем субъекте принципиальной является точка зрения выдающегося мыслителя и психолога В. Франкла. Он подчеркивал, что субъектная сущность человека проявляется прежде всего в направленности его активности не на себя, а на внешний мир, на ценности ситуации и смысл, который они ему раскрывают. По его мнению, самопознание ведет к утрате «чистой субъективности». Человек «не может сделать себя "объектом" рассмотрения, не прекращая быть "субъектом". Субъект образует "место", из которого наблюдают; "однако где есть это место, там не может быть предмета, и, таким образом, субъект не может до конца стать собственным объектом" (Frankl, 1959, S. 676)» (цит. по: Лэнгле, 2002, с. 155).

В российской психологической науке категория субъекта играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях (Проблема субъекта.., 2000; Психология индивидуального.., 2002; Психо-

логия субъекта.., 2002; Брушлинский, 2003; Селиванов, 2003; Алексеева, 2004; Богданович, 2004; Личность и бытие.., 2004; Субъект и объект.., 2004; Тарасова, 2004; Субъект, личность.., 2005).

Научной областью, в которой исследования вносят существенный вклад в изучение проблемы субъекта, является психология труда. Например, Д.Н. Завалишина осуществила обстоятельный анализ реализации принципа субъекта в исследованиях разных видов трудовой деятельности. В ее работах особенно подчеркивается значимость динамики формирования и развития человека как субъекта трудовой деятельности, а также то, что в современной прикладной психологии преобладает понимание субъекта как «специфического качества», психологическая структура которого обусловлена *преобразующей* действительность функцией конкретного вида труда. Как А.В. Брушлинский, Завалишина полагает, что «важнейшая функция субъекта — функция интеграции. Во-первых, субъект интегрирует свое «внутреннее», обеспечивает целостность, взаимосвязь своих разных психических свойств, состояний и т.д. Во-вторых, он осуществляет соотнесение и согласование внешнего (объективных требований, обстоятельств) и внутреннего (своих возможностей, ценностей и т.д.), т.е. активно организует свое взаимодействие с миром в форме решения определенных задач» (Завалишина, 2002, с. 50).

В.А. Бодров, анализируя современные исследования в этой области, приходит к выводу, что большинство психологов труда придерживаются такого определения субъекта, которое включает понятия «специальных (профессиональных) способностей», «профессиональной мотивации», «профессионально важных качеств», не только отражающих психологическую специфичность структурно-функциональных свойств и качеств человека, но и предопределяющих его профессиональную пригодность (Бодров, 2004). Подобное определение субъекта трудовой (профессиональной) деятельности сформулировано Е.А. Климовым: «В общем виде под субъектом труда можно понимать системную разноуровневую организацию психики, включающую ряд свойств человека как индивида и как личности, соответствующих социальной ситуации развития, предмету, целям, средствам и условиям деятельности (трудовой)» (Климов, 1998а, с. 107).

Родоначальником субъектного подхода в отечественной психологии, по-видимому, следует считать Г.И. Челпанова. В начале

XX в. он описывал субъекта как интегрирующее начало психологических свойств человека, субстанцию, объединяющую сознание и психические процессы. Причем его понимание субъекта как воплощения активности и единства проявлений психологической сущности человека удивительно созвучно мыслям современных психологов: «Даже описание такого процесса, как, например, суждение, уже предполагает допущение какого-либо субъекта, который является активным в собственном смысле слова» (Челпанов, 1999, с. 325).

Если история конкретно-научного анализа проблемы субъекта восходит к началу XX в., то почему же тогда именно в последнее десятилетие названная категория приобрела для нас совершенно особое значение, а многочисленные теоретические и эмпирические исследования породили новую область знания — «психологию субъекта»?

Ответ на этот вопрос следует искать не только в логике развития научного познания, но и в индивидуально-психологических особенностях ученых, работающих в этом направлении. Их характеризует устойчивый интерес к проблеме, ясное осознание научных позиций, стремление доказать собственную правоту оппонентам и желание привлечь на свою сторону все больше новых сторонников. Таким психологам присуща убежденность в том, что категория «субъект» носит интегративный характер.

Они считают, что в ней воплощено всеохватывающее, наиболее широкое понимание человека, обобщенно раскрывающее целостность всех его качеств: природных, индивидуальных, социальных, общественных.

В отечественной психологии проблематика субъекта возникла на основе последовательного и одновременного изучения нескольких проблем. В них отражены усилия психологов, направленные на определение соотношений: биологического и социального в психическом развитии; сознательного и бессознательного; внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; индивида, личности, субъекта, индивидуальности как различных проявлений сущности человека.

В науке конкретные люди объединяют в границах единой научной области разрозненные факты, эмпирические данные и теоретические концепции. Как правило, они отличаются профессиональной эрудицией, глубиной ума, умением теоретически мыслить. В «психологии субъекта» одним из ее основа-

телей и бесспорным лидером был Андрей Владимирович Брушлинский. Об этом свидетельствует не только впечатляющее количество его выступлений, докладов, статей, написанных и отредактированных им коллективных и индивидуальных монографий по проблеме психологии субъекта (Брушлинский, 1996—2003). Главная тема его научных работ последнего десятилетия оказалась в значительной мере завершенной, доведенной до некоторой логической точки. Андрей Владимирович разработал целостный, оригинальный и вполне сформированный вариант психологии субъекта. Брушлинский не просто развивал субъектно-деятельностный подход, продолжая идеи своего учителя С.Л. Рубинштейна. Он, несомненно, сделал принципиально новый шаг в этом направлении, описав научные основы психологии субъекта. Вместе с тем эволюция научных взглядов ученого не только отражает продуктивные попытки тщательно проанализировать обозначенные выше основные проблемы, стоявшие перед психологами в XX в., но и соответствует этапам становления и развития психологии субъекта.

Анализ научных взглядов Брушлинского обнаруживает, во-первых, что за полвека творческой деятельности они значительно эволюционировали. Во-вторых, эволюция не означает, что произошел последовательный переход от исследования одних проблем и использования одних методов к другим. Например, от микросемантического анализа мышления к макроаналитическому способу познания психического. Конечно же, такая последовательность была: даже беглый просмотр списка публикаций Андрея Владимировича сразу дает представление о том, что большинство его работ о соотношении природного и социального в детерминации психики вышли из печати раньше, чем результаты исследований проблем выбора при решении нравственных задач или сопоставления философско-психологических взглядов С.Л. Рубинштейна и С.Л. Франка.

Вместе с тем Брушлинский был большим ученым, не только чутко улавливающим парадигмальные изменения в структуре и методах психологического знания, но и способным устранять, казалось бы, непреодолимые противоречия между ними. Основой такой способности для него стали «сквозные» фундаментальные проблемы. Многолетнее обдумывание этих проблем дало ему возможность рассмотреть их с классических, неклассических и постнеклассических позиций, а также осознать достоинства

и недостатки типов рациональности, присущих каждой из названных парадигм. Оказалось, что многие проблемы могут быть предметом анализа, включающего одновременное использование разных способов рациональных рассуждений.

Среди проблем, остававшихся в фокусе его внимания многие годы, были:

1) наследственные предпосылки психического развития, соотношение биологического и социального в развитии личности;
2) принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики;
3) дискретность — недизъюнктивность и непрерывность организации психических процессов;
4) общественное — индивидуальное в психике человека и культурно-историческая теория мышления;
5) мышление как процесс и деятельность;
6) идущие от С.Л. Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и субъект в психологической науке;
7) наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм.

Сразу нужно отметить, что в постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Андрея Владимировича.

Не имея возможности подробно обсудить все названные проблемы, я кратко остановлюсь только на некоторых из них.

Типичной проблемой, казалось бы, явно классической по своей сути, для Брушлинского стали наследственные предпосылки психического развития человека. Логика решения сначала привела его к постановке проблемы биологического и социального, в которой в зародыше уже содержалась вся линия развития субъектно-деятельностного подхода и контуры психологии субъекта. Творчески развивая теорию своего учителя С.Л. Рубинштейна, Брушлинский полагал, что общение, совместная деятельность людей, вообще социальное видоизменяет и развивает биологическое, природное в человеке. Разнообразные виды активности, включающие деятельность, общение, созерцание, переживание,

совокупность отношений к себе и другим, совокупность гносеологической, природной и социальной характеристик определяют *субъективные способы существования психического как процесса*. Субъектность оказывается сущностной характеристикой психического, сопоставимого с биологическим и социальным.

С позиций психологии субъекта проблема соотношения биологического и социального предстает в новом, преобразованном виде, а принцип субъекта выдвигается Брушлинским в качестве ведущего методологического принципа психологии. Глубинное преобразование, новое осмысление проблемы с позиций субъектно-деятельностного подхода дает психологам возможность по-новому взглянуть и на другую классическую дилемму: «Бытие определяет сознание» или «сознание определяет бытие». Как отмечает А.В. Брушлинский в своей последней книге, по отношению к обеим указанным крайностям есть наиболее перспективный, «третий путь» решения фундаментальной общей проблемы детерминизма: не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю.

Другой проблемой, ставшей краеугольным камнем системы научного мышления Андрея Владимировича, была идея недизъюнктивности психического. Под недизъюнктивностью психических процессов вслед за Рубинштейном он понимал целостное единство чувственного и рационального, познавательных и эмоционально-волевых аспектов психических процессов. И главное: онтологическую непрерывность, неразрывность, взаимопроникновение стадий психического процесса и слитность его компонентов, которые «никогда четко не отделены друг от друга наподобие деталей машины или циклов ее функционирования».

Впервые эта идея была опубликована в 1973 г. (Брушлинский, 1973) и затем получила развернутую аргументацию в исследовании мышления как прогнозирования. Идея недизъюнктивности легла в основу континуально-генетического подхода к анализу сначала мышления, а затем и психики человека в целом. Концепция недизъюнктивности психики заключается в рассмотрении ее как непрерывного, развивающегося, континуально-генетического процесса. Основными свойствами процесса являются пластичность и динамическая изменчивость.

По способу собственного мышления Андрею Владимировичу была чужда идущая от аристотелевской логики привычка противопоставлять, разделять «А» и «не-А»: абстрактное и конкретное,

психологическое и физиологическое, процесс и результат формирования психологических новообразований.

Он считал, что подобные якобы «взаимоисключающие противоречия» в действительности представляют собой такую иерархически организованную целостность, которая не требует от субъекта выбора: либо одно, либо другое. Как бы это ни было трудно, современный человек должен научиться мыслить целостно и стремиться к интеграции, казалось бы, несовместимых противоположностей. Он доказал это на примерах решения математических задач, а затем и моральных дилемм.

В логико-математических теориях принятия решений главным способом решения является выбор альтернатив. Такая ситуация выбора дизъюнктивна вследствие изначальной данности альтернатив. Однако в экспериментах по изучению мышления Брушлинским было обнаружено, что дизъюнктивная ситуация выбора не возникает даже в таких условиях. Испытуемый сам выявляет и формирует способы решения задачи, т.е. альтернативы не даны изначально в готовом виде. Эксперименты показали, что испытуемый на различных этапах мыслительного процесса действительно выявлял и разрабатывал несколько способов решения задачи, но *в каждый конкретный момент* субъект обдумывал только какой-то один путь решения.

Он считал, что даже кажущаяся очевидной необходимость осуществить моральный выбор между добром и злом, нравственным и безнравственным далеко не обязательно рассматривать как дилемму, дизъюнктивную по своей сути. По его мнению, даже в этом случае выбор далеко не всегда является неизбежным. Например, для честного человека не существует выбора, совершать или не совершать бесчестный поступок. Однако в жизни очень часто бывает нелегко понять, какой поступок в данной сложной ситуации будет хорошим, а какой — плохим. В этом случае активизируется мышление и вообще вся деятельность субъекта, и тогда мы снова возвращаемся к проблеме процессуальности мышления. Эксперименты, проведенные на материале принятия решения об отмене смертной казни и известных дилемм Л. Колберга (явно предполагающих наличие ситуации выбора) показали, что даже такие задачи могут решаться без выбора альтернатив.

Проблема соотношения требуемого и искомого при решении задач в интерпретации Брушлинского (особенно позднего периода его творчества) далеко выходит за рамки психологии мышле-

ния. Опираясь на рубинштейновскую категорию долженствования, в духе постнеклассической науки он формулирует ее как проблему соотношения сущего и должного. При решении задач искомое для него было не чем иным, как поиском должного через фактическое. Решение задачи — это одновременно и поиск *должного*, и поиск *сущего*.

Впоследствии при обращении к иным ценностным контекстам, например психологическому анализу духовности, вопрос был поставлен шире. Мир, как он есть, описываемый и воспринимаемый ученым, становится тем же, что и мир, который ценит и в котором хочет жить субъект. При пристрастном субъектном рассмотрении мир, который *есть*, становится миром, который *должен быть*. Следовательно, для субъекта познавательное суждение оказывается совпадающим с ценностным суждением, сущее совпадает с должным, а факт становится ценностью. Такая логика рассуждений привела Андрея Владимировича к размышлениям над проблемой соотношения Бытия и Становления, сформулированной А. Маслоу. Путь к решению этой проблемы он видел только в недизъюнктивном по своей природе психическом развитии субъекта.

Закономерным итогом полувековой научной деятельности ученого стало фактическое оформление контуров новой научной области и методологии понимания человеческого бытия — психологии субъекта (Брушлинский, 2003).

Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в трех основных положениях. Во-первых, в переходе от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; во-вторых, в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в-третьих, в целостном системном характере исследования *динамического*, *структурного* и *регулятивного* планов анализа психологии субъекта.

Теперь обосную приведенное выше утверждение о трех основных положениях психологии субъекта.

1. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой человек противостоит дискретным отдельным объектам, событиям и ситуациям реальной действительности. Противоречие устраняется путем признания неизбежного для научного познания мира

(учитывающего взаимодействия субъекта с объектом) включения познающего в познаваемое. С такой точки зрения, объективная ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. «Воздействие любой "объективно" стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком. Чтобы успешно предсказать поведение определенного человека, мы должны уметь учитывать то, как он сам интерпретирует эту ситуацию, понимает ее как целое» (Росс, Нисбетт, 1999, с. 46).

Объективные процессы развития научного познания в психологии XX—XXI вв. направлены как на дифференциацию разных областей психологической науки, так и на их интеграцию. Тенденция к дифференциации характеризует развитие не только психологии: по этому пути идут все фундаментальные науки, и степень их дифференциации является показателем прогресса научного знания. В психологической науке эта тенденция наиболее отчетливо проявлялась в 1960—1970-е годы, когда происходило интенсивное формирование инженерной, социальной, педагогической, юридической и других отраслей психологии. В то время интеллектуальные усилия ученых были сфокусированы скорее на изучении отдельных сторон психики человека (памяти, мышления, свойств личности), чем на стремлении понять ее как системно организованное целое.

В конце XX в. ситуация изменилась: в науке стало явно преобладать стремление к целостности, осознание психологами того, что анализ разнообразных психологических феноменов должен гармонично сочетаться с их синтезом. Наше время характеризуется все возрастающим интересом психологов к комплексным, системным проблемам и усложнением методов их анализа. Примером может служить психосемантика, которую уже невозможно представить без различных компьютерных вариантов математической обработки данных (Петренко, 1997). Комплексные, системные проблемы побуждают ученых рассматривать анализируемые психические феномены не только с позиций исследования их отдельных сторон, признаков, характеристик (такая традиция наиболее отчетливо воплощается в экспериментальной когнитивной психологии). Комплексные проблемы нужно описывать как нечто единое, феноменологически целое (в психологической науке это больше соответствует экзистенциальной и гуманистической традициям).

Проблемы, на которые сегодня обращается наиболее пристальное внимание, непосредственно связаны с традиционной для психологии постановкой вопроса об основных единицах анализа психического. Объективные обстоятельства и методы, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психологии, существенно изменяют научные представления о «единицах психики». В разные исторические периоды единицами анализа психики выступали ощущение, рефлекс, действие, отношение, значение и т.п. На современном этапе развития психологической науки есть основания считать, что в качестве единиц психики следует рассматривать более интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. Примером могут служить события (Барабанщиков, 2002) и ситуации (Росс, Нисбетт, 1999; Кашапов, 2004). Сегодня ученым стало ясно, что любая ситуация включает воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. Иначе говоря, взаимодействие субъекта с объектом фактически приводит к включению познающего в познаваемое. Человек парадоксальным образом и противостоит как нечто внешнее объективным обстоятельствам своей жизни, и сам является их внутренним условием. Субъект не только пассивно фиксирует, понимает природные и социальные ситуации, но и пытается активно воздействовать на них. Вследствие этого он преобразует не только мир, но и себя в мире.

Естественно, что изменение научных представлений о единицах психики не могло не сказаться на методах ее исследования. Хорошо зарекомендовавшие себя микросемантический, микрогенетический и другие приемы микроанализа психики сегодня необходимо дополнить макроаналитическим методом познания психического. Используя в исследовании этот метод, психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического такие интегративные образования, которые отражают обобщенные схемы трансформированного в течение жизни индивидуального и коллективного опыта человека. В этом случае тщательный анализ отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т.п.) оказывается для исследователя далеко не главной задачей. Его интересуют прежде всего такие целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы и результаты субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий: события, ситуации общения

учителя с учеником, руководителя с подчиненным, психотерапевта с пациентом.

Нет ничего удивительного в том, что именно Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического.

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под иным углом зрения (отличным от ракурса предыдущих исследований, например, решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического соответствует его научному онтогенезу. Вся его жизнь в науке и особенно последнее десятилетие творческой биографии характеризовались стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т.п. Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений человеческой психологии — духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

Андрей Владимирович отличался мастерством применения ключевых идей психологии субъекта и удивительной способностью использовать макроаналитические способы для интерпретации многих социальных и политических явлений. Несомненная заслуга ученого заключается в том, что он сумел показать значимость результатов, казалось бы, сугубо академических исследований для объяснения процессов, происходящих в современной России. Его работы насыщены рассуждениями о возникновении в сознании россиян как субъектов собственной жизни таких ценностей, как свобода, демократия, права личности, частная собственность.

Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, духовной деятельностью человека. И наоборот: большое значение придавал бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком и государства — общественным сознанием. Соответственно, он все чаще задумывался о сходстве и различии субъектно-деятельностного подхода и гуманистической психологии. В последние годы Андрей Владимирович упоминал в своих работах имена К. Роджерса и А. Маслоу, проявлял несомненный

интерес к трудам Дж. Бьюдженталя, И. Ялома и других классиков экзистенциального направления в психологии и психотерапии.

2. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. В психологии субъекта принцип детерминизма рассматривается сквозь призму разных видов активности: познания, действия, созерцания, индивидуального развития. Брушлинский называл субъектом человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» (Брушлинский, 1999а, с. 30).

Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще *всех* видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований (напомню, что Андрей Владимирович любил приводить цитату из «Фауста» И.В. Гете: «Вначале было дело») в психологии субъекта значительное внимание уделяется и другим проявлениям человеческой активности: переживанию, созерцанию, бессознательной психической жизни — видениям и переживаниям во время сна и т.д.

Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. «Активность» является одним из ключевых понятий категориального аппарата психологической науки. Многие психологи анализировали соотношение активности с действием, деятельностью, установкой и другими базовыми психологическими феноменами, с помощью которых изучается формирование и развитие психики человека. По мнению И.А. Джидарьян, в рамках психологического знания понятие активности используется в двух значениях — неспецифическом и специфическом.

Первое имеется в виду тогда, когда понятие активности связывается с поиском и осмыслением тех характеристик психического, которые выходят за пределы адаптивной, приспособительной

деятельности индивида. «В этом своем значении активность психического раскрывается прежде всего через такие специфические механизмы и функции, как регуляция, целеполагание, антиципация, задержка, объективация, а также связывается с определенными образованиями личности, например с такими, как сознание, воля, установка, отношение, мотивация, направленность или с определенными действиями и внешними актами, наконец, с особыми потребностями в активности, в развитии, в самореализации и т.д.» (Джидарьян, 1988, с. 86). Под специфическим значением категории активности имеется в виду особое качество, уровень психического явления, которое раскрывается через отношение со своей противоположностью — пассивностью: «По параметру активность-пассивность достигается более содержательная, более качественная характеристика психических явлений в различных областях современной психологии, особенно в психологии личности, мышления, деятельности. С понятием пассивности связываются в них не просто представления об отсутствии какой-либо активности или об ее меньшей интенсивности, а идеи о качественно другом, более низком уровне функционирования психического. В этом своем специфическом значении психологическое содержание понятия активности отражает не столько количественные, сколько качественные характеристики психических явлений» (Джидарьян, 1988, с. 87).

В соответствии с двумя указанными значениями понятие активности в системе психологического знания не только имеет общепсихологический статус, но и выступает в качестве принципа исследования. Методологическое значение понятия активности применительно к психологическим исследованиям раскрывается прежде всего в принципе активности субъекта деятельности. Активность при этом выступает как особое качество взаимодействия субъекта с объективной реальностью, такой способ самовыражения и самоосуществления личности, при котором ее качество как целостного, самостоятельного и саморазвивающегося субъекта либо достигается, либо нет (Джидарьян, 1988).

В психологии субъекта одним из наиболее острых вопросов является проблема соотношения сознательного и бессознательного в психике человека. Наиболее важный аспект проблемы формулируется в вопросе: «Только ли в случае сознательной активности о человеке можно говорить как о субъекте?» Вот как отвечает на него А.В. Брушлинский: «Для человека как субъекта

сознание особенно существенно, потому что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели, т.е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознает хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствия совершаемых действий и поступков и т.д. Вместе с тем человек остается субъектом — в той или иной степени — также и на уровне психического как процесса и вообще бессознательного. Последнее не есть активность, вовсе отделенная от субъекта и не нуждающаяся в нем. Даже когда человек спит, он в какой-то (хотя бы минимальной) мере — потенциально и актуально — сохраняется в качестве субъекта, психическая активность которого в это время осуществляется весьма энергично на уровне именно бессознательного (например, в форме сновидений), но без целей, рефлексии и произвольной саморегуляции в их обычном понимании. Столь специфическая разновидность активности в принципе существует лишь потому, что до того, как она началась (т.е. до засыпания), человек был «полноценным» субъектом деятельности, общения и созерцания, и только потому он продолжает во сне свою психическую жизнь в форме очень своеобразных видений и переживаний. Но сама деятельность субъекта (практическая и теоретическая) в строгом смысле слова невозможна, когда человек спит, хотя психическое как процесс продолжает формироваться в это время весьма активно. Вот почему гипнопедия (обучение в период естественного сна) наталкивается на принципиальные трудности» (Брушлинский, 1996, с. 20–21).

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязи и взаимодействии. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

3. То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, неудивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что психология субъекта представляет собой целостную и системную область психологического знания. На уровне

конкретно-психологических исследований, представленных прежде всего в разных публикациях Брушлинского, это проявляется в выделении *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание уделяется двум главным проблемам: критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности.

Динамический план анализа психологии субъекта

Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т.п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими *значениями* слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших *понятий* (числа и т.д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев прежде всего в *динамическом* плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе осуществления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития. Неудивительно, что он ценил, часто обсуждал и цитировал работы Е.А. Сергиенко о ранних этапах развития субъекта.

Сергиенко выделяет два базовых уровня становления субъектности человека, называя их протосубъектными. Она теоретически и эмпирически обосновывает положение о том, что, хотя становление субъекта происходит непрерывно, тем не менее в нем можно выделить стадии, соответствующие формированию базовых уровней. Первая онтогенетическая стадия развития субъектности — уровень первичной субъектности. На этом уровне субъект характеризуется возникновением способности к выделению себя из физического мира, появлением первичной интерсубъек-

тивности, формированием у него модели мультирепрезентаций физического мира. Уровень вторичной субъектности появляется у детей в возрасте полутора лет. Он характеризуется взаимообусловленностью когнитивного и личностного развития, появлением у ребенка обобщенного представления о себе как человеке, включенном в экологическую среду и социальные интерперсональные отношения, а также пониманием интенциональных составляющих поступков других людей. Отличительные признаки обоих уровней базовой субъектности — проявление в развитии ребенка интегративности, целостности, социальности и личностного ядра.

Развивая идеи Брушлинского о динамическом плане психологии субъекта, Сергиенко на основе современного варианта системно-динамического подхода систематизирует научные представления о единых принципах ментальной организации восприятия и действия. Проводя исследования в этом направлении, она закономерно пришла к новому взгляду на другую фундаментальную проблему, являющуюся одной из центральных в субъектно-деятельностном подходе, — проблему детерминации психики. В ее работах явно просматривается стремление перейти от жестких схем анализа причинно-следственных связей к использованию идеи непрямой каузальности. На конкретно-эмпирическом уровне исследования это проявляется в рассмотрении формирования модели психического как логически закономерного процесса внутреннего саморазвития субъекта. Идея саморазвития, разумеется, не предполагает отказа психолога от изучения влияния интерсубъектных взаимодействий на развитие психики в онтогенезе. Вместе с тем акцент делается преимущественно на анализе вариантов реализации возможностей, потенциально содержащихся в ментальной модели человека. При этом протосубъективность (имеющая не только социальные, но и генетические основания) оказывается такой специфически человеческой детерминантой развития субъектности, на базе которой ребенок становится способным, *отражая* объекты физического мира (например, коробку), одновременно *порождать* новые реальности (догадаться, что спрятано в коробке). Упорядочивая мир объектов, субъект одновременно организует свою базовую модель мира. Очевидно, что формирование модели основано как на способности к выявлению последовательных причинно-следственных связей, так и на принципе сетевой организации мира, предполагающем умение познающего

субъекта соотносить факты и события, удаленные друг от друга в пространстве и времени (Сергиенко, 2000, 2002).

Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т.п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого к названным выше следует добавить еще по меньшей мере два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий — развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающие человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от «остального сущего» человек всегда соотнесен со своим бытием. Соотнесенность проявляется прежде всего в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя, — ключ к превращению человека в субъекта. Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Очевидно, что в школе С.Л. Рубинштейна субъект рассматривается как саморазвивающийся человек, влияющий на собственную деятельность и другие виды активности. Другими словами, в определении критериев становления субъекта решающее значение приобретают внутренние условия формирования психики. Иначе определяют критерии субъекта психологи, причисляющие себя к последователям Л.С. Выготского. Для них решающим

фактором онтогенеза субъекта является совместная деятельность, и чем больший вклад в нее вносит человек, тем в большей мере он проявляет себя как субъект: «Вместе с тем индивидуального субъекта мы можем определить по его неповторимому *вкладу в совокупную* (Д.Б. Эльконин), *целостную деятельность, по степени участия ребенка и взрослого в ее «проектировании», построении и развитии*. Это и является фундаментальным *критерием саморазвития* ребенка в качестве индивидуального субъекта» (Кудрявцев, Уразалиева, 2001, с. 18). И далее: «Итак, субъектом мы можем назвать того (неважно — ребенка или взрослого), кто осуществляет *особые действия по развитию целостной деятельности*. Субъект и есть та инстанция, на которой *непосредственно* разворачивается акт развития деятельности» (там же, 2001, с. 28).

С тем, что вклад в деятельность можно считать критерием субъекта, трудно согласиться не только потому, что, помимо деятельности, существуют и другие виды субъектной активности. Созерцание, переживание, проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности — все может использоваться в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей. Не менее весомую причину указывает Н.В. Богданович: если субъект неразрывно связан с деятельностью, то он фактически выводится за пределы человека и «исчезает вместе с ее прекращением» (Богданович, 2004, с. 16).

Вместе с тем нельзя не признать, что субъектная сущность человека неразрывно связана с тем, что и как он делает. Однако мне представляются более оправданными попытки поисков признаков субъектности человека не в деятельности, имеющей сиюминутный, ограниченный определенными временными рамками характер. Более уместно в этом контексте использовать категорию «жизнедеятельности», отражающую общую тенденцию проявления каждым из нас разнообразных видов активности в течение жизни. «Субъектность обнаруживает себя в главной способности человека: способности **превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования,** что позволяет ему быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни» (Слободчиков, 2002, с. 24). Таким образом, субъектность фактически представляет собой индивидуально-характерный способ бытия человека в мире.

Брушлинский хорошо понимал неправомерность, внутреннюю противоречивость научного подхода, связывающего сущностные характеристики субъекта только с деятельностью. В последние годы жизни он шел по пути расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические психологические проблемы. Вступление на этот путь — результат ясного осознания невозможности объяснения содержания и смысла множества важнейших феноменов психологии человеческого бытия — нравственности, свободы, духовности — исключительно с деятельностных позиций. В обращении Андрея Владимировича к категориям такого рода проявилось его стремление выйти за узкие рамки категории *деятельности* и обратиться к понятию *существования*, от *бытия* перейти к *становлению*. Становление — это всегда динамика, непрерывное развитие, отрицающее, диалектически снимающее всякую дизъюнктивность.

И надо признать, что этот путь, безусловно, открывает новые ракурсы психологического анализа динамики развития психологии субъекта.

Структурный план анализа психологии субъекта

Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой *структурный* план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б.Ф. Ломов), созерцание (С.Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б.Г. Ананьев). Я согласен с В.А. Лабунской, которая считает, что «перечисленные выше характеристики субъекта наиболее органично соединены в определении, которое было дано А.В. Брушлинским. Свое определение субъекта он построил на основе анализа идей С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и др. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном

определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как "преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида". Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности» (Лабунская и др., 2001, с. 35).

В человеческом бытии разнообразные виды активности реализуются прежде всего в совокупности отношений человека к природе, себе и другим людям. Как полагает К.А. Абульханова, раскрывать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект — это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием между своими желаниями, потребностями и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности (Абульханова, 1997).

Однако некоторые ученые высказывают иную точку зрения. Например, украинский психолог В.А. Татенко считает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1996, с. 230). В соотношении категорий «субъект — личность» первая по содержанию и объему рассматривается как более общая, чем вторая: «Субъект — это всеохватывающее, *наиболее широкое* понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность — напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2001, с. 17).

В контексте анализа структурных элементов проблемной области, называемой «психология субъекта», принципиальным является также вопрос о различении субъектных и субъективных качеств человека. В диссертации Богданович проведена дифференциация понятий субъектности и субъективности. Показано, что термин «субъективность» отражает характеристики внутреннего мира человека, а понятие «субъектность» — особые личностные качества, связанные с активно-преобразующими

свойствами и способностями. Признается приоритетное влияние субъектности как на развитие человека в разные периоды его жизни, так на его профессиональное становление (Богданович, 2004, с. 17).

Отнесение субъективности к внутреннему миру человека в отечественной психологии восходит к рубинштейновской традиции описания сознания как одновременного выражения субъекта и отражения объекта. «*Субъективность — это та категория в психологии, которая выражает сущность внутреннего мира человека.* Близкими по своему содержанию и смыслу являются понятия "*субъективный дух*", "*индивидуальный дух*", "*душа*", "*человеческое в человеке*", "*внутренний мир*" и др.» (Слободчиков, Исаев, 1995, с. 74). Вместе с тем термином «субъектность» подчеркивается активно-преобразующая сущность человека как субъекта жизни. Субъектность человека означает, что он неотделим от мира, включен в него, но вместе с тем сознательно противостоит обращению с собой как бездушной вещью, объектом манипуляций (например, со стороны тоталитарного государства).

Обсуждая структурный план анализа психологии субъекта, нельзя не упомянуть о том, что формирование этой области психологической науки характеризовалось значительным расширением контекстов, в которые стали включаться психологические исследования. Очевидно, что последний период творчества Брушлинского характеризовался «экспансией» его исследований в такие области, изучение которых психологическими методами некоторые считали некорректным. На самом деле его интерес к проблемам демократии, тоталитаризма, свободы просто отражал обращение к иным ценностно-смысловым контекстам, соответствующим постнеклассическому способу мышления.

Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта — духовности, нравственности, свободы, гуманизма. Он считал, что гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, духовной деятельностью человека. Его научный подход расширяет горизонты наших представлений о человеке как нравственном и духовном субъекте. Понятие духовности играло чрезвычайно важную роль в мировоззрении Андрея Владимировича. Он не сводил духовность к религиозности

и не переставал подчеркивать, что дух, душа, духовное являются не над-психическим, а различными качествами психического как важнейшего атрибута субъекта. Однако он всерьез задумывался о сущности души и духовного Я субъекта и в этом контексте сравнивал основания научно-психологического и религиозного знания. Неудивительно, что он написал очень глубокую и интересную статью о незаурядном российском религиозном мыслителе С.Л. Франке (Брушлинский, 1999б).

Регулятивный план анализа психологии субъекта

Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. В человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень *отражения* действительности и потому высший тип *регуляции* всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т.п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром все психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т.д.» (Брушлинский, 2000а, с. 7).

На уровне конкретно-психологических исследований, например мышления, регулятивные аспекты психики Андрей Владимирович чаще всего обсуждал в связи с проблемой обратных связей. Не случайно целая глава его последней монографии называется «Субъект деятельности и обратная связь». В более широком контексте, имеющем прямое отношение к методологии

психологического знания, проблема регуляции рассматривалась им с учетом объективного разнообразия законов природы и общества.

По мере формирования и развития психологии субъекта проблема регуляции поведения, деятельности и т.п. приобретала новое смысловое значение. Учитывая двойственность законов, которые детерминируют развитие психики субъекта, ученым все чаще приходилось задумываться над тем, что представляет собой тот мир, в котором живет современный человек. В XX в., например, некоторые поэты стали утверждать, что «поэзия не следует за действительностью. Она в какой-то мере формирует язык, а язык формирует действительность. Поэзия в какой-то мере оказывается первичной, а действительность, по-видимому, вторичной» (Венцлова, 2002, с. 28). Другая сфера нашей жизни, по отношению к которой Андрей Владимирович проявлял явный интерес, — виртуальная реальность, Интернет. Можно ли считать исключительно плодом фантазии писателя В. Пелевина (Пелевин, 2001) выход героев компьютерных игр в реальную действительность игроков? Иначе говоря, можно ли утверждать, что реальный мир субъекта, играющего в компьютерную игру, отделен «стеклянной стеной» от мира героя, преодолевающего одно препятствие за другим и переходящего с одного уровня сложности взаимодействия с миром на другой? А на какие законы следует ориентироваться при описании так часто обсуждаемых Брушлинским феноменов свободы и духовного Я познающего мир субъекта? В работах Андрея Владимировича нам открываются не только попытки поставить эти вопросы, но и оригинальные способы их решения.

Важнейшим в этом плане является ответ на фундаментальный для теории познания вопрос: что первично — бытие или сознание? В публикациях последних лет Брушлинский неоднократно повторял, что по отношению к двум крайностям (дух или материя, сознание или бытие) существует более перспективный «третий путь» в решении фундаментальной общей проблемы детерминизма психики человека. Это субъектно-деятельностная теория, разработанная С.Л. Рубинштейном и его учениками (одним из самых талантливых и последовательных среди них был А.В. Брушлинский). С позиций данной теории нет альтернативы: психическое или бытие, существующие сами по себе. Субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, — вот та

«точка схождения» идеального и материального, в которой реально осуществляется детерминация поведения и развития психики. «Для данной теории не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» (Брушлинский, 1998, с. 17). Очевидно, что такое решение проблемы детерминизма основано на осознанном принятии тезиса о включении познающего в познаваемое. Иначе говоря, речь идет об изучении субъекта как неотъемлемой части воспринимаемой, понимаемой и оцениваемой им объективной ситуации. Также очевидно и то, что в идее «третьего пути» потенциально заключена возможность описания детерминации различных психических феноменов, построенного с учетом непротиворечивого взаимодействия и диалектической связи законов первого и второго рода.

Таким образом, пытливому взору исследователя феномен субъекта предстает как сложная многомерная психологическая характеристика человека, основным признаком которой является его активность. Пожалуй, наиболее полно и близко к взглядам А.В. Брушлинского представленность разных сторон психологии субъекта в научных исследованиях описал В.А. Петровский: «Понятие "субъект" многопланово. Не сливаясь с понятием "индивид", оно выступает в психологии под разными именами: "Я", "Деятель", "Личность". За каждым из этих имен в психологии вырисовывается та или иная форма проявления активности человека. Имея в виду собственную "динамику индивида", его самоизменение, индивида как "causa sui" ("причина себя") и порождаемую ими феноменологию субъективности, мы говорим о субъекте как Я. Вовлекая в круг рассмотрения процессы опредмечивания, описывая индивида в аспекте предметной деятельности, мы выходим за пределы индивидуального Я, и субъект теперь выступает перед нами под именем "деятель". Но и это определение субъекта не является завершающим. Следующее — это понимание субъекта как источника деяний: реальных изменений, которые он произвел в жизни окружающих его людей и в самом себе, — изменений, которые значимы не только для него, но и для окружающих его людей, даже если они выходят за пределы собственных его побуждений и намерений. В этом последнем аспекте субъект выступает собственно как "личность". Понятие "личность", как видим, необходимо заключает в себе понятия "Я" и "деятель" (мы рассматриваем здесь зрелые формы деятельности,

соотносимые с категорией “личность”). Различая имена субъекта, мы как бы объединяем их в единую “семью”, выделяя в качестве общего для них — фамильного — признака представление о внутренней динамике как источнике внешней динамики, иначе говоря: признак некоторого перехода от внутреннего к внешнему, причинно-следственное отношение, в котором индивид выступает как инициативное, ведущее звено» (Петровский, 1996, с. 185—186).

Итак, психология субъекта представляет собой сформировавшуюся область психологического знания, обладающую довольно ясно очерченными контурами, проблемами, методами их решения и теоретико-методологическими основаниями. Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С.Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия). Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы эмпирических исследований проблем психологии человеческого бытия. К ним, например, относятся изучение онтогенетически ранних этапов становления человеческой субъектности; исследование соотношения характеристик индивидуального и группового субъектов; субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний в межличностном общении; анализ когнитивных и экзистенциальных составляющих самопонимания субъекта, а также многие другие интересные и перспективные направления психологических исследований, связанные с пониманием субъектом мира и себя в мире.

2.2. Психология человеческого бытия и экзистенциальная психология

В современной психологической науке, преодолевшей функционализм, все возрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. Человеческое бытие невозможно понимать абстрактно, т.е. не включаясь в него. Поскольку человек сам является участником событий,

социальных ситуаций, то его бытие представляет собой субъектность, объективированную в процессах, явлениях, предметах человеческого мира. Субъект живет, понимая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен. «*Бытие* есть процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований. В связи с этим принципиальна его дифференциация на аутентичное и неаутентичное. *Аутентичное бытие* — это процесс переструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов. *Неаутентичное бытие* — воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных предписаний, что создает иллюзию адекватного поведения, но таковым, по сути, не является, поскольку связано с разрывом, отсутствием содержательной связи между способами поведения и глубинными ядерными образованиями личности (ее смыслами). Таким образом, подобное поведение выглядит адекватным по отношению к среде, но не является адекватным выражением внутреннего мира личности» (Рябикина, 2003, с. 19). Следовательно, аутентичность бытия проявляется в доверии и верности субъекта себе — ценностно-смысловой направленности его личности. Об аутентичности бытия имеет смысл говорить только тогда, когда субъект переживает и реализует себя в неразрывной связи с внешним миром, т.е. прежде всего с другими людьми.

Динамика формирований научных представлений о бытии в психологии отражает их эволюцию в методологии науки. XX в. показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем к постнеклассической (Степин, 2000).

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, в пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и поиске причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами.

На *неклассическом* этапе главным стал учет субъективного угла зрения наблюдателя. На этом этапе ученые отчетливо осознали, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает. Понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Следовательно, понятия и научные теории являются следствием не наблюдения, а понимания. Язык теоретических терминов служит исследователю для того, чтобы определить,

что принимать за данность (объективную реальность) в этом мире. В результате на неклассическом этапе развития науки было поставлено под сомнение положение о том, что научные теории могут точно и однозначно описывать то, что происходит в мире (Gergen, Gergen, 1986).

Наконец, *постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественнонаучными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные.

Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере явилась теоретическая физика, а на становление постнеклассической науки существенное влияние оказывает культурология (Гусельцева, 2003). В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания использования пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т.п. Типичный пример — драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляются в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000).

Но еще более значимым для развития психологии субъекта я считаю то, что постнеклассический тип рациональных рассуждений дает возможность ученым избежать противопоставления номотетического и идиографического способов исследования и реализовать единство естественнонаучных и гуманитарных методов понимания изучаемых явлений. Показательным примером могут служить исследования Ю.И. Александрова в области системной психофизиологии. В них показано, что культура, общественные формы жизни, способствующие формированию функциональных систем, заставляют мозг работать по-новому. Проводя аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, Александров доказы-

вает тезис о том, что в каждой культуре структура опыта индивида комплементарна структурам других индивидов. Взаимодействие культуры и процесса специализации нейронов приводит к тому, что человек *формирует свой опыт* в культуре, а не *усваивает, ассимилирует* ее содержание (Александров, Александрова, 2004).

Следовательно, тип культуры, в которой живет человек, влияет не только на поведенческие проявления психики, но и на ее мозговую организацию. Для меня эти исследования очень важны для доказательства положения о том, что предметом психологии субъекта и формирующейся на ее основе психологии человеческого бытия могут быть такие проблемы, которые для своего решения требуют привлечения не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. Да и сами решаемые проблемы могут относиться не только к так называемой «вершинной психологии», а затрагивать и биологические основания психики.

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта». Эта область психологической науки стала закономерным воплощением, вершинным проявлением синтеза знаний, полученных на каждом из этапов развития. Важно обратить внимание на то, что названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но одновременно и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого. Ярким примером такого ученого является А.В. Брушлинский.

Психология субъекта сформировалась на основе представлений о взаимной дополняемости психических закономерностей *отражения* действительности и *порождения* человеком новой реальности. Вследствие этого психология субъекта адекватно описывает и законы *бытия*, описывающие то, что есть, и законы *долженствования*, предписывающие, как именно должны происходить те или иные события и явления в мире человека. Недостаточность только категории «отражения» для описания психических явлений, «исчерпанность ее эвристического потенциала» сегодня отчетливо осознается и даже, можно сказать, остро экзистенциально переживается методологически мыслящими психологами (Петренко, 2002). Например, В.Е. Клочко основывает

теорию психологических систем на переходе от принципа отражения к принципу порождения: «Суть ТПС заключается в переходе от принципа отражения к принципу порождения особой психологической (не психической) онтологии, представляющей собой системный конструкт, который опосредствует взаимоотношения между человеком и миром "чистой" объективности..., что и обеспечивает превращение амодального мира в "освоенную" человеком и ставшую его индивидуальной характеристикой "действительность"» (Клочко, Галажинский, 1999, с. 69—70).

В современной психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки XX в.: соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

Теоретические основания

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от его анализа с позиций психологии познания (Знаков, 1994) к рассмотрению этого феномена в контексте бытийного слоя сознания субъекта (Знаков, 2000).

Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на *познании* и *поведении* человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исклю-

чениям. Когнитивные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т.е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир.

Когнитивные психологи ищут, прежде всего, новое знание. Например, изучая мышление субъекта, они много *знают* об этом психологическом феномене. Когнитивного психолога, получающего в эксперименте новое знание о психике, прежде всего, интересует вопрос: «Истинно ли оно?» Ученого, находящегося на позиции психологии человеческого бытия, больше занимает ответ на другой вопрос: «Какой смысл это знание имеет для субъекта?» Это не значит, что для него не существенна проблема истинности, просто анализ ценностно-смысловой стороны знания является для него приоритетным.

В экзистенциальной психологии приоритеты иные. Большинство современных психологов используют понятие «экзистенция» как синоним «бытия». Напомню, что В. Франкл использовал термин «экзистенциальный» для реализации трех целей. Во-первых, с целью описания специфики человеческого бытия; во-вторых, для характеристики смысла существования человека; в-третьих, для обозначения стремления к нахождению смысла своего существования, т.е. воли к смыслу (Франкл, 1990). Воля нужна человеку для преодоления препятствий, извечного расхождения между «не хочу» и «надо». В человеческом бытии реализация волевого начала всегда предполагает напряжение, усилия субъекта, направленные на преодоление не только внешних препятствий, но и себя. Вероятно, именно это имел в виду Р. Мэй, когда писал, что понятие «экзистенция» (существование), образованное от латинского корня exsistere, в переводе с английского буквально означает «не сдаваться, подниматься на борьбу» (Мэй, 2004, с. 51).

В экзистенциальной плоскости анализа психической реальности акцент ставится на отличные от когнитивных проявления психической активности субъекта. Это прежде всего *созерцание* и *переживание*. Известно, что человеческое бытие не исчерпывается познавательным отношением к миру. Для субъекта переживания являются составляющими многих жизненных ситуаций: «Переживание как единица социальной ситуации помогает ее сознанию и в качестве смысла ситуации для данного человека влияет на его развитие» (Марцинковская, 2004, с. 277).

Переживания страдания, восторга, любви, приобретая в сознании субъекта оценочный ценностный характер, становятся воплощением экзистенциальной наполненности человеческого бытия. Они предотвращают человека от так называемого «экзистенциального вакуума», ощущения пустоты и бессмысленности жизни.

На постнеклассическом этапе развития науки проблема переживаний оказалась в фокусе внимания многих психологов, философов и ученых других специальностей (Категория переживания..., 2004). «В психологии представление о *переживании* используется в трех значениях: 1. Любое эмоционально окрашенное явление действительности, непосредственно представленное в сознании субъекта и выступающее для него как событие его собственной индивидуальной жизни. 2. Стремления, желания и хотения, непосредственно представляющие в индивидуальном сознании процесс осуществляемого субъектом выбора мотивов и целей его деятельности и тем самым способствующие осознанию отношения личности к происходящим в ее жизни событиям. 3. Деятельность, возникающая в ситуации невозможности достижения субъектом ведущих мотивов его жизни, крушения идеалов и ценностей и проявляющаяся в процессе преобразования психологического мира человека, направленном на переосмысление его существования (лингвистически производно от термина "пережить")» (Асмолов, 1990, с. 314—315).

Психологический анализ феномена переживания занимает важное место и в психологии человеческого бытия, формирующейся на основе психологии субъекта и развивающей ее. Это следует, в частности, из цикла исследований Т.Л. Крюковой. В них предпринята успешная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними, основанная на методологии субъектно-деятельностного подхода. Анализ переживания субъектом сложных жизненных ситуаций проливает свет на такие важные психологические механизмы совладающего поведения, как, например, внутренние и внешние ресурсы совладания (Крюкова, 2004).

Обобщая, можно сказать, экзистенциальный план исследования психической реальности отражается в направленности ученых на анализ вариантов *порождения опыта*, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциально ориентированные психологи предпочитают специфические детали обобщенным признакам,

а индивидуальные, например характерологические, отличия людей — их сходству и подобию. Их исследования направлены не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на то, какой *смысл* они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в данном случае психологи концентрируются исключительно на интрапсихических проблемах и отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструктов, отражающих субъективное отношение «Я — мир». Иначе говоря, цель заключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д.

Различие в подходе к оценке явлений наиболее важных для ученых, изучающих психику субъекта, сказывается на неодинаковости их целей при *постановке вопросов* и ожиданий, связанных с ответами. Когнитивные психологи ставят вопросы и формулируют гипотезы для того, чтобы, узнав ответы, получить новые знания. С экзистенциальной точки зрения очень часто оказывается, что вопросы нужно задавать вовсе не для того, чтобы получить на них однозначные ответы. Задача психолога — показать, что одновременно в психической реальности человека существует бесконечное множество различных состояний, событий, ситуаций. Неудивительно, что при исследовании психики человека в общем и целом вопросы содержат больший потенциал развития, обладают большей силой, чем ответы на них. Вопросы нужны для более отчетливого *осознания тех значимых для субъекта ценностно-смысловых контекстов*, в которые он может оказаться включенным и которые впоследствии могут существенно повлиять на его жизнь. Иначе говоря, речь идет об осознании возможности реализации разнообразных жизненных сценариев, которые В.Н. Дружинин называл вариантами жизни — жизнь как предисловие, жизнь как творчество, жизнь как достижение и др. (Дружинин, 2000)

Задача ученого, изучающего субъекта с позиций психологии человеческого бытия и учитывающего не только когнитивные, но и экзистенциальные компоненты психики, заключается главным образом в *постижении*. Постижение включает не только безличное знание об объекте, но и ценностно-смысловое

понимание, соотнесенное с личностным знанием понимающего субъекта. Отличительная особенность постижения как способа понимания мира заключается в гармоничном сочетании *отражения* воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* субъектом новых реальностей.

В основании психологии человеческого бытия лежат не только изложенные выше конкретно-научные традиции: ее описание невозможно без обращения к более широкому философскому контексту решаемых в ней проблем. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода — до и после возникновения человека и человечества. Такое различение принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн в «Бытии и сознании», с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как "мир", соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Введение Рубинштейном в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания новой категории «мир» стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия — человеческого бытия. Мир — это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Вследствие человеческой активности мир представляет собой такое

бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных является специфика понимания мира субъектом.

Современные психологи сами живут в человеческом мире и потому, изучая субъекта, вольно или невольно вторгаются в пределы психологии человеческого бытия. К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего С.Л. Рубинштейна и В. Франкла. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, Франкл и Рубинштейн высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Это почти одинаковые представления о должном — таком морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью, отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей — смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения (Франкл, 1990). В соответствии с этим ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: 1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; 2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; 3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» (Тихонравов, 1998, с. 498).

Предмет психологии человеческого бытия

Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т.п.), а *смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру*. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, *аксиологических* аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают аксиологические факторы: соотнесенность получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно-окрашенными представлениями субъекта о *должном*. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем она изучает и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти, т.е. «как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти» (Дружинин, 2000, с. 5). Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включающей все названные выше, является *проблема понимания*. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Из сказанного следует, что для психологии человеческого бытия, в частности, важно исследовать ценности и ценностные ориентации людей. Я обосную это утверждение на примере одной из названных проблем психологии человеческого бытия — проблемы гуманизма и гуманистического мышления.

Мы живем в такое время, когда в российском общественном сознании происходит формирование новых ценностей и переосмысление старых. Изучение генезиса и природы общечеловеческих и индивидуальных ценностей, например ценностей образования, является фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Междисциплинарность проблемы ценностей, без которой невозможно ее серьезное рассмотрение, проявляется, в частности, в том, что ею занимаются философы, социологи, психологи, педагоги и ученые других специальностей. Субъективно ценности переживаются людьми как идеалы — ориентиры желательного состояния дел. Сегодня, особенно у молодежи,

наблюдается рост интереса к получению знаний, умений и навыков, способствующих росту материального благосостояния человека и общества. Вместе с тем люди задумываются и над тем, какое место в их жизни занимают гуманистические ценности. В образовании статус гуманистических приобретают ценности, реализованные в профессиональной деятельности и общении педагога ради ученика, направленные на его развитие, становление как личности, образование и воспитание (Кулюткин, Бездухов, 2002).

Под гуманизмом обычно понимается признание наивысшей ценности человека, его права на свободное развитие, проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений (Брушлинский, 2000б). Ценностный подход в образовании связан с выявлением и формированием системы ценностей человека, фактически представляющих собой совокупность осознанных смыслов его жизни, и ценностных ориентаций — направленности субъекта на реализацию ценностей. Ценностные ориентации ученика направлены на сферу мировоззренческого осмысления мира, понимания своего отношения к окружающей действительности и взаимоотношений с людьми. С точки зрения этого подхода предметом изучения педагогики и педагогической психологии является ценностно-смысловая сфера личности ученика, и в первую очередь индивидуальные способы понимания бытия, интерпретации смыслов жизни. Ценностный подход направлен на анализ понимания смыслов, развитие способностей учащихся к такому осмыслению получаемых знаний, которое включает осознание его гуманистической ценности. Следовательно, понимание как компонент гуманистического мышления позволяет ценностно опосредовать познавательную деятельность. Сущность гуманистического мышления заключается в ценностном осмыслении бытия, его понимании (Кулюткин, Бездухов, 2002).

Единицы анализа психического, их интегративный характер

В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при

взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует деятельностные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и которые считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело — то, чему человек предан по жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс, — общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» (Зарецкий, 2004, с. 39).

Вследствие этого деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа человеческого бытия более частное значение, чем дело, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Таким образом, целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа психического с позиций психологии человеческого бытия содержание категории «дело» тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущие силы развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность (Брушлинский, 2003). Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание наличия таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать, приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъ-

екте определяется все-таки прежде всего вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию на идеалы, устремление к высшим духовным ценностям, основанным на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина В.С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъектную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же *объектное пространство Творения*, где находятся его герои; "субъектность" же автора носит инструментальный характер — это "субъектность" орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (всем известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» (Непомнящий, 1999, с. 99).

На мой взгляд, выраженная в этом фрагменте глубокая мысль далеко выходит за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запредельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованными ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно и нужно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-неповторимых субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим *призванием*, путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийный случай упорного следования призванию выражен в фразе, приписываемой Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 г. Лютер выступал перед рейхстагом в Вормсе в защиту своих религиозных взглядов, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи ставшую знаменитой концовку. Впервые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1539 и 1558 гг.)

Какое отношение «дело» и «призвание» имеют к единицам анализа психического? Самое непосредственное. В деле, которому ты будешь служить всегда, или в жизненном призвании ежедневно и, может быть, ежечасно проявляется отношение субъекта к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях

«дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линия жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и шлифуя новые грани его субъектных качеств. Другими словами эту мысль выразил В.Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте жизни является "точкой бифуркации". После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» (Дружинин, 2000, с. 64).

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими *целенаправленными структурами, в которых интегрируются единицы психического*. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и с ориентацией на высшие духовные ценности. Вследствие этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного в конкретных событиях и ситуациях, означает *восхождение на новую ступень субъектности, качественное изменение субъекта*. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъектности человека.

Методы познания психической реальности

В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и др. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей.

Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в *нарративном принципе*. Этот принцип является одним из основных методов психологии человеческого бытия, он позволяет объединить усилия когнитивных и экзистенциальных психологов. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К. Дж. Гергеном и дру-

гими учеными (Gergen, Gergen, 1986; Sarbin, 1986). Нарратив — это такой способ организации эпизодов, действий и описаний действий, который включает как смыслы поступков людей, так и причины происходящих событий (Сарбин, 2004).

Применительно к человеческому познанию нарративы можно сравнить с гермами, стоявшими вдоль дорог и указывавшими путь древним грекам. Нарративные описания субъектом различных ситуаций фактически являются внутренне присущими ему способами упорядочения, придания смысла опыту, получения знания, которое структурирует его восприятие и понимание мира и себя в мире.

Нарративный принцип основан на многократно доказанном в психологии факте: там, где отсутствуют четкие связи между эмпирическими событиями, человек сознательно или неосознанно организует их в целостные структуры, соответствующие культурным нормам. Рассказываемая субъектом история и конкретная ситуация, в которой происходит рассказ, всегда связаны с базовыми культурно-историческими структурами. Имеющийся у субъекта репертуар фреймов, сценариев, нарративных форм, переплетающийся с культурными нормами, определяет, какую историю, где, когда и кому можно и нужно рассказывать. «Другими словами, не только нарратив опосредует, выражает и формирует культуру, но и культура, в свою очередь, определяет нарратив» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 33). По моему мнению, сказанное выше подтверждает продуктивность попытки Ю.И. Александрова найти содержательную аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, а также его утверждения о том, что человек формирует свой опыт в культуре, а не усваивает, ассимилирует ее содержание.

Возникает закономерный вопрос: почему нарративный принцип оказывается важнейшим методом психологии человеческого бытия? К выбору этого метода меня привела логика рассуждений, направленных на научное описание этой области психологического знания. Эта логика основана на трех утверждениях.

1. Я обосновываю положение о том, что единицами психики субъекта являются события и ситуации, а наиболее корректными методами описания ситуаций человеческого бытия являются нарративы.

2. Нарративы по своей сути соответствуют одному из основных положений психологии субъекта о взаимном дополнении процессов отражения действительности и порождения человеком новых реальностей.
3. Нарративный принцип потенциально содержит в себе возможности исследования психики и естественнонаучными методами, основанными на выявлении причинно-следственных связях, и гуманитарными, обращенными к ценностям, смыслам и групповым мнениям.

Итак, почему нарративный принцип оказывается важнейшим методом психологии человеческого бытия?

Во-первых, нарративный принцип, всегда предполагает взаимодействие субъекта и объекта, он основан на убеждении, что любую ситуацию человеческого бытия можно интерпретировать многими способами. Из-за этого у психологов возникает обоснованное сомнение в существовании «объективных», не зависимых от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Следовательно, «веру в то, что здесь существует некая реальная история, ждущая своего раскрытия, лишенная аналитической конструкции и существующая до нарративного процесса, мы можем охарактеризовать как *онтологическое заблуждение»* (Брокмейер, Харре, 2000, с. 35). Нарративные структуры человеческого опыта, безусловно, определяют и направляют понимание субъектом событий и ситуаций. Вместе с тем в процессе понимания нарратив тоже изменяется в зависимости от свойств описываемого. Таким образом, способ познания изменяется в результате взаимодействия внешних и внутренних условий психического развития субъекта.

Во-вторых, в нарративном принципе, как и в психологии человеческого бытия, отвергается предположение, что при обсуждении многомерных ситуаций человеческого бытия существует одна и только одна реальность, с которой обязательно должны согласовываться все нарративные описания. Иначе говоря, нельзя «объективно отразить» ситуацию, потому что реальность, к которой она принадлежит, возникает еще и в результате порождения, конструирования, домысливания субъектом некоторых ее сторон. «Следует постоянно помнить о том, что может существовать множество различных историй, которые говорят о таких сложных вещах, как, скажем, человеческая жизнь. Из исследований фено-

мена автобиографии широко известно, что любая история жизни обычно охватывает несколько жизненных историй, которые к тому же изменяют сам ход жизни. Ошибочно полагать, что разнообразные автобиографические нарративы различаются потому, что некоторые из них являются "верными", а другие "не- (или менее) верными". Лежащая в основании этой ошибки идея состоит в том, что существует некоторый тип градации значений истинности историй, начинающийся от истинной истории, базирующейся на документальных фактах, и кончающийся неверной историей, часто основывающейся на лжи или самообмане. Реальность, таким образом, рассматривается как некоторый сорт объективного, квази-документального критерия, на основании которого можно судить об истинности нарративной репрезентации. Но если и есть такого типа "реальная" жизнь, которую некто уже ведет, как мы узнаем об этой предзаданной реальности? Она, конечно же, не дана нам, потому что все, что служит жизни, становится ее частью» (там же, с. 36).

В-третьих, нарративная структура описания мира принципиальна для психологии человеческого бытия вследствие необходимости учета целенаправленности человеческого поведения и взаимной детерминации описываемых в истории событий и поступков. Нарративное повествование всегда развивается по направлению к цели, смысловому конечному результату. Кроме того, логика нарративных структур основана на правдоподобии: последующие события не должны противоречить предыдущим (Gergen, Gergen, 1986). Это дает возможность психологу выявлять смысловые и причинно-следственные связи, лежащие в основе понимания мира субъектом. При этом понимание оказывается центральной проблемой, в которой, как в фокусе, сходятся большинство проблем психологии человеческого бытия.

В-четвертых, нарративные способы не существуют в нашем сознании в виде шаблонов, которые нужно только заполнить конкретным содержанием описываемой ситуации. Нарративы и сами ситуативно изменчивы: они видоизменяют свои формы под влиянием требований ситуации, к описанию которых они применяются. Иначе говоря, в них потенциально содержатся умственные действия, соответствующие познавательной деятельности субъекта, направленной на структурирование, упорядочение опыта. Неудивительно, что Й. Брокмейер и Р. Харре считают, что нарратив следует рассматривать как модель: «Мы утверждаем, что,

вместо того чтобы быть онтологической сущностью или способом репрезентации, нарратив действует как особо гибкая *модель.* Любая модель в очень общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к правилам (или схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т.п.), которые так или иначе включают в себя обобщенное знание» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 39 — 40).

Из «модельной метафоры» следует вывод: «Рассмотренные под таким углом зрения нарративы являются одновременно моделями мира и моделями собственного "я". Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира» (там же, с. 40). Ту же мысль иначе выражал Дж. Брунер, писавший о том, что, понимая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности. Психологи, анализируя этот способ, должны прежде всего обращать внимание на методы познания себя и осмысления людьми своего опыта (Bruner, 1986). Такие рассуждения имеют принципиальное значение для психологии человеческого бытия, потому что они в явном виде подчеркивают неразрывную связь понимания с самопониманием. Без самопознания и самопонимания субъекта реализация нарративного принципа становится невозможной.

Нарративный принцип как метод психологии человеческого бытия сегодня уже не является только потенциальной возможностью, теоретически допустимым способом анализа психологических особенностей субъекта. В современной психологической литературе можно найти конкретные примеры экспериментальных исследований, соответствующих теоретико-методологическим основаниям психологии человеческого бытия. Одно из них — диссертация Л.С. Архангельской, выполненная под руководством профессора В.А. Лабунской и посвященная нарративному анализу зависти. В ней нарратив рассматривается как способ интерпретации системы отношений, с которой идентифицирует себя субъект общения. В диссертации убедительно показана продуктивность применения нарративного анализа применительно к экзистенциальному феномену зависти. Биографические нарративы испытуемых свидетельствуют о том, что зависть порождается противоречиями во внутреннем мире субъекта. Это противоречия между ожиданием от других людей, с одной стороны,

признания, дружеского отношения, доверия, заботы, любви и, с другой стороны, установками на отвержение, враждебность, недоверие, неверность (Архангельская, 2004).

Рефлексия типов рациональности

Современное постнеклассическое понимание характеризуется ростом рефлексии ценностных и смысловых аспектов мира человека. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений — это *не осознание их, а преобразование*. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклассическая психология человеческого бытия включает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексию над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В.А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитие самих правил (Лекторский, 2001).

С позиций психологии человеческого бытия одну из главных причин переосмысления рациональных типов познания следует искать в неразрывной связи понимания субъектом мира и его самопонимания. Известно, что любое понимание всегда включает в себя самопонимание. Самопонимание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит. Вместе с тем углубление в себя одновременно означает постепенное удаление от ясных и логичных схем рассуждений. В результате порождаются новые типы рациональных рассуждений, парадоксальным образом включающие в себя иррациональные и бессознательные компоненты.

Исследования показывают, что самопонимание является одновременно и целостным, интегративным, и неоднородным,

многомерным психологическим феноменом. Пытаясь его описать и определить, психологи обычно обращают наиболее пристальное внимание на разные стороны самопонимания — либо когнитивную, познавательную, либо экзистенциальную, бытийную. *Когнитивная* составляющая самопонимания представлена прежде всего способностью и склонностью субъекта к рефлексии, сознательному самоанализу. Однако современный психолог не может удовлетвориться изучением только этой составляющей анализируемого феномена, потому что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека, как правило, не рефлексируемы и не осознанны. *Экзистенциальная* составляющая самопонимания воплощается не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям.

Таким образом, самопонимание неразрывно связано с рефлексией. Самопонимание (в отличие от самосознания) всегда основано на таком рефлексивном анализе своего опыта, который в результате умственных операций и действий приводит к переструктурированию, переосмыслению, т.е. *преобразованию* внутреннего мира субъекта. В этом нет ничего удивительного. Рефлексия онтологически представлена в структуре психики человека как особый метасистемный уровень ее организации. Специфика данного уровня состоит в том, что на нем психика как бы преодолевает собственную «системную ограниченность», поскольку делает саму себя предметом собственной регуляции. Современные исследования показывают, что рефлексию следует рассматривать одновременно и как процесс, и как состояние, и как свойство. Процессуальная динамика рефлексии способствует изменению человека, формированию у него новых субъектных качеств (Карпов, 2004).

Диалогическая направленность психологического анализа

Взаимодействие людей является не только частью картины внутреннего мира субъекта, но и неотъемлемой составляющей человеческого бытия. Психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиции «Я и другой человек». Соответственно в психологическом исследовании «человек должен быть взят внутри бытия, в своем специ-

фическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект — это бытие, включающее и субъекта» (Рубинштейн, 1997, с. 64–65). Подлинное существование субъекта как сознательного человеческого существа обязательно предполагает выход за собственные пределы, умение отнестись к себе со стороны той реальности, которую он осознает. Иначе говоря, умение взглянуть на себя глазами других людей, с которыми субъект вступает во внешние и внутренние диалоги. Взаимодействие субъектов – участников диалога (одновременно являющееся их взаимоизменением) всегда основано на понимании как результате коммуникации. Именно поэтому проблема понимания оказывается центральной для психологии человеческого бытия.

Причину того, что в этой области психологической науки проблема понимания оказывается центральной, следует искать не только в эмпирической плоскости, т.е. необходимости анализа психологических механизмов понимания людьми конкретных жизненных ситуаций. Не менее важны теоретические основания психологии человеческого бытия, изначально не направленной на утверждение уникальности, исключительности своих методологических оснований. Эта область психологического знания, во-первых, возникла на базисе психологии субъекта и, во-вторых, развивается во взаимодействии, пересечении с другими областями, в частности с экзистенциальной психологией. Стремление к нахождению взаимопонимания с представителями смежных дисциплин отвечает постнеклассическому взгляду на методологию современной психологии. Для постнеклассической психологии характерны интенции к динамическому единству знания, пониманию его сетевой природы в сочетании со стремлением к взаимосогласованности психологических теорий. Это означает, что любая психологическая теория должна учитывать другие концепции и, конечно же, преимущества междисциплинарного дискурса (Гусельцева, 2003). Иначе говоря, сетевая парадигма построена на том, что продуктивное развитие любой теории возможно лишь при условии ее соотнесения, взаимодействия и согласования с другими равноправными теоретическими конструктами. Отсюда следует, что, помимо познавательной, «методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать

установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки» (Мазилов, 2003, с. 419). В этой связи построение коммуникативной методологии, к разработке которой призывает В.А. Мазилов, представляется очень значимым и для психологии человеческого бытия.

Итак, категория субъекта, исследованию которой так много усилий посвятил Андрей Владимирович Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии. Психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. Формирующаяся на основе психологии субъекта психология человеческого бытия тоже постепенно обретает ясно очерченные контуры. В ее основании лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства, она имеет и вполне ощутимые эмпирические следствия. Последние представлены в экспериментальных исследованиях субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний, половых и гендерных различий в понимании моральной дилеммы, когнитивных и экзистенциальных составляющих самопонимания, понимания ситуации эвтаназии и других ситуаций, описанных в последующих главах этой книги.

После изложения теоретико-методических оснований психологии человеческого бытия необходимо еще раз указать на сходство и различие этой области науки с экзистенциальной психологией.

История психологии XX в. представляет собой последовательную смену научных теорий, исследовательских подходов к изучению психики. В конце столетия наиболее ярким проявлением этого оказалось смещение интересов большой части психологов с когнитивной парадигмы на экзистенциальную, переход от изучения отдельных психических процессов и явлений к анализу целостных ситуаций человеческого бытия. Появилась экзистенциальная психология, предметом которой стали такие глобальные проблемы, как жизнь и смерть человека; свобода и детерминизм; моральный выбор и ответственность; общение и одиночество; смысл и бессмысленность, абсурдность существования (Леонтьев, 1997). В фокусе внимания психологов, исследующих закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, находятся фактически те же проблемы, однако *подходы к их решению* в двух названных направлениях психологической науки существенно различаются. Между психологией

человеческого бытия и экзистенциальной психологией есть принципиальные различия, и некоторые особенности последней не позволяют исследователю эффективно, научно-корректно изучать психологические особенности познания и понимания мира субъектом.

Во-первых, проблема, с которой сталкивается психолог, привыкший к теоретико-экспериментальному анализу проблемы понимания, заключается в том, что экзистенциалистская ориентация во многих областях, например консультировании, имеет глубоко интуитивный, а не эмпирический фундамент. Естественно, что это означает скорее схватывание феноменологической целостности изучаемых явлений, чем установление достоверности выявленных закономерностей и воспроизводимости обнаруженных фактов.

Экзистенциальные психологи «доступные пониманию психические взаимосвязи называют также внутренней причинностью (Kausalitat von innen), тем самым указывая на наличие непреодолимой пропасти между собственно причинностью ("внешней причинностью") и связями, устанавливаемыми в сфере психического и заслуживающими называться "причинными" только на правах аналогии» (Ясперс, 1997, с. 367). Для психолога, анализирующего феномен понимания с позиций психологии человеческого бытия, признание существования непреодолимой пропасти между внешней и внутренней причинностью оказывается совершенно неприемлемым. Понимающий субъект является органичной и неотъемлемой частью мира, и потому внешние и внутренние условия его существования включены как во «внешние», так и во «внутренние» связи и отношения. Следовательно, оба типа причинных связей и отношений имеют не дизъюнктивный, а взаимодополняющий характер.

Поскольку, согласно экзистенциалистскому понятию существования, функции субъекта и объекта в бытии принципиально различны (объект «существует», а субъект «переживает»), то человек не познает объективный мир, а именно «переживает». Мало того, что в соответствии с этим тезисом постулируется если не непознаваемость объекта, то уж во всяком случае несущественность познания мира, его малая значимость для самореализации человека. С этим связан и акцент на сиюминутности: фокусировании внимания на тех эмоциях и чувствах, которые проявляются в данный момент. В экзистенциальной психотерапии это

называется принципом «здесь и теперь». В результате получается, что человек пассивно отражает непознаваемые внешние стимулы, а не осуществляет свою жизнь как субъект, действующий, активно познающий и преобразующий мир.

Для психолога-исследователя изучение любого психологического явления связано с анализом его причинно-следственных связей, внутренних и внешних условий, которые обусловили его формирование и развитие. Как отмечает Е.А. Климов, «в любом случае понимание и объяснение явлений психики должно быть "связесообразным", т.е. опираться на раскрытие рассматриваемого явления в системе тех или иных характеризующих его реальных связей (более принято и благозвучно выражение "законосообразность" понимания, объяснения; его мы и будем придерживаться)» (Климов, 1998б, с. 26).

В отличие от научно-познавательной традиции с экзистенциальной точки зрения исследовать — прежде всего значит отодвинуть повседневные заботы и глубоко размышлять о своей экзистенциальной ситуации. Иначе говоря, думать не о том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а о том, *что мы есть*. С позиций психологии человеческого бытия, психолог не может ограничиться узнаванием того, что есть, выявлением того, как субъект понимает, например, смысл своей жизни. Напомню, что для Рубинштейна и Франкла главная категория — долженствование. Следовательно, задача психолога состоит не в констатирующем описании особенностей наличного бытия человека. Это еще и оценка реального бытия с позиций идеальных представлений о нем, т.е. этических отношений, морального императива. Только таким способом можно понять психику человека не как данность, определенный временной срез, а как динамическое, процессуальное образование, имеющее свои причины и следствия.

Во-вторых, субъектные основания психологии человеческого бытия изначально построены на представлении о том, что развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. В отличие от этого экзистенциальная психология, по существу, — это психология индивидуализма. Она изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями — добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, наконец, жизнью и смертью. И.Д. Ялом называет

такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией. Он пишет: «Индивиды часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, — изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию — отделенность между индивидом и миром» (Ялом, 1999, с. 400).

В основе экзистенциального подхода к изучению человеческой психики лежит представление о базисном конфликте, конфронтации субъекта с данностями существования. Под последними имеются в виду глобальные жизненные факторы, являющиеся неотъемлемой составляющей бытия человека в мире — свобода, изоляция, бессмысленность и т.п. Отличительная особенность экзистенциального подхода состоит в стремлении противопоставить себя картезианской картине мира, согласно которой он состоит из отдельных объектов, в том числе воспринимающих их и взаимодействующих с ними субъектов. Характерной чертой мировоззрения экзистенциалистов является их стремление преодолеть субъект-объектное расщепление мира. Они рассматривают человека не как «мыслящий тростник», воспринимающий и осмысливающий действительность, а как субъекта, обладающего активным сознанием и потому непосредственно участвующего в построении, конструировании реальности.

Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними все равно всегда остается непреодолимая пропасть, потому что каждый из нас в одиночестве приходит в мир и в одиночестве должен его покинуть. Это порождает неизбежный конфликт между сознаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в общении с людьми, защите и, в конечном счете, принадлежности к какой-то целостности. Экзистенциальный подход не отрицает важности интерсубъективных отношений для человеческой жизни, однако это отношения не взаимодействия и сотрудничества, а отстранения и отчуждения. Взгляд другого человека на субъекта превращает последнего в бездушный объект наблюдения, отчужденный как от самого себя, так и от всего окружающего мира. Особенно отчетливо установка на индивидуализм проявляется в проблеме

свободы, центральной для экзистенциалистской теории: например, в отношениях половой любви каждый из партнеров стремится завладеть свободой другого и превратить ее в вещь (Сартр, 1992).

С позиций психологии человеческого бытия к проблеме одиночества необходим дифференциальный подход. Он предполагает изучение психологических характеристик и выделение разных типов одиноких людей, а также поиск причинных связей между временным состоянием и длительным чувством одиночества. Эта проблема связана с индивидуально-психологическими особенностями восприятия человеком себя и своего окружения. Одиночество как мироощущение и переживание личности представляет собой многомерное, системное качество, которое нельзя понимать и оценивать упрощенно, т.е. исключительно как проявление экзистенциальной изоляции. Одиночество — как объективное состояние, так и субъективное мироощущение — зависит от социально-ролевого статуса субъекта и его личностных качеств.

В исследовании Н.Е. Харламенковой по этим параметрам было выделено три типа личности. *Зависимый* тип характеризовался сочетанием низкой потребности в самоутверждении с завышенной самооценкой и суженной (за счет отвержения целей самореализации) системой ценностей. Для людей *доминирующего* типа характерны гиперпотребность в самоутверждении, завышенная самооценка и ориентация на ценности самореализации. *Самодостаточный* тип личности отличает конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие. Результаты экспериментов показали, что только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. «При этом оказалось, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо в большей мере, чем зависимая личность» (Харламенкова, 1998, с. 90). В то же время для самодостаточного человека состояние одиночества ассоциируется с чувством свободы и независимости: «Самодостаточная личность, ориентированная на собственное понимание действительности, интерпретирует состояние одиночества как своеобразное *благо*, не испытывая обостренного чувства одиночества и отчужденности» (там же, с. 91).

Следовательно, при дифференцированном психологическом подходе к проблеме оказывается, что экзистенциальную изоляцию нельзя рассматривать как универсальную характеристику бытия человека, непременно порождающую чувство одиночества. Многое зависит от того, какими психологическими свойствами обладает субъект, какое место он занимает в обществе и как оценивает свои отношения с другими людьми.

В-третьих, сторонникам психологии человеческого бытия присущ если не безграничный оптимизм, то во всяком случае трезвый и реальный взгляд на место и предназначение человека в системе мироздания. Такая мировоззренческая позиция отвергает представления о безусловной абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Экзистенциальная психология во многом унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу (во всяком случае, в европейском варианте этого философского направления). «Экзистенциальный человек» безуспешно пытается преодолеть «отвратительные», вызывающие тошноту (вспомним название одноименного романа Ж.-П. Сартра) проявления своей телесной, материальной оболочки. Одновременно он с ужасом сознает, что это ему не дано: растворение себя в потоке мелких чувств и желаний, обыденных ситуаций всегда будет препятствовать постижению высшего смысла бытия. Неудивительно, что неизбежным и малоутешительным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека: небытие не уравновешивает бытие, а активно опровергает его.

В противоположность экзистенциализму психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиции «Я и другой человек». В этом ракурсе фундаментальные проблемы и ценности человеческой жизни раскрываются по-другому. В частности, конечная точка земного пути человека, смерть, предстает не как безусловная трагедия. Отношение к ней субъекта определяется в зависимости от рассмотрения им себя, своей активности в мире, возможности взаимодействовать с другими людьми и оставить после себя что-то если не значительное, то по крайней мере субъективно ценное. Ведь смерть — это не только трагический конец индивидуального существования: «Смерть есть также конец моих возможностей

дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой» (Рубинштейн, 1997, с. 82). Отсюда закономерный вывод: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным в силу особой ситуации, при особых условиях — в момент, когда она обрывала бы какое-то важное дело, какой-то замысел» (там же). Следовательно, этическое отношение субъекта к другим людям и себе коренным образом изменяет представление человека о трагическом финале бытия.

Как перечисленные, так и другие неназванные особенности экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия привели меня к выводу о большей перспективности изучения проблемы понимания с позиций последней. Это не означает отрицания возможности и в чем-то даже продуктивности экзистенциального взгляда на проблему (например, К. Ясперс с этих позиций осуществил блестящий по глубине и ясности анализ феноменологии понимания: Ясперс, 1997). Вследствие этого наиболее перспективное направление исследования понимания субъектом мира я вижу в анализе проблемы с позиций психологии человеческого бытия.

2.3. Понимание субъектом мира как проблема психологии человеческого бытия

Психология человеческого бытия дала психологам возможность под другим углом зрения взглянуть на проблему понимания: она раскрывается под углом зрения отличных от традиционных когнитивных по своей сути взглядов на этот феномен. В психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному

в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности (о понимании как познавательном отношении см.: Знаков, 1994). Индивидуальная специфика понимания вносит весьма существенный вклад в формирование личностных способов мышления субъекта, осмысливающего моральные, правовые, политические, экономические ценности изменяющегося мира.

Разнообразные познавательные теоретико-экспериментальные исследования внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов понимания. Вместе с тем они показали, что, следуя в этом направлении, вряд ли можно получить научное представление не об отдельных сторонах, признаках, характеристиках понимания, а понять его как нечто единое, феноменологически целое. К такому выводу я пришел после многолетнего теоретического и экспериментального анализа основных условий, необходимых для возникновения понимания, различных форм, в которых оно проявляется, свойств личности, детерминирующих специфику этого феномена, и т.п. (Знаков, 1994). Можно, конечно, и дальше уточнять и углублять наши знания о когнитивных составляющих понимания как одного из компонентов познавательной деятельности и общения людей. Однако это метод скорее аналитического расчленения, чем синтетического объединения разных и нередко противоречивых данных о целостном феномене.

Для меня показательным примером того, как основательная, кропотливая и вдумчивая исследовательская работа ученого постепенно приводит к тому, что, изучая понимание с позиций когнитивного подхода, мы, в конце концов, узнаем «все ни о чем», является монография Ж.Ф. Ришара (Ришар, 1998). Он пишет: «Природа знаний в памяти, используемая для понимания текста или ситуации, позволяет нам выделить различные процессы, посредством которых реализуется понимание. Понимание может быть и партикуляризацией схемы, и конструированием реляционной сети, которую используют для переработки очень общих знаний, касающихся целых классов ситуаций, подлежащих переработке (например, что такое рассказ? что такое проблема?). Эти знания уточняют тип информации, который должна содержать в себе интерпретация и тип запретов, которым должна удовлетворять интерпретация в ходе своего построения. Это может быть также конструирование отдельной ситуации, которая должна быть

совместима со всей информацией общего характера, имеющейся в распоряжении. Это может быть, наконец, конструирование реляционной или процедурной структуры по аналогии с существующей структурой путем ее модификации с целью адаптации.

Мы увидим, что существует огромное многообразие процессов понимания и что их можно охарактеризовать, исходя из предыдущих различений: термин понимание является, таким образом, родовым термином, который надлежит специфицировать в зависимости от типа процесса, с помощью которого реализуется понимание» (Ришар, 1998, с. 9).

Последующая и, надо признать, добросовестная спецификация содержания родового термина дает возможность читателю узнать, что такое понимание как партикуляризация схемы, конструирование концептуальной структуры, рассуждение по аналогии с известной ситуацией. Однако чем детальнее французский психолог рассматривает разные аспекты проблемы, тем труднее уяснить, что представляет собой понимание как целостное, неразложимое на части психологическое образование.

Неудивительно, что сегодня многие ученые стали рассматривать понимание не только как познавательный, но и как экзистенциальный феномен. Экзистенциальный ракурс его рассмотрения предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и их целостного понимания.

С одной стороны, обращение к экзистенциальным проблемам, необходимость понимать реальные жизненные ситуации вызваны практическими запросами, востребованностью психологов в современном российском обществе. Это отчетливо проявляется, например, в практике психологического консультирования. В частности, я имею в виду то направление, которое Ф.Е. Василюк называет понимающей психотерапией. С позиций данного направления «в широком смысле психотерапевтическое понимание есть особая интенция, особая диалогическая установка, делающая понимание главной, самоценной и в известном отношении последней задачей терапевта. Воплощая эту установку, терапевт все делает для того, чтобы понять пациента и дать ему это понимание, а не старается понять для того, чтобы что-то сделать — повлиять, вылечить, исправить» (Василюк, 1996, с. 48).

В понимающей психотерапии терапевт не проявляет активности, направленной на формирование понимания пациентом

своих проблем. Сознательный отказ от воздействия в сочетании с полной обращенностью к пациенту, настроенностью на него направлен на создание возможности последнему самому понять и продуктивно преобразовать те жизненные проблемы, которые побудили человека обратиться к психологу.

С другой стороны, к концу XX в. многими учеными была осознана необходимость рассматривать понимание в более широком научном контексте, чем его описание как феномена осмысленного отражения разных сторон явлений, событий, ситуаций. Х.Г. Гадамер, П. Рикёр и другие стали интерпретировать понимание как содержательно более объемную категорию, чем познание и уж тем более — индивидуальное мышление. Понимание, с их точки зрения, представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в его способах бытия в мире. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его. Соответственно бытие и понимание, существование и понимание неразделимы и принципиально не могут быть противопоставлены друг другу. В психологии описанная выше методологическая позиция связана прежде всего с развитием субъектно-деятельностного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

С позиции психологии человеческого бытия понимание не может рассматриваться только как процесс рационального постижения знания о понимаемом, в результате которого у субъекта возникает его смысл. Понимание осуществляется не путем усилий рационального мышления, а всем существом человека, сопричастного всему сущему и стремящегося к проникновению в него. «Сущностное понимание» (термин В.И. Холодного) включает не только способность понимающего субъекта увидеть высший смысл в повседневной ситуации. Рефлексируя ход собственных размышлений и переосмысливая ситуацию, он может увидеть «точки роста», проблемы, которые нужно будет решать вследствие глубокого понимания осмысленного. «Сущностное понимание позволяет человеку абстрактно видеть предельный смысл в эмпирических событиях и на этой основе

предвосхищать различные перспективы саморазвития сложившейся ситуации. С сущностным (субстанциальным) видением реальности органически связано проблемное понимание, представляющее собой процесс постановки и решения оригинальных проблем, с позиций которых проясняется и конкретизируется сущностное восприятие целостного мира и отдельных его частей, которые также видятся как целостные феномены» (Холодный, 2004, с. 68).

В.Ф. Петренко, рассматривая психологическую проблему понимания в контексте соотношения естественнонаучного и гуманитарного знания, выражает ее иначе: «Понимание же — это осмысление места, функции данности в контексте некоего целого. А поскольку любая система развивается, то и понимание подразумевает осознание данного в контексте, еще не реализованного, становящегося бытия. И в этом плане понимание — не констатация наличного состояния, а своего рода пророчество, видение потенциальных возможностей развития» (Петренко, 2005, с. 96).

Таким образом, с позиций психологии человеческого бытия любое понимание всегда содержит в себе возможности психического *развития* понимающего субъекта, его самореализации, осуществления, становления себя в мире. Как полагает Э.В. Галажинский, связь понимания и развития отчетливо прослеживается, например, в психологических исследованиях возможных путей реализации человеком себя, своих потенциальных возможностей. Он пишет: «Самореализация личности, понимаемая в психоисторическом контексте, есть не что иное, как постепенно осознаваемый людьми процесс реализации собственных возможностей, который все более становится понятным людям как то, что обеспечивает смысл и ценность их собственно человеческого существования» (Клочко, Галажинский, 1999, с. 32).

Цель данного раздела — очень кратко рассмотреть круг проблем, связанных с психологической спецификой понимания мира субъектом. Основные вопросы, которые необходимо обсудить, так или иначе связаны с интерпретацией понимания мира как такого поиска и порождения человеком разнообразных смыслов, которые делают для него этот мир осмысленным, а свое существование в нем оправданным. Для обоснования необходимости изучения понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия прежде всего нужно обозначить круг

проблем, с которыми сталкивается психолог-исследователь в этой проблемной области.

Первая проблема, которую необходимо рассмотреть, — поиск субъектом смысла жизни. С позиций психологии человеческого бытия, понимание нужно человеку для того, чтобы понять себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. В конечном счете смысл нашего бытия действительно состоит в понимании, а главное предназначение субъекта — искать смысл жизни, понимать ее. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиции смысла своего существования.

По Франклу, «нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него — не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» (Франкл, 1990, с. 114). Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1997, с. 113).

Вторая проблема — выявление основных направлений анализа самопонимания в современной психологии. В наиболее общем виде проблему можно определить как изучение направленности активности человека на себя, психологический анализ роли самопонимания, самопознания, рефлексии в формировании взаимопонимания. Исследование этой проблемы актуально прежде всего в связи с тем, что рефлексивность, обращение внимания на основания своего бытия вообще является одной из главных психологических особенностей человека как субъекта. Психологические процессы самопознания и самопонимания не только

дают человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, каков он и что с ним происходит. Обращенность на себя, с одной стороны, неизбежно приводит к выявлению психологической неоднородности и даже противоречивости своей сущности. С другой стороны, результатом самопознания, самопонимания является не только разрешение противоречий: они парадоксальным образом способствуют возрастанию целостности и гармоничности психологических проявлений человека как субъекта.

В этом контексте важно обратить внимание на неодинаковость, нетождественность феноменов «самопознание» и «самопонимание». Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на констатирующие вопросы типа: «Какой я?» или «Что я знаю о себе?» В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа — причинные: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не нравится?» Указанные различия между самопознанием и самопониманием особенно отчетливо видны в психотерапевтических практиках. Цель многочисленных психотерапевтических методик заключается в попытках терапевта побудить пациента понять себя посредством ответов на вопросы о том, почему он именно так, а не иначе думает, чувствует, поступает. Возникающее вследствие ответов на вопросы лучшее понимание себя способствует осознанию причин болезни и в конечном счете — ее преодолению. Если же пациент просто со временем все больше и больше узнает о своих болезненных симптомах, то такое самопознание оказывается малопродуктивным. Как отмечают специалисты, каждый из них «может встретиться с больными, которые благодаря иногда многолетним контактам с психиатрами обладают большими знаниями о своих невротических механизмах, что ни в коей мере не облегчает их страданий» (Кемпиньски, 1997, с. 192).

Осуществляя психологический анализ самопонимания, психолог должен выявить конкретные внешние и внутренние условия его формирования и развития. Изучение таких условий должно вестись в направлении исследования сходства и различий самопонимания и самопознания, самооценки, самоотношения, самопринятия и самоубеждения; соотношения человека как субъекта самопонимания (его понимающего Я) и как его объекта (понимаемого Я); процесса самопонимания и его продукта; адекватности самопонимания и самообмана (в психологическом смысле эти

категории, по-видимому, нельзя рассматривать как семантические антиподы).

Третья проблема, которую необходимо обозначить, — общественные и личностные детерминанты самопонимания. В мире человека понимание различных явлений осуществляется изнутри социокультурной среды как самопонимание: понимание субъектом себя как члена культурно-языковой общины. Л. Витгенштейн писал, что в стране с чуждыми нам традициями, «даже владея языком этой страны, мы не понимаем людей. И не потому, что не знаем, что они говорят друг другу. Мы не можем обнаружить себя в них» (см.: Ионин, 1979, с. 186).

Иначе говоря, проблема заключается в поисках того целостного контекста, в который субъект включает все, что должно приобрести для него смысл. В соответствии с исходными установками психологии человеческого бытия, этот контекст следует искать как во внешнем мире, общении с другими людьми, так и во внутреннем мире субъекта. Психологические исследования показывают, что конкретный характер самопонимания в значительной степени зависит от того, к какой социальной общности относит себя человек, с какой позиции он пытается получить ответы на жизненно важные вопросы.

Влияние идентификации себя с определенной группой на самопонимание особенно возрастает в периоды политических и экономических преобразований в обществе. На это, в частности, указывают данные этнопсихологических исследований: «В условиях трансформации системы базовых социальных категорий (гражданской, этнической и т.д.) личность стремится идентифицироваться с теми группами, членство в которых позволяет ей решить проблему смысловой определенности, а именно помогает наиболее адекватным изменившейся реальности способом ответить на вопрос: *кто я?* Через поиски ответа на этот вопрос человек реализует не столько базальную потребность в самоуважении, сколько базальную потребность *в смысле, в понимании.* Ответ на этот вопрос служит усилению чувства контроля над собственной жизнью, а следовательно, лучшей адаптации человека в изменившемся мире. Поэтому далеко не всегда человек идентифицируется с наиболее привлекательными социальными категориями (например, европейцами или доминирующей этнической группой), а подчас осознанно причисляет себя к неуважаемым, навязанным извне негативным категориям

(например, изгоям, людям второго сорта, "инородцам" и т.д.), поскольку эти категории более точно определяют его положение в новой социальной реальности» (Лебедева, 1999, с. 53).

Социальная идентификация как один из психологических механизмов понимания субъектом мира и себя в мире конкретно проявляется в избирательности социальных контактов, которые люди используют для подтверждения собственного мнения о себе. Другим социально-психологическим фактором формирования самопонимания является сопоставление субъектом понимания себя с пониманием другими, занимающими более высокое или более низкое статусное положение. В частности, на примере семейных пар показано, что если один из супругов имеет более высокий социальный и психологический статус, то его (ее) суждения оказывают значимое влияние на самооценку и самопонимание партнера по браку. И наоборот: при более низком статусе самопонимание субъекта может изменяться под влиянием партнера. При одинаковом статусе влияние оказывается взаимным (Cast et al., 1999).

Четвертая проблема — различение парадигматического и нарративного способов понимания мира. С точки зрения психологии субъекта в этой проблеме наиболее отчетливо воплощается взаимодополнительный характер микро- и макроанализа психического, а также регуляции реальных ситуаций человеческого бытия законами и первого, и второго типов. Парадигматический и нарративный способы познания и понимания мира явным образом указывают на факт существования реальностей, соответствующих двум группам законов: отражаемой людьми и порождаемой ими. Естественно, что отражение невозможно без порождения психических новообразований, так же как мысленное конструирование и реконструирование нового подчиняется законам материального мира.

Пятая проблема — исследование субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний и психологических особенностей партнеров в межличностном общении. Теоретическим основанием этой проблемы является положение С.Л. Рубинштейна о том, что психологическая природа субъекта наиболее полным образом раскрывается через такую совокупность его отношений к миру, которая включает признание права других людей на автономность, уникальность, независимость — субъектность. В психологии субъекта эта проблема трансформи-

ровалась как в поиски истоков духовности людей, так и в выявление бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком.

Неслучайно в психологии человеческого бытия большое внимание уделяется анализу влияния на формирование взаимопонимания субъект-субъектных и субъект-объектных типов взаимодействия между партнерами по общению. Очевидно, что вряд ли следует называть субъектом человека, занимающего в общении монологическую позицию: не слушающего другого, не признающего за ним права на собственное мнение и в общем-то совершенно не заинтересованного в принятии и понимании его как равноправного коммуникативного партнера. Психологические эксперименты свидетельствуют о реальном существовании таких людей: показательным примером является монологическое субъект-объектное понимание инструментальной правды. Противоположный, диалогический субъект-субъектный тип понимания высказываний в диалоге демонстрируют испытуемые, понимающие правдивые сообщения как нравственную или рефлексивную правду (Знаков, 1999б).

Проведенные исследования показали, что стремление хотя бы одного из партнеров обращаться с другим не как с субъектом, а как с объектом, которым можно манипулировать, пагубным образом сказываются на успешности достижения взаимопонимания. Обнаружено, что психологической предпосылкой манипулятивного поведения является высокий уровень выраженности макиавеллизма личности субъекта. Субъекты с высоким уровнем макиавеллизма в общении отличаются коммуникативной негибкостью, ригидностью. Личностными и ценностно-ориентационными основаниями ригидности, препятствующими достижению взаимопонимания, являются «синдром эмоциональной холодности», низкая эмпатичность, преобладание субъективной значимости социально-статусных ценностей над моральными, представление об универсальности манипуляции как эффективного способа общения, убеждение в собственном превосходстве, игнорирование психологических особенностей партнеров.

Другой психологической предпосылкой предпочтения субъект-субъектного или субъект-объектного типов взаимодействия в коммуникации являются половые и гендерные различия общающихся людей. Люди отличаются не только по полу,

но и по степени выраженности маскулинности и феминности. Это непосредственно не связано с биологической половой принадлежностью. Маскулинность и феминность определяются ролевыми позициями, которые мужчины и женщины занимают в общении, а также ценностными ориентациями, направленностью на несколько отличающиеся системы ценностей.

Естественно, что в жизни маскулинные признаки чаше проявляются у мужчин, а феминные — у женщин. Зарубежные психологи полагают, что для мужчин в общем и целом характерна ориентация на себя, самоутверждение, саморазвитие, доминирование и контроль над партнерами. Для женщин более типична ориентация на других, включающая самоотверженность, заинтересованность в собеседниках и желание быть с ними. В разных сферах жизни мужчины реагируют на поведение других таким образом, чтобы показать свою компетентность или доминирование, в то время как женщины пытаются поддерживать относительную близость. Западные психологи обычно описывают женщин как ориентированных на зависимость, а мужчин — ориентированных на контроль, доминирование. Соответственно понимание субъектом сообщения зависит от его пола и половой роли. При этом вербальная агрессия, манипуляция и макиавеллизм, присущие маскулинной позиции в общении, оказывают вполне определенное влияние на понимание субъектом сообщений в коммуникации. Сочетание принадлежности к женскому полу и феминных ценностей предполагает благожелательную и поддерживающую интерпретацию сказанного партнером. Сочетание мужской половой роли и ориентации на себя, а также пола источника сообщения предполагает доминирующую и контролирующую интерпретацию (Edwards, 1998).

***

Исследование понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия открывает перед нами новые горизонты и интересные перспективы психологического анализа этого феномена. Причем неверно было бы воспринимать перечисленные выше проблемы как отдельные, ничем не связанные между собой. Понимание бездуховной антисубъектной сущности тоталитаризма, авторитаризма, манипуляций человека человеком, рассмотрение обсуждаемого феномена как выхода

за непосредственные границы содержания понимаемого и одновременно акта самопонимания, изменяющего психическую реальность понимающего субъекта, возвышающего его над «бренной телесной оболочкой». Все названные психические явления объединяются их соотнесенностью с человеческой духовностью, духовным Я понимающего мир субъекта. Разнообразные познавательные подходы к изучению понимания внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена, но вместе с тем уже почти исчерпали себя. Сегодня мы немало знаем об основных условиях возникновения понимания, различных формах, в которых оно проявляется, свойствах личности, детерминирующих специфику понимания (Знаков, 1994). Однако эти знания мало способствуют уяснению сути духовного Я понимающего мир человека. Я имею в виду то невыразимое в познавательных категориях возвышенное состояние, которое возникает в самые творческие мгновения акта понимания. Поиски психологических оснований духовного Я понимающего субъекта бессмысленны в рамках когнитивной психологии, потому что такие основания скорее соответствуют психологии человеческого бытия.

2.4. Духовное Я понимающего мир субъекта

Психология человеческого бытия ориентирована преимущественно на изучение высших устремлений субъекта, на проявления его духовной сущности. «Духовность обычно определяется весьма широко, охватывая аспекты поиска смысла, целостности, единства, трансценденции и вершины человеческих возможностей» (Эммонс, 2004, с. 180). Проблема духовности сегодня привлекает не только богословов, историков, культурологов и философов, обсуждающих ее в основном в контексте анализа религиозных и историко-культурных корней российского и западного самосознания. Не меньший интерес она представляет и для психологии, особенно психологии понимания, в которой чрезвычайно актуальным является вопрос выявления психологической сущности духовного Я понимающего мир субъекта. В наше время любому квалифицированному специалисту по психологии понимания

ясно, что механизмы этого феномена невозможно описать только в когнитивных по своей сути категориях определений понимания, условий его возникновения, различных форм, а также способов репрезентации понимаемого в психике понимающего. Недостаточными оказываются и привлечение этических категорий, попытки «наведения мостов» между познавательной и нравственной сферами личности понимающего субъекта. При психологическом анализе понимания (Знаков, 1994) у меня практически всегда возникало смутное ощущение, что за пределами анализа осталось что-то очень важное, составляющее вечно ускользающий глубинный смысл исследуемого феномена. Сегодня я думаю, что это «что-то» и есть проявление духовной сущности человека, не сводимой только к познанию и морали.

Психологические аспекты духовности отражают человеческие, личностные изменения, происходящие у субъекта во время акта понимания. Отличительный признак понимания как психического образования заключается в том, что для того чтобы что-либо понять, мы всегда должны соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном. Понятое знание о мире обязательно включает представление понимающего субъекта о том, каким должен быть мир. Понимание в этом смысле и есть процесс и результат сопоставления существующего с должным. Понимание — это всегда сопоставление понимаемого с ценностными представлениями понимающего субъекта, с принимаемыми им социальными, групповыми, моральными и другими нормами поведения. Если то, что человеку необходимо понять, расходится с тем, чего он ожидает в соответствии со своими представлениями о долженствовании в социальном мире, то у него возникают трудности с пониманием ситуации.

Формирование духовных состояний во время понимания происходит именно в результате интеллектуальных и нравственных усилий субъекта, направленных на устранение осознаваемых им противоречий между реальными социальными ситуациями, требующими понимания, и нормативно-должными, идеальными. Психологические аспекты духовных состояний (не столь уж частых в жизни человека) неразрывно связаны с глубокими структурами личности, ценностными переживаниями и недостаточно осознаваемыми высшими ценностями. Духовность с трудом поддается рефлексии путем диалога между нашим познаваемым сущим, выраженным в самооценке наличного Я, и познающим

духовным сущим, «подсознательной духовностью» (Франкл, 1990). И если в бытии сознанию открывается познанное существующее, то пониманию — соотношение существующего, наличного, с тем что должно существовать. Причем не только во внешнем мире, но и в самом понимающем субъекте. Вследствие этого, понимая мир, человек изменяет, творчески преобразует себя, из глубин обыденной жизни поднимается до духовных вершин бытия.

Духовную сферу личности нельзя рассматривать только через призму интеллектуальной, умственной деятельности человека. Духовность субъекта можно понять только в контексте культуры и мироздания, потому что духовная сфера жизни человека включает как бесконечное разнообразие его связей и отношений с другими людьми, так и попытки осознания своего места и роли в универсуме — в человеческом мире и за его пределами.

Наиболее значимое, важное место проблема духовного Я человека занимает в психологии субъекта. Согласно давним научным и культурным традициям, духовное неразрывно связано с идеальным. Особенно отчетливо это проявляется в русской науке и культуре. Например, К.А. Абульханова в интересной и содержательной статье, посвященной методологическому анализу категории субъекта, пишет: «Возрождение категории субъекта на российской почве выразило неистребимое стремление русского самосознания к идеалу, проявившееся с особой силой именно тогда, когда реальность пришла с ним в полное противоречие» (Абульханова, 1997, с. 58). Субъект, по определению, является существом духовным, стремящимся к самосовершенствованию, достижению определенных идеалов. Однако «субъект не потому субъект, что он уже есть совершенство, а потому, что он через разрешение противоречий постоянно стремится к совершенству, и в этом состоит его человеческая специфика и постоянно возобновляющаяся жизненная задача. Исходя из такого определения субъекта не как идеала, а лишь постоянного движения к нему личности путем разрешения противоречий, можно понять, что оно раскрывает соотношение реальности и идеала, реальных и оптимальных моделей, позволяет увидеть пространство между наличным, данным и желательным» (Абульханова, 1997, с. 59—60).

Сегодня большинство психологов смотрят на проблему духовности и духовных ценностей уже не так, как двадцать—тридцать

лет назад, — под другим углом зрения. Для современного ученого она не сводится к прямому и грубому противопоставлению духа и материи, потому что познание не осуществляется в форме направленности субъекта на извне предстоящий и чуждый ему объект. Внимание исследователей сфокусировано на таком раскрытии отношений реальности и идеала, которое позволяет, не впадая в идеализм, на конкретно-психологическом уровне проиллюстрировать положение Рубинштейна о том, что нет объекта без субъекта. По С.Л. Рубинштейну, объект в отличие от раздражителя выделяется только субъектом, возникает в результате его познавательной активности и существует лишь для него (Рубинштейн, 1973). Для Рубинштейна неприемлем монизм как господство материалистического или идеалистического принципа, при котором познание идет по пути дихотомии, дизъюнкции единого сущего — бытия и мышления (сознания). Человек не противостоит материи, миру, бытию, а включен в последнее: именно человек оказывается тем «инструментом», посредством которого бытие, мир осознает и преобразует себя. «Само сознание существует лишь как процесс и результат осознания мира человеком. За проблемой бытия и сознания раскрывается проблема бытия, сущего и человека, его познающего и осознающего. Таким образом, центральная проблема, которая перед нами встает, — это проблема бытия, сущего и места в нем человека» (Рубинштейн, 1997, с. 4).

В этом контексте становится понятным, почему один из ближайших учеников Рубинштейна А.В. Брушлинский считал, что по отношению к двум крайностям (дух или материя, сознание или бытие) существует более перспективный «третий путь» в решении фундаментальной общей проблемы детерминизма психики человека. Это субъектно-деятельностная теория, разработанная Рубинштейном, его учениками и последователями. С позиций данной теории нет альтернативы: психическое или бытие, существующие сами по себе. Субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, — вот та «точка схождения» идеального и материального, в которой реально осуществляется детерминация поведения и развития психики. На основании такого понимания субъекта Брушлинский высказывает мнение о психологической сущности феномена духовности, которое я полностью разделяю: «Особо надо еще раз подчеркнуть, что дух, душа, духовное, душевное и т.д. — это не надпсихиче-

ское, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*» (там же).

Таким образом, на методологическом и теоретическом уровне обсуждения проблемы признается, что природу духовности и духовных ценностей нельзя искать на основе противоположения субъекта и объекта. В этом новом ракурсе проблема привлекает внимание многих психологов (Братусь, 1994; Пономаренко, 1997; Слободчиков, 1995; Флоренская, 1996; Шадриков, 1996а), обсуждающих религиозные и нерелигиозные аспекты духовности человека. Однако вопрос о сходстве и различиях научно-психологического и религиозно-философского подходов к анализу проблемы духовности пока, по существу, остается без ясного ответа.

Я полагаю, что многие трудности в решении этого вопроса будут устранены, если изначально признать, что религиозное и научное направления представляют собой два принципиально различных (хотя и неразрывно связанных) пути познания феномена духовности. Во-первых, это проявляется в поисках главных источников происхождения духа: наука их ищет в человеке (его сознании, созерцании, продуктах деятельности), а религия — в божественном откровении. У богослова нет сомнений в том, что духовность от Духа Святого, а у неверующего ученого — от человека и человечества. Во-вторых, различия видны в неодинаковости понимания категории «знание» в науке и богословии.

Научное знание характеризуется прежде всего тем, что субъект, взаимодействуя с объектом, мысленно воспроизводит его, отражает характеристики объекта в своей психике. В рациональном научном знании вещи, явления, процессы представлены так, как они происходят сами по себе, в их самобытии, самосовершении, взаимодействиях с другими объективными вещами, явлениями, процессами. Научное познание объективного мира предметно, в его результате у субъекта возникают образы, имеющие сходство с самими познавательными объектами. Научное знание всегда представляет собой образ познаваемого. Например, Я.А. Пономарев называл знание такой психической моделью, в которой отражаются все события, включенные в ход взаимодействия субъекта с объектом. Он писал: «Сам по себе термин "знание" собирательный, характеризующий лишь поверхность соответствующего ему явления, анализ сущности которого, как и во всех подобных случаях, может быть многоплановым.

В гносеологическом аспекте такого анализа знания выступают как отображение, идеальное, как образы объективного мира в широком смысле, либо как чувственные образы, равносильные ощущениям, восприятиям, представлениям, либо как образы абстрактные, равносильные понятиям, суждениям, умозаключениям и т.п. В конкретно-научном, психологическом аспекте знания выступают как динамические мозговые модели предметов и явлений, их свойств, т.е. как элементы, составляющие психику» (Пономарев, 1967, с. 90).

Однако следует заметить, что далеко не всякое научное знание, которым овладел субъект, имеет непосредственное отношение к его духовному Я. На принципиальное различие духовности и знаний как результата овладения культурой обращает внимание В.Д. Шадриков: «Можно многое знать, но не уметь творить, многое знать, но не быть духовным человеком» (Шадриков, 1996б, с. 245). Он считает, что «полностью бездуховных людей нет и что духовность не находится в прямой связи со способностями и интеллектом. Духовным может быть и человек со средними способностями, а талант может быть бездуховным» (там же, с. 257).

В отличие от рационального научного религиозное знание основано на вере, оно обладает двумя основными чертами, которые У. Джемс называл «эмоциональностью» и «интуитивностью». Как блестяще и убедительно показал Ф.Д. Шлейермахер (Шлейермахер, 1994), религиозное знание не претендует на то, чтобы быть знанием в научном смысле слова. Для богословия «знание» оказывается неразрывно связанным с «верой» и «переживанием», потому что его интересует не природа вещей, а только воздействие этой природы на самобытный характер религиозного переживания человека. Как ясно следует, например, из работ, посвященных анализу аскетических и мистических аспектов православия, религиозные догматы представляют собой описания содержания самого переживания, а не теоретические истины об объектах, рассматриваемые вне отношения к ним субъекта (Св. Григорий Палама, 1995; Сильницкий, 1995). С позиции верующих к религиозному переживанию нелепо применять какие-либо критерии рациональности, потому что оно есть духовный процесс, возвышающийся над любыми интеллектуалистическими критериями объективности и субъективности.

Существует еще один параметр, по которому научное знание отличается от религиозного, — это степень его образ-

ности. Для психологического анализа научного знания аксиомой является положение о неразрывной связи, диалектическом единстве его образных и дискурсивных составляющих. А с точки зрения богословия, в частности восточной ветви христианства, представленной в учении Григория Паламы об исихазме (Св. Григорий Палама, 1995), яркие чувственные образы, возникающие у верующего во время молитвы, считаются грехом, прелестью (Святитель Игнатий Брянчанинов, 1996) — они не могут порождать истинно религиозное знание. Ссылаясь на руководства по исихастской практике, этот момент подчеркивают Н.Л. Мусхелишвили и Ю.А. Шрейдер: «Духовная практика интенционально направлена на созерцание "бестелесного" образа, а не на воплощение его в чувственных или словесных образах. Описание духовной практики есть описание пути, а не достигаемого в созерцании образа. Можно сказать, что это описание порождается образом проходимого пути, но не образом, который достигается или ожидается в результате его прохождения. Созерцание и представление о пути к созерцанию (допускающее дальнейшую рефлексию и вербализацию) подразумевают разные состояния сознания» (Мусхелишвили, Шрейдер, 1997, с. 85).

Особый характер образности, присущий религиозному знанию, а также примат переживания вовсе не означают отрицания необходимости и значимости научного знания. Напротив: выводом из философии религии Шлейермахера стало признание высшего единства знания и веры и одновременно законности и обоснованности их самобытного существования (Шлейермахер, 1994). Этот момент особо подчеркнул С.Л. Франк в предисловии к книге Шлейермахера: «Религиозное и научное знание суть как бы разветвления и особые, самобытные и самодовлеющие стороны духовного бытия, которые каждая на свой лад раскрывают человеку его отношение к миру и коренятся оба в глубочайшем единстве духа и мира» (Франк, 1994, с. 26).

После краткого анализа сходства и различия религиозного и научного путей изучения проблемы духовности перейду к рассмотрению отличительных особенностей основных направлений поиска психологической природы этого феномена. В многообразии современных подходов к проблеме можно выделить по меньшей мере четыре основных направления.

Исторически первое, религиозное направление имеет четко заданные границы: в нем духовное выступает только как

божественное откровение: Бог есть дух. А жизнь духовная — это жизнь с Богом и в Боге.

Продуктивная попытка изложения основ психологии как такой науки о духе, которая направлена на поиски выхода из противоположности материалистически и идеалистически ориентированных психологических систем, представлена в работах С.Л. Франка (Франк, 1997). В его философской психологии развивается удивительно созвучное современной науке положение о неразрывном единстве субъективного и объективного, человека и мира. Он писал: «При анализе предметного сознания мы видели также, что субъективное единство нашей душевной жизни есть среда, в которой встречаются или соприкасаются две объективные бесконечности — бесконечность познающего разума или духа и бесконечность предметного бытия. Это дает возможность заранее сказать, что духовная жизнь, будучи жизнью "души" в духе, укорененностью субъективного единства нашего Я в глубинах надындивидуального света, есть вместе с тем жизнь души в предметном бытии, некоторая органичная слитность ее с миром объектов» (Франк, 1997, с. 163–164).

В наше время традиции христианской психологии следует Б.С. Братусь. Он анализирует четыре ступени развития личности и так описывает высшую просоциальную, гуманистическую ступень: «Ее можно назвать духовной или эсхатологической. На этой ступени человек начинает осознавать и смотреть на себя и другого не как на конечные и смертные существа, но как на существа особого рода, связанные, подобные, соотносимые с духовным миром. Как на существа, жизнь которых не кончается вместе с концом жизни земной. Иными словами — это уровень, в рамках которого решаются субъективные отношения человека с Богом, устанавливается личная формула связи с Ним. Если говорить о христианской традиции, то субъект приходит здесь к пониманию человека как образа и подобия Божия, поэтому другой человек приобретает в его глазах не только гуманистическую, разумную, общечеловеческую, но и особую сакральную, божественную ценность» (Братусь, 1994, с. 8–9).

Несмотря на, казалось бы, ограниченные религиозными догматами рамки этого подхода к изучению духовности, идеи, содержащиеся во многих богословских трудах и работах по психологии религии, дают богатую пищу для размышлений не только религиозным людям, но и неверующим.

Возьмем, например, идущий от учения Григория Паламы тезис о том, что действие благодати, божественное откровение никогда не бывает спонтанным, «автоматическим». Оно всегда осуществляется через синергическое взаимодействие со встречными усилиями (молитвой) самого человека, направленными на соединение с Богом. Согласно догматической теории синергизма, человек должен своими добрыми делами соучаствовать в своем спасении и способствовать нисхождению на него божественной благодати (Сильницкий, 1995). Палама учит, что Бог абсолютно недоступен, трансцендентен для нас по своей сущности, но сообщается человеку через его действия, проявляется в энергиях. Энергии Бога — послания Святого Духа — обращены к миру и потому доступны человеческому восприятию (Св. Григорий Палама, 1995). Содержание этого тезиса перекликается с размышлениями современных психологов о познавательной и созерцательной активности человека как субъекта бытия. Активность человека является, несомненно, важным компонентом формирования его субъектных качеств, которые и в личностном, и в мировоззренческом плане неразрывно связаны с идеалами, духовностью, духовными ценностями.

Второе направление — поиски корней духовности не столько в самом человеке, особенностях его личности и склонности к рефлексии, сколько в продуктах жизнедеятельности: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества в памятниках старины, произведениях науки и искусства. Духовность субъекта — результат его приобщения к общечеловеческим ценностям, духовной культуре, а дух прежде всего — категория культурологическая, мировоззренческая (Пономаренко, 1997, с. 212, 272). С этой позиции дух представляет собой объективное явление, обязательно предполагающее и потенциально содержащее в себе активность субъекта. Активность направлена на опредмечивание идей, формирование значений, определяющих семантическое поле культуры, духовный опыт человечества.

В социологии весомый вклад в подобное понимание духа внес Макс Вебер (Вебер, 1990). Он применял понятие «дух капитализма» для определения такого строя мышления людей, для которого характерно систематическое рациональное стремление к получению законной и этически безупречной прибыли в рамках своей профессии (Вебер, 1990, с. 85). Как известно, важнейшим положением христианства является вера человека в спасение души.

В протестантской этике наилучшим средством для обретения внутренней уверенности в спасении считается неутомимая деятельность субъекта в рамках своей профессии: она направлена на пользу общества, рациональное преобразование социального мироздания и потому угодна Богу, приумножает Его славу. Дух капитализма, его движущая сила отражаются в совокупности этических норм, которых придерживаются предприниматели и которые *полезны* с точки зрения эффективного приращения денежных ресурсов. По Веберу, этические нормы «идеального типа» капиталистического предпринимателя не имеют ничего общего со склонностью к расточительству, показной роскошью, чванством, упоением властью. Капиталистическому предпринимателю свойственна скромность, ответственность, сознание хорошо исполняемого долга, честность.

В США одним из великих людей, преисполненных «капиталистическим духом» и проповедовавшим утилитарное обоснование этических норм, был Бенджамин Франклин. В частности, он считал, что честность полезна, ибо она приносит кредит. Так же обстоит дело с аккуратностью, умеренностью, пунктуальностью: все эти качества именно потому и являются добродетелями, что так или иначе приводят к выгоде в профессиональных делах. Он писал: «Я убедился наконец в том, что правдивость, честность и искренность имеют громадное значение для счастья нашей жизни; с этого момента я решил воспитывать их в себе на протяжении всей своей жизни и решение это записал в дневник. Откровение как таковое не имело для меня решающего значения; я полагал: хотя определенные поступки не являются дурными только потому, что они запрещены учением, или хорошими потому, что они им предписаны, однако, принимая во внимание все обстоятельства, вполне вероятно, что одни поступки запрещаются именно потому, что они по своей природе вредны, другие предписаны именно потому, что они благотворны» (цит. по: Вебер, 1990, с. 112—113).

Таким образом, важным источником духовности субъекта являются этические нормы, на которые он ориентируется в повседневной жизни (в том числе обусловленные не только его представлением о должном, нравственном отношении к другому человеку, но и практическими, утилитарными соображениями). В этических, эстетических, юридических и прочих нормах закреплены высшие образцы человеческой культуры. И если субъ-

ект усваивает, переживает их как внутренне обязательные образцы поведения, то он приобщается к высшим духовным ценностям бытия. Духовное богатство человека возрастает, когда закрепленные в общественных нормах духовные ценности становятся неотъемлемой частью его духовного мира, субъективной реальности (Слободчиков, 1995).

Нормы и образцы поведения зафиксированы в языковых значениях, происхождение и структура которых давно интересовали лингвистов, философов, культурологов, психологов. В отечественной психологии идеи, связанные с формированием значений как семантического основания культуры, духовного опыта человечества развивал А.Н. Леонтьев. В наше время конкретно-научный анализ результатов объективации значений в общественном сознании осуществляет В.Ф. Петренко с сотрудниками (Петренко, 1997; Петренко, Митина, 1997). На основании его исследований можно сказать, что духовность человека, каждого члена общества, порождается в процессе усвоения им значений, объективированных в общественном сознании, и выявления «скрытых» за значениями смыслов. С психологической точки зрения духовное Я понимающего мир субъекта формируется именно в процессах смыслообразования — порождения им как смысла конкретных социальных событий и ситуаций, так и смысла жизни в целом. Следовательно, истоки духовности человека надо искать не в значениях, а за ними — в глубинном смысле поступков людей, исторических событий, эпохи и т.п. Идя по этому пути можно выявить смысл духа времени, конкретных исторических событий, творений рук человеческих.

Третье направление исследований — изучение ситуативных и личностных факторов, способствующих возникновению у человека духовных состояний. Духовное состояние — это психологический феномен, характеризующийся тем, что человек временно «не замечает» внешнего мира, не ощущает своих органических функций, своей телесности, а сосредоточивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, т.е. познавательных, этических или эстетических аспектов человеческого бытия. Я думаю, что к теоретическому обоснованию психологической природы духовных состояний ближе всего подошли в рамках психологии бытия С.Л. Рубинштейн и А. Маслоу. Последний изучал пиковые переживания — моменты экстаза, моменты восторга, счастливого потрясения, великие мгновения творчества.

Фактически такие моменты являются не чем иным, как духовными состояниями, благодаря которым происходит самоактуализация субъекта, самореализация, развитие лучших качеств его личности. В такие моменты человек понимает окружающее во всей полноте его целостности: он воспринимает и понимает не только материальные, но и идеальные стороны бытия (Маслоу, 1997).

Условно говоря, духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект деятельности, общения, созерцания и т.п. (Абульханова-Славская, 1991). В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Как показал В.А. Пономаренко, возникновению духовных состояний способствуют особые условия профессиональной деятельности, связанные с угрозой для жизни (Пономаренко, 1997). Вот, например, как летчик-испытатель В.Е. Овчаров отвечает на вопрос о том, верит ли он в то, что Дух поддерживал крылья его самолета: «Думаю, что да. Но не некий абстрактный "Дух святой", а духовность в смысле высокой ответственности перед людьми и обществом, приподнятость духа выше нормативного в обществе благородства» (Пономаренко, 1997, с. 270). Из самонаблюдений летчиков следует, что, несмотря на широкий спектр интерпретаций понятия духа, они связывали его с психологической защитой от состояния ожидания гибели, подспудного страха, угрозы психического истощения. Духовный слой рефлексивного сознания «в виде радости преодоления возвышенных чувств от удачно выполненного полета, приобщения к Пространству как фактору преддверия Духа, видимо, и создает ту духовную доминанту, которая удерживает "в подвалах" подсознания видовые защитные реакции и инстинкты самосохранения, предчувствий, навязчивых состояний, суеверий, фиксированных фобий и пр. Поэтому,

если дух "приземлить", то его можно представить как психическое состояние, формирующее резерв выносливости в опасной профессии» (Пономаренко, 1997, с. 272).

Духовные состояния являются одним из видов психических состояний субъекта. В последние годы в российской психологии интенсивно развиваются психосемантические исследования смысловой детерминации психических состояний (Прохоров, 2002; Прохоров, 2004). В них предлагается теоретическая модель смысловой детерминации психических состояний, основанная на взаимоотношениях ситуаций жизнедеятельности, смысловой организации сознания субъекта и его личностных свойств. В этой модели по-новому переосмысливается рубинштейновская категория «переживание»: связываясь с процессами смыслообразования, она становится еще более нагруженной экзистенциальными смыслами и, по сути, соотнесенной с психологией человеческого бытия. «Переживания репрезентируют человеку содержание его бытия и сознания, посредством состояний отражаются способы ориентировки во внутреннем и окружающем мире — состояния также могут переживаться и приниматься как смыслы» (Прохоров, 2004, с. 23).

Таким образом, предпринятые в психологии состояний попытки интерпретации смысловых компонентов человеческих переживаний существенно расширяют наши представления о психологических механизмах возникновения духовных состояний.

В психологической науке анализ духовных состояний неразрывно связан с поисками корней духовности в нерефлетируемых глубинах бессознательного Я человека. По мнению В. Франкла, «человеческая духовность не просто неосознанна, а неизбежно бессознательна. Действительно, дух оказывается нерефлектирующим сам себя, так как его ослепляет любое самонаблюдение, пытающееся схватить его в его зарождении, в его источнике» (Франкл, 1990, с. 99).

От Фрейда и Юнга к современным психологам перешло представление о том, что «психическая жизнь по большей части бессознательна, охватывает сознание со всех сторон» (Юнг, 1991, с. 116). Естественно, что важным направлением поиска корней духовности являются попытки анализа взаимодействия вершин самосознания субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного). Неудивительно, что в качестве одного из эмпирических

методов постижения духовности предлагается диалог человека с сокровенными глубинами своей души, устремляющий его к добру, совершенствованию и способствующий тому, чтобы в земных созданиях услышать голос вечности (Флоренская, 1996).

Естественно, что такие, безусловно, значимые аспекты духовности и духовных ценностей не могли не заинтересовать христианских психологов и теологов. Главным образом это проявляется в развитии религиозного учения о трансцендентном Я, «внутреннем человеке». Как и те психологи, которые ведут поиски духовности в нерефлектируемых глубинах бессознательного Я, теологи подчеркивают важную роль в порождении духовной направленности сознания верующего в глубины собственного Я, обращение к «внутреннему человеку» (Архиепископ Лука, 1997). И психологи, и теологи нацелены на исследование эволюции внутренней жизни человека. Исходной точкой научного анализа оказываются глубины бессознательного, в которых еще нет ни субъекта, ни объекта, нет различения между Я и не-Я, а есть лишь бесформенная общность психической жизни. Затем, через выделение содержаний предметного сознания из душевной жизни происходит восхождение к высшему духовному состоянию. В нем противостояние субъекта и объекта, Я и не-Я, внутреннего и внешнего бытия уже видоизменяется. И субъект начинает осознавать свое духовное Я как возвышение и над противоположностью между субъектом и объектом, и над противоположностью между разными субъектами.

В рамках *четвертого направления* духовность рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности — истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию.

Мотивационной основой психологической готовности являются духовные влечения субъекта. Духовными влечениями

К. Ясперс называл «стремление к постижению определенного состояния бытия и к посвящению себя этому состоянию, проявляющемуся в ценностях — религиозных, эстетических, этических или относящихся к воззрениям субъекта на истину, — переживаемых как абсолютные» (Ясперс, 1997, с. 389). Духовные влечения отражают сложную психическую реальность, существование фундаментального переживания, «проистекающего из преданности человека духовным ценностям; это инстинктивная тоска по ним, когда их не хватает, и ни с чем не сравнимое наслаждение от ее удовлетворения» (там же).

Важнейший момент формирования и развития духовных ценностей в нравственно-рефлексивном сознании познающего и понимающего мир субъекта — появление у него чувства «внутренней, личностной свободы» (Балл, 1997, с. 7), «свободы как духовного состояния, самоощущения человека» (Ксенофонтов, 1991, с. 48—49). Развитие духовности как самореализации личности невозможно без чувства свободы. Ведь «духовность — это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себетождественность человека, его свободы от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» (Крымский, 1992, с. 23).

Духовное состояние личностной свободы возникает у человека при осознании им наличия внешних возможностей выбора и сформированной внутренней готовности осуществить этот выбор. Однако этого недостаточно: мы практически никогда не совершаем поступков на основе механического перебора альтернатив. Мы включаем их в контекст личностного знания и смыслообразования, создаем новые смысловые отношения, т.е. творчески преобразуем и понимаем ситуацию выбора. В этом и заключается суть личностной свободы (Балл, 1997).

Итак, проблема духовности занимает существенное место как в психологии, так и в теологии. Верующие и неверующие ученые решительным образом расходятся в одном, зато самом принципиальном пункте — в вопросе о первоисточнике духовного (Бог или человек). В остальном светские психологические и богословские труды удивительно сходны: основным предметом внимания их авторов являются особенности внутреннего мира человека, его самосознания и субъективных путей восхождения

к духовным вершинам бытия. За двухтысячелетнюю историю существования христианства лучшие умы человечества не смогли представить убедительных доказательств существования Бога. По этой причине вопрос о сверхъестественном трансцендентном существе можно обсуждать не в категориях достоверного знания, а с позиции веры. Одни люди верят в существование Бога, другие — нет. И хотя я принадлежу ко второй категории, тем не менее считаю, что единственный конструктивный путь изучения проблемы духовности человека — не конфронтация, а спокойный и вдумчивый анализ общего и различного в рассуждениях светских ученых и богословов.

Проанализированные выше четыре направления изучения духовности дают основание для некоторого обобщения психологической сути названного феномена. Духовное начало у людей порождается из двух главных источников — из взаимосвязей субъекта с миром (в широком значении этого слова) и из глубин самой человеческой личности. Духовные идеалы общества, принятая в нем система духовных ценностей в процессе онтогенеза воспринимаются и усваиваются человеком, становятся неотъемлемой частью его мировоззрения, предметом духовных потребностей и критериями индивидуального духовного развития. Духовную сферу личности нельзя рассматривать только через призму интеллектуальной, умственной деятельности человека. Духовность субъекта можно понять только в контексте культуры и мироздания, потому что духовная сфера жизни человека включает как бесконечное разнообразие его связей и отношений с другими людьми, так и попытки осознания своего места и роли в универсуме — в человеческом мире и за его пределами. Вместе с тем духовность как особое качество психики субъекта является стержнем саморазвития, самоактуализации творческого потенциала личности. Развитие этого качества происходит в процессе формирования нравственной рефлексии, осознания субъектом не только свободы определения своих поступков, но и духовной ответственности за них. Следовательно, духовность в человеке порождается не только в результате взаимодействия с миром культуры, но и вследствие процесса онтогенетического развития психики, в течение которого происходит естественное взаимодействие вершин самосознания субъекта и глубинных слоев его психики — личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного.

Как бы ни различались пути поиска корней духовности субъекта, практически все ученые согласны с тем, что, «говоря о *духовности человека,* мы имеем в виду прежде всего его нравственный строй, способность руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты» (Слободчиков, Исаев, 1995, с. 334). Мало кто сомневается в том, что вершинные проявления человеческого духа воплощены в произведениях искусства, оставшихся в истории человечества как признанные шедеврами (творения Микеланджело, Чайковского, Родена и др,). Именно поэтому важно осознать, каким образом субъект воспринимает и понимает духовный мир, воплощенный в произведениях искусства.

ГЛАВА 3. ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА

3.1. Понимание — проблема психологии искусства

Искусство — такая область человеческого бытия, которая, образно говоря, является мостом, связывающим познание и общение, интеллект, чувства и моральные представления людей. Еще в XVIII в, знаменитый немецкий философ И.Г. Фихте высказал мысль о том, что наука формирует ум, мораль — сердце, а искусство не только формирует целостного человека в единстве его способностей, но и вводит его внутрь себя самого. Эта мысль удивительно созвучна современной психологии субъекта, в рамках которой также признается особая роль искусства в формировании целостного человека.

Неотъемлемой частью мира человека являются не только объективно существующие факты, события, явления. Каждый из нас неоднократно вынужден был размышлять также о событиях, происходящих в воображаемых, вымышленных ситуациях. И сталкиваясь с описанием или изображением подобных ситуаций, мы должны понимать, что в них является правдой, а что нет. Следовательно, возникает проблема изучения закономерностей понимания правды применительно не к реальной действительности, а к вымышленной. Как известно, кроме «чистых» познавательных и коммуникативных ситуаций любой человек в течение своей жизни неоднократно попадает в область, характеризующуюся не только тесным переплетением познавательных и коммуникативных компонентов бытия, но и их чрезвычайной

чувственной и эмоциональной насыщенностью. Эта область — искусство.

Психология искусства занимает в отечественной психологии особое и вместе с тем парадоксальное место. При всеобщем неослабевающем интересе к этой области познания и сфере человеческого бытия в психологической литературе представлено удивительно мало экспериментальных и особенно теоретических исследований, посвященных научному анализу создания, а также восприятия и понимания людьми художественных произведений. Этот пробел отчасти восполнен в монографиях, вышедших в последние годы. Судя по названиям, они посвящены изучению роли эмоций в искусстве (Дорфман, 1997), восприятию музыкальных произведений (Иванченко, 2001), утверждению принципов смыслового подхода при рассмотрении психологической природы искусства (Леонтьев, 1998). Однако названия перечисленных работ психологов явно у́же их содержания: в них представлены суждения авторов, затрагивающие обширный круг проблем психологии искусства. Тем не менее приходится констатировать, что проблема понимания произведений искусства как их творцами, так и реципиентами до сих пор остается малоизученной.

Как в других областях, специфика понимания в искусстве зависит и от содержания объекта понимания (музыкальных произведений, стихов, картин и т.п.), и от индивидуальных особенностей понимающего субъекта. К последним относятся развитое образное мышление, эмоциональность, способность оценить красоту и многое другое, воплощенное в понятии «художественной компетентности». Компетентность проявляется в способности человека приобретать новые знания и умения, справляться с задачами, существенными либо для его профессиональной деятельности, либо в целом для бытия. Компетентность отражает общий уровень интеллектуального, нравственного и эстетического развития субъекта, включающий опыт порождения смыслов культурно-исторического наследия различных эпох.

В отечественной психологии компетентность изучалась, в частности, на материале восприятия и понимания произведений искусства. «Основываясь на имеющихся теоретических и экспериментальных работах, можно выделить, по меньшей мере, три взаимосвязанных аспекта художественной компетентности. Первый — это когнитивная сложность картины мира

реципиента, способность к восприятию многомерности и альтернативности. Второй — это владение специфическими "языками" разных видов, стилей и жанров искусства, набором кодов (Ю.М. Лотман), позволяющих дешифровать информацию, заключенную в художественном тексте, его знаковую структуру и "перевести" содержание языка искусства на язык человеческих эмоций и смыслов. Третий аспект художественной компетентности вытекает из деятельностной природы художественного восприятия... и представляет собой степень овладения личностью системой операциональных навыков и умений, определяющих ее способность осуществлять адекватную тексту деятельность по его распредмечиванию» (Леонтьев, Ломакина 1996, с. 65).

Художественная компетентность является наиболее обобщенной характеристикой понимающего субъекта, в то время как конкретные психологические особенности изучаются в различных теоретико-эмпирических исследованиях.

Что касается объекта «художественного понимания», то для того чтобы определить его характеристики, нужно ответить на вопрос: «В чем заключаются специфические особенности отражения мира в искусстве?» Психологи обычно переформулируют этот вопрос таким образом: в чем состоит содержание и смысл произведения искусства?

Цель раздела — выявить те характеристики содержания произведений искусства, которые непосредственно влияют на смыслообразование и, следовательно, понимание субъектом живописи, скульптуры, музыки, литературных произведений и т.д.

Можно утверждать, что по языку, способам выражения искусство занимает промежуточное положение между наукой и общением людей в обыденной жизни. Перечислю несколько признаков, по которым, по моему мнению, искусство отличается от науки и жизни. Итак, в чем специфика отражения человеком мира и порождения новых реальностей средствами искусства?

1. Некоторые авторы считают, что эта специфика заключается в образности, насыщенности воспринимаемых субъектом произведений искусства зрительными, слуховыми и другими образами. Если в науке главным инструментом является понятийное мышление, то в искусстве — образное. Однако есть и науки, в которых воображение, представления играют первостепенную роль. Например, астрономия, физика, в частности теория относитель-

ности. Или возьмем восприятие музыки. В воображении сидящих в концертном зале слушателей могут возникать какие-то образы. Однако чаще слушатели вообще не представляют никаких реальных событий или явлений. Музыка просто вызывает эмоциональное отношение к звуковому ряду, сопереживание, эстетическое наслаждение.

Таким образом, образность нельзя считать отличительным признаком искусства.

Но все-таки образность в искусстве принципиально отличается от образности научного языка. Основная задача образов науки состоит в том, чтобы проиллюстрировать изучаемый мир. Образы возникают как наглядная опора рассуждений о реальности. Основное отличие образов искусства — не буквальное, прямое отражение действительности, а их метафоричность, условность. Нередко это проявляется уже в названиях произведений искусства. Примером может быть кинофильм о жизни семьи, состоящей только из женщин, который называется «Ребро Адама».

В основе образов искусства лежат психологические механизмы возникновения ассоциаций по сходству и по контрасту. Из психологии искусства известно, что люди нередко считают вещи прекрасными потому, что они им напоминают о каких-то ситуациях, связанных с приятными воспоминаниями. И наоборот: бывает, что-то кажется нам прекрасным именно ввиду своей новизны. Ассоциациями порождается связь между реальным и вымышленным, условным миром. Условность — это одно из психологических оснований языка искусства. Театральными декорациями часто подчеркивается условность, нереальность происходящего на сцене. Была даже телевизионная передача, называвшаяся «Театр и жизнь».

В чем смысл такой условности, почему мы не отвергаем ее как бесполезные домыслы, не имеющие отношения к жизни? Смысл в том, что произведение искусства позволяет нам взглянуть на реальность с иной точки зрения, как бы с новой стороны. Например, когда Пикассо создает портрет в виде нагромождения кубических форм, мы открываем в лице изображаемого человека, в его внутренней сущности что-то новое, до этого неизвестное. Особые средства выразительности в своем творчестве использовал С. Дали, который соединял, казалось бы, совершенно несоединимое.

Условность образов обеспечивает понимающему субъекту иной взгляд на мир, который отражен в зеркале художественного воображения.

2. Другая точка зрения: сущность искусства заключается в том, что в нем главную роль играют эмоции, переживания. Наши эмоции в обыденной жизни отличаются по своим характеристикам от эмоций в искусстве. Допустим, один человек жалуется другому, что у него неприятности (например, заболел близкий человек). Обычно говорящий надеется, что партнер не только узнает, в чем суть неприятностей, но и уяснит характер его переживаний. В жизни можно понять и остаться безразличным к переживаниям другого. К примеру, в театре все иначе. Назначение пьесы и цель актеров — сделать так, чтобы у зрителей появилось личное отношение к происходящему на сцене. А на языке современной психологии это называется формированием личностного смысла. Это в значительной степени (но не полностью) отличает искусство о науки.

Следовательно, автору и исполнителям художественного произведения важно не только выразить вполне определенные эмоции и чувства, но и заразить ими зрителей, слушателей. В обыденной жизни страсти кипят на стадионах и митингах — восторг, разочарование, гнев, ярость. Убийство в жизни отнюдь не вызывает эстетических эмоций, а поступок Отелло вызывает. В искусстве важны не любые эмоции, а только вызывающие катарсис. Этот термин ввел Аристотель в «Поэтике». Катарсис — это очищение души при помощи «страха и сострадания». Эстетическое переживание, по Аристотелю, очищает душу. И в этом он видел основную роль трагедии.

Дело в том, что эмоция сопереживания художественному персонажу выступает для субъекта в двух планах, предстает при анализе в двух качествах.

Во-первых, художественное наслаждение включает общественное признание ценности произведения искусства. Сила выраженности эмоции нередко зависит от того, что мы знаем о произведении — Бетховен это или малоизвестный современный композитор. Наслоение культурного опыта выступает в качестве важнейшего условия переживания эстетического наслаждения от произведения и понимания последнего именно как результата творческой деятельности. Это происходит потому, что наше понимание признанных шедевров включает и то на-

слаждение, которое они давали людям из века в век. Именно поэтому некоторые произведения искусства, художественная ценность которых сегодня так очевидна, при своем появлении не привлекли особенного внимания (полотна Ван Гога, импрессионистов). Очевидно ведь, что поэмы Пушкина или Байрона сейчас прекраснее, чем когда они только что их написали. Стихи обогатились эмоциями и вербализованным опытом всех, кто, читая их, испытывал духовный подъем и наслаждение.

Во-вторых, исследования показывают, что эстетические эмоции непроизвольно, почти автоматически актуализируют такие личностные переживания, в преобразовании которых человек неосознанно испытывает нужду. В результате актуализуемая житейская эмоция обогащает эстетическое переживание. Теперь оно начинает одновременно выступать и как сопереживание самому себе, самым глубоким и значимым своим чувствам. Благодаря такой переработке нередко мучительные житейские чувства становятся более контролируемыми, обобщенными — человек как бы овладевает ими. И наступает катарсис. Следовательно, сопереживание художественному образу помогает человеку овладевать значимыми для развития личности ценностями.

Важная функция эмоций с точки зрения психологии искусства — гедонистическая. Эмоция удовольствия может возникать оттого, что человек приобретает новые ценности. Они становятся для него значимыми, т.е. изменяется ценностно-смысловая структура его личности. Если же человек испытывает удовольствие от узнавания известных образцов, стереотипов, то такое удовольствие кратковременно и не задевает основ личности. На гедонистических эмоциях строится массовая культура.

3. Коммуникативная природа искусства. Любое произведение искусства всегда адресовано людям — без ответной реакции зрителя или слушателя произведение мертво. Основное в эстетической деятельности — открытие, выражение и передача другим не значения, а именно личностного смысла. Личностный смысл, будучи субъективным, вовсе не является единственным, существующим только для меня. В жизни всем нам приходится решать задачи на определение смысла. Вследствие этого в сформировавшемся у любого человека личностном смысле всегда есть и интерсубъективные моменты (Леонтьев, 1983).

Важнейшим аспектом интерсубъективности в искусстве является понимание людьми разных исторических эпох и народов

того, что такое красота. Известно, что постоянной оценки красоты не существует. Например, многие крупные современные музеи переполнены предметами, которые самый взыскательный вкус той или иной эпохи почитал прекрасными. На наш же взгляд, они ничего не стоят. Меня всегда удивляло, как сравнительно мало зрителей в залах искусства древнего мира в Эрмитаже. Общепризнанным для многих поколений людей эталоном женской красоты считается Венера Милосская. Однако, когда я в Лувре, стоя перед этой скульптурой, случайно услышал разговор двух девушек об особенностях строения тела Венеры, то стало очевидно, что для них она вовсе не является эталоном красоты.

И в этом нет ничего удивительного. Красота относительна, она зависит от потребностей разных поколений, а искать в том, что нам кажется прекрасным, признаков абсолютной красоты — бесполезное дело. Очевидно, что красота — одна из тех ценностей, которые придают жизни смысл. Однако очевидно и то, что она представляет собой нечто непрерывно меняющееся, трудно уловимое и почти не поддающееся анализу. Наше восприятие и понимание прекрасного отличается от оценки красоты нашими предками.

Доказательств исторической динамики, изменения с течением времени критериев красоты — множество. Например, принцип гармонии древних греков и классицизма (изображение человека не таким, каков он есть, а каким должен быть — вспомним Рафаэля, Микеланджело и других творцов) явно противоречат пониманию красоты в сюрреализме или кубизме.

В нашем сложном мире существует немало препятствий для понимания красоты в современных произведениях искусства. Одно из них — слишком «прямой» язык изображения действительности, отсутствие условности, метафоричности. А такая «отстраненность» от реальности, некоторое отчуждение от жизни стала уже определенной социальной нормой. Это надситуативное культурное условие понимания искусства.

В этом плане в качестве антиподов можно назвать два кинофильма — «Покаяние» Т. Абуладзе и «Астенический синдром» К. Муратовой. Первый — безусловно, произведение искусства. Запоминающиеся образы, символика (например, стражники в средневековых рыцарских нарядах — вне времени). Фильм наводит зрителя на размышления о моральной ответственности детей за поступки родителей, о чувстве вины. Одним словом, у зрителей

формируется ценностно-смысловое отношение к увиденному. Иное — «Астенический синдром», раскрывающий неприглядные и даже страшные стороны жизни. Но пошли ли создатели фильма дальше простого копирования, отражения реальности? Бессмысленность, бесцельность существования героев мешает мне сформировать смысл увиденного. Так могу ли я считать фильм произведением искусства? Вряд ли. Препятствием к эстетическому смыслообразованию оказывается отсутствие видимых, явных путей к катарсису, очищению от увиденной в фильме грязи. Увиденное отталкивает, а не вызывает сочувствия, сопереживания.

Вместе с тем я понимаю, что в этом случае отрицание художественной ценности кинофильма чревато обвинениями не только в субъективизме, но и в эстетической неразвитости, своего рода художественной безграмотности. Не следует забывать, что, например, признанного классика французской литературы Э. Золя также часто обвиняли в голом натурализме.

4. По моему мнению, признаком настоящего искусства является неоднозначность концовки произведения, вызывающая вопросы у реципиента. Такая продуманная автором «незавершенность» побуждает зрителя, слушателя к размышлению, наталкивает на диалог с автором или другими зрителями. Непременным признаком настоящего искусства оказывается множественность пониманий, противоречивость и неоднозначность трактовки смысла произведения. Столкновение противоречий как основа смыслообразования — важный аспект психологии понимания искусства. Известный современный аргентинский писатель Хорхе Борхес выразил эту мысль в виде афоризма: «Книга, в которой нет ее антикниги, считается несовершенной». Для актуализации ассоциации по сходству эту мысль можно сравнить с афоризмом, который приписывают Н. Бору: «Есть два вида истины. Один — тривиальная истина, которую отрицать просто нелепо. Другая — глубокая истина, для которой обратное утверждение тоже является глубокой истиной».

Изменился мир — изменилось мышление — изменились художественные ценности и понятие красоты.

В XX в. диалогичность научного мышления современного человека превратилась в аксиому. В искусстве многоголосие пришло на смену монологической гармонии античности и классицизма (вспомним додекафонию А. Шенберга, сложную полифонию Д. Шостаковича и А. Шнитке). Внутренняя противоречивость,

столкновение разных потоков в произведении искусства стали привычными (М. Фриш «Назову себя Гантенбайн»). Противоречивое многообразие порождает вопросы и способствует эстетическому смыслообразованию.

И наоборот: когда автором все сказано, то не возникает вопросов, подавляется фантазия, творческое воображение. Это один из главных психологических механизмов, мешающих нам понимать отраженное в произведении содержание как искусство. Такие произведения не способствуют преобразованию смысловых структур личности, потому что не оставляют в ней глубокого следа.

Парадоксально, но этот психологический механизм сдерживания, торможения творческой фантазии возникает и при восприятии не только пустых, но и самых совершенных произведений искусства. В книге «Подводя итоги» на это обратил внимание С. Моэм. Он говорил о том, что самые прекрасные вещи в конце концов ему надоедали: «Я заметил, что более прочное удовольствие получаю от вещей менее совершенных. Оттого что они не во всем удачны, они заставляли живее работать мое воображение. В величайших произведениях искусства все было достигнуто, мне ничего не оставалось добавить, а от пассивного созерцания мой беспокойный ум утомлялся. Мне казалось, что красота подобна горной вершине: когда достигнешь ее, больше нечего делать, кроме как спускаться обратно. Совершенство самую малость скучно. Вот поистине ирония жизни: то, к чему мы все стремимся, оказывается лучше, когда оно достигнуто не полностью» (Моэм, 1985, с. 548—549). Следовательно, как ни парадоксально это звучит, совершенство произведения искусства тоже может служить препятствием к смыслообразованию. В лучшем случае впечатление законченности, завершенности, субъективное ощущение, что все уже сказано, добавить нечего, содержание исчерпано, ведут к порождению банального смысла.

Современный психолог Д. Берлайн экспериментально показал, что человеку присуща потребность в сенсорном обогащении и бескорыстном знании, постоянно усложняющем его опыт. По Берлайну, эстетическое удовольствие связано с преодолением временно достигнутой гармонии. Другие психологи добавляют к этому тезис о связи эстетического удовольствия с преодолением эмоционального равновесия. Изучалось эстетическое развитие малышей 3—7 лет. К эстетически предрасположенным

относили таких детей, которые, во-первых, готовы нарушить свое эмоциональное равновесие, принять новое, неизвестный дисгармоничный опыт (опыты проводились на материале сюжетных картинок и более абстрактных). Во-вторых, эстетически более развитые дети пытались организовать непривычное в новую целостную форму временной гармонии.

И теоретические рассуждения, и эмпирические исследования приводят к выводу о том, что одна из главных особенностей и функций искусства — создание установки на альтернативное видение мира. Наличие альтернативных точек зрения не только расширяет смысловую сферу личности, но и дает чувство свободы. С помощью искусства можно абстрагироваться от реальности — происходит возвышение духа и отчуждение от прозы жизни. А такая потребность есть не только у нас, она была у людей всегда.

Важнейшее условие понимания искусства — осознание того, что альтернативность является характерной особенностью личности подлинных художников. Во все века основой ложных трактовок художественных произведений было непонимание нетождественности личности и ее творений. Часто люди оскорбляются до глубины души, обнаружив несоответствие между жизнью художника и его творчеством. Они просто не в состоянии примирить одухотворенную музыку Бетховена с его скверным характером; экстазы Вагнера с его эгоизмом и нечестностью, нравственную нечистоплотность Сервантеса с его нежностью и великодушием.

Сегодня изменились взгляды на психологическую природу понимания произведений искусства. Раньше психологи считали, что понимание достигается главным образом за счет соответствия когнитивных, творческих потенциалов художника и реципиента. Современная парадигма иная. Можно сказать, что более глубокое понимание и сильное художественное воздействие достигается при некотором сходстве, подобии личностных структур автора и воспринимающего. Особенно важное значение имеет совместимость жизненных ценностей.

Однако в этом утверждении содержится и неявное противоречие. По некоторым данным, личность художника характеризуется дисгармонией, разбалансированностью разных подструктур личности. Это проявляется в высоких показателях нейротизма, тревоги, неуравновешенности, а также экстраагрессивности, самозащиты, неадекватной самооценки и т.д. А настояшим ценителям искусства, как правило, свойственны

целостность и гармоничность духовной организации, высокая степень ценностно-смысловой рефлексии. У них обычно сбалансированная система отношений к социальным ситуациям.

Отмеченное противоречие в психологической организации структур личности творца и потребителя искусства в определенной мере устраняется новым подходом к изучению психологического воздействия искусства на личность. Раньше психологи в основном занимались изучением креативных способностей, творческих возможностей художника и реципиента. Акцент делался на том, что для адекватного и глубокого понимания искусства субъект должен обладать достаточным интеллектуальным потенциалом. Теперь доминанта переносится из сферы креативных способностей воспринимающей личности в область ценностно-смысловых, мировоззренческих, т.е. экзистенциальных структур.

На этом уровне анализа главным для понимания произведения, замысла и его реализации оказывается сходство, совместимость эстетических и жизненных ценностей. А различия в личностной организации творца и потребителя как бы нивелируются, отходят на второй план и не играют ведущей роли в понимании произведений искусства. Кроме того, новый подход согласуется с представлением о том, что основная задача искусства — передача смысла, а не когнитивного содержания (например, сюжета). Ведь именно субъективный смысл связан с формированием жизненных и эстетических ценностей.

***

Итак, с точки зрения психологии, воспринимаемое и понимаемое субъектом произведение искусства характеризуется не избыточной насыщенностью отражающих мир образов. Скорее можно говорить о специфических особенностях образности в искусстве, характеризующейся высокой степенью условности, метафоричности. Нельзя утверждать также, что специфика искусства сводится к простому вовлечению в мир эмоций героев, к передаче нам их чувствований. Соответственно задача искусства — проникновение за поверхностное содержание, открытие смысла отраженной в произведении жизни. Сам процесс смыслообразования есть акт эмоционального напряжения, как раз и порождающего эстетическое переживание. Искусство

не информирует, а подвигает людей на борьбу против утраты смысла. Непременным признаком настоящего искусства оказывается множественность пониманий, неоднозначность трактовки смысла произведения. Столкновение противоречий как основа смыслообразования — важный аспект психологии понимания искусства. Наконец важным условием понимания произведения искусства является сходство, совместимость эстетических ценностей и экзистенциальных структур личности художника и субъекта, воспринимающего и понимающего продукты художественного творчества.

3.2. Художественная правда и ее понимание

Неотъемлемой частью мира человека являются не только объективно существующие факты, события, явления. Каждый из нас неоднократно вынужден был размышлять также о событиях, происходящих в воображаемых, вымышленных ситуациях. И сталкиваясь с описанием или изображением подобных ситуаций, мы должны понимать, что в них является правдой, а что нет. Следовательно, возникает проблема изучения закономерностей понимания правды применительно не к реальной действительности, а к вымышленной. Как известно, кроме «чистых» познавательных и коммуникативных ситуаций любой человек в течение своей жизни неоднократно попадает в область, характеризующуюся не только тесным переплетением познавательных и коммуникативных компонентов бытия, но и их чрезвычайной чувственной и эмоциональной насыщенностью. Эта область — искусство.

В отечественной культуре воссоздание бытия человека всегда предполагало не столько отражение приземленных реальных фактов, сколько стремление к достижению правды, попытки найти реальность более высокого порядка — высшую духовную правду. Например, Л.Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» писал о том, что нужно «не искать правды житейской, а правды духовной... В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (Толстой,

т. 26, с. 571). Как хорошо известно из российской истории и литературы, правда всегда была духовной потребностью русского народа (Знаков, 1999б, с. 53—57), а уж в присутствии духовности в художественной правде никто не сомневается.

В психологии искусства проблема сущности художественной правды и психологических закономерностей ее понимания реципиентами (читателями, слушателями, зрителями произведений искусства) является одной из важнейших. Художественная правда отличается как от правды в бытовом понимании, так и от научного понимания правды как критерия достоверности гуманитарного знания.

Однако, прежде чем говорить непосредственно о понимании художественной правды, необходимо сказать несколько слов о том, что такое «правда» с точки зрения психолога и в чем ее отличие от «истины». Истина это категория логики и теории познания, правда — категория психологии понимания. Истину мы познаем, а правду понимаем. Кратко поясню свою точку зрения.

В формальной логике понятие истины неразрывно связано с выводным знанием. В науке и повседневной жизни мы очень часто прибегаем к получению знания опосредованным путем, т.е. путем выведения новых знаний из знаний, приобретенных ранее. Иначе говоря, из полученных ранее и проверенных на практике положений мы выводим новые положения. Знание, полученное опосредованным путем, в логике называется выводным знанием. Основной задачей логической науки является изучение тех правил, законов, которые соблюдаются в процессе получения выводного знания и способствуют получению человеком истинного знания. «Чтобы в процессе выводного знания достигнуть истины, доказать ее, должны быть соблюдены непременно два условия:

1. Исходные положения (посылки) должны быть истинными (и истинность их должна быть доказана, установлена).
2. В процессе рассуждения они должны связываться строго по законам, по правилам логики» (Горский, 1963, с. 18).

В формальной логике принято считать, что не только конкретное содержание суждений, но и их структура, т.е. способ связи субъекта и предиката, являются отражением действительности в психике человека. На этой предпосылке держится убеждение в том, что об истинности суждений человека можно судить на основании их логической правильности и непротиворечи-

вости. Весьма характерным и симптоматичным является название одного из параграфов учебного пособия для вузов «Соблюдение законов логики — необходимое условие достижения истины в процессе получения выводного знания» (Горский, 1963).

В логике принято считать, что некоторые сложные суждения самого разного содержания, имеющие одну и ту же логическую структуру, являются обязательно истинными. «Определенная структура суждений в таких случаях служит показателем их истинности. Поэтому часто говорят, что *логически истинные суждения истинны в силу их логической структуры.* Формулы, выражающие структуры законов логики, всегда дают истинные суждения при замене переменных на любые конкретные по содержанию суждения (такова, например, формула "А или не А")» (Горский, 1963, с.125).

Таким образом, в формальной логике фактически речь идет не о содержательной истинности высказывания, а о логической правильности рассуждений, ведущих к нахождению истины. Принудительная убедительность рассуждений вытекает из логически корректной связи отдельных суждений безотносительно к содержанию мысли. Может быть, иначе дело обстоит в диалектической логике, изучающей категориальный строй мышления? К сожалению, нет. «Будучи логикой мышления, диалектика отвлекается от конкретного содержания мысли, в этом отношении она является "формальной" наукой...» (Философский.., 1989, с. 166). Возникает закономерный вопрос: как человек в конкретной познавательной или коммуникативной ситуации может познать истину, используя только формальные средства и отвлекаясь от содержательной сути ситуации? Увы, ответа на этот вопрос я не нашел даже в самых авторитетных публикациях по диалектической логике (Ильенков, 1984).

Гносеологическая истина гораздо полнее, чем логическая, выражает зависимость ее получения от активности субъекта, конкретных особенностей познавательной деятельности, в ходе которой она получена. Я буду придерживаться точки зрения С.Л. Рубинштейна, который считал, что гносеологическую природу истины и психологические механизмы ее постижения невозможно понять вне контекста познавательной деятельности субъекта — его взаимодействия с объектом. «Истина объективна в силу адекватности своему объекту, независимому от субъекта — человека и человечества. Вместе с тем как истина она

не существует вне и помимо познавательной деятельности людей. Объективная истина не есть сама объективная реальность, а объективное познание этой реальности субъектом. Таким образом, в понятии объективной истины получает конденсированное выражение единство познавательной деятельности субъекта и объекта познания» (Рубинштейн, 1957, с. 37). Здесь необходимо напомнить, что для Рубинштейна объект — категория гносеологическая, а онтология, действительность, представлена в категории бытия. Бытие, объективная реальность становится для человека объектом, отражаясь в его сознании, превращаясь в предмет познавательной активности.

Согласно традициям гносеологического анализа истина устанавливается посредством выявления связей между действительностью и ее образом у познающего субъекта. Однако в контексте исследования соотношения истины и правды психолог должен отчетливо осознавать, что для гносеологии характерно понимание объективности познания только как адекватности знаний, идей и других результатов познания действительности, объективной реальности. При этом субъективные компоненты познавательной деятельности оказываются как бы на втором плане, считаются не очень существенными. Тот факт, что гносеологический анализ страдает неполнотой описания субъективного образа, так как не учитывает психологической специфики последнего, в науке осознан давно. Рубинштейн писал: «Если при гносеологическом анализе психический образ выступает не как собственно субъективный образ, а как образ, раскрывающий объект, и этим подчеркивается содержательная объективность данного образа, то для психологического исследования главным уже является не содержание объекта, а то, в каком качестве он выступает для субъекта, т.е. психологический анализ мышления направлен на выявление факта значения объекта для субъекта или отношения субъекта к объекту» (Рубинштейн, 1958, с. 24).

В теории познания субъективно-личностные особенности образа не имеют принципиального значения, для их раскрытия существует психология. Однако понимание — это «образ» особого рода: оно чрезвычайно «нагружено» субъективными компонентами, выражающими отношение субъекта к объекту. То же можно сказать и про гносеологическую истину: в ней представлена только характеристика адекватности отражения действительности в истинном знании. А вот субъективные способы конкрет-

ного отражения адекватности в сознании познающего субъекта воплощаются не в логической или гносеологической истине, а в психологической правде.

Психологические исследования показывают, что в контексте анализа общения и взаимопонимания людей категория «истина» по содержанию и объему оказывается беднее категории «правда». Различия между ними можно сформулировать в нескольких пунктах.

1. Понятие «правда» по объему и содержанию шире понятия «истина». Истина как логико-гносеологическая категория выражает оценку адекватности знаний субъекта о мире. Истина неразрывно связана со знанием: она — и конечная цель, и основной научный результат познания. Правда — категория психологии понимания, выражающая не только адекватность знаний о мире, но и их осмысленность, смысловую ценность для субъекта. Вследствие этого истину мы познаем, а правду понимаем. Правда — атрибут канала коммуникации, о правде уместно говорить только применительно к миру общающихся и понимающих друг друга людей. Правда всегда содержит зерно истины — без этого она не может быть правдой. Однако этого зерна еще недостаточно для того, чтобы истинное событие стало правдой в коммуникативной ситуации.

2. В отличие от истинности высказывания, независимой от канала коммуникации, степень правдивости сообщения для общающихся людей всегда обусловлена целями говорящего и слушающего. Мы понимаем правду, а не познаем ее именно потому, что делаем вывод о правдивости или лживости высказывания только в результате понимания его смысла: мотивов и целей партнера по общению, — зачем он это сказал. В частности, роль мотивов и целей говорящего и слушающего в понимании правды отчетливо проявилась в экспериментально изученном феномене инструментальной правды. Высказывая нелицеприятную правду о другом человеке, испытуемые руководствуются утилитарной или мировоззренческой целью, основанной на принципе «Горькая правда всегда лучше, чем сладкая ложь». Интенциональные компоненты психики говорящего, побуждающие его высказывать такую правду о другом человеке, весьма разнообразны. К ним относятся представление о «воздающей справедливости», неумение оценить, нужна ли правда партнеру, ориентация субъекта исключительно на свои личные убеждения т.п. (Знаков, 1999б).

3. Для человека правдой является только та истина, в которую он верит. В ситуациях общения объективно истинное событие становится для партнеров правдой только тогда, когда они верят, что это событие в самом деле произошло. Иначе говоря, событие, истинность которого субъекты общения не имели желания или возможности проверить, кажется им правдоподобным на основе их моделей мира, представлений о действительности. Если вера в правдоподобие отсутствует, то истинные факты воспринимаются людьми как небылицы. Хорошей иллюстрацией этого положения является классический для американской психологии социальных ситуаций случай — описание биржевого краха в Нью-Йорке в 1929 г. Как известно, с него началась великая депрессия 1930-х годов. Проведенное после биржевого кризиса исследование показало, что в банках сразу после кризиса еще были наличные деньги. И банковские служащие пытались внушить это вкладчикам, они пытались убедить их в своей правоте. Однако люди им не поверили. Субъективно они воспринимали объективно истинные сообщения как неправду. И поскольку все вкладчики одновременно стали забирать свои деньги, банки один за другим обанкротились. Результат известен — затяжной кризис, спад в американской экономике.

4. Наконец, многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей, а основным — их соответствие требованиям справедливости. При этом главным оказывается вопрос не о том, верно ли в суждении отражена действительность, а насколько оно согласуется с представлением о правде как некотором идеале, основанных на справедливости отношениях между людьми (Знаков, 1999б).

Последние исследования показывают, что к перечисленным четырем психологическим признакам, превращающим истину в сознании высказывающего ее субъекта в правду, можно добавить еще два. Во-первых, это половые различия в понимании истины и правды; во-вторых, особенности памяти, мышления и понимания человека, способствующие таким «искажениям» истинных воспоминаний, которые превращают их в психологическую правду (Знаков, Романова, 1998).

Правда представляет собой воплощение истины в жизни людей, и потому она очень «насыщена» психологическими составляющими. Благодаря размышлениям и экспериментам психологов постепенно становится все яснее и яснее, почему истина

понимается и субъективно переживается как правда. Превращению объективной истины в правду — субъективную по форме и объективную по содержанию — способствуют многие процессы, происходящие в психике человека. Я имею в виду соотнесение мотивов и целей истинного высказывания с интенциональной сферой понимающего высказывание субъекта; определение правдоподобия сообщения; соотнесение с представлениями о должном (этическими, социальными и другими нормами); соответствие сказанного требованиям справедливости; убеждение в тождестве истины и искренности; временную динамику переструктурирования и схематизации образа истинных событий.

Именно искусство является такой сферой человеческого бытия, в которой категория «правды», а точнее, художественной правды, оказывается гораздо более «весомой», чем понятие «истины». Причина этого заключается в том, что в искусстве первостепенную роль играют не истинностные критерии знания, а ценностные. Ценности и нормы задают регулятивные правила, согласно которым живут, действуют не только герои художественных произведений, но и их создатели и реципиенты. Такого рода нормативно-регулятивные установления не могут быть истинными или ложными. Более корректно их следует называть правильными или неправильными с точки зрения разных людей. Оценка правильности-неправильности осуществляется путем соотнесения знания не с критериями истинности, а с эстетическими ценностями, принимаемыми и отвергаемыми различными социальными группами. Типичным примером ценностно-нормативного регулятора является понятие красоты в искусстве. Применительно к неодинаковым для разных исторических периодов, стран и народов критериям красоты, в частности женской, понятие истинности фактически теряет смысл. В каком смысле мы можем говорить об истинности «Данаи» Рембрандта или «Купчихи» Б.М. Кустодиева? В таких случаях признание изображенной художником на полотне женщины красивой или нет зависит от специфики ценностных представлений о красоте, имеющихся у зрителя. Ценностные суждения, заключения зрителей, слушателей о каком-либо творческом продукте как произведении искусства фактически означают признание того, что это произведение выражает художественную правду.

В понимании сути художественной правды в искусствознании и психологии можно выделить две основные тенденции. Согласно

первой о наличии в произведении искусства художественной правды можно говорить только в том случае, если оно правдоподобно, т.е. в нем достоверно отражена реальность, «правда жизни». Вторая тенденция связана с представлением об искусстве как «учителе нравственности», с убеждением, что настоящее художественное произведение должно показывать все только лучшее, содержать моральные образцы поведения.

Рассмотрим отличительные признаки художественной правды с двух описанных выше позиций.

Первая точка зрения: правдоподобие сюжета, персонажей и выразительных средств художественного произведения.

В соответствии с этой точкой зрения именно правдивое отображение жизни делает искусство искусством. При соприкосновении зрителя, читателя, слушателя с произведением «... перед ним предстает отображенный теми или иными средствами фрагмент жизни — или того, что существовало (происходило) где-то на самом деле, или того, что, с точки зрения картины мира реципиента, вполне могло где-то существовать (происходить). Утверждение, что художественное произведение несет в себе изображение действительности или какого-то ее фрагмента, стало общим местом во многих трудах по эстетике. Соответственно, произведение искусства тем лучше, совершеннее выполняет свою функцию, чем глубже, полнее и точнее в нем находит отражение действительность» (Леонтьев, 1998, с. 19).

Однако такая точка зрения у многих вызывает вполне обоснованные возражения. Д.А. Леонтьев, ссылаясь на Ю.М. Лотмана, подчеркивает, что искусство — всегда не только отражение, но и отношение (Леонтьев, 1998, с. 19). Художественное произведение никогда не является результатом простого копирования действительности: это мир, преломленный через личность творца. Художник незримо присутствует в произведении, художественном образе.

Любое произведение искусства представляет собой многомерную структуру, в которой находит отражение как внешний мир, так и внутренний мир автора. Соответственно правдивость художественного произведения в разных его «слоях» может выражаться по-разному. Это обстоятельство было осознано мыслителями довольно давно. Например, немецкий философ Н. Гартман в «Эстетике», обсуждая природу художественной правды, говорил о «правде фактов», «жизненной правде»

и «истине сущности» (Гартман, 1958, с. 498—499). Наш современник и соотечественник А.В. Прохоров, размышляя о проблемах анимационного искусства, счел нужным ввести различение «персонажного мира» и «авторского слоя». Первым понятием он обозначал мир вымышленных персонажей и событий, составляющих сюжетную канву художественного произведения. Вторым — ту авторскую «призму», через которую реципиент воспринимает события в персонажном мире (Прохоров, 1985).

Важной характеристикой «персонажного мира» является его внутренняя непротиворечивость, логическая допустимость происходящих в нем событий. Если попытаться научно определить закономерности понимания искусства, то, используя термины логики научного познания, по-видимому, имеет смысл говорить о том, что любое художественное произведение построено по принципам «логики возможных миров». Это значит, что произведение отражает не реальность, конкретную ситуацию, а один из возможных миров, правдоподобную ситуацию. Главное — чтобы в придуманном мире не нарушалась логика развития событий и чтобы персонажи совершали поступки в соответствии с законами того мира, в котором живут. И не важно, что иногда эти законы противоречат физическим законам привычной для нас объективной реальности.

Одной из теорий, объясняющей, *что* есть правда в художественном произведении, является теория Льюиса (Lewiss, 1978). Согласно этой теории, существует установка восприятия вымышленных рассказов: *что было бы в случае, если...* В большинстве из них говорится о том, что *возможно,* но не реально. Часто в рассказах описываются миры, похожие на наш внутренний мир, но не идентичные ему. Мы можем предположить, что является правдой в вымышленном произведении благодаря тому, что мы его читаем на фоне уже существующих у нас установок и представлений (Lamarque, 1990). Например, мы знаем, что король Артур скорее является литературным персонажем, чем исторической личностью. Тем не менее это не мешает нам с удовольствием читать «Смерть Артура» Тамаса Мэлори и воспринимать рассказы о приключениях рыцарей Круглого Стола и поисках Святого Грааля как своего рода правдивую стилизацию описания отдаленных от нас событий.

Весьма наглядным свидетельством сказанного служат сказки. Сегодня вряд ли кто-либо станет воспринимать буквально

известное пушкинское присловье: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Сказка не является ложью потому, что сказочник никогда не скрывает, что рассказывает не о реальном мире, а о выдуманном. И потому даже дети понимают, что любая сказка — правда, а не ложь. Однако сказка — правда особого рода: она характеризует истинность знаний рассказчика и слушателя, относящихся не к реальному миру, а к существующей в их сознании модели мира. В рамках такой модели описания русалок, сидящих на ветвях, братца Иванушки, превращающегося в козленочка, и т.п. оказываются вполне правдивыми, т.е. не противоречащими представлению человека о закономерностях функционирования вымышленного мира. Вместе с тем и слушающий, и рассказывающий сказку знают, что придуманный мир не во всем соответствует действительности.

Психологи немало занимались изучением психологических закономерностей понимания сказок детьми. Один из главных вопросов, который интересовал исследователей, заключался в том, какую роль в понимании сказки играет разная степень правдоподобия описанных в ней событий? Другой вопрос: в каком возрасте ребенок начинает различать правдоподобные и невозможные в нашем мире события? Эти вопросы были в фокусе внимания группы исследователей под руководством А.В. Запорожца, изучавших закономерности понимания сказок дошкольниками. В экспериментах было показано, что от младшего к старшему дошкольному возрасту у ребенка возрастает интерес к правдоподобию изображенных в сказке событий. Запорожец пишет: «В сказке, особенно в волшебной, многое дозволено. Действующие лица могут попадать в самые необычные положения, животные и даже неодушевленные предметы говорят и действуют, как люди, совершают всевозможные проделки. Но все эти воображаемые обстоятельства нужны лишь для того, чтобы предметы обнаружили свои истинные, характерные для них свойства. Если типичные свойства предметов и характер производимых с ними действий нарушаются, ребенок заявляет, что сказка неправильная, что так не бывает» (Запорожец, 1986, с. 71).

И чем ребенок старше, тем более значимую роль в процессе понимания им сказки играет правдоподобие описываемых событий. Младшие дошкольники нередко некритично готовы согласиться с любым вымыслом. В среднем дошкольном возрасте ребенок начинает судить о достоинствах сказки, в основном исходя

из правдоподобия изображенных в ней событий. «Старшие дошкольники настолько укрепляются в этой реалистической позиции, что начинают любить всякие “перевертыши". Смеясь над ними, ребенок обнаруживает и углубляет свое правильное понимание окружающей действительности» (там же). Последующие психологические исследования (О.И. Никифоровой и других ученых) показали, что с возрастом наблюдается переход от наивного, непосредственного отношения к художественной литературе, пониманию ее как изображения действительности, к пониманию ее как обобщенного изображения, выражающего идеи писателя. Обобщенно говоря, в онтогенезе происходит формирование рефлексивного сознания, посредством которого человек научается отличать реальность от вымысла и находить в последнем логические несоответствия, противоречия.

Знакомство со сказками и разными видами искусства необходимо для полноценного психического развития субъекта. Переходя от детства к взрослости, каждый из нас постепенно осознает то, что в жизни важны не только поддающиеся проверке факты, но и «вымыслы» в широком смысле слова: истории, гипотезы, теории, представления о мыслях и чувствах другого человека и т.п.

Сегодня каждый образованный человек знает, что мы живем в мире, в котором существуют целые области социального бытия, где для людей важна не логическая или гносеологическая истинность, а обращение к иному уровню опыта, основанному на правдоподобии, правильности, непротиворечии норме. Одной из таких областей психологической практики является нейролингвистическое программирование — НЛП. Признанные авторитеты в области НЛП Р. Бэндлер и Дж. Гриндер называют себя людьми, создающими модели, не имеющими никакого представления о «действительной» природе вещей и не интересующимися тем, что такое «истина» (Бэндлер, Гриндер, 1992, с. 63). Специалисты по НЛП, разумеется, понимают значимость истины и правды в познании и общении. Однако, как и другие современные психологи, они обращаются к поиску новых некогнитивных и, соответственно, «неистинностных» сторон феноменологии человеческой психики.

Другой сферой человеческого бытия, где главную роль играют не истинностные критерии, а ценностно-нормативные, является искусство. От правды в искусстве нелепо требовать

подлинности, истинности отраженных в художественном произведении фактов.

Для возникновения у зрителя или слушателя ощущения, что в том, что он воспринимает, есть художественная правда, достаточно *правдоподобных* моделей восприятия и понимания художественного произведения. В искусстве и психологии художественного творчества именно на таких моделях основано понятие художественной правды. Обратимся, например, к театру. Еще Гете говорил о том, что «правда искусства» отличается от «правды жизни». В отличие от природы и общества применительно к искусству мы называем правдой не соответствие реальности произведения, созданного творческой фантазией художника, а лишь то, что зритель и читатель воспринимают как правдоподобное. Когда мы идем в театр, то не ожидаем, что все разыгрывающееся на сцене будет правдивым и настоящим. Однако мы стремимся к тому, чтобы все увиденное и услышанное казалось нам именно таким — правдивым и настоящим (Goethe, 1974, S. 68). Подлинный ценитель искусства способен увидеть в произведении мастера не только правдоподобие образа. Он соотносит увиденное со своим личностным знанием и вживается в мир, который развивается по вымышленным художником законам. И если события в романе или спектакле не только не противоречат этим законам, но и перекликаются с тем, что реципиент переживает в жизни, то он воспринимает увиденное и услышанное как художественную правду.

Художественная правда, например в реалистическом искусстве, представляет собой своеобразную концентрацию правды — изображение типичных характеров в типичных обстоятельствах. Авторы лучших образцов художественной прозы не только изображают в единичном образе обобщенные психологические черты разных людей, но и высказывают нравственную и рефлексивную правду о человеке. Обратимся к рассказам талантливого писателя-«афганца» Олега Хандруся (Хандрусь, 1992). Этот автор в отличие от многих собратьев по перу пытается разглядеть во враге человека — страдающего и ненавидящего тех, с кем ему приходится воевать. Совесть не позволяет писателю лгать, и потому, рассказывая жесткую, неприукрашенную правду о поведении наших солдат на афганской войне (например, в рассказе «Мародеры»), он как бы обращается к читателю: «Ты должен знать, что я тоже не ангел, а участник этих событий — во мне есть то, что в моих героях».

Приобщение человека к искусству способствует формированию рефлексии, осознания различий между реальным и возможным, т.е. не существующим, а только допустимым, правдоподобным. Неоднократное воздействие художественных произведений на личность, соприкосновение субъекта с искусством — необходимое условие формирования рефлексивных компонентов сознания. Как известно, одна из главных функций искусства — это создание у людей установки на *альтернативное видение* мира. Наличие альтернатив, иных точек зрения не только расширяет смысловую сферу личности ценителя искусства, но и дает ему чувство свободы. С помощью искусства можно абстрагироваться от реальности, потому что в процессе восприятия, переживания и понимания художественных произведений происходит возвышение духа и отчуждение от прозы жизни. А такая потребность была у людей во все времена и исторические эпохи.

Важнейшим условием понимания художественной правды оказывается осознание того, что альтернативность является характерной особенностью не только произведений искусства, но и личности их творцов. Эта особенность как нельзя лучше соответствует психологической природе правды. Любая правда субъективна, потому что основана на взгляде на объективную реальность с той точки зрения, которая выражает субъективные гипотезы, установки, цели, ценности высказывающего эту правду человека. Это означает, что в субъективной правде, как лучом прожектора, высвечивается только личностно значимая отраженная часть объективной реальности. Альтернативность особенно отчетливо видна в художественной правде. В частности, при чтении реальные факты складываются в голове у читателя в целостную куртину благодаря тому, что он сравнивает варианты описания мира с разных точек зрения. Мир приходится реконструировать на основании различных лингвистических данных, например описаний характера персонажа, мозаично представленных автором в разных кусках романа.

Важным условием возникновения у ценителя искусства убеждения в правдоподобности воспринимаемых событий является их логичность. Другое условие — оценка значимости отдельных компонентов для развития сюжета, последовательное воплощение в произведении авторского замысла. Однако при анализе этих условий у представителей разных специальностей нередко наблюдается несогласованность. На это указывает П. Ламарк

в статье «Рассуждение о том, что такое правда в беллетристике» (Lamarque, 1990). Не так просто найти соответствие между необходимостью в логичности художественного произведения и удовлетворением эстетической потребности реципиента. Логическое рассмотрение не принимает во внимание литературную и эстетическую ценность. А литературный критик рассматривает именно содержание, тему и дает эстетическую оценку произведению. Логик в контексте семантической теории оценивает правдивость вымышленных предложений, а критик в контексте литературной интерпретации оценивает вклад вымышленных описаний в развитие общей темы. Недостаток логического анализа состоит в том, что он полностью исключает целевую направленность содержания вымышленного произведения и игнорирует то обстоятельство, что литературное произведение всегда предполагает интерпретацию содержания. Критик обычно не столько расследует факты, сколько раскрывает их смысл, он не столько пытается построить схему мира, сколько создает его интерпретацию. Вместе с тем нельзя не признать, что в обсуждении этой темы заинтересованы и логик, и критик. Оба согласны с тем, что «правда в художественном произведении» — это правда о *вымышленном мире.*

Понимание правды в художественном произведении можно объяснить, рассматривая баланс между описанным в тексте миром и неким фоновым миром. Рассмотрим концепцию миров в художественном произведении. В литературе первично именно то, что рассказчик намеревается сказать, а не то, какими вещи являются на самом деле. Однако есть одна проблема: те миры, правдивость которых мы должны оценить, это миры, в которых содержится только то, что считает правдой рассказчик. При этом чтобы понять, что он считает правдой, мы должны знать, с чем это можно сопоставлять, т.е. что является правдой для нас.

Кроме того, следует различать то, что представлено в произведении явно и потому может быть расценено как правда, и то, что представлено неявно и требует от читателя доопределения на реальной основе. Ламарк предлагает рассмотреть фоновый мир, который, по гипотезе Льюиса, является базисом для размышления о том, что есть правда, помимо того, что описано явно. Этим фоном оказывается или сам реальный мир, или одно из коллективных представлений о мире, существующих в обществе. Естественно, что ресурсом для понимания вымышленного содержания являются общие представления о физическом мире, соответствующие

тому времени, когда это произведение писалось. Например, наш нынешний скептицизм относительно существования сверхъестественных сил не должен приводить к выводу о том, что персонажами «Макбета» не могли быть ведьмы (Lamarque, 1990).

Коллективные представления приводят нас к выводу о том, что такое правда, они накладывают ограничения на понимание вымышленных характеров и наших реакций на них. Очевидная сложность здесь заключается в том, что правда имеет гипотетическую природу. Те гипотезы, которые мы выдвигаем о вымышленных характерах и действиях, часто обладают той же степенью неопределенности и относительности, которая обнаруживается в наших суждениях о мире и реальных людях. Те предположения, которые ни на чем не основаны, кажутся недостаточно правдивыми. Некоторые из них правдивы относительно одного текста, но ложны относительно другого. Следовательно, правда относительна и зависит от интерпретации.

Мы формируем гипотезы о героях из фактов и считаем их правдой на основании определяемого или выдуманного мира. Схема интерпретации определяет различные правды выдуманного мира, а они, в свою очередь, становятся ее основой. Наши выводы о герое базируются на объяснении его действий. Но проблема в том, что оценить рациональность поведения героя мы можем только на основе знания его установок и желаний. А выяснить его установки можно, лишь наблюдая за его поведением. Получается замкнутый круг, сравнимый с герменевтическим кругом, и разбить его можно только благодаря первоначальным предположениям.

Для того чтобы оценить, что является правдой, приходится делать первоначальные допущения, настолько далеко мы можем зайти в проведении параллелей между оцениванием человеческой мотивации и того, что является правдой в художественном произведении. С одной стороны, эти параллели очень близки, так как наш интерес к произведению в основном сосредоточен на человеческой мотивации, побудительных причинах поступков персонажей. Понимание смысла поступка героя требует от нас тех же суждений, которые мы используем, оценивая людей в обычной жизни. С другой стороны, существует параллель между пониманием человеческих действий и попытками литературной интерпретации. Цель литературной интерпретации — не столько описание правды, сколько установление значимости

отдельных компонентов для развития сюжета. Это поиск согласованности и смысла, включающий нахождение связей между все большим числом событий в сюжете. Поиск, основанный на наших фоновых знаниях о мире и осуществляющийся путем категоризации элементов произведения на базе субъективной психосемантической сети.

Таким образом, Ламарк полагает, что существует параллель между литературной интерпретацией и объяснением человеческих поступков. Но было бы ошибкой полностью сводить литературную интерпретацию к тому, как мы понимаем человеческое поведение в реальной жизни (Lamarque, 1990).

Вторая точка зрения: правдивое искусство изображает социальные и моральные образцы поведения.

Как ясно следует из изложенного выше, хотим мы этого или нет, понимание художественной правды в значительной мере определяется тем, что мы считаем правдой в реальной жизни. Одним из социально значимых образцов поведения является стремление человека «жить в правде». Это выражение использовал Ф. Кафка. Что это значит? Определить «жизнь в правде» через отрицание несложно: не лгать, не прятаться, ничего не утаивать. Например, есть точка зрения, согласно которой жить по правде, «не лгать ни себе, ни другим, возможно лишь при условии, что мы живем без зрителей. В минуту, когда к нашему поведению кто-то приглядывается, мы волей-неволей приспосабливаемся к наблюдающим за нами глазами и уже все, что бы мы ни делали, перестает быть правдой. Иметь зрителей, думать о зрителях — значит жить во лжи» (Кундера, 1992, с. 51 — 52). Противоположное мнение состоит в том, что главный источник искажения правдивой жизненной позиции заключен в разделении жизни на частную и общественную сферу: в частной жизни человек один, а в общественной — совсем другой. С этой точки зрения, возможность никогда ни в чем не лгать, «жить в правде» у человека появится только тогда, когда ему удастся разрушить барьер между личным и общественным. Такую позицию занимал один из основоположников сюрреализма Андре Бретон, говоривший, что он хотел бы жить в «стеклянном доме», где нет никаких тайн и куда дозволено заглянуть каждому.

Понимание всегда зависит от ценностей понимающего мир субъекта, его представлений о должном. В искусстве, особенно русском, такие представления очень часто связаны с моральными

ценностями и этическим отношением человека к человеку. Давно известно, что нравственное — это должное, и потому понятие художественной правды нельзя рассматривать в отрыве от категорий нравственности. Всегда были (и есть) художники, которые считали, что художественную правду следует искать только в нравственном искусстве. А нравственность художника — это и есть правдивое отображение жизни. Такую точку зрения высказывал В.М. Шукшин в статье «Нравственность есть Правда». Он писал: «А как быть со всякого рода шкурниками, бюрократами, если они изображены предельно правдиво? Они что, нравственные герои? Нет, но они не безнравственны. Они есть та правда, которую заключает в себе всякое время (и время социализма тоже), которую *необходимо* знать. Правда труженика и правда паразита, правда добра и правда зла — это и есть, пожалуй, предмет истинного искусства. И это есть высшая Нравственность, которая есть Правда. Нравственным или безнравственным может быть искусство, а не герои. Только безнравственное искусство в состоянии создавать образы лживые — и "положительные", и "отрицательные" (если их можно назвать образами). Говорить в таком случае о нравственности или безнравственности нелепо. Честное, мужественное искусство не задается целью указывать пальцем: что нравственно, а что безнравственно, оно имеет дело с человеком "в целом" и хочет совершенствовать его, человека, тем, что говорит ему правду о нем» (Шукшин, 1985, с. 623). Иначе говоря, по Шукшину, художественная правда этически нейтральна. Его точка зрения — не мнение отдельного человека, а скорее типичная позиция писателя, питавшегося соками русской культуры. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к статье известного литературного критика XIX века А. Григорьева «О правде и искренности в искусстве».

Нравственное сознание человека, ориентация на моральные образцы поведения в современной психологии морали обычно связываются с ценностно-нормативной сферой личности. Российские психологи, особенно выпускники Московского университета, в этой связи предпочитают говорить о ценностно-смысловых образованиях личности. Последние имеют прямое отношение к формированию понимания. Предпосылкой любого понимания, в том числе понимания художественной правды, является смыслообразование. По мнению А.Н. Леонтьева, основное, что характеризует эстетическую деятельность, —

это открытие, выражение и передача другим не поверхностного содержания произведения искусства, не его значения, а глубинного личностного смысла. Искусство не информирует, а движет людей, подвигает их на борьбу против утраты смысла (Леонтьев, 1983). И именно сформированность субъективного, личностно-пристрастного смысла произведения *у многих* реципиентов может служить признаком того, что в этом произведении есть художественная правда. Такая правда, которую понимают и эмоционально переживают слушатели, зрители, читатели.

Таким образом, важными условиями дальнейшего развития психологии понимания субъектом художественной правды является исследование закономерностей формирования правдоподобных моделей. Необходим также анализ когнитивных и личностных факторов, влияющих на создание у субъекта установки на альтернативное видение мира. Безусловно, важным является и изучение закономерностей смыслообразования и формирования эстетических ценностей: анализ соотношения эстетических и моральных ценностных ориентаций у художников и их публики. Перечисленные направления хотя и перспективны, но, разумеется, не исчерпывают всей глубины проблемы понимания художественной правды.

Итак, понимание искусства, безусловно, является духовным актом, не только связывающим воедино познание, общение, интеллект, чувства и моральные представления людей. Понимание субъектом художественных произведений невозможно без обращения к себе, такой направленности в глубины своего духовного Я, которая позволяет актуализировать ценностно-смысловые структуры эстетического опыта, созвучные мыслям и эмоциям творца. Следовательно, понимание себя оказывается обязательным условием понимания искусства.

ГЛАВА 4. САМОПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТА

4.1. Самопознание и самопонимание — проблемы психологии познания и психологии человеческого бытия

В наше время в фокусе внимания российских психологов вновь оказались проблемы методологических оснований психологического знания. Закономерность и обоснованность этого историко-научного феномена очевидна. С одной стороны, его возникновение обусловлено широким распространением самых разнообразных вариантов иррациональной «психологии», с другой — «усталостью от рационализма» (Юревич, 2000) и неверием многих ученых в целесообразность привлечения когнитивных схем для объяснения сути психологических явлений. Сегодня отечественная психология характеризуется тем, что повышенный интерес к экзистенциально-гуманистическим проблемам (Психология..., 1997) в ней непротиворечиво сосуществует с неприятием экзистенциальных способов их решения.

В методологии психологии и других социальных наук решение традиционной проблемы специфики гуманитарного научного знания сегодня осуществляется в двух основных направлениях. Первое представляет собой поиск специфики, сходства и различия объективных и субъективных компонентов знания о социальном мире, получаемых с помощью *рассудка* и *разума* субъектов познания и общения. Вторая современная тенденция интерпретации природы гуманитарного знания состоит в стремлении ученых-гуманитариев расширить *критерии рациональности* за счет

включения в структуру научного знания так называемого «живого знания».

Пожалуй, первым отечественным психологом, который обратился к старой философской традиции сопоставления рассудка и разума, был Г.Г. Шпет (Шпет, 1989). Он настаивал на необходимости рассматривать формализм рассудочного естественнонаучного познания и разумную, насыщенную чувственными компонентами созерцательную и коммуникативную деятельность как две неразделимые стороны человеческого ума. Ум полноценно раскрывается в реалиях жизни, общении людей, их бытии. В современной психологии, особенно психологии межличностного познания, проблема «рассудочных» и «разумных» сведений обсуждается в основном в контексте соотнесения теоретического научного знания и дотеоретического обыденного, получаемого людьми из повседневного опыта. Естественно, что при этом главным оказывается вопрос о критериях научности психологических исследований. Или, иначе говоря, вопрос о границах рациональности. Решение этого вопроса зависит от дефиниции категории «живого знания».

В различные исторические периоды развития российской гуманитарной мысли к анализу феномена «живого знания» обращались многие отечественные мыслители (А.С. Хомяков, С.Л. Франк, В.П. Филатов и др.). «Живое знание» представляет собой то, что человек индивидуально приобретает в повседневной жизни. Живое невербализованное знание предшествует логически осознанному объяснению понятых субъектом фактов, событий, явлений и становится одним из психологических условий понимания мира. Отличительным признаком такого знания является целостность, возникающая непосредственно в ощущении, восприятии, мышлении. Другая его особенность: «Живое знание отличается от мертвого тем, что оно не может быть усвоено, оно должно быть построено. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мертвое, механическое действие. Почему именно живое знание? Живое знание — это неотъемлемое свойство живой жизни, и вместе с тем живое знание — это устремление к ее пониманию» (Зинченко, 1998).

А.В. Юревич описывает три различных способа, пути проникновения в науку «живого знания»: «Один из таких путей — приобщение ученого к некоторому общезначимому, объективированному социальному опыту и перенесение его в науку в качестве

основы построения научного знания. Например, формирование научных идей под влиянием вненаучной социальной практики — воспроизводство в математических системах социальных отношений и т.д. В таких случаях в основе "живого" обыденного знания, переносимого в науку, лежит общезначимый, *надличностный опыт*, хотя способ его отображения в научном знании всегда уникален, опосредован индивидуальным опытом ученого.

Другой путь — построение ученым научного знания на основе его собственного *личностного опыта*, в первую очередь опыта самоанализа. Данный способ построения научного знания акцентирован психобиографией — подходом к анализу науки, рассматривающим личностные особенности ученого и его уникальный жизненный путь как основную детерминанту научного познания» (Юревич, 1998, с. 49).

Третий путь проникновения «живого» опыта в науку наиболее характерен для гуманитарных наук, особенно для психологии. В этих науках сам способ осмысления проблем часто предполагает отражение личностного и мировоззренческого своеобразия ученого: его рефлексии, самоанализа, отношений с окружающими и т.д. Их результаты он обобщает, распространяет на других и формулирует как общезначимое научное знание (там же, с. 50—51).

В современной методологии науки соотношение содержания понятий «научного знания» и «живого знания» напоминает соотношение феноменов «познания» и «понимания». Исходной точкой и результатом научного *познания*, как правило, оказывается новое объективное знание об окружающем человека мире. Такое знание характеризуется определенной структурой: в нем представлены как результаты отражения (осознания) субъектом наличия, существования фактов, событий, явлений действительности, так и их закономерные связи. Субъективно-личностные психологические механизмы *понимания* в значительной степени детерминируются не только объективным знанием, но и плохо осознаваемыми, а также нередко нелогичными продуктами самосознания, самоанализа и т.п. Результат понимания — не получение человеком нового знания, а порождение индивидуального смысла «живого знания».

В современной психологии также происходит возрождение категории «живого знания». Одним из перспективных направлений изучения психики человека является рассмотрение такого

знания в качестве соединительного звена между пониманием и самопониманием субъекта. Вот, например, как на эту тему размышляет В.П. Зинченко: «Живое знание всегда пристрастно и включает знание о субъекте знания, т.е. о себе самом. Человек почти никогда не имеет ясного понятия о себе, и это вовсе не противоречит тому, что он может себя достаточно хорошо знать. Познавая и переживая нечто, мы одновременно познаем себя и этим самопознанием доопределяем это нечто, самоопределяем, в пределе — изменяем, сотворяем себя» (Зинченко, 1998, с. 28).

Метафора живого знания хорошо вписывается в представления психологов о процессуальности познания мира человеком. Вместе с тем она ясно указывает на неодинаковость, нетождественность самопознания и самопонимания. Естественно, что прежде чем обсуждать соотношение самопонимания и самопознания необходимо проанализировать признаки, в соответствии с которыми можно определить сходство и различие двух названных феноменов. В самом общем виде здесь можно выделить *три* критерия сопоставления их содержания: результат, способ получения нового и источник получения знаний. Опишу их подробнее.

1. *Результатом* самопознания оказываются новые знания, а самопонимания — новый смысл того, что человек уже знал о себе. В современной психологии самопознание обычно определяется как «вся сумма информации о себе, представленная в индивидуальном сознании» (Braun, 1988, p. 249). Существуют и более детализированные представления о сущности обсуждаемого феномена. Например, Я. Козелецкий считает, что самопознание это «познавательная репрезентация самого себя, т.е. та часть знания личности, которая содержательно относится к себе как к единому целому или к какому-нибудь аспекту этого целого» (цит. по: Романова, 2001а, с. 108).

В отличие от самопонимания самопознание позволяет человеку получать новые знания, но не наделяет их смыслом, не иерархизирует их по ценностям. Оно дает ему возможность формировать определенные представления о себе и систематизировать их. В процессе самопознания субъект имеет дело со сбором данных, анализом и синтезом новых сведений о психологических особенностях своих мотивов, характера, мировоззрения и т.п. Еще Б.Г. Ананьев отмечал, что одним из главных источников самопознания является собственная деятельность субъекта. В деятельности возникают знания о себе, раскрываются и опреде-

ляются границы физических, психических и нравственных ресурсов, проверяется адекватность личности самой себе. Человек познает себя по своим делам и оценивает по успехам и достижениям (Ананьев, 1980).

Самопонимание, как и вообще понимание, направлено не на поиск новых знаний, а на осмысление, порождение смысла того, что человек узнал о себе во время самопознания. Успешное самопонимание можно определить как осмысленный результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на причинные вопросы о своем характере, мировоззрении, отношении к себе и другим людям, а также о том, как другие понимают его.

2. *Способ получения нового* — констатация новых знаний с последующей их категоризацией или установление причинно-следственных связей путем постановки разных типов вопросов и ответов на них. По способу получения нового основанием различения самопознания и самопонимания оказывается тип вопросов, которые мы задаем, познавая или понимая себя.

Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на констатирующие вопросы типа: «Какой я?» или «Что я знаю о себе?» В частности, заполняя психологические опросники, человек может узнать о степени сформированности у него коммуникативных черт личности, о показателях вербального и невербального интеллекта и т.п. Ответы на такие вопросы дают нам новую информацию, но не обязательно все новые сведения понятны. Вследствие этого оказывается возможной такая парадоксальная ситуация, при которой человек может достаточно хорошо знать, но не понимать себя. С точки зрения психологического анализа самопознания, важна временная обращенность вопросов (Braun, 1988). Последние могут относиться к прошлому (Каким я был несколько лет назад?), настоящему (Что я представляю собой сегодня?) и будущему (Каким я буду, когда выросту или вернусь из армии?).

В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа — причинные: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не симпатичен?» Причинное знание есть отражение углубления в сущность предметов и явлений, и потому оно никогда не оставляет без изменений психику получающего это знание субъекта. Неудивительно, что, понимая что-то во внешнем мире, мы и углубляемся в себя, и возвышаемся над собой.

3. *Источник знаний* — разные составляющие собственной личности и отношений с другими людьми. При самопознании и самопонимании, пытаясь получить новые сведения о себе, человек обращается к разным сторонам собственной личности. Обоснование этой точки зрения, в частности, можно найти в теории У. Джемса о двух составляющих личности (Джемс, 1991). Согласно Джемсу, личность разделена на две важнейшие структуры: «Я-познающее» и «Я-познаваемое». «Я-познающее» — это субъективная составляющая познания человеком мира и себя в мире. Иначе говоря, это тот аспект личности, который организует и интерпретирует наш опыт. «Я-познаваемое» представляет собой совокупность всего того, что человек называет своим: материальные проявления его сущности (тело, собственность), социальные отношения, роли, личность и духовные характеристики (сознание, мысли пр.). В каждый отдельный момент «Я-познающее» осознает реальность, мир вокруг и внутри себя, а «Я-познаваемое» является тем объектом, на котором фокусируется внимание «Я-познающего». Человеческое существование приобретает осмысленную цель только тогда, когда порождается смысл «Я-познаваемого», когда оно становится понятным, «прозрачным» для субъекта. Как следует из изложенного, формирование и развитие самопознания в большей степени соответствуют «Я-познающему», а самопонимания — «Я-познаваемому».

***

Итак, современные работы по психологии самопознания и самопонимания интересны и разнообразны, однако пока довольно малочисленны. Дальнейшие исследования не только расширят наши представления о психологической природе названных феноменов, углублению научных знаний, но и будут способствовать уточнению границ психологии человеческого бытия. Самопознание и самопонимание являются научно значимыми проблемами и психологии познания, и психологии человеческого бытия. Это следствие того, что вся наша жизнь состоит из таких сменяющих друг друга событий и ситуаций, которые мы воспринимаем, осмысливаем и переживаем как неотъемлемые составляющие своего внутреннего мира. Задавая себе вопросы (например, что и откуда мы знаем, когда думаем, что неплохо знаем себя? как субъективный способ видения и понимания всего того,

что с нами происходит, порождает чувство осмысленности и полноты жизни или, наоборот, безысходности и абсурдности существования? и др.), человек «строит» свою картину мира. Впоследствии на вербальном уровне она отражается в повествовании, нарративе, рассказах. Естественно, что успешность взаимопонимания партнеров по общению в значительной мере определяется осознанием каждым из них того, как другой понимает себя.

4.2. Самопознание субъекта

«Познай самого себя» — гласит надпись, высеченная на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах. Все мы слышали это изречение, но кто с достаточным основанием имеет право утверждать, что в полной мере понимает его смысл? С точки зрения современной науки, смысл этого высказывания многогранен: он включает соотношение познания как гносеологической категории и познания как одной из предметных областей психологии, самопознания как обязательного компонента любого познания, самопознания культуры и самопознания конкретного человека. Древний грек, прочитавший надпись на колонне, и современный ученый-психолог выделяли в качестве главного принципиально различные стороны содержания изречения. Для древних призыв познать себя означал прежде всего направленность на познание человека вообще, его места в обществе и мироздании. Умение увидеть в частных проявлениях своей личности общие черты, присущие и другим людям, — это уже обобщение, отличающее не столько индивидуальный разум, сколько общий, «коллективный», способный сделать предметом размышления *человека*: и как индивида, пребывающего в данном месте и времени, и как частицу вселенной.

На такой способ античного мышления неоднократно обращал внимание Н.А. Бердяев. Он писал: «Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию, как пути к познанию мира. Но что это было за самопознание? Было ли это самопознание вот этого конкретного человека, единственного и неповторимого человека, было ли это его познание и познание

о нем? Думаю, что это было не познание о нем, а познание о человеке вообще. Самопознающий субъект был разумом, общим разумом, предметом его познания был человек вообще, субъект вообще. Общее познавало общее, универсальное познавало универсальное. Сам познающий себя человек стушевывался, в нем оставались лишь общие черты, исчезало необщее выражение лица. Греческая философия, несмотря на лозунг «Познай самого себя», стремилась к познанию единого универсального и неизменного и отвращалась от множественного и подвижного мира» (Бердяев, 1991, с. 316).

Следует признать, что сам Бердяев в философской автобиографии (Бердяев, 1991) блестяще обосновал возможность иного, коренным образом отличного от античного способа самопознания. Он сделал это, рассмотрев конкретные факты своей биографии и события окружающей жизни через ценностную призму их духовного и общественного содержания. Смысловая направленность самоанализа философа отражала его трансцендентное стремление к выходу за пределы проблем эмпирического бытия и попытки их объяснения с позиций отнесенности ко всему человеческому роду. Неудивительно, что у Бердяева даже мелкие и на первый взгляд незначительные подробности повседневной жизни освещались внутренним светом, экзистенциальным, *субъектным* взглядом на их роль и значение в самопознании мыслителя. Именно осознание недопустимости самообъективации, отчуждения, поглощения индивидуального общим определяло для него границы самопознания и давало надежду, что познание будет экзистенциальным.

За подтверждением верности высказанных соображений снова обратимся к Бердяеву: «Я сам, познающий, — экзистенциален, и эта экзистенциальность есть вместе с тем не объективируемый предмет моего познания. Но объективация возникает всякий раз, когда я начинаю себя идеализировать или когда обнаруживаю смирение паче гордости, когда бываю не до конца, не до последней глубины правдив и искренен. На этих путях я начинаю творить свой образ, возвеличенный или приниженный, объективированный во вне. Я начинаю себя стилизовать, и мне самому начинает нравиться мой стилизованный образ. Я создаю о себе миф» (там же, с. 317).

В социальных взаимодействиях любой человек представлен не только таким, каков он есть в действительности, но и таким,

каким его видят окружающие. Мнения, представления, понятия других людей влияют на его познание и понимание себя. С позиций психологии человеческого бытия, взаимосвязь субъекта с миром уходит своими корнями в проблему самопознания и самопонимания. Обобщенно названную проблему можно выразить как укорененность индивидуального сознания в личностном бытии субъекта.

Бытие (экзистенция) всегда связано с выбором: С. Кьеркегор, М. Хайдеггер и К. Ясперс неоднократно подчеркивали, что существовать — значит всегда быть поставленным перед выбором. Выбирая из нескольких альтернатив, которые потенциально содержатся в любой жизненной ситуации, «человек также стоит перед необходимостью принять решение: быть ли самим собой или "промахнуть" мимо себя (ср.: Lleras, 1996, S. 25). Такое понимание экзистенции в значительно большей степени выдвигает на передний план *Person* и его самопонимание как условие бытия. *Person* должен иметь знание себя, подход к себе и, прежде всего, иметь отношение к себе. Как еще человек может определить, промахнулся ли он мимо себя или нет?» (Лэнгле, 2002, с. 160).

Самопознание позволяет человеку не только прояснить отношение самого себя к собственному бытию, но с помощью вопрошания, постановки вопросов к себе, относящихся к альтернативным выборам и решениям, выявить *потенциальные возможности саморазвития*. От рефлексивного анализа отношения к себе в значительной степени зависит понимание бытия. На это указывает Ф. Ллерас: «Пока я имею отношение к моему бытию (экзистенции), у меня уже есть определенное сложившееся понимание бытия. Так что самопознание, в соответствии с этим утверждением, есть не что иное, как процесс понимания собственной экзистенции. Оно развивается не в виде некой созерцающей и представляющей теоретической операции, а как действие меня с самим собой. Причем ведущей является забота о том, как я обхожусь с самим собой, как я чувствую себя в моей ситуации, как обстоит дело с экзистенциальным предназначением, в соответствии с которым речь идет о моем бытии, о том, каким я могу и хочу быть. Самопознание как действие с самим собой является экзистенциальным проектом» (цит. по: Лэнгле, 2002, с. 161).

К сожалению, в психологии проблема самопознания пока исследована значительно меньше, чем в философии и гуманитарных

науках. Прежде чем переходить к конкретному теоретико-экспериментальному анализу самопознания, надо описать этот психологический феномен в самом общем виде. «Самопознание — сложный, многоуровневый процесс, индивидуализированно развернутый во времени. Очень условно и в самой общей форме его можно разделить на два основных уровня. На первом уровне самопознание осуществляется через различные формы соотнесения самого себя с другими людьми, т.е. при таком познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты, включая себя в сравнительный контекст с другими. Основными внутренними приемами такого самопознания являются самовосприятие и самонаблюдение. Однако на стадии более или менее зрелого самопознания включается и самоанализ» (Чеснокова, 1977, с. 95).

Самопознание как процесс характеризуется динамичностью: он проявляется в непрерывном движении от одного знания о себе к другому и последующем уточнении, расширении, углублении нового знания. «Для второго уровня самопознания специфично то, что соотнесение знаний о себе происходит не в рамках «Я и другой человек», а в рамках «Я и Я», когда человек оперирует уже готовыми знаниями о себе, в какой-то степени сформированными, полученными в разное время, в разных ситуациях. Ведущими внутренними приемами данного уровня самопознания являются самоанализ и самоосмысливание, которые, однако, необходимо опираются на самовосприятие и самонаблюдение (там же, с. 97—98).

Для анализа самопознания первостепенное значение имеют те источники, из которых человек получает знания о себе. В современной психологии исследования самопознания в основном ведутся в направлении поиска путей, способов, которыми человек познает себя. В психологической литературе (Schoeneman, 1981; Sedikides, Skowronski, 1995) выделяются три первичных источника информации. Исследования самопознания в современной психологии ведутся в трех главных направлениях: во-первых, анализ того, какие составляющие Я-концепции могут дать человеку полезные сведения для лучшего узнавания себя; во-вторых, какого рода информацию о себе люди предпочитают извлекать из общения с другими; в-третьих, от каких социальных и личностных факторов зависит мотивация субъекта к самопознанию.

Анализ компонентов Я-концепции

Для психологов, изучающих феномен самопознания, типично стремление ясно осознать, отрефлексировать разные аспекты Я-концепции. Наиболее общая тенденция при анализе психологической природы и регулирующих функций самопознания в познавательных и коммуникативных ситуациях заключается в констатации наличия двух главных подсистем Я, обладающих неодинаковыми характеристиками. Одна подсистема связана с установлением отличительных черт и специфики индивидуального Я, другая — с поиском места человека в природном и социальном мире. Обе подсистемы взаимодействуют в структуре личности.

Личное Я состоит из тех установок, мнений, убеждений и т.п., которые позволяют человеку осознавать свою индивидуальность и отличать себя от других. *Социальное* Я человека включает те аспекты его личности, которые подобны аспектам социального Я членов той группы, с которой он себя идентифицирует. Индивидуальность и социальная индивидуальность не рядоположены, но дополняют друг друга. Они функционируют вместе для получения адаптивного результата: для решения задачи, достижения поставленной цели, усвоения общественных норм и групповых целей, для установления межличностных отношений (Braun, 1988).

Более детальным анализом подсистем Я и, соответственно, источников самопознания характеризуются работы У. Найссера. Он выделяет экологическое Я, межличностное, расширенное, индивидуальное, концептуальное (Neisser, 1988).

Экологическим Я он называет ту часть Я-концепции, которая соотносится с физическим окружением человека: Я — конкретное лицо в этом определенном месте, вовлеченное в данную деятельность.

Межличностное Я возникает у ребенка в раннем детстве и проявляется лишь тогда, когда двое или более людей вовлечены в межличностное общение: Я есть субъект, который включен в данный акт межличностной коммуникации.

Расширенное Я базируется изначально на нашей личностной памяти и антиципации: Я — это лицо, которое имеет определенный специфический опыт и регулярно включается в знакомые, соответствующие заведенному порядку рутинные действия.

Индивидуальное Я появляется тогда, когда дети первый раз замечают, что некоторые их ощущения и переживания не разделяются в данный момент другими людьми. Например, «Я единственный человек, который сейчас может ощущать эту боль». «Каждый из нас имеет сознательный опыт, который недоступен кому-то другому. Одни его стороны могут быть внутренними аспектами восприятия и действия, другие (например, сны) являются независимыми от конкретной ситуации, в которой находится данный индивид. Этот личный опыт является важным источником самопознания» (Neisser, 1988, p. 50).

Каждый из нас имеет концепцию самого себя как отдельной личности в знакомом мире. Это *концептуальное* Я имеет свое начало в социальной жизни. Концептуальное Я (Я-концепция) образуется из комплекса понятий и предположений субъекта о себе, характеризующих человеческое бытие.

Некоторые из них касаются социальных ролей (муж, профессор, американец); другие составляют более или менее гипотетичные внутренние сущности (душа, бессознательное, ментальная энергия, мозг); третьи указывают на социально значимые отличия (интеллект, привлекательность, здоровье). Естественно, что из огромного разнообразия способов понимания людьми того, как они представляют самих себя, не все является правильным.

Пять различных Я обычно не переживаются субъектом как отдельные части, все эти пять Я являются фундаментально важными. Они все проявляются в жизни очень рано, но не одновременно и различным образом. Все они выражают некоторую степень протяженности во времени и таким образом каждое из них вносит свой вклад в универсальный опыт сущности Я.

Основная цель исследований Найссера заключается в том, чтобы показать, что то, что мы узнаем о себе в процессе самопознания, только на первый взгляд кажется парадоксальным. Парадокс можно сформулировать так: если существует пять различных познаваемых Я, то почему мы обычно переживаем себя как единую и цельную индивидуальность? Однако этот парадокс нетрудно разрешить, если обратить внимание на характеристики информации, получаемой на разных стадиях самопознания. Тот факт, что экологическое и межличностное Я могут быть аспектами одной и той же личности, можно объяснить сразу: они находятся в одном и том же месте и вовлечены в одни и те же действия. Расширенное Я связано с тем и другим не только пото-

му, что все, что мы вспоминаем, является экологическим или межличностным опытом, но также потому, что мы можем видеть, где мы находимся в акте воспоминания. В индивидуальном Я, как минимум, одна форма сознания — эксплицитное осознание того, что мы делаем — очень тесно связана с нашей настоящей ситуацией.

Таким образом, осознание психологами многообразия сторон Я-концепции не препятствует, а, наоборот, способствует продуктивному изучению феномена самопознания (Neisser, 1988).

Тип информации о себе

Для анализа самопознания как «Я-познающего» первостепенное значение имеют те источники, из которых человек получает знания о себе. В современной психологии исследования самопознания в основном ведутся в направлении поиска путей, которыми человек получает знание о себе. В психологической литературе (Schoeneman, 1981; Sedikides, Skowronski, 1995) выделяются *три* первичных источника информации.

Первый из них коренится в теории социального сравнения. В ее основе лежит предположение о том, что при оценке себя, своего поведения и возможностей люди сравнивают себя с другими людьми, особенно с подобными себе. Однако социальное сравнение далеко не всегда направлено именно на самопознание. Иногда люди занимаются сравнением скорее для повышения оценки собственного Я, чем в целях объективного самопознания. Как показал У.Б. Суонн, выбирая круг общения, люди предпочитают иметь дело с теми, кто видит и оценивает их так же, как они сами. Интересно, что такая стратегия поведения не зависит от оценочной составляющей самопознания. Если мы видим себя в негативном свете, то предпочитаем выбирать знакомых, которые видят нас так же. При положительном взгляде на себя мы ищем партнеров, которые подтверждают такое самопонимание. Общение с теми, кто оценивает нас примерно так, как мы, способствует адекватному предсказанию социальных взаимодействий и порождает чувство контроля над своим окружением. Расхождение в оценках и самооценках, наоборот, уменьшает это чувство и ведет к переживаниям, страданию и ощущению несчастья (Swann, 1987).

Второй источник самопознания исходит из отраженной оценки, «отраженного Я». Символическая интеракционистская теория «отраженной самооценки» основана преимущественно на психологическом анализе коммуникации, общения людей. В качестве основного источника самопознания в ней постулируются социальные обратные связи. Под связями понимаются непосредственные вербальные оценки, получаемые от других людей и преобразованные самим субъектом. Считается, что люди получают сведения о себе через прямую оценивающую обратную связь от значимых других или через ярлыки, навешиваемые на них другими. Дж. Мид и другие социальные психологи утверждают, что самопознание — это попытка воспринять и представить себя такими, какими нас видят окружающие (Schoeneman, 1981).

Идея применения анализа обратных связей для повышения уровня самопознания работников и развития у руководителей навыков управления сегодня успешно воплощается в менеджменте (Yammarino, Atwater, 1997; Atwater et al., 1998). Различается два вида обратной связи. «Восходящей обратной связью» называется информация, поступающая лично от подчиненных или через их отчеты. Сведения, получаемые от более широкого круга лиц, с которыми общается руководитель (от начальства, коллег, заказчиков и клиентов), называются «круговой обратной связью». Методика анализа основана на сопоставлении самооценок работников, руководителей, менеджеров с их оценками взаимодействующих с ними людей. Определение степени согласованности между Я-оценками и оценками других людей — ключевой момент методики. Теоретическим основанием метода является предположение о том, что обратная связь увеличивает точность самопознания и информирует руководителя о необходимости корректировать поведение. Предполагается также, что у тех, кто никогда не получал обратной связи, возникает неточное самопонимание, они склонны игнорировать психологическую специфику восприятия и понимания их другими.

Как показали эмпирические исследования (Yammarino, Atwater, 1997), типы соотношений Я-оценок с оценками других можно разбить на четыре категории. Каждая категория реализуется на уровне организации управления персоналом как для каждого работающего, так и для предприятия в целом.

1. Переоценивание себя: у людей из этой категории Я-оценка значимо выше, чем оценка их другими. Самооценка нередко

оказывается преувеличенной вследствие игнорирования оценок других из-за стремления нивелировать отрицательную обратную связь. Хорошо известно, что большинство людей не любят давать другим негативные отзывы и стараются избегать этого. В результате большинство из нас получает приукрашенные по сравнению с реальными оценки. Таким образом укрепляется тенденция видеть себя в неоправданно положительном свете. Неточность самооценки может быть также связана с тем, что люди игнорируют негативные отзывы. В то же время позитивные отзывы воспринимаются как более точные и информативные — положительные отзывы лучше согласуются с нашим самовосприятием.

На уровне управления человеческими ресурсами переоценка ведет к негативным последствиям и для организации, и для работающих в ней людей. Субъекты, переоценивающие себя, склонны к принятию неэффективных профессиональных решений, высказыванию негативных (вплоть до враждебных) суждений по отношению к другим, к большому количеству прогулов, необязательности, частой смене места работы, конфликтам с руководством и коллегами.

2. Недооценка: Я-оценка значимо ниже, чем оценка другими, иными словами, оцениваемый не осознает своих сильных сторон и слишком скромен. Позитивные отзывы в этом случае могут подтолкнуть человека к совершенствованию. Работники, недооценивающие себя, склонны неправильно оценивать свои сильные и слабые стороны, принимать нееэффективные профессиональные решения, демонстрировать низкий уровень притязаний, проявлять уровень работоспособности ниже возможного, испытывать эмоциональные взлеты и падения, не стремиться к руководящим позициям и реализации своего потенциала.

3. Согласованная позитивная оценка: Я-оценки и оценки других высоки и согласованны. Работники, попавшие в эту категорию, встречаются в организациях достаточно редко. Они являются «идеальными служащими», «хорошими руководителями» и «успешными лидерами». Согласованные оценки имеют очень позитивные следствия для человека и организации. Люди, дающие согласованные высокие Я-оценки, отличаются установкой на сотрудничество, обладают наилучшей способностью к помощи другим, являются хорошими исполнителями и эффективными руководителями, принимают эффективные решения, характеризуются отсутствием прогулов, высокой обязательностью,

неконфликтностью, стремлением сохранить постоянное место работы.

4. Согласованная негативная оценка: Я-оценка низка и сходна с оценками других людей. Несмотря на то, что восприятие и понимание человеком себя является достаточно точным, его поведение нельзя назвать «идеальным» или «желательным». Такой тип оценки имеет негативные последствия для человека и для организации, однако он все-таки лучше, чем случай переоценки.

Люди, дающие согласованно низкие Я-оценки, оказываются неуспешными, плохими исполнителями, они обычно принимают неэффективные решения, обладают негативными установками, низким уровнем знаний, навыков и способностей. Такие работники довольно точно оценивают свои слабые стороны, однако не предпринимают усилий для их устранения. Они часто бывают необязательными, прогуливают, меняют место работы (Yammarino, Atwater, 1997).

Третий источник самопознания — саморефлексия, поведенческое самовосприятие. Согласно когнитивным теориям самовосприятия и объективного самосознания, ведущим источником самопознания является самовосприятие, самоанализ и рефлексия субъекта. Известно, что люди иногда действуют как внешние наблюдатели: они стараются взглянуть на себя со стороны, получить новые данные и сформулировать смысл своих действий для заключений о себе. Вместе с тем нередко они делают объектом анализа собственный внутренний мир (мысли, чувства, переживания и т.п.) для выводов о себе. Наиболее типичными примерами подобных концепций можно считать теории самовосприятия Д.Дж. Бема и объективного самосознания С. Дувала и Р.А. Виклунда. Несколько обобщая, можно утверждать, что с позиций таких теорий самопознание рассматривается как особая форма взаимодействия субъекта и объекта воспринимаемого и познаваемого. Самопознание включает наблюдение за своим поведением и условиями, в которых оно происходит. С этой точки зрения, ведущим в процессе самопознания является осмысленное самонаблюдение, основанное на анализе образов, мыслей и чувств, а также внешних действий, поступков и ситуаций. Более того, люди нередко выступают как наблюдатели своего внутреннего мира (например, мыслей и чувств) и используют содержание наблюдений для выводов о себе (Schoeneman, 1981; Sedikides, Skowronski, 1995).

Обычно люди используют все три основных источника информации для самопознания, но удельный вес их различен. В работе Т.Дж. Шоенемана самонаблюдение как источник знаний о себе в самоотчетах испытуемых получило большую часть предпочтений (70,2%), далее следует обратная связь от других людей (18,8%) и социальное сравнение (10,7%). Интересно, что в ходе интервью социальное сравнение упоминалось чаще в связи с положительными, чем с отрицательными, чертами личности (Schoeneman, 1981, p. 288). Аналогичные данные с помощью более подробных, развернутых методик получили К. Седикидес и Дж.Дж. Сковронски (Sedikides, Skowronski, 1995). Следовательно, субъективная значимость получаемых знаний оказывается неодинаковой, она зависит как от социальных обстоятельств, в которых осуществляется процесс самопознания, так и от индивидуально-личностных особенностей субъекта.

Почему в процессе самопознания испытуемые предпочитают опираться на самонаблюдение и саморефлексию, а не на обратную связь и социальное сравнение? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать оценочную противоположность применяемых в эксперименте прилагательных. «Хорошие» и «плохие» характеристики, безусловно, оказали влияние на частоту упоминаний источников самопознания. Респонденты в интервью чаще предпочитали самонаблюдение как источник получения отрицательных сведений о себе. А для социального сравнения обнаружен противоположный эффект: большее число позитивных дескрипторов и меньшее — негативных. Для обратной связи разницы не найдено.

Таким образом, результаты исследования показывают, что источники получения положительных и отрицательных знаний о себе различаются. Предпочтение одних источников самопознания другим может быть обусловлено желанием поддержать позитивные представления о себе. Возможно, самодостаточные и уверенные в себе индивиды предпочитают самонаблюдение, а социальное сравнение является ведущим источником самопознания для неуверенных и социально зависимых людей (Schoeneman, 1981).

Еще одним важным показателем при анализе является то, что преобладает у субъекта: мотивация самопознания или реакция психологической защиты, связанной со стремлением избегать неприятных знаний о себе. Например, в направлении анализа мотивационных детерминант самопознания проводятся

исследования индивидуальных различий в предрасположенностях человека к осуществлению или избеганию самоанализа, самонаблюдения, саморефлексии и т.п. В частности, было обнаружено, что испытуемые, имеющие высокую мотивацию самопознания, более точно оценивают свое знание о себе (и ведут себя в соответствии с этим знанием), чем испытуемые с низким уровнем. Соответственно выделяется две группы испытуемых:

1) люди, имеющие потребность в самопознании более сильную, чем потребность в поддержании самоуважения;
2) люди, у которых потребность в самозащите преобладает над потребностью в самопознании ((Franzoi et al., 1990).

Исследования западных психологов свидетельствуют о том, что по экзистенциальному отношению к самопознанию люди могут распределяться на две группы. У одних любознательность, интерес к своему внутреннему миру настолько высок, что он подавляет опасение, что новые знания, которые субъект узнает о себе, могут ему не понравиться, снизить самооценку, повлиять на самоуважение. Вполне вероятно, что эту группу образуют люди старших возрастных категорий с уже сформированной структурой самоотношения и склонностью задумываться о смысле жизни. Для других людей, возможно, более тревожных, с преобладанием мотивации избегания неудачи над мотивацией достижения успеха, потребность в самозащите и поддержании самоуважения является гораздо большей жизненной ценностью, чем самопознание.

3. С*оциальные детерминанты самопознания*

К ним относятся, например, различия в воспитании детей, характерные для разных стран. В исследовании Б. Браун это было обнаружено при сравнении результатов, полученных на выборках английских и польских детей от шести до девяти лет. Были выявлены интересные различия: доминирование «личного Я» над «социальным Я» у английских детей по сравнению с польскими. Правдоподобная интерпретация с точки зрения культурных различий может быть такой. Система поощрений в английских школах в большей степени, чем в польских, относится к достижению учениками собственных успехов и мастерства (почти половина единиц самоописаний в проведенных экспериментах попадает в две категории — «интересы и предпочтения», «способности и достижения»), а не к выполнению ими роли члена класса и ученика (Braun, 1988).

К социальным детерминантам самопознания также можно отнести половые различия в выборе предпочитаемых источников сведений о себе: мужчины статистически значимо чаще, чем женщины, используют социальное сравнение (Schoeneman, 1981, p. 288).

Проведенные исследования, безусловно, важны и интересны. Однако большинство из них направлено на изучение ситуативных и отчасти личностных детерминант самопознания испытуемых, но практически не затрагивает вопроса о психологической структуре изучаемого феномена. Между тем, не выяснив, чем структура самопознания отличается, например, от структуры самопонимания, нельзя проанализировать взаимные связи смысловых образований личности и ее защитных механизмов, способствующих или, наоборот, препятствующих осуществлению желания человека узнать о себе что-либо новое.

Основная *цель* описываемого ниже эмпирического исследования также состоит в определении того, какие именно социальные условия, субъективные мотивы и особенности личности способствуют, а какие — препятствуют самопознанию. Однако я считаю, что это возможно только после уяснения категориального состава обсуждаемого феномена. Конкретная задача исследования — экспериментально проанализировать структуру самопознания, выявить его основные компоненты.

В ходе экспериментов проверялись две *гипотезы*.

1. Структуру самопознания образуют три главных компонента: личностный, рефлексивный и коммуникативный.
2. Чем человек старше (начиная со студенческих лет и до пенсионного возраста), тем большее мотивационно-ценностное значение имеет для него самопознание.

Методика

В экспериментах приняли участие 77 испытуемых, различающиеся по полу, возрасту и уровню образования (эмпирическое исследование под моим руководством проводили Е.А. Павлюченко и М.А. Бобылева). Одна подгруппа испытуемых с высшим техническим образованием состояла из 30 мужчин от 40 до 54 лет ($M = 46$; $SD = 4.30$) и 30 женщин в возрасте от 39 до 54 лет ($M = 45.1$; $SD = 4.06$). Другую подгруппу образовали 7 студенток и 10 студентов различных вузов Москвы в возрасте от 17 до 21 года.

Испытуемые заполняли три опросника: 1) опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева (Столин, Пантилеев,

1988, с. 123–130); 2) личностный дифференциал (Личностный дифференциал); 3) психодиагностическая методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой (Карпов, Пономарева, 2000, с. 255–265).

Статистическая обработка данных проводилась с применением факторного анализа по методу главных компонент с варимакс вращением матрицы (пороговый критерий факторных нагрузок — 0,60), а также с использованием критерия согласованности альфа Кронбаха и критериями различий Колмогорова–Смирнова и Манна–Уитни.

Результаты исследования

Предположение, положенное в основу *первой гипотезы*, заключалось в следующем: основные данные о структурных компонентах самопознания можно будет получить после корреляционного и факторного анализов результатов испытуемых по трем методикам — опросника самоотношения, личностного дифференциала и методики рефлексивности. Статистический анализ выявил важную особенность данных: результаты трех шкал личностного дифференциала («Оценка», «Сила» и «Активность») обнаружили крайне низкие коэффициенты корреляционной связи (среднеарифметическая величина r = 0.168) с остальными семнадцатью шкалами: двенадцатью из опросника самоотношения и пятью — методики рефлексивности. Соответственно это проявилось и в процедуре факторного анализа. При пяти значимых факторах, объясняющих 70% дисперсии, шкалы личностного дифференциала получили значимые нагрузки в самостоятельном факторе, в котором факторные веса всех других шкал были значительно ниже 0.50. Фактически это означает, что переменные личностного дифференциала не обнаруживают отчетливо выраженной связи с показателями двух других опросников. При заданной трехфакторной структуре, объясняющей 57% дисперсии факторных нагрузок, шкалы личностного дифференциала вообще не получили значимых факторных весов. Иначе говоря, они «выпали» из факторной структуры данных.

Следовательно, наше предположение о том, что ответы, даваемые испытуемыми при заполнении личностного дифференциала, могут иметь отношение к структурным компонентам самопознания, оказалось неверным. К такому же выводу приводит переосмысление теоретических конструктов методики. Все три ее шкалы имеют явно выраженный самооценочный характер:

испытуемые оценивают нравственные, волевые и эмоционально-коммуникативные качества своей личности с позиций принимаемых ими ценностных образцов, норм поведения. У взрослого человека самооценка выражает сформированную ценностно-смысловую позицию, но не ведет к получению новых знаний о себе, потому что, заполняя опросник, испытуемый просто фиксирует на бланке то, что он давно продумал и с чем внутренне согласен.

Принципиально иные результаты мы получили после факторного анализа 17 шкал опросника самоотношения и методики рефлексивности. После варимакс вращения матрица факторных нагрузок на шкалы оказывается очень структурированной, с отчетливо выраженными и легко психологически интерпретируемыми тремя факторами (см. таблицу 1). Основываясь на содержательной специфике входящих в них шкал, условно их можно обозначить как «ценностно-личностный», «рефлексивно-когнитивный» и «мотивационно-коммуникативный». Эти три фактора исчерпывают 63.74% дисперсии результатов: фактор 1 — 31.87%, фактор 2 — 18.82%, фактор 3 — 13.05%. Проанализированные данные являются гомогенными, внутренне согласованными, это проявляется как в однородности всех 17 показателей, так и во внутренней связности шкал, входящих в каждый из трех факторов. Коэффициент альфа Кронбаха для всей матрицы $\alpha = 0.704$, для фактора 1 $\alpha = 0.766$, для фактора 2 $\alpha = 0.794$, для фактора 3 $\alpha = 0.854$.

При анализе матрицы в качестве порогового критерия был использован факторный вес 0.60. В соответствии с этим критерием в первом факторе объединяются семь шкал опросника самоотношения (восьмая шкала «Саморуководство» с факторной нагрузкой 0.323 была оставлена потому, что ее удаление всего на 0.01 увеличивает коэффициент согласованности пунктов как всей матрицы, так и пунктов входящих только в первый фактор; между тем исключение вопросов, относящихся к шкале «Саморуководство» в последующих экспериментах, привело бы к недопустимому с психодиагностической точки зрения искажению опросника).

Фактор 1 включает восемь оценочных пунктов, характеризующих личностные проявления самоотношения, самоуважения субъекта. Основным критерием положительной или отрицательной оценки является субъективное мнение испытуемого

Таблица 1

Факторные нагрузки на шкалы опросников

Опросник самоотношения	**Методика рефлексивности**	**Факторы**		
		1	2	3
Интегральная самооценка		0.796		
Самоуважение		0.844		
Аутосимпатия		0.824		
Самоуверенность		0.700		
Самопринятие		0.738		
Саморуководство				
Самообвинение		–0.723		
Самопонимание		0.667		
	Интегральная оценка рефлексивности		0.976	
	Ретроспективная рефлексия деятельности		0.623	
	Рефлексия настоящей деятельности		0.736	
	Рефлексия будущей деятельности		0.738	
	Рефлексия общения		0.711	
Ожидание положительного отношения других				0.870
Самоинтерес				0.723
Отраженное самоотношение				0.850
Самоинтерес (готовность				0.794
к конкретным действиям				
по отношению к своему Я)				
Собственные значения факторов		5.417	3.199	2.219
Объясняемая дисперсия, %		31.9	18.8	13.0

о соответствии-несоответствии качеств собственной личности значимым нравственным и социальным ценностям. Очевидно, что самооценки по шкалам аутосимпатии, самопринятия, самоуверенности и т.п. выражают степень удовлетворенности субъ-

екта собой, согласованности его внутреннего мира с внешним. На положительном полюсе фактора задано отношение к самому себе как уверенному, самостоятельному, надежному человеку, которому есть за что себя уважать. В основе этого отношения лежит согласие со своими внутренними побуждениями, принятие себя таким, каков есть, несмотря на недостатки. На противоположном полюсе могут быть представлены неудовлетворенность собственными возможностями, ощущение слабости, сомнение в способности вызывать уважение, самообвинение. В целом можно сказать, что ценностно-личностный фактор отражает ценностно-смысловое отношение субъекта к психологическим особенностям своей личности.

В фактор 2 вошли пять шкал методики рефлексивности. В российской психологии понятие рефлексии неотделимо от категории деятельности. «Рефлексия рассматривается как обращенность познания человека на ход своей деятельности, на психические качества и состояния, проявляющиеся в ней, на свой внутренний мир. Рефлексия понимается как процесс критического осмысления текущей деятельности, умение выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия, как процесс обоснования необходимости внести коррективы в ход деятельности, предпринять новую деятельность» (Карпов, Пономарева, 2000, с. 256). Рефлексия направлена и на выяснение оснований собственного способа осуществления активности, анализ содержания сознания субъекта деятельности и на процессы взаимодействия с другими людьми: рассуждения за них, понимание их мировоззрений, характеров, мотивов и т.д. Вследствие этого рефлексия трактуется как единая психологическая реальность — *рефлексивное действие* (Карпов, Пономарева, 2000).

Рефлексивно-когнитивный фактор, безусловно, отражает деятельностное отношение субъекта к объекту, его активность, направленную на предметно-социальный мир, включающий живущих, действующих в нем людей. Об этом недвусмысленно свидетельствуют шкалы, получившие значимые нагрузки: общая оценка индивидуальной меры рефлексивности испытуемого, ретроспективная рефлексия деятельности, рефлексия настоящей деятельности, рассмотрение будущей деятельности, рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми.

Фактор 3 представлен четырьмя шкалами опросника Столина — Пантилеева: частными и общими показателями самоинтереса,

а также ожидаемого, опосредованного процессами коммуникации отношения к субъекту партнеров по общению. Самоинтерес является одной из движущих сил процесса самопознания, его мотивационной детерминантой: трудно представить человека с отсутствием устойчивого интереса к психологическим особенностям своей личности, тем не менее систематически занимающегося самопознанием. Естественно, что самоинтерес нельзя считать исключительно внутренней, индивидуально-психологической склонностью субъекта. Очень часто он побуждается внешними обстоятельствами жизни, взаимоотношениями с людьми: вопросами о личной жизни, просьбой или требованием написать автобиографию и т.д. Что же касается отношения других (отраженного самоотношения), то оно представляет собой убеждение субъекта в том, что его личность, характер и деятельность способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание (или наоборот). Речь идет о предвосхищаемом, отраженном отношении других людей, превращающемся в самоотношение субъекта (Столин, Пантилеев, 1988). Очевидно, что в мотивационно-коммуникативный фактор вошли шкалы, отражающие свойства личности субъекта, способствующие самопознанию посредством извлечения сведений о себе из настоящих, прошлых и будущих ситуаций общения.

Таким образом, факторный анализ ответов испытуемых на 57 вопросов опросника самоотношения и 27 вопросов методики рефлексивности выявил три хорошо интерпретируемых фактора, включающих соответственно восемь, пять и четыре шкалы. Результаты, полученные при факторизации, позволяют сделать предварительный вывод о подтверждении первой гипотезы: самопознание не является внутренне однородной структурой, а состоит из трех основных компонентов.

Проверка *второй гипотезы* (о связи возраста и стремления человека к самопознанию) осуществлялась путем выявления значимых различий результатов по всем 17 шкалам (с помощью критериев Колмогорова — Смирнова и Манна — Уитни) между испытуемыми разного возраста. Сравнение проводилось на двух группах: 1) всей выборке из 77 испытуемых, разделенной по медиане возраста; 2) подвыборках 60 взрослых и 17 студентов.

Рассмотрим два указанных случая.

1. Медианное значение всей выборки равно 43 года. Сравнение тех, кто моложе и старше этой возрастной границы, обна-

руживает следующее. У старших по сравнению с младшими по опроснику Столина–Пантилеева больше показатели по шкалам «Самоуважение» ($Z=-2.61$, $p<0.01$), «Самоуверенность» ($Z=-2.08$, $p<0.04$), «Самопонимание» ($Z=-2.43$, $p<0.02$); соответственно по методике Карпова–Пономаревой больше суммарный индекс рефлексивности субъекта ($Z=-2.08$, $p<0.04$), а также «Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми» ($Z=-2.11$, $p< 0.04$).

2. Средний возраст 60 испытуемых $M=45.55$, $SD=4.18$; студентов — $M=19.12$, $SD=1.32$. У взрослых больше показатели по шкале «Самопонимание» ($Z=-2.30$, $p<0.02$), «Итоговый показатель рефлексивности» ($Z=-2.41$, $p<0.02$), «Рефлексия настоящей деятельности» ($Z=-2.31$, $p<0.02$), «Рассмотрение будущей деятельности» ($Z=-2.17$, $p<0.03$).

Из статистического анализа результатов недвусмысленно следует вывод, подтверждающий вторую гипотезу: хотя и не по всем, но по многим шкалам, являющимся, согласно исходному замыслу исследования, индикаторами самопознания, оценки молодых испытуемых ниже оценок взрослых.

Обсуждение результатов

Три выявленных в нашем исследовании фактора — ценностно-личностный, рефлексивно-когнитивный и мотивационно-коммуникативный — хорошо согласуются с методологическими и теоретическими положениями как отечественной, так и зарубежной психологии. Во-первых, с идущими от С.Л. Рубинштейна и принципиально важными для психологии человеческого бытия представлениями о трех ведущих типах отношений человека с миром: отношении субъекта к себе, к объекту (объективной действительности) и взаимоотношениях с другими людьми. Во-вторых, обнаруженные факторы в значительной степени соответствуют трем описанным выше источникам информации, из которых человек получает знания о себе. В контексте нашей работы наиболее существенным следует считать доказанный западными психологами факт, что предпочтение в использовании того или иного источника знаний о себе в значительной степени определяется личностными качествами субъекта.

Три источника самопознания различаются по степени выраженности *активности* самого субъекта. В этой связи чрезвычайно

важной является рефлексивно-когнитивная составляющая самопознания, отражающая активно-деятельностное отношение человека к миру. Самонаблюдение и саморефлексия предпочитаются людьми не только потому, что эти процедуры поддаются сознательной регуляции и зависят от познавательной активности субъекта. Регуляция и активность всегда селективны: это означает, что субъект самопознания может придавать большое значение одним полученным знаниям (как правило, характеризующим его с положительной стороны) и «не замечать» других (обычно отрицательных, снижающих его самооценку). Вследствие действия механизмов психологической защиты, субъективной точки зрения, сознательного желания противопоставить себя окружающим и т.п. объективные результаты рефлексивно-когнитивного самоанализа легче исказить, чем данные социального сравнения или обратной связи. Следовательно, сведения, полученные посредством самонаблюдения, саморефлексии, хотя и требуют персональных усилий, зато имеют гораздо больше шансов привести к психологически ожидаемому результату.

Мотивационно-коммуникативная сторона самопознания проявляется прежде всего во взаимодействии субъекта с другими людьми. Например, обнаружено, что люди с высокой потребностью в самопознании больше ценят источники самоотражения, чем люди с низкой. В то же время субъекты с высокими показателями по шкале самомониторинга М. Снайдера, имеющие характерную внешнюю ориентацию, высоко оценивают значимость данных, полученных от их социального окружения (Sedikides, Skowronski, 1995).

В отличие от рефлексивно-когнитивного фактора, для качеств личности субъекта, представленных в мотивационно-коммуникативной составляющей самопознания, активность, деятельностное начало не являются основными. Именно поэтому этот фактор и результируется в знаниях, полученных с помощью обратной связи от других людей. Информация о себе через обратную связь может прийти без проявления какой-либо активности и оказаться совсем нежелательной для субъекта. Это еще раз подтверждает тот факт, что желаемые характеристики получить легче, если человек занимается самонаблюдением и саморефлексией или сравнивает себя с другими.

***

В проведенном исследовании мне удалось подтвердить две выдвинутые гипотезы: о трехкомпонентной структуре самопознания и возрастных различиях его мотивации. Я отчетливо осознаю, что по научной идеологии и методикам, на основании которых делались заключения о психологической структуре и функциях изучаемого феномена, исследование пока является скорее проективным, чем строго научным. Основное внимание было уделено личностным качествам, которые обеспечивают самопознание, а не особенностям его формирования, развития и функционирования в различные периоды жизни человека.

Эту линию исследования нужно развивать в дальнейших экспериментах, а сейчас необходимо проанализировать психологическую сущность и направления научных исследований другого, тесно связанного с самопознанием, феномена — самопонимания.

4.3. Самопонимание субъекта: когнитивная репрезентация и экзистенциальный опыт

Самопонимание является такой разновидностью понимания, на которую в полной мере распространяются основные характеристики последнего. Напомню, что в современной психологии понимание интерпретируется двояким образом. В рамках познавательного, когнитивного подхода понимание анализируется как одна из процедур мышления, индивидуального познания. При этом считается, что понимание направлено не на получение новых знаний, а на смыслообразование, осмысление знаний, полученных в ходе познавательной деятельности. Соответственно самопонимание, как и вообще понимание, направлено преимущественно не на поиск новых знаний, а на осмысление, порождение смысла того, что человек узнал о себе во время самопознания. С позиций экзистенциального подхода понимание интерпретируется более широко: как универсальная психическая способность и даже как способ бытия человека в мире. Самопонимание в этом случае — такой феномен, истоки которого следует искать путем рефлексии ценностно-смысловых образований личности и контекстов

активности субъекта. Из сказанного следует, что, прежде чем анализировать феномен самопонимания, необходимо кратко остановиться на его взаимообусловленности с пониманием.

Любой акт понимания одновременно осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект вместе с тем углубляется в себя и как бы возвышается над собой. Об этом очень точно сказал Ж.П. Сартр: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по: Соколов, 1995, с. 348). Иначе говоря, понимание представляет собой и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем Я, каким субъект был до понимания. Неудивительно, что сегодня в гуманитарных науках все большее распространение получает точка зрения, согласно которой понимание всегда одновременно является и самопониманием. Независимо от того, на что направлено понимание — на изучение человека, общества или природы, — это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Как сказал один российский философ, «понимая нечто, субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто» (Порус, 1990, с. 264).

Подтверждение обоснованности этого тезиса можно найти в науке, искусстве и обыденной жизни. Например, в искусстве на нем построен основной принцип теории читательской реакции (рецепции). В частности, когда сюрреалистов обвиняли в том, что сюрреалистические фильмы не создали никакого смысла и что события в них бессмысленны, принципиально не постижимы зрителем, они отвечали примерно так: «Для того чтобы понять фильм, мы должны просто глубже заглянуть в самих себя» (Купчик, Леонард, 2000, с. 118).

Цель раздела: анализ соотношения когнитивных и экзистенциальных традиций изучения одной из фундаментальных проблем психологической науки — феномена самопонимания.

Как я уже упоминал, с позиций психологии человеческого бытия, взаимосвязь субъекта с миром уходит своими корнями в проблему самопознания и самопонимания. Обобщенно названную проблему можно выразить как укорененность индивидуального сознания в личностном бытии субъекта. Самопонимание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, отве-

тить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит. Развитие самопонимания является одним из важнейших условий становления человеческой субъектности, онтогенеза формирования субъекта (Сергиенко, 2002).

Пока в психологической литературе представлено очень мало исследований самопонимания: осмысления субъектом полученных в ходе самопознания знаний, придания им смысла, их упорядочения, объяснения, рассмотрения возможных причин и следствий. Вследствие этого *первое*, что нужно сделать, — уточнить, к каким сферам бытия человека в мире может быть применимо понятие «самопонимание».

Очевидными являются *три* основных направления психологического анализа самопонимания.

Во-первых, субъект может понимать свои индивидуально-психологические особенности: знания, умения, мотивы, достижения, планы и т.п. В этом случае речь идет о смыслообразовании как процессе и результате ответа на вопрос: «Почему я такой?»

Во-вторых, субъект самопонимания должен понимать конкретный характер и причины того, как он понимает других людей, т.е. именно так, а не иначе: «Почему мне нравится этот студент?»

В-третьих, социально-рефлексивные компоненты самопонимания: каким образом, по моему мнению, ко мне относятся и как меня оценивают другие: «Ну почему они считают меня карьеристом?»

По-видимому, люди должны различаться по способности и субъективной склонности к самопониманию. Вместе с тем очевидно, что человек не может постоянно заниматься самоанализом и быть направленным внутрь себя. В этой связи важным представляется *второй* момент, на который следует обратить внимание при изучении проблемы: что является «запускающим механизмом», толчком, побуждающим субъекта понять свои мысли, неявный смысл поступков, причины доброжелательного, открытого или, наоборот, настороженного отношения к другому человеку? Ясно, что самопонимание мотивируется и внутренними, и внешними условиями. К первым относятся индивидуально-личностные психологические особенности субъекта, содержание которых я попытаюсь раскрыть ниже. Внешние условия «запуска» процесса

самопонимания чаще всего определяются социальными обстоятельствами: реакциями партнеров по коммуникации на слова и поведение субъекта. Как правило, побуждение понять себя возникает в результате того, что такие реакции оказываются неожиданными для субъекта. Проиллюстрирую это на примере общения лектора со слушателем:

> «Сегодня вечером, когда я уже заканчивал свою лекцию, меня неожиданно прервали громким вопросом. Я смог различить нотки раздражения и гнева в словах говорившего. Задав свой вопрос, он уже собрался уходить, но потом все же решил остаться. Такое случилось со мной впервые за все время моих выступлений. Я заволновался, рассердился и неожиданно почувствовал себя настроенным очень воинственно. Я уже не сообразовывался с ситуацией. Победа или поражение. Риск потерять хоть что-то вызывал во мне ярость. Я никак не мог толком закончить свою речь... Затем последовали другие вопросы. Некоторые из них были неопределенными, но не дружелюбными. Я к этому не привык. Я почти всегда получал поздравления и овации. Я похолодел от неудачи. К тому же я считаю, что у меня большие способности к публичным выступлениям... Уныние, боль, досада. Поставлены под сомнение я сам, мой разум, доверие к тому, как я держал себя на выступлении...
>
> Парень, перебивший меня, в сущности, просто невоспитан. У него, должно быть, свои проблемы. Почему же вместо гнева у меня не возникло сочувствия и желания простить?
>
> *Но что же сидит во мне, почему я так ненавижу неудачу? Действительно ли на этот раз была неудача? Действительно ли я говорил о деле, в которое верю всем сердцем?... Наверное, я играю роль человека, доверяющего себе намного больше, чем на самом деле. Это мое воображаемое "я", его работа. Очевидно, я был настроен на то, чтобы всех покорить. Успех и чувство собственного достоинства, должно быть, срослись в моем представлении. В таком случае неудача подрывает мое чувство собственного достоинства... Мое чувство собственного достоинства подвергается угрозе при любой враждебной критике. Когда меня критикуют, я все еще не различаю, является ли данная проблема моей или проблемой критика... Критику я воспринимаю как направленную лично против меня. Атакуется моя личность, а не мои мнения. В моем представлении странным образом отождествляются моя личность и мои мнения»* (Пауэлл, 1993, с. 98 – 99).

Приведенная ситуация удобна для психологического анализа тем, что в ней с почти наглядной очевидностью представлены *четыре* последовательные ступени *развития* самопонимания.

Первая ступень представлена событием, способствовавшим началу умственной работы, побудившей субъекта попытаться понять себя. Описание первой ступени в тексте завершается предложением: «*Поставлены под сомнение я сам, мой разум, доверие к тому, как я держал себя на выступлении...*»

Вторая ступень: «*Парень, перебивший меня, в сущности, просто невоспитан. У него, должно быть, свои проблемы*». Эта ступень характеризуется несовпадением происшедшего (недоброжелательных вопросов студента) и ожидаемого, рассогласованием экспектаций субъекта и его представлений о должном («*Я почти всегда получал поздравления и овации*»). В результате у него срабатывают защитные механизмы и он обращается не столько к глубокому анализу психологических особенностей личности партнера по общению, сколько к приписыванию другому негативных качеств.

Третья ступень характеризует самопонимание того, как и почему субъект именно так, а не иначе понимает других людей: «*Почему же вместо гнева у меня не возникло сочувствия и желания простить?*»

Наконец, четвертая ступень представлена в завершающем абзаце текста. В нем описано самопонимание, относящееся к качествам собственной личности, попытка ответа на вопрос: «Почему я такой?» Это размышления, направленные на анализ себя, качеств собственной личности и причин поведения.

Надо сказать, что описания ситуаций самопонимания, подобных приведенной выше, чрезвычайно трудно найти в литературе: не только научно-психологической, но и других жанров — автобиографической, художественной. Вследствие этого важно осознать, каким образом такого рода описания можно использовать в эмпирическом исследовании обсуждаемого феномена. Ясно, что с помощью таких текстов психолог не может изучать непосредственно процесс самопонимания, его феноменологию и развитие. Используя их, можно исследовать характер понимания испытуемым процесса и результата самопонимания другого человека. Однако при очевидной скудности методических приемов психологического анализа обсуждаемого феномена осмысление возможных шагов в этом направлении исследования, безусловно, важно и полезно.

В этом случае мы можем изучать, как испытуемые с различными когнитивными и экзистенциальными компонентами

самопонимания (см. описываемое ниже эмпирическое исследование) неодинаково понимают тексты. После выявления указанных различий с помощью личностных опросников испытуемым необходимо задавать вопросы нескольких типов о том, что они прочитали.

В психологии понимания прием постановки вопросов считается надежным индикатором понятности человеку фактов, событий, явлений. При этом вопросы должны соответствовать структуре объекта понимания, т.е. в нашем случае — ситуации самопонимания (Lange, 1986). Понимание внутреннего мира другого человека требует от субъекта социально-рефлексивного умения взглянуть на мир его глазами, оценить свое отношение к особенностям его личности и поведения, сформулировать адекватные гипотезы о характере, причинах и целях, побудивших другого к самопониманию. Соответственно, понимание субъектом ситуации самопонимания оказывается тем адекватнее и глубже, чем более он способен проанализировать ее с разных сторон и взглянуть на нее глазами описываемого человека.

Вопросы к испытуемому должны быть, по меньшей мере, четырех типов, ответы на них должны соответствовать разным сторонам многогранного феномена самопонимания.

Констатирующие вопросы. Их назначение — выявить, точно ли испытуемый понял факты, описанные в тексте (Какова была эмоциональная окраска вопроса, заданного автору? Как он характеризует молодого человека, задавшего вопрос на лекции? Какие чувства испытал лектор после вопросов?)

Интерпретирующие вопросы направлены на выявление причин и следствий описанного в тексте, интерпретацию событий (Как Вы думаете, каковы были причины того, что молодой человек с явным раздражением задал вопрос, перебив лектора? Действительно ли выступление было неудачным? Почему автор решил, что причина его чувств в нем самом?)

Вопросы на идентификацию — умение испытуемого поставить себя на место участников событий (Стали бы Вы на месте автора задумываться после лекции о своей реакции на критику? Что бы Вы подумали о молодом человеке на месте автора? Угрожает ли обычно критика Вашему чувству собственного достоинства?)

Вопросы на эмпатию выявляют отношение испытуемого к героям (Испытываете ли Вы сочувствие к преподавателю, попав-

шему в непростую ситуацию? Хорошо ли, что после лекции автор начал «копаться в себе»? Согласны ли Вы с тем, что студент все сделал правильно?).

В результате анализа ответов на вопросы можно получить новое знание о том, как понимают ситуацию испытуемые, сами склонные или не склонные к рефлексивному самоанализу, в структуре самопонимания которых более выражены когнитивные или экзистенциальные компоненты.

В современной психологической науке психология самопонимания пока не является самостоятельной отраслью научного знания (хотя, возможно, она ею станет). Данные о самопонимании «рассеяны» в самых разнообразных работах. В этой связи для психологического анализа проблемы важным оказывается вопрос: из каких отраслей психологической науки ученые могут получить полезные сведения о механизмах функционирования и поведенческой феноменологии проявлений понимания? Частичный ответ на него мы можем почерпнуть из обстоятельных и квалифицированных аналитических обзоров М.Р. Минигалиевой и И.А. Романовой. Из них следует, что в современной психологии исследования самопонимания ведутся одновременно в нескольких направлениях (Минигалиева, 1999; Романова, 2001а).

В *психологии развития* наиболее разработанной и оригинальной является концепция самопонимания В. Дэймона и Д. Харта (Damon, Hart, 1982; Damon, Hart, 1988; Levitt, Hart, 1991; Oppenheimer, 1991), которую авторы разрабатывают и уточняют уже более двадцати лет. Их модель самопонимания интегрирует волю, индивидуальность и другие аспекты Я-концепции в рамках когнитивного эволюционного подхода. Основываясь на идее У. Джемса о двух составляющих личности, Дэймон и Харт анализируют, каким образом люди приходят к пониманию «Я-познаваемого» (объективного Я). Большое значение они также придают тем способам, с помощью которых дети и взрослые понимают себя как «Я-познающее» (субъективное Я). Самопониманием Дэймон и Харт называют когнитивную репрезентацию себя, интереса к себе и своей индивидуальности. Таким образом, модель самопонимания состоит из двух главных составляющих Я-концепции — субъективного и объективного Я.

Объективное Я подразделяется на четыре основных типа описательных характеристик: *физическое* Я, *активное* Я, *социальное* Я и *психологическое* Я.

Физическая составляющая структуры Я подразумевает знание собственного имущества, характеристик и свойств своего тела, внешнего облика, атрибутов, влияющих на социальную привлекательность и взаимодействие с другими людьми, а также физические атрибуты, отражающие личные и моральные ценности. *Активное* Я включает знание типичных способов своего поведения, деятельности и способностей, проявляющихся в познании и общении. *Социальное* Я отражает факты вхождения в группы и участия в социальных отношениях, поступки, ориентированные на одобрение или неодобрение окружающих, социально-психологические характеристики личности, проявляющиеся в моральных выборах и общественных отношениях. *Психологическое* Я включает знания о своих эмоциях, мыслях, познавательных процессах, убеждениях, коммуникативной компетентности.

Субъективное Я состоит из знаний трех типов, которые вытекают из активной деятельностной роли личности.

Во-первых, знания включают *континуальность*: осознание себя одним и тем же человеком в течение онтогенеза, длительного периода времени. В разные периоды жизни континуальность основана на неизменных психологических характеристиках, признании тождественности субъекта другими людьми, осознании неразрывной связи между собственным прошлым и будущим. Во-вторых, к нему относятся знания об индивидуальности, о своем *отличии от других*, базирующиеся на физических характеристиках, индивидуальной специфике психологических качеств, комбинации биологических и психологических свойств, а также уникальном субъективном опыте познания мира. Наконец, в-третьих, сюда же можно отнести *волю*, чувство *личного контроля*. Эти знания отражают усилия, желания, таланты, личные оценки, общение и взаимодействие, влияющие на формирование личности.

Деймон и Харт утверждают, что каждый аспект знания о себе (три о субъективном Я и четыре об объективном) представлен в самопонимании всех людей с детства до взрослости. Однако понимание каждой стороны Я, т.е. качество суждения о ней, претерпевает изменения в процессе развития личности. Предполагается, что различные уровни понимания иерархически соподчинены: представления о себе низших уровней являются составными частями более высоких уровней.

Эволюционная сущность модели подтверждена как психологическим анализом, осуществленным на основе метода поперечных срезов, так и лонгитюдными, а также кросскультурными исследованиями (см., например: Tseng, 1993). Эксперименты обнаружили, что развитие различных сторон самопонимания происходит не синхронно: одни составляющие запаздывают в формировании, в то время как другие их опережают. Например, понимание объективного Я может быть более развитым, чем понимание субъективного Я, а в пределах субъективного Я понимание воли может запаздывать по сравнению с развитием понимания континуальности и индивидуальности (Damon, Hart, 1988).

В психологии *познания* самопонимание рассматривается одними исследователями как специфическая форма самосознания, а другие авторы отождествляют самопонимание и самопознание (Schoeneman, 1981; Sedikides, Skowronski, 1995). С точки зрения выявления психологических механизмов взаимосвязи самопонимания с самопознанием, особое значение приобретает развиваемое в исследованиях интеллекта понятие «метакогнитивной осведомленности». «Метакогнитивная осведомленность — это особая форма ментального опыта, характеризующая уровень и тип интроспективных представлений человека о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах» (Холодная, 2002а, с. 132). Осведомленность человека о себе включает, во-первых, *знание* своих индивидуальных интеллектуальных качеств (памяти, мышления и т.д.), а также знание оснований собственной умственной деятельности (в виде представлений о закономерностях запоминания, правилах эффективного мышления и т.д.). Во-вторых, *умение* оценивать индивидуальные качества и принимать их, испытывая чувство интеллектуальной состоятельности (либо несостоятельности). В-третьих, готовность использовать приемы стимулирования и настройки работы собственного интеллекта. Соответственно одним из критериев интеллектуальной зрелости является возможность человека оперативно и эффективно мобилизовать свои интеллектуальные ресурсы для решения возникшей проблемы (Холодная, 2002а, с. 132). Как считает Д.Х. Флейвелл, благодаря метакогнитивной осведомленности человеческий интеллект обретает способность к когнитивному мониторингу, интроспективному отслеживанию и коррекции протекания своей интеллектуальной деятельности (Flavell, 1979).

Очевидно, что при рассмотрении самопонимания как когнитивного феномена метакогнитивную осведомленность можно считать базисом формирования способности к рефлексии, сознательному самоанализу.

В *нарративной* психологии учеными проводится аналогия между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. Самопонимание в нарративной психологии рассматривается как создание «текста» о самом себе, как непрерывная самоинтерпретация, самоистолкование (Gergen, 1988). Например, в последнее время внимание все большего числа исследователей обращается на осмысление психотерапевтической ситуации как нарратива. Нарратив обладает значительными возможностями передачи личностной информации. В этом случае понимание исследуется как воссоздание создаваемой клиентом истории эпизодов своей жизни. При анализе структура текста рассматривается как один из путей смыслообразования клиента в процессе воссоздания, а нередко и мифологизации им своего прошлого (Минигалиева, 1999).

В основании нарративной психологии лежит положение о том, что все люди по своей природе являются рассказчиками: рассказ присутствует во всех видах устного общения и творчества. В частности, Дэн Макадамс считает, что мы рождаемся с «повествующим разумом» (McAdams, 1997). Рассказы создают историю, связывая людей во времени как участников событий, рассказчиков и слушателей. Рассказы подробно повествуют о том, что случилось, где и когда. Тем самым реконструируются прошлые события, воссоздается история, образно говоря, рисуются картины человеческого бытия.

Неудивительно, что психологов-нарративистов, изучающих самопонимание, особенно привлекает жанр автобиографии. Одна из первых известных в западной истории автобиографий была написана святым Августином, в которой он использовал самоанализ, сформировал взгляд на самого себя и свое место во вселенной. Это блестящий пример самоанализа и самопонимания: во время написания биографии он смог пересмотреть с новых позиций свою жизнь, которая приобрела определенное направление и смысл.

Четвертое направление — изучение самопонимания в *психологическом консультировании и психотерапии*. В его рамках существует два основных подхода к трактовке самопонимания, это подход гуманистической психологии и психоанализа. Их суть

подробно раскрывается в детальных аналитических обзорах (Минигалиева, 1999; Романова, 2001а).

В гуманистической психологии отмечается, что феномен понимания другого человека первичен по отношению к самопониманию и пониманию ситуации общения. Самопонимание есть, по сути, понимание себя как Другого, предполагающее формирование иного видения себя самого, попытку взглянуть на себя со стороны другой ценностно-смысловой позиции. В коммуникативных ситуациях особенно отчетливо проявляется взаимообусловленность взаимопонимания и самопонимания общающихся людей. В общении характер самопонимания одного из собеседников опосредован тем, каким образом его партнер понимает себя. С одной стороны, понимая другого, субъект обогащает себя. Воспринимая его жизненный опыт, он сам изменяется, становится другим. С другой стороны, понимание субъектом партнера дает возможность собеседнику измениться и иначе понять себя. Понимание субъекта помогает собеседнику принять собственные страхи, несмелые мысли, упадок духа, так же как и собственное мужество, доброту и любовь. Если кто-то полностью понимает наши мысли и чувства, то нам самим легче их принять. А понимание и принятие влечет за собой личностное изменение (Роджерс, 1994, с. 60). Следовательно, понимание другого и понимание самого себя рассматриваются в этой научной традиции как процессы, сходные по механизмам и внутренним характеристикам.

Иначе самопонимание интерпретируется в психоанализе. Психоаналитическое направление рассматривает самопонимание как важнейший фактор, позволяющий субъекту изменяться в процессе взаимодействия с психоаналитиком. Понимание человеком своих подавленных чувств, желаний, ведущее к личностной интеграции, противопоставляется механизмам защиты, в первую очередь рационализации и интеллектуализации (Романова, 2001а). В процессе психоанализа пациенты проходят несколько ступеней самопонимания. На первой происходит обнаружение личностных проблем и выявление их причин, однако появления такого знания еще недостаточно для личностного изменения. На второй ступени пациент понимает пагубные последствия, принудительное влияние на него личностного расстройства и у него возникает серьезный стимул к изменению. «Человек начинает в полной мере понимать необходимость изменения, и его весьма неопределенное желание справиться с проблемой превращается

в твердую решимость взяться за нее всерьез» (Хорни, 2002, с. 366). Третья ступень характеризуется попытками выявления и понимания конфликтующих компонентов своего Я и парадоксальной верой пациента в возможность их параллельного существования и примирения. Например, человек, признает наличие у себя такой черты, как деспотизм, но в глубине души надеется, что близкие простят ему деспотические наклонности из-за его необычайной мудрости. В конце этой ступени пациент уже понимает невозможность этого, осознает, что невротические наклонности образуют порочный круг: одна усиливает другую и они конфликтуют между собой. На заключительной ступени, когда компоненты конфликта поняты, а их интенсивность ослаблена, наступает осознание того, что разрешение проблем зависит от понимания целостной структуры (Хорни, 2002, с. 357—369).

В современных направлениях психотерапии понятие самопонимания используется для того, чтобы обозначить осознание клиентом недостаточно адаптивных моделей межличностных взаимодействий. Для более точного определения содержания самопонимания выделяется три главных компонента моделей взаимоотношений клиента:

— то, что клиент хочет, в чем он нуждается;
— то, как он воспринимает реакции других людей на него;
— поведенческие реакции клиента в межличностных отношениях.

Самопонимание определяется через континуум от простого узнавания проблемной зоны до глубокого понимания источников паттернов. Используя такое определение, клиент может достигать самопонимания, начиная узнавать свои желания, типичные реакции, реакции на себя других. *На следующем уровне* самопонимание будет включать узнавание того, что одинаковые интерперсональные паттерны проявляются у клиента в различных ситуациях межличностного общения. *Глубокое* понимание возникает, когда клиент приходит к тому, чтобы понять интерперсональные истоки своих желаний и реакций.

Естественно, что описанные четыре направления психологических исследований понимания не исчерпывают богатого потенциала проблемы. Научная психология, направляя любознательный взор на внутренний мир человека, не должна игнорировать и опыт, накопленный в религиозных учениях, богословии.

Не вступая в дискуссии о существовании Бога, я считаю христианский подход к проблеме самопонимания интересным и дающим светским психологам немало пищи для размышлений.

Жизнь христианина предполагает активный поиск своего призвания, для чего нужно понять, каким является человек, почему он такой, что ему делать, чтобы постичь волю Бога о себе и следовать этой воле. Понимание и принятие себя со всеми слабостями и недостатками потому, что таким его принимает Бог, являются важными этапами на пути следования христианина своему индивидуальному призванию. «Осознание своего призвания и совершенствование в нем невозможно без глубокого и ежедневного анализа себя, своего поведения, своих поступков, мыслей, чувств. Именно так можно понимать и ежедневную молитву, и чтение Библии, и подготовку к исповеди, и духовные упражнения. Если рассматривать только психологический аспект этих явлений, нетрудно заметить, что все они в большей или меньшей степени направлены на познание и понимание себя... В ежедневной молитве верующий человек пытается (с психологической точки зрения) осмыслить события своей жизни, свое поведение, поведение других людей» (Романова, 2001б, с. 264).

Напомню, что толчком к возникновению у субъекта самопонимания, как правило, служат какие-то внешние обстоятельства его жизни. Обстоятельства различаются у писателя, пишущего в какой-то момент времени автобиографию, и автогонщика, сосредоточенного в это же время на управлении автомобилем, мчащимся на огромной скорости. Полагаю, у писателя больше оснований для самоанализа, осмысления себя и своих отношений с окружающими. Следовательно, по признаку внешнего побуждения к самопониманию можно различать людей по профессиональной принадлежности и другим признакам, в том числе наличию или отсутствию у них религиозной веры.

Для людей, верующих и соблюдающих религиозные обряды, развитию навыков самопонимания должно служить все то, что относится к обязательной подготовке к исповеди. Молитвословы и другие религиозные книги дают мирянам отправные точки для лучшего понимания себя и узнавания правды о себе. Употребляя метафору, их можно назвать «пособиями по развитию навыков самопонимания». Приведу пример наставления верующим из молитвослова: «Хорошо ли жил со своими родными? Добросовестно ли исполнял свои обязанности? Милосерд ли ты

был для бедных, справедлив ли ты был для всех? Не клеветал ли ты, не осуждал ли ближнего словом или мысленно, не сплетничал ли? Не завидовал ли другим, не гордился ли? Боролся ли с нечистыми мыслями?» (цит. по: Романова, 2001б, с. 265).

Какое предположение может сделать из этого психолог? Оно очевидно и формулируется в виде гипотезы: верующие люди, возможно, обладают лучшими навыками самопонимания, чем неверующие. Для проверки этой гипотезы интересно было бы провести эксперимент, в котором сравнивались бы эти две группы испытуемых. Однако на сегодняшний день его проведение представляет собой значительные сложности. И первая из них — отсутствие корректных психологических методик, позволяющих достоверно отличить верующих людей от неверующих (слишком много градаций можно выделить в континууме от веры до неверия). Вторая трудность подтверждения гипотезы связана с тем, что детерминацию сложного многомерного феномена самопонимания нельзя сводить к воздействию на субъекта только внешних условий. Наконец, очевидно, что христианское и научное понимание феномена значительно различаются, вследствие чего прямой перенос воззрений религиозных мыслителей на научное исследование совершенно недопустим.

Знание основных положений христианского подхода к проблеме самопонимания, безусловно, может способствовать ее изучению в рамках научной психологии. Однако хочу со всей определенностью сказать: в этой книге я вижу свою задачу в описании и анализе феномена понимания исключительно с научной точки зрения.

Как известно, наука развивается неравномерно: периоды интеграции разных областей научного познания сменяются временными отрезками, в течение которых наблюдается наиболее пристальное внимание ученых к дифференциации, детализации как научных направлений, так и решаемых в их рамках проблем. Как показала история психологии конца XX в., это в полной мере относится и к проблеме самопонимания.

С одной стороны, психологам стало ясно, что успешное самопонимание способствует возрастанию целостности и гармоничности психологических проявлений человека как субъекта. О самопонимании как интегративной способности к объединению различных сторон психической жизни в целостный, рефлексируемый субъектом внутренний мир писали многие психологи.

В частности, эта способность нередко проявляется во время психотерапевтических сеансов. Один из крупнейших современных психотерапевтов профессор Стэнфордского университета И.Д. Ялом пишет: «Таким образом, один из способов, которым самопонимание способствует позитивным изменениям, заключается в том, что оно побуждает индивидов признавать, интегрировать и давать свободное выражение ранее разобщенным частям личности» (Ялом, 2002, с. 751).

С другой стороны, обращенность на себя, свою сущность неизбежно приводит субъекта к выявлению психологической неоднородности и даже противоречивости последней. Однако неоднородность, противоречивость сущности человеческого Я и, соответственно, самопонимания стали очевидны для психологов только в самое последнее время. Во второй половине XX в. в исследованиях самопонимания явно просматривалась интегративная тенденция. В значительной мере это объясняется тем, что до 1980-х годов в подавляющем большинстве эмпирических исследований в фокусе внимания исследователей оказывалось содержание Я-концепции, а ее структура игнорировалась. Главная причина этого заключалась в широком распространении убеждения в том, что сущность человека следует искать в единстве его психологических качеств (К. Роджерс, Г. Оллпорт и др.). Такое убеждение давало психологам возможность изучать целостную Я-концепцию как единое обобщенное представление людей о себе.

Новые, альтернативные структурные модели, отражающие общие тенденции развития психологического знания, основаны на представлении о Я-концепции как скорее многогранной и многомерной, нежели единой. Сегодня психологи все чаще обращаются к анализу не только содержания знания, но и его структуры, организации его компонентов. В течение последних двух десятилетий в психологической науке появилось понятие структурных характеристик самопознания и самопонимания. Возникли и научные направления, в которых исследуются такие характеристики. Например, П.У. Линвилл предложила термины «самосложность» и «самопростота». Она определяет их, во-первых, как размерность организованного набора знаний о себе, имеющегося у каждого человека, и, во-вторых, как меру пересечения, наложения понятий, описывающих разные стороны Я. Сегодня в этом направлении работают многие психологи. В част-

ности, Е.Т. Хиггинс с коллегами исследовали несоответствие самопонимания с реальностью и долженствованием: насколько реальное Я субъекта отличается от Я идеального и Я должного (см.: Rafaeli-Mor et al., 1999).

Следовательно, научные исследования показывают, что самопонимание является одновременно и целостным, интегративным и неоднородным, многомерным психологическим феноменом. Пытаясь его описать и определить, психологи обычно обращают наиболее пристальное внимание на разные стороны самопонимания — либо когнитивную, познавательную, либо экзистенциальную, бытийную.

Самопонимание как когнитивный феномен

При *когнитивном* взгляде на проблему подчеркивается неразрывная связь самопонимания с самосознанием и рефлексией. Например: «Самопонимание представляет собой процесс постижения смысла своего существования, результатом которого является когнитивное и эмоциональное согласование продуктов самосознания и реальной действительности» (Кайгородов, 1999, с. 7). На рефлексию как значимый компонент самопонимания указывали многие ученые, в том числе и такие авторитетные, как Х.-Г. Гадамер (Gadamer, 1977). Эта сторона обсуждаемого феномена является предметом не только теоретического, но и эмпирического психологического анализа. В частности, М.Б. Коннолли с соавт., основываясь на результатах проведенного исследования, считают, что клиенты, характеризующиеся как рефлексивные и стремящиеся к самосовершенствованию, в общении с психотерапевтом обнаруживают более глубокий уровень самопонимания паттернов межличностных отношений (Connolly et al., 1999).

В западной психологии дискутируется и вопрос: не отражает ли саморефлексия отрицательные личностные качества — склонность к самокопанию, застреванию на собственных проблемах, основанную на недоверии к себе? Многие психологи отвечают на него отрицательно: осознание своего внутреннего мира, внимание к своим мыслям и чувствам у нормальных людей способствует адекватной адаптации к социальной действительности (Scandell, 2001). Как отмечает К. Хорни, «попытки конструктивного само-

анализа могут иметь большое значение в первую очередь для самого человека. Они дают ему возможность самореализации, под которой я понимаю не только развитие каких-либо особых талантов, которые у него, возможно, подавлены и никак не используются, но и, что еще более важно, развитие его потенциальных возможностей как сильного и целостного человеческого существа, свободного от калечащих внутренних принуждений» (Хорни, 2002, с. 325).

С когнитивной точки зрения, сама возможность самопонимания обусловлена наличием в психике субъекта репрезентативных когнитивных структур. «Слово «репрезентация» означает представленность, изображение, отображение одного в другом или на другое, т.е. речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Когнитивные структуры представляют собой не копии образов, а обобщенно-абстрактные репрезентации-схемы, позволяющие не только получать знания, но и задающие способ их получения. Развитие ментальных (когнитивных) репрезентаций проходит ряд уровней, образуя иерархическую метаструктуру» (Сергиенко, 1998, с. 136).

Итак, когнитивные составляющие самопонимания, представленные прежде всего способностью и склонностью субъекта к рефлексии, сознательному самоанализу, формируются на основе ментальных (когнитивных) репрезентаций.

Экзистенциальные составляющие самопонимания

Современный психолог не может удовлетвориться изучением только когнитивной стороны анализируемого феномена, потому что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека обычно не рефлексируемы и тем самым не осознанны. Рефлексия ослепляет понимающего себя субъекта: любой самоанализ, пытающийся схватить процесс смыслообразования в его зарождении, источнике, обречен на неудачу (Франкл, 1990, с. 99). Главная причина заключается в сознательном характере рефлексивных процессов и принципиальной невозможности интроспекции потребностно-мотивационных механизмов смыслообразования, а также анализа взаимодействия вершин самосознания понимающего себя субъекта и глубинных слоев его психики

(личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного).

Экзистенциальные компоненты самопонимания воплощаются не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. Например, согласно К. Роджерсу, подлинное знание себя не может быть рациональным: оно спонтанно, эмоционально насыщенно и непосредственно переживаемо (Роджерс, 1994). В формировании как самопонимания, так и понимания субъектом других людей существенную роль играют нерациональные составляющие психологии человеческого бытия, включающие установки, мнения, убеждения: эмпатия, эмоциональные отношения, невербализованные операциональные смыслы, личностное знание. Особенно отчетливо это осознают представители гуманистического подхода. «В гуманистической психологии самопонимание рассматривается как предпосылка личностного роста и самоактуализации. Однако в отличие от психоаналитического подхода гуманистическая психология подчеркивает эмоциональный, чувственный, эмпатический, а не рациональный характер самопонимания. Самопонимание тесно связано с самопринятием, положительной самооценкой и дает личности возможность более полно проживать свою жизнь, "быть собой" в максимальной степени» (Романова, 1999, с. 132).

Рассмотрение самопонимания с позиции психологии человеческого бытия в контексте самоактулизации и самореализации человека позволяет определить основные экзистенциальные характеристики анализируемого феномена. Говорить о сформировавшемся самопонимании субъекта можно, во-первых, если он автономен, относится к себе с уважением, способен достаточно полно и искренно выразить себя (вербальными и невербальными средствами). Во-вторых, он может понять побудительные мотивы, движущие силы (в том числе бессознательные) поведения и их влияние на свою жизнь. Наконец, в-третьих, он не только осознает убеждения, установки, разрушающие гармонию его отношений с самим собой и миром, но и интенционально направлен на выработку конструктивных способов их изменения.

Именно данные о существенной роли рефлексии, самосознания, самоактуализации, бытийных ценностей (Маслоу, 2002) в формировании самопонимания субъекта были положены в основу эмпирического исследования анализируемого феномена.

Цель исследования — проанализировать структуру самопонимания, выявить его основные компоненты.

В ходе исследования проверялись две *гипотезы*.

1. Самопонимание субъекта представляет собой сложный психологический феномен, в котором можно выделить две составляющие: когнитивную и экзистенциальную. Когнитивная составляющая самопонимания отражает его познавательную направленность, а экзистенциальная — бытийную, связанную с пониманием субъектом себя в реальных ситуациях человеческого бытия.
2. Психологические особенности самопонимания у испытуемых женского и мужского пола различны: у первых более выражена когнитивная, конкретно-ситуативная направленность, а у вторых бытийная, экзистенциальная.

Методика

Исследование проводилось в Костроме и Москве и проходило в два этапа. В исследовании, проводимом по разработанной мной программе, принимали участие В.Л. Бруклич и А.А. Милорадова.

Процедура. На первом, предварительном, этапе осуществлялись перевод и русскоязычная адаптация «Методики диагностики самосознания» А. Фенигстайна, М.Ф. Шайера и А.Х. Басса (Fenigstein et al., 1975; Watson et al., 1996). Она представляет собой опросник, состоящий из 23 вопросов. Каждый ответ оценивается испытуемым в диапазоне от 0 — «совершенно не характерно (для меня)» до 4 — «очень характерно». Методом факторного анализа авторами было выявлено три шкалы. Шкала личного самосознания отражает саморефлексию субъекта («Я всегда стараюсь понять себя») и осознание внутреннего состояния, внимание к своим мыслям и чувствам («Я сознаю ход моих мыслей, когда решаю какую-нибудь проблему»). Шкала социального самосознания связана с интересом к себе как члену общества, взаимодействующему с другими людьми и проявляющему интерес к их суждениям и оценкам («Мне важно, что люди думают обо мне»). Шкала социальной тревожности выражает ту или иную степень дискомфорта, испытываемого человеком при обращении на него внимания другими («Я чувствую беспокойство, выступая перед группой людей»). Сумма оценок по трем шкалам дает общий показатель самосознания.

На втором этапе выбор методов исследования определялся теоретически обоснованным представлением о том, что самопонимание субъекта тесно связано с такими психическими

образованиями, как рефлексия, самосознание, смысложизненные ориентации, потребность в самоактуализации. Вследствие этого испытуемым предлагалось заполнить четыре опросника в следующей последовательности:

1) методика диагностики самосознания (Fenigstein et al., 1975);
2) методика смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2000);
3) методика определения уровня рефлексивности (Карпов, 2003);
4) методика оценки уровня самоактуализации (Калина, 1997).

Статистическая обработка данных проводилась с применением факторного анализа по методу главных компонент с варимакс вращением матрицы, а также использованием критерия согласованности альфа Кронбаха и критериями различий Колмогорова – Смирнова и Манна – Уитни.

Методики рефлексивности и самосознания были направлены на выявление преимущественно когнитивных составляющих самопонимания субъекта, а опросники смысложизненных ориентаций и самоактуализации — экзистенциальных.

Теоретическим основанием построения методики измерения уровня рефлексивности — опросника Карпова – Пономаревой — стало представление о том, что «рефлексия является такой *синтетической психической реальностью*, которая может выступать (и реально выступает) и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние *одновременно*, но не сводится ни к одному из них» (Карпов, 2003, с. 47). Важнейшая функция рефлексивности состоит в структурировании осознаваемых субъектом своих психических свойств, их произвольном контроле и коррекции. «В этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности; она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлении, "распознании", а — в известной мере — и в формировании других свойств и качеств, к их осознанию и репрезентации как своих и образующих его "самость", т.е. субъектность как таковую» (Карпов, 2003, с. 55). Между тем в разработанной методике «рефлексия и при познании собственного внутреннего мира, и при познании внешнего мира (в том числе и субъективного — "мира других субъектов") трактуется как единая психологическая реальность — *как рефлексивное действие»* (Карпов, Пономарева, с. 255). Рефлексия соотносится с функцией только отражательно-познавательного, когнитивного анализа ретроспективной, настоящей и будущей *деятельности*, а также взаимодействия испытуемого с другими людьми.

Такой же когнитивистской направленностью характеризуется и методика самосознания. Ее результаты дают представление отнюдь не об ответах субъекта на кардинальные вопросы

бытия («Кто я?», «Какой Я?», «Почему я такой?» и т.д.), не о бескорыстной любознательности, обращенной на себя, свою психологическую уникальность, неповторимость. Пункты опросника связаны с конкретно-ситуативным отражением испытуемым собственных психологических качеств, поведения в социуме и возможных реакций других людей на него («Я постоянно анализирую мотивы своих поступков»; «Для меня значимо то, какое впечатление я произвожу на других»). Как показали исследования западных психологов, самоотчеты людей с высокими самооценками самосознания по сравнению с испытуемыми с низкими имеют больше отношения к их актуальному поведению, они отличаются логичностью и согласованностью во времени. Такие люди обладают лучшими навыками *познания* себя, обнаруживают больше несоответствий между своими личностными характеристиками и обобщенными высказываниями о них, получаемыми в виде обратной связи от окружающих (Davies, 1997).

В противоположность первым двум опросники смысложизненных ориентаций и самоактуализации предназначены не для того, чтобы выявлять возможности человека отражать, познавать конкретные социальные ситуации и свое поведение в них. Они построены таким образом, чтобы определять, как субъект решает экзистенциальные проблемы («Я стремлюсь к достижению внутренней гармонии») и отвечает на фундаментальные вопросы бытия («Если бы мне пришлось подводить сегодня итог моей жизни, то я бы сказал, что она была вполне осмысленной»). Именно поэтому указанные методики использовались для получения представления об экзистенциальных, бытийных компонентов самопонимания людей, принимавших участие в исследовании.

Испытуемые. На первом этапе в исследовании принимали участие 200 испытуемых в возрасте от 18 до 50 лет. Среди них было 120 женщин (средний возраст M = 23.45 года, стандартное отклонение SD = 5.23) и 80 мужчин (M = 22.45 года, SD = 6.35). Кроме того, проверка ретестовой надежности опросника проводилась на 68 студентах в возрасте от 18 до 20 лет.

На втором этапе испытуемыми были 430 человек — студенты, аспиранты, преподаватели гуманитарных и технических вузов, инженеры, работники узла связи и др.). Возраст — от 17 до 58 лет (215 женщин M = 27.04 лет, SD = 11.42; 215 мужчин — M = 24.67, SD = 9.86).

Результаты исследования

На *первом* этапе сначала было проведено нескольких серий пилотажных экспериментов. Затем 200 испытуемых заполняли

окончательный вариант методики диагностики самосознания. Результаты приведены в таблице 2.

Полученные результаты почти не отличаются от шкальных оценок, приведенных американскими психологами (Fenigstein et al., 1975, p. 525).

Надежность-согласованность опросника. Следующим шагом было вычисление коэффициента α Кронбаха. Его значение для общего показателя α = 0.756 (средняя величина коэффициента интеркорреляции между 23 вопросами r = 0.12); для шкалы личного самосознания α = 0.70; для шкалы социального самосознания α = 0.66; для шкалы социальной тревожности α = 0.64. В исследованиях, проводившихся западными психологами, коэффициенты Кронбаха варьировали от 0.63 до 0.75 для шкалы личного самосознания; от 0.76 до 0.84 для шкалы социального самосознания; от 0.68 до 0.79 для шкалы социальной тревожности (Scandell, 2001).

Кроме того, одномоментная надежность вычислялась методом расщепления пунктов опросника на первую и вторую половину. В этом случае надежность-согласованность двух половин опросника по формуле Спирмена – Брауна также оказалась довольно высокой α = 0.76.

Ретестовая надежность вычислялась по данным 68 студентов, дважды заполнявших опросник с интервалом в три недели. Коэффициент корреляции Спирмена для общего показателя r = 0.82; для шкалы личного самосознания r = 0.59; для шкалы социального самосознания r = 0.70; для шкалы социальной тревожности r = 0.80. Аналогичные коэффициенты у авторов опросника имеют следующие значения: 0.80; 0.79; 0.84; 0.73 (Fenigstein et al., 1975, с. 524 – 525).

Таблица 2

Средние и стандартные отклонения шкальных показателей

Шкалы опросника	Среднее значение	Стандартное отклонение
Личное самосознание	24,26	5,74
Социальное самосознание	20,85	4,07
Социальная тревожность	11,54	4,70
Общий показатель	56,64	10,16

На основании приведенных выше данных было сделано заключение о психометрической корректности русскоязычной версии методики диагностики самосознания.

На *втором* этапе исследования проверка гипотезы о структурных компонентах самопонимания осуществлялась двумя способами: методом факторного анализа и путем сравнения результатов контрастных групп испытуемых.

Факторный анализ проводился по интегральным показателям первых трех методик, а также по показателю самопонимания и трех связанных с ним шкал из методики оценки уровня самоактуализации. Психологический конструкт самоактуализации — сложное психическое образование, которое не было предметом анализа в статье. По этой причине вместо интегрального показателя самоактуализации я использовал шкалу самопонимания и наиболее содержательно и статистически связанные с ней шкалы «Автономность» ($r = 0.39$), «Спонтанность» ($r = 0.39$) и «Аутосимпатия» ($r = 0.43$). Основанием для выбора стали не только конкретные результаты моего исследования, но и более общие соображения, высказанные автором русскоязычного варианта адаптации методики оценки уровня самоактуализации: «Показатели по шкалам самопонимания, спонтанности и аутосимпатии, как правило, связаны между собой» (Калина, 1997, с. 299).

Результаты факторного анализа смешанной группы 430 испытуемых приведены в таблице 3.

После варимакс вращения матрица факторных нагрузок на шкалы оказывается очень структурированной, с отчетливо выраженными и легко психологически интерпретируемыми двумя факторами (см. таблицу 3). Практически неизменная двухфакторная структура матрицы сохраняется и в случаях анализа результатов отдельно 215 испытуемых женского пола и 215 мужского. Основываясь на содержательной специфике входящих в факторы шкал, условно их можно обозначить как «когнитивно-познавательные компоненты самопонимания» и «экзистенциально-бытийные компоненты самопонимания».

При анализе матрицы в качестве порогового критерия был использован факторный вес 0.50. В соответствии с этим критерием в первом факторе объединяются интегральный показатель опросника смысложизненных ориентаций и четыре шкалы методики оценки уровня самоактуализации.

Таблица 3
Факторные нагрузки на шкалы опросников

Шкалы опросников	Фактор 1	Фактор 2
Интегральная оценка самосознания		0.59
Интегральная оценка по СЖО	0.75	
Интегральная оценка рефлексивности		0.67
Автономность	0.50	–0.60
Спонтанность	0.53	–0.52
Самопонимание	0.72	
Аутосимпатия	0.59	
Собственные значения факторов	1.97	1.87
Процент объясняемой дисперсии	28%	27%

Фактор 1 включает оценки по таким чертам личности, которые способствуют глубокому и полному пониманию испытуемым себя как субъекта, живущего в мире, открытого ему и ясно осознающему границы, отделяющие его Я от других и вместе с тем объединяющие его не только с окружающими людьми, но и с человечеством в целом. Его *ценностные ориентации* выражают наличие в жизни целей, которые придают ей осмысленность, направленность и временную перспективу. Жизнь человека интересна, эмоционально насыщена, поддается контролю, основана на свободе принятия решений и их реализации. *Автономность* является одним из важнейших критериев психического здоровья, целостности и полноты личности. Автономный субъект независим и свободен, однако не одинок и отчужден от других. *Спонтанность* — качество, вытекающее из уверенности в себе и доверия к окружающему миру. Оно соотносится с такими ценностями, как свобода, естественность, «легкость бытия» (Кундера, 1992). *Самопонимание* неразрывно связано со свободой от психологической защиты, отделяющей личность от собственной сущности, уверенностью, основанной на знании себя, поведенческими проявлениями «ориентации изнутри». Наконец, а*утосимпатия* основана не на отсутствии само-

критики, а на хорошо осознаваемой позитивной Я-концепции, которая служит субъекту источником устойчивой адекватной самооценки.

В целом можно сказать, что в факторе 1 представлены те компоненты самопонимания, которые характеризуют испытуемого как экзистенциального субъекта и являются предметом научного анализа в психологии человеческого бытия.

В фактор 2 с положительным знаком вошли показатели самосознания и рефлексивности, а с отрицательным — автономности и спонтанности. На положительном полюсе фактора задано отношение к самому себе как «человеку рассуждающему». В основе этого отношения лежит убеждение в правильности парадигматического способа понимания мира и себя в мире (Bruner, 1986). Используя такой способ для понимания своего опыта, испытуемые ориентируются на логичность рассуждений и ищут причинно-следственные связи, чтобы узнать порядок происходящих событий и иметь возможность контролировать реальность. При этом самосознание и рефлексивность субъекта реализуются в его способности к самоанализу содержания собственной психики, а также осознанному и осмысленному восприятию психологических особенностей других людей.

На противоположном полюсе фактора представлены семантические антиподы автономности и спонтанности как компонентов структуры самопонимания субъекта: зависимость от окружающих и вместе с тем отчуждение от них, ощущение личной несвободы, недоверие к миру, неспособность к спонтанному поведению, чувство фрустрации культурными нормами. В итоге — не только неудовлетворенность собственными возможностями, но и ясное осознание невозможности адекватно понять себя.

В целом можно сказать, что в факторе 2 представлены такие личностные черты, которые и способствуют, и препятствуют отражению и познанию субъектом психологического своеобразия своего внутреннего мира, причин поступков, отношений с другими людьми. Иначе говоря, в факторе представлены когнитивно-познавательные компоненты самопонимания.

Таким образом, факторный анализ ответов испытуемых на вопросы четырех опросников выявил два хорошо интерпретируемых фактора, включающих соответственно пять и четыре шкалы. Результаты, полученные при факторизации, позволяют сделать предварительный вывод о подтверждении первой

гипотезы: самопонимание не является внутренне однородной структурой, а состоит по крайней мере из двух основных компонентов.

Результаты факторного анализа были подтверждены методом сравнения данных контрастных групп испытуемых. Задача сравнительного анализа заключалась в том, чтобы определить, какими чертами личности обладают испытуемые с высокими показателями когнитивно-познавательных компонентов самопонимания и какими — с отчетливо выраженными экзистенциально-бытийными компонентами. Для решения задачи сначала сравнивались данные участников исследования с низкими и высокими оценками по интегральной оценке рефлексивности, а затем по шкале самопонимания.

Нижний квартиль распределения рефлексивности включал оценки в диапазоне от 48 до 112, а верхний — от 128 до 150. Оценки 119 испытуемых попали в нижний квартиль ($M = 103.6$), а 111 — в верхний ($M = 134.8$). У «нижних» соответственно более низкие, чем у «верхних», показатели интегральных оценок самосознания ($M = 52.9$ и $M = 61.0$; $p < 0.001$). Интегральные оценки по опроснику смысложизненных ориентаций у двух групп испытуемых значимо не различались. Зато различия по шкалам опросника самоактуализации оказались отчетливо выраженными, у испытуемых с низкой рефлексивностью они явно выше. «Автономность»: $M = 8.2$ и $M = 5.9$; $p < 0.001$. «Спонтанность»: $M = 7.2$ и $M = 5.5$; $p < 0.001$. «Самопонимание»: $M = 8.0$ и $M = 6.8$; $p < 0.05$. «Аутосимпатия»: $M = 8.3$ и $M = 6.0$; $p < 0.001$.

Противоположная картина наблюдается при сравнении данных испытуемых с низкими и высокими оценками по шкале самопонимания. Нижний квартиль распределения по этой шкале включал оценки в диапазоне от 1.5 до 4.5, а верхний от 10.5 до 13.5. Оценки 102 испытуемых попали в нижний квартиль ($M = 3.9$), а 76 в верхний ($M = 11.2$). У «нижних», с одной стороны, оказались значимо более высокими, чем у «верхних», показатели интегральных оценок самосознания ($M = 59.3$ и $M = 56.6$; $p < 0.04$) и рефлексивности ($M = 121.8$ и $M = 114.9$; $p < 0.01$). С другой стороны, у них, наоборот, ниже интегральная оценка по опроснику смысложизненных ориентаций ($M = 98.0$ и $M = 109.9$; $p < 0.01$). Соответственно ниже и оценки по шкалам «Автономность» ($M = 5.8$ и $M = 8.5$; $p < 0.001$), «Спонтанность» ($M = 4.9$ и $M = 7.9$; $p < 0.001$), и «Аутосимпатия» ($M = 5.5$ и $M = 8.9$; $p < 0.001$).

Таким образом, приведенные результаты свидетельствуют о четко выраженной закономерности. Она заключается в том, что чем более в структуре самопонимания субъекта выражены экзистенциально-бытийные компоненты, тем меньшие оценки он получает по шкалам, соответствующим когнитивно-познавательным составляющим обсуждаемого психологического феномена; и наоборот. Вместе с тем они подтверждают первую гипотезу о двухкомпонентной структуре самопонимания.

Проверка второй гипотезы о половых различиях в структуре самопонимания осуществлялась путем сравнения данных испытуемых женского и мужского пола. В исследовании принимали участие 124 девушки и 138 юношей в возрасте от 17 до 22 лет, 91 женщина и 77 мужчин в возрасте от 23 до 58 лет. У девушек и женщин действительно оказались более высокие, чем у юношей и мужчин, оценки по показателям самосознания ($M=60.0$ и $M=53.7$; $p<0.001$) и рефлексивности ($M=121.0$ и $M=117.5$; $p<0.01$). Вместе с тем нет значимых различий по показателю смысложизненных ориентаций (хотя средняя арифметическая у испытуемых женского пола ниже: $M=102.3$ и $M=105.7$), спонтанности и аутосимпатии. Однако есть разница в оценках по шкалам «Автономность» ($M=6.5$ и $M=7.2$; $p<0.05$) и «Самопонимание» ($M=7.0$ и $M=7.5$; $p<0.05$). Следовательно, гипотеза о том, что у испытуемых женского пола более выражена когнитивная, конкретно-ситуативная направленность самопонимания, а у испытуемых мужского пола — бытийная, экзистенциальная, тоже в целом подтверждается.

Обсуждение результатов

Выявленные в эмпирическом исследовании данные о половых различиях в самопонимании соответствуют результатам западных психологов. У женщин понимание себя направлено преимущественно на формирование неразрывной внутренней связи с другими людьми, у них самопонимание оказывается когнитивным базисом осмысления своего социального статуса, роли и положения в обществе. Мужчине самопонимание обеспечивает осознание его отличия от других членов общества. При описании себя женщины часто употребляют социальные категории, относящиеся к группам, к которым они принадлежат. Мужчины чаще используют признаки, индивидуализирующие их, показывающие их самобытность и уникальность, не связанные с ситуативными

обстоятельствами жизни. Эксперименты показывают, что половые различия в самопонимании проявляются еще в детском возрасте: мальчики чаще описывают себя в деятельностных категориях, а у девочек больше упоминаний о своем материальном Я (Heuvel et al., 1992).

Когнитивные компоненты обсуждаемого феномена, проявляющиеся в ответах испытуемых на вопросы опросников самосознания и рефлексивности, начинают формироваться в подростковом возрасте. Возникновение самопонимания начинается с осознания собственного Я как активной рефлексивной инстанции, контролирующей внутренний опыт. При этом постепенно формируется представление о том, что возможности контроля не безграничны, а скорее ограничены. Немного позже у подростка формируется представление о двух уровнях внутреннего опыта, сознательном и бессознательном, каждый из которых способен влиять на мысли и действия. Подросток формирует целостное представление о себе, в то же время признавая ограничения саморефлексии и сознательного контроля.

Возрастное развитие самопонимания идет по пути формирования единого объяснительного принципа, объединяющего разрозненные личностные черты в согласованную систему. До его появления младший подросток может сказать: «Я общителен в кругу друзей, но в семье довольно замкнут. Во мне как будто два человека, сам не знаю почему». В старшем подростковом возрасте объединяющий принцип уже сформирован: «В кругу друзей я общителен, потому что меня считают интересным собеседником. В семье же ко мне относятся не серьезно». Искомым организующим принципом в этом случае является стремление почувствовать свою значимость в процессе коммуникации. Когда в старшем подростковом возрасте представление о собственной индивидуальности объединяется с усвоенными социальными нормами и выработанными убеждениями, самопонимание подростка становится по-настоящему сложным и системным (Damon, Hart, 1982).

У взрослых когнитивные компоненты самопонимания реализуются в рефлексии своих адаптивных или, наоборот, неадаптивных схем, паттернов межличностных отношений и стратегий поведения. Совершенствование самопонимания рассматривается психологами как развитие способности субъекта взглянуть на свои проблемы по-новому: изменить способы внутренней ра-

боты со схемами и связанными с ними когнитивными убеждениями (Connolly et al., 1999).

Иные грани самопонимания раскрываются при анализе ответов испытуемых на вопросы опросников смысложизненных ориентаций и самоактуализации. Фактически этот план изучения дает возможность ученым рассмотреть феномен самопонимания в контексте психологии человеческого бытия. В отличие от когнитивной плоскости анализа проблемы в этом ракурсе первостепенное значение приобретает уже не вопрос о том, каким образом может быть понято бытие, а то, в какой степени понимание есть проявление бытия и его существенный отличительный признак (Gadamer, 1977).

В бытийном плане смысложизненные ориентации каждого человека имеют для него не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. Благодаря ретроспективной и антиципирующей направленности интереса к своему внутреннему миру для субъекта становятся возможными «понимание себя в мире», «экзистенциальные размышления о себе». Они направлены на поиск смысла своего существования, поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и за пределы собственной жизни, включение ее в какую-то иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Именно поэтому при изучении самопонимания так важно учитывать «самоактуализационный потенциал» субъекта, его стремление к достижению личностного совершенства, пределов своих возможностей, а также ориентацию не только на «дефицитарные», но и «бытийные» ценности (Маслоу, 2002).

В этом контексте вполне естественно, что с позиций психологии человеческого бытия понимание нужно человеку для того, чтобы понять себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. В конечном счете смысл нашего бытия действительно состоит в понимании, а главное предназначение субъекта — искать смысл жизни, понимать ее. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиции смысла своего существования.

Обращаясь внутрь себя, своего Я, ментального опыта, человек является экзистенциальным субъектом самопонимания только до тех пор, пока он искренен и правдив. Вольно или невольно преступая границы правдивости, мы тем самым отчуждаем свою

подлинную сущность, начинаем рассматривать себя как бы со стороны. В этом случае мы перестаем быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды, т.е. такого удобного себе и окружающим образа Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью. В этом контексте понять себя — значит выйти за свои пределы и узнать правду о себе. Не общезначимую истину, связанную с получением новых достоверных знаний, а смыслопорождающую личностную правду. Индивидуальная правда основана на таком соотнесении знаний с принимаемыми субъектом ценностями, которые согласуются с его представлениями о должном. Самопонимание как психический процесс представляет собой постепенное выявление, открытие человеком правды о себе. Иначе говоря, не установление соответствия знания так называемой объективной реальности, а его соотнесение с внутренними критериями развития личности, представлениями о своем идеальном Я, т.е., в конечном счете представлениями о социально и этически должном.

Однако объективно должное не значит субъективно приятное. Осознание и понимание человеком нелицеприятной правды о себе может повысить тревожность, вызывать переживания. Тем не менее такая правда обладает одновременно и освобождающим свойством, избавляющим от неприятных мыслей, переживаний, дающим чувство облегчения. Когнитивное значение открытия правды о себе состоит в том, что ее появление отражает изменение ментальной репрезентации внутреннего мира, осознание субъектом когнитивных способов устранения своих недостатков и решения личностных проблем. И хотя сначала способы, как правило, понимаются не отчетливо, интуитивно, все равно понимание правды придает силы для личностного изменения и роста.

Правда о себе изменяет и бытийный план сознания субъекта. Даже если человек потрясен, внутренне содрогается от правды, то ее осознание и понимание способствует мобилизации усилий, направленных на изменение себя в лучшую сторону. Если экзистенциальный опыт человека таков, что он обладает достаточным мужеством, чтобы открыть неприятную правду о себе, то можно не сомневаться в его решимости быть мужественным до конца, чтобы изменить себя и свои отношения с окружающими.

Исследования высших уровней самопонимания взрослых людей свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда

субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности (Cook-Greuter, 1994).

Для описания экзистенциальной сущности самопонимания важно учитывать такие выявляемые с помощью опросника самоактуализации личностные черты, как аутосимпатия и автономность. Дело в том, что феноменология самопонимания во взрослом возрасте отражает как изменения самооценочной составляющей Я, так и последовательный переход от автономных к поставтономным стадиям понимания себя.

На автономном уровне самопонимания человек думает о себе как об отдельной личности с уникальной миссией. Он думает, чувствует, оценивает, координирует и интерпретирует свой опыт и при этом у него формируется стабильное, устойчивое самоощущение. На следующем, поставтономном, уровне развивается более критическая позиция по отношению к этим «автоматическим» процессам. На высшей поставтономной стадии самопонимания взрослые уже по определению автономны и знают о возможности самообмана и защитных маневров, они не нуждаются в рациональном упрощении мира и себя в мире.

Субъекты, достигшие поставтономного уровня самопонимания, пытаются наиболее объективно представить реальность во всем ее многообразии и сложности. На одни и те же вопросы они дают более разнообразные ответы, чем люди, находящиеся на автономном уровне. Многие из этих сложных ответов более непосредственны, спонтанны и менее подчинены здравому смыслу, чем у «автономных» субъектов (Cook-Greuter, 1994). С точки зрения постнеклассической интерпретации проблем человеческого бытия такое реагирование взрослых испытуемых на вопросы неудивительно, а скорее закономерно. Дело в том, что в отличие от когнитивного взгляда на самопонимание с позиций психологии человеческого бытия очень часто субъекту нужно не получить ответы на конкретные вопросы, а понять, сколько их вообще может быть и какие именно вопросы уместно задавать в обстоятельствах, имеющих жизненно важное значение для самопонимания. Вопросы возникают вследствие осознания множественности «вариантов жизни» (Дружинин, 2000), сценариев, значимых ситуаций и даже осознаваемых и неосознаваемых психических

состояний понимающего себя субъекта. Так же, как в случае понимания, множественность вариантов интерпретации понимаемых фактов, осознание того, что понимаемое может быть включено в различные контексты, свидетельствует о *полноте* самопонимания.

Типичной ситуацией, входящей в круг проблем психологии человеческого бытия, является общение психотерапевта и пациента. Экзистенциальную цель постановки вопросов очень точно описал А.В. Россохин: «Я ставлю эти вопросы не для того, чтобы дать на них ответы. Моя задача показать, что одновременно в психической реальности человека существует бесконечное множество различных состояний, жизненных сценариев, голосов. Мы можем выбирать некоторые из них, заостряя внимание пациента на них, предлагать ему наше собственное видение — ту или иную режиссуру в соответствии с нашими психотерапевтическими стратегиями, но что действительно важно, чтобы пациент смог создавать свой собственный многоголосый хор, в котором не будет забыт и сможет найти свое выражение голос каждого участника, каждого ИСС (измененного состояния сознания. — *В.З.*)» (Россохин, Измагурова, 2004, с. 8–9).

Таким образом, на автономном уровне самопонимания субъект задает себе вопросы познавательного типа с целью сформировать целостное, непротиворечивое представление о себе, своем внутреннем мире. На поставтономном уровне для субъекта более важным оказывается выявление тех значимых для него ценностно-смысловых контекстов, в которые он может оказаться включенным и которые впоследствии могут способствовать возникновению более конкретных вопросов.

На поставтономном уровне самопонимания мысли и чувства чаще раскрываются именно так, как они фактически проявляются. Конфликты и противоречия выражаются непосредственно. Вместе с тем на поставтономной стадии рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса переструктурирования взгляда на мир. Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной мысли и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это при том, что они отчетливо понимают, насколько

трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения.

В этом новом переживании собственного Я становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое Я в его постоянной трансформации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что стремление к постоянству индивидуальности — невозможная и ненужная мечта (вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания) (Cook-Greuter, 1994).

Такие рассуждения приводят меня к заключению, что экзистенциальное самопонимание более трансцендентно, чем когнитивное. Оно основано на большем принятии субъектом противоречий в своем Я и меньшем стремлении всему найти рациональное объяснение.

Следовательно, самопонимание как категория психологии человеческого бытия отражает понимание субъектом *ограниченности* когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира, осознание динамики изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований Я. В формировании таких образований существенную роль играет плохо поддающаяся рефлексии структура личностного знания человека, включающая наряду с достоверным знанием и совсем неосознаваемые компоненты. Иначе говоря, экзистенциальное самопонимание закономерно включает моменты «потери себя» (Gadamer, 1977). Это согласуется с точкой зрения А.В. Брушлинского. Развивая психологию субъекта, основными признаками субъектности мышления он считал отказ от оперирования жесткими, заранее заданными дихотомическими альтернативами. Он полагал, что только при этом условии осуществим глубокий анализ альтернативных возможностей и соответственно выделение новых неявных качеств исследуемой реальности. К последним относится и превращение неосознаваемых качеств психического в осознаваемые (Брушлинский, 2003).

***

Итак, самопонимание является такой разновидностью понимания, на которую в полной мере распространяются основные характеристики последнего. Самопонимание, как и вообще

понимание, направлено преимущественно не на поиск новых знаний, а на осмысление, порождение смысла того, что человек узнал о себе во время самопознания. Формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта субъекта, приобретаемого им в разнообразных ситуациях человеческого бытия. Естественно поэтому, что именно сочетание когнитивных и экзистенциальных способов анализа представляется мне наиболее перспективным и современным направлением психологического исследования проблемы самопонимания.

ГЛАВА 5. ПОНИМАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

5.1. Личностные качества субъекта, определяющие специфику понимания

В научной литературе представлены результаты целого ряда исследований, направленных на анализ влияния эмоциональных состояний и психологических свойств личности испытуемых на специфику понимания сообщений.

А.Г. Копелло и Ф.Р. Тата изучали влияние когнитивной оценки социальной ситуации, включающей или не включающей элементы агрессивного поведения людей, на ее понимание. На материале мнемических задач они обнаружили, что преступники (как применявшие ранее насилие, так и не применявшие его) с большей вероятностью интерпретируют угрожающим способом неоднозначные предложения типа «Художник нарисовал нож», чем непреступники (Copello, Tata, 1990).

Дж. Иппс и Р.К. Кендалл также анализировали агрессивные типы понимания ситуаций. 120 испытуемых в возрасте от 17 до 38 лет сначала заполняли опросник Басса-Дарки, опросник склонности человека к раздражительности и несколько других. Затем им предъявлялись 22 сценария, изображающие взаимодействия людей в обычной, вполне благожелательной манере, агрессивные действия и неоднозначные ситуации, допускающие разные интерпретации. Результаты выявили значимую связь между приписываемой субъектом враждебностью поведения героев и его самооценками раздражительности и агрессивности. Испытуемые приписывали враждебный характер действиям других при отсутствии достаточных объективных причин для

этого. Было обнаружено, что раздражительные и/или агрессивные субъекты испытывают большую враждебность и агрессивные намерения описываемых людей по сравнению с менее раздражительными и/или менее агрессивными испытуемыми. Это происходит и в благожелательных, и двусмысленных, и действительно враждебных ситуациях (Epps, Kendall, 1995).

Однако не только враждебность и агрессивность понимающего субъекта сказывается на интерпретации ситуации как угрожающей (ранее это было обнаружено в моих исследованиях понимания ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства агрессивными подростками и участниками войны в Афганистане. См.: Знаков, 1994). Другой значимой в обсуждаемом контексте психологической чертой является личностная тревожность. Когнитивные предубеждения, побуждающие понимать неоднозначные высказывания («Незнакомец взял в руки нож») как угрожающие безопасности субъекта, чаще формируются у людей с высоким уровнем тревожности (MacLeod, Cohen, 1993).

Конечно, не все исследования интерпретации сообщений были направлены на анализ того, как раздражительность, агрессивность и тревожность влияют на понимание ситуаций. Например, в экспериментах Л.П. Джекмен с соавт. рассматривались предубеждения 50 спортсменок-легкоатлеток, сильно или мало озабоченных своим весом. Им давалась инструкция представить себя в ситуации, имеющей отношение к весу человека, но описываемой двусмысленными предложениями. Предложения допускали двоякую интерпретацию — позитивную или негативную. При последующем тестовом задании на вспоминание ситуации психологи обнаружили, что женщины, озабоченные своим весом, склонны негативно интерпретировать двусмысленные предложения, выбирая слово «тучность». Женщины, мало озабоченные своим весом, более позитивно интерпретируют те же самые предложения, выделяя значение «стройность». Эти данные дают основание для предположения о том, что понимание ситуации подвержено влиянию эмоциональных переживаний, связанных с собственным весом. И явно предвзятая интерпретация относящихся к этой теме двусмысленных предложений может функционировать именно для того, чтобы и в дальнейшем поддерживать чрезмерную заботу о физических параметрах своего тела (Jackman et al., 1995).

Очевидно, что личностные качества субъекта влияют на понимание им не только познавательных ситуаций. Еще более наглядно и выпукло они проявляются в общении и взаимопонимании. Люди различаются по параметру сложности — простоты организованности субъективного опыта, в соответствии с которым каждый человек по-своему воспринимает, понимает, интерпретирует и прогнозирует действительность, в том числе партнеров по коммуникации. Индивидуальная организация субъективного опыта в интегрированном виде воплощена в стиле взаимодействия человека с другими людьми. «В психологии стилевые проявления изучаются в связи не столько с воплощением их в продуктах деятельности человека, сколько с индивидуальными особенностями активности, создающей эти продукты, и индивидуальностью субъекта, порождающего и выражающего себя в ней» (Моросанова, 1998, с. 15). В частности, такой параметр когнитивного стиля, как сложность-простота, проявляется в оценке партнерами психологических особенностей друг друга и успешности взаимопонимания или, наоборот, в неудавшихся попытках понимания. Как отмечает М.А. Холодная, «о мере когнитивной сложности субъективного оценочного пространства следует судить как на основе степени дифференцированности конструктивной системы (количества имеющихся независимых конструктов), так и на основе степени ее интегрированности (характера связей между конструктами)» (Холодная, 2002б, с. 73).

Когнитивно сложные субъекты более точно и дифференцированно понимают людей: при описании другого человека они используют большее количество конструктов и смысловых категорий конструктов, чем когнитивно простые. Такие субъекты более детально оценивают себя и других и чаще обращают внимание на собственно психологические характеристики людей.

По данным З.М. Ахметгалеевой, когнитивно сложные испытуемые чаще называют такие качества, как отношение к себе, особенности мировоззрения, темперамента, интеллектуальные и другие способности человека. Когнитивно простые отличаются эмоциональной стабильностью, способностью управлять своими эмоциями и находить им адекватное объяснение. Когнитивно простые субъекты менее дифференцированно понимают себя и других, вместе с тем у них положительный образ Я, они эмоционально устойчивы, их жизнь наполнена смыслом. «На вещи они смотрят серьезно и реалистично, хорошо

осознают требования действительности, не скрывают от себя своих недостатков, не расстраиваются из-за пустяков, чувствуют себя хорошо приспособленными. Когнитивно простые более способны ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. По всем показателям теста СЖО когнитивно-простые имеют более высокие значения, чем когнитивно-сложные. Это значит, что у когнитивно-простых выше осмысленность жизни, в их психике лучше работают механизмы, придающие жизни цельность, осмысленность, упорядоченность» (Ахметгалеева, 2005, с. 154).

Стилевой параметр когнитивной сложности-простоты применительно к межличностному оцениванию и взаимопониманию нельзя интерпретировать однозначно. В этом случае когнитивная простота может быть следствием как обобщенной недифференцированной системы оценивания, так и хотя и дифференцированных, но очень взаимосвязанных, т.е. когнитивно интегрированных, конструктов. Вместе с тем когнитивная сложность может быть порождена и слишком большой изолированностью используемых субъектом шкал, и такой дифференцированностью конструктов, которая способствует связыванию и обобщению входной информации (Холодная, 2002б).

***

Приведенный выше краткий перечень личностных черт, так или иначе влияющих на формирование процессов и результатов понимания, разумеется, не полон. Я продолжу его в следующих разделах на примерах конкретных исследований, тематика которых отражает принципиальные направления развития психологии человеческого бытия.

5.2. Самоотношение, склонность к риску и понимание ситуаций радиационной опасности

Современный мир — очень технологизированный и информационный. Обратной стороной научно-технического прогресса, во многом облегчающего жизнь человека, являются неизбежные

техногенные катастрофы. После аварии на Чернобыльской АЭС радиационная опасность из предмета анализа специалистов превратилась в такую проблему массового сознания, над которой стали задумываться миллионы людей. Невидимость радиационного излучения, невозможность воспринимать его с помощью органов чувств превращает размышления людей о радиации в проблему понимания опасных и неопасных для жизни ситуаций. Следовательно, изучение понимания радиационной опасности неразрывно связано с изучением проблем понимания человеком ситуаций риска и индивидуальных различий в склонности к риску как психологическому свойству личности. Обычно готовность к риску связывается с разными видами активности, в том числе имеющими неадаптивный характер. Готовность к риску как личностная характеристика образуется из разных составляющих: оценки субъектом своих возможностей на основе прошлого опыта; умения полагаться на себя в критических ситуациях, в которых нет возможности хорошо сориентироваться в обстановке; предвосхищения возможных уровней самоконтроля в условиях неполноты информации (Корнилова, 1997).

Проблема риска радиационного заражения является предметом изучения в различных областях психологического знания: экологической психологии, нейропсихологии, психофизиологии, психологии труда, инженерной психологии и др. Однако пока практически нет исследований, в которых анализировалось бы понимание радиационной опасности. В частности, почти полностью отсутствуют работы, посвященные пониманию ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами. Задача восполнения этого пробела была поставлена в диссертационной работе Н.В. Родионовой, выполненной под моим руководством (Родионова, 2004).

Основная *цель* диссертационного исследования заключалась в ответе на вопрос: могут ли некоторые личностные особенности людей оказывать большее влияние на понимание радиационной опасности, нежели наличие профессиональных знаний в сфере атомной энергетики? *Задача* эмпирического исследования состояла в изучении личностных и когнитивных факторов, которые могут повлиять на различия в понимании ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами.

Поскольку цель и задачи исследования для психологической науки были новыми, то для их достижения отсутствовали

соответствующие методики. Вследствие этого Н.В. Родионовой была разработана и психометрически адаптирована специальная методика оценки понимания влияния радиации на человека. Методика представляет собой описание 12 ситуаций, в которых объективно или субъективно (только в воображении испытуемых) действуют источники радиационного излучения. Каждой ситуации в методике соответствуют объективные количественные данные (величина дозы облучения, которому подвергается человек в этой ситуации). Всего было шесть объективно опасных для человека и шесть объективно безопасных ситуаций. Другими словами, наряду с ситуациями, которые оцениваются специалистами как действительно опасные, в методику включены ситуации, которые, по мнению профессионалов, являются не более чем «мифами». Доза радиационного воздействия в них ничтожно мала, в несколько раз ниже естественного радиационного фона.

К объективно опасным ситуациям относились следующие (приводятся в порядке убывания опасности пострадать от радиационного излучения): ежегодная флюорография; воздействие радиационного фона, создаваемого космическими лучами (например, при загорании); проживание вблизи тепловой электростанции; семичасовой полет на самолете; глобальные осадки в результате испытания ядерного оружия; проживание в панельных домах.

Объективно безопасные, но понимаемые населением как опасные (тоже в порядке убывания опасности): попадание в зону неаварийных выбросов АЭС в атмосферу; купание в водохранилище, в которое спускается вода, используемая при охлаждении турбин на атомной электростанции; проживание в 30-километровой зоне действующей атомной электростанции; воздействие АЭС на почву, растительность, продукцию сельского хозяйства близлежащих районов; потребление продуктов, выращенных вблизи атомной электростанции; просмотр кинофильма по цветному телевизору.

При обработке подсчитывался суммарный балл испытуемого по методике в целом, а также сумма баллов отдельно по опасным и неопасным ситуациям. Разработаны основные нормативные данные методики для группы профессионалов, непрофессионалов и смешанной выборки.

В исследовании приняли участие жители городов Смоленск и Десногорск (город-спутник Смоленской атомной электростан-

ции), разделенные на две группы — профессионалы (операторы САЭС, врачи-рентгенологи, дозиметристы, т.е. специалисты, обладающие профессиональными знаниями в области атомной энергетики) и непрофессионалы — учителя, студенты, служащие и т.д. в возрасте от 16 до 70 лет. Общий объем выборки составил 347 человек.

Испытуемые заполняли методику исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантилеева, опросник «Уровень субъективного контроля», опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25), шкалу личностной тревожности методики исследования самооценки тревожности Спилбергера — Ханина и методику оценки понимания влияния радиации на человека.

Результаты исследования показали, что на специфику понимания ситуаций радиационной опасности влияют как личностные особенности испытуемых, так и социально-демографические факторы.

Понимание ситуаций радиационной опасности определяется наличием у испытуемых некоторых личностных особенностей. При низкой самоуверенности, среднем уровне саморуководства, высоком уровне внутренней конфликтности, самообвинения и личностной тревожности испытуемые склонны завышать оценку опасности пострадать от радиации. При высоком уровне саморуководства и среднем уровне личностной тревожности оценки опасности пострадать от действия радиации занижаются всеми испытуемыми (как профессионалами, так и непрофессионалами). Высокий самоконтроль является психологическим фактором, способствующим отрицанию опасности. Когда человек чувствует, что может лично контролировать ситуацию и способен ей противостоять, то он отрицает опасность для себя, не уменьшая данной опасности для других людей, находящихся в подобной ситуации.

Объективно неопасные ситуации по-разному понимаются людьми с гуманитарным и техническим образованием: испытуемые-гуманитарии завышают оценки опасности пострадать от действия радиации, а испытуемые с техническим образованием их занижают. В объективно опасных ситуациях никаких различий между профессионалами и непрофессионалами, лицами с гуманитарным и техническим образованием в оценках воздействия радиации не наблюдается. Аналогичны и половые различия: женщины склонны приписывать более высокие,

чем мужчины, оценки возможности пострадать от действия радиации (правда, они высоко оценивают как объективно опасные, так и объективно неопасные ситуации).

Непрофессионалы в целом характеризуются большей, чем профессионалы, склонностью к рискованным действиям, им свойственно завышать опасность радиационного воздействия даже в объективно неопасных ситуациях. Непрофессионалы при высоком уровне саморуководства, среднем уровне личностной тревожности дают низкие оценки опасности пострадать от воздействия радиации, а при среднем уровне саморуководства, низком уровне отраженного самоотношения, высоком уровне самообвинения и личностной тревожности — высокие.

Профессионалы с высоким уровнем личностной тревожности, средним уровнем общей интернальности и экстернальным локусом контроля в области межличностных отношений приписывают высокие оценки возможности пострадать от радиации. Профессионалы же с высоким уровнем общей интернальности, интернальности в области неудач, низком уровне внутренней конфликтности показывают низкие оценки возможности пострадать от действия ионизирующего излучения.

Однако если у человека высокий уровень личностной тревожности, то и профессионалы, и непрофессионалы одинаково понимают опасные и неопасные ситуации: приписывают высокие оценки возможности пострадать от реального или мнимого радиационного излучения (Родионова, 2004).

Таким образом, специфика понимания ситуаций радиационного излучения определяется не только личностными особенностями понимающих субъектов, но и их полом, типом образования, наличием или отсутствием профессиональных знаний в области радиационного излучения.

Как известно, в нашей стране повышенный интерес к возможности радиационного заражения возник после аварии на Чернобыльской АЭС. Однако эта катастрофа сделала явной и еще одну язву, социальную болезнь нашего общества: извечную склонность руководителей государства скрывать от населения правдивую информацию и манипулировать общественным сознанием. Когда тайное стало явным, проблема манипуляции, имеющая локальное значение в различных областях гуманитарных наук и практической деятельности, стала чрезвычайно актуальной и популярной, в том числе среди психологов. Важнейшим аспектом проблемы

оказалось выявление связи между психологическими особенностями личности людей и характером понимания ими ситуаций, в которых субъект манипулирует другими людьми, превращая их из равноправных партнеров, субъектов своей жизни, в безвольные объекты манипуляций.

5.3. Макиавеллизм личности и понимание манипулятивного поведения

Новые социально-экономические условия жизни в нашей стране порождают иные стили отношений между людьми, влияющие на взаимопонимание между ними. И правительственные органы, и рядовые россияне ставят перед психологами новые задачи. Вместе с тем формирование рыночной экономики, рекламного бизнеса, публичное развертывание предвыборных кампаний и т.п. выдвигают на передний план психологической науки такие проблемы межличностного влияния и эффективного воздействия средств массовой информации на население страны, которые хотя и были известны психологам, но находились не в фокусе, а на периферии их внимания. Для отечественной психологии одной из таких проблем является феномен манипуляции. В последние годы положение стало изменяться: было проведено несколько интересных теоретических и экспериментальных исследований. Ученые получили новые данные как о психологических механизмах самого феномена манипуляции, так и о личностных особенностях людей, склонных к манипулятивному поведению, а также способах и технологиях информационно-психологического воздействия (Грачев, Мельник, 1999; Доценко, 1997; Марголина, Рюмшина, 1999; Рюмшина, 2004).

В современном гуманитарном познании проблема манипуляции индивидуальным и общественным сознанием и поведением изучается по меньшей мере в двух основных аспектах. Во-первых, в контексте нарушения прав человека. Все мы живем в обществе и ориентируемся на социальные нормы поведения. В развитых странах и тех, в которых люди стремятся к созданию справедливого и богатого государственного устройства, важнейшими социальными нормами считаются «права человека». Очевидно,

что манипуляция, т.е. обращение с человеком не как с субъектом, а как с объектом, безусловно, противоречит указанным нормам.

Во-вторых, манипулятивное поведение в общении рассматривается как одна из причин нарушения взаимопонимания между людьми. В психологических исследованиях показано, что в коммуникативных ситуациях наличие манипулятивной направленности хотя бы у одного из партнеров по общению препятствует возникновению взаимопонимания между ними (Желтонова, 2004).

В истории европейской культуры категория «манипуляция» неразрывно связана с понятием «макиавеллизм». В наше время термин «макиавеллизм» нередко используется в различных гуманитарных науках. Макиавеллизм как научная категория широко распространен в зарубежных психологических исследованиях (Wilson et al., 1996), но мало используется в отечественной психологии. Американские ученые провели контент-анализ трактата Н. Макиавелли «Государь» и на его основе создали психологический опросник. Он называется «Мак-шкала» и активно используется в западной социальной психологии и психологии личности. С его помощью были получены весьма интересные результаты.

Макиавеллизмом западные психологи называют склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Речь идет о таких случаях, когда субъект скрывает свои подлинные намерения; вместе с тем с помощью ложных отвлекающих маневров он добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели. «Макиавеллизм обычно определяется как склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими тонкими, едва уловимыми или нефизически агрессивными способами, такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание» (Ames, Kidd, 1979, p. 223). Несколько иначе описывается обсуждаемое психологическое свойство личности в другой работе: «В этой обзорной статье мы определяем макиавеллизм как стратегию социального поведения, включающую манипуляцию другими в личных целях, зачастую противоречащую их собственным интересам. Макиавеллизм следует рассматривать как количественную характеристику. Каждый в разной степени способен к манипулятивному поведению, но некоторые люди к нему более склонны и способны, чем другие» (Wilson et al., 1996, p. 285).

Приведу простой пример макиавеллистской стратегии поведения в семейных отношениях.

> Малыш просит отца показать, как нужно собирать машинку из деталей детского конструктора. Отец показывает. Проходит некоторое время, и сын опять задает вопрос. Отец отвечает. Затем снова следует вопрос, потом еще и еще. Наконец отец не выдерживает и сам собирает машину. Сын торжествует: он и не намеревался разбираться в деталях конструктора, а теперь доволен тем, что заставил отца сделать работу за него.

По мнению создателей Мак-шкалы Р. Кристи и Ф. Гейс, макиавеллизм представляет собой психологический синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и поведенческих характеристик (Studies in Machiavellianism, 1970). Главными психологическими составляющими макиавеллизма как свойства личности являются: 1) *убеждение* субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать; 2) *навыки*, конкретные умения манипуляции. Последние включают способность убеждать других, понимать их намерения и причины поступков.

Интересно, что макиавеллистские убеждения и навыки могут не совпадать и реализоваться в поведении «автономно». Как показано в исследованиях, посвященных развитию макиавеллизма личности в онтогенезе, одни дети перенимают от родителей систему убеждений, которая не прямо, а косвенно влияет на их поведение. Другие — непосредственно копируют у родителей успешные способы манипулирования людьми, но не перенимают у них макиавеллистские убеждения (Kraut, Price, 1976).

Макиавеллизм как личностная характеристика в целом отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей. Высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с экстернальностью, подозрительностью, враждебностью (Geis, 1978). Такие субъекты более эффективно обманывают других, в межличностном общении они чаще используют лесть (Blumstein, 1973) и в целом успешнее влияют на других людей (Studies in Machiavellianism, 1970). Существует обоснованное предположение о сходстве показателей по шкале макиавеллизма в супружеских парах (Kraut, Price, 1976). Макиавеллизм не коррелирует с интеллектом, рациональными установками и такими личностными чертами, как потребность в достижении и уровень тревожности (Ames, Kidd, 1979).

Люди, демонстрирующие высокие показатели по Мак-шкале, при вступлении в контакт с другими склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно, ориентироваться на проблему, а не на собеседника, испытывать недоверие к окружающим (Domelsmith, Dietch, 1978). Такие субъекты в отличие от испытуемых с низкими показателями имеют более частые, но менее глубокие контакты со своими друзьями и соседями. Например, в одном исследовании обнаружена обратная зависимость между уровнем макиавеллизма и сочувствием, проявляемым студентами, когда они дают советы и помощи друг другу. Кристи и Гейс назвали высокий уровень макиавеллизма «синдромом эмоциональной холодности», потому что социальная отстраненность является основной характеристикой подобных людей (Studies in Machiavellianism, 1970).

Вместе с тем результаты экспериментов ясно показывают, что в отличие от испытуемых с низкими показателями по шкале макиавеллизма субъекты с высокими значениями оценок по Мак-шкале, *когда им нужно решить какую-нибудь личную проблему,* оказываются более коммуникабельными и убедительными независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут (Kraut, Price, 1976). По сравнению с испытуемыми, получившими низкие оценки по шкале макиавеллизма, субъекты с высокими оценками более точны и честны в восприятии и понимании себя и других. Важно отметить и то, что они обычно получают низкие оценки по методике социальной желательности (Studies in Machiavellianism, 1970). В общении макиавеллисты, как правило, предметно ориентированы: в социальных взаимодействиях они более целеустремленны, конкурентоспособны и направлены прежде всего на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами (Domelsmith, Dietch, 1978).

Приведу обобщенные психологические характеристики, которые западные ученые используют для описания сильно выраженного типа макиавеллистской личности. Они характеризуют его так: умный, смелый, амбициозный, доминирующий, настойчивый, эгоистичный. Слабо выраженный тип: трусливый, нерешительный, поддающийся влиянию, честный, сентиментальный, надежный. Любому ярко выраженному макиавеллисту хочется выглядеть в глазах окружающих, к примеру, умным и неэгоистичным. Естественно, что в коммуникативных ситуациях именно такими они и стараются себя показать. Людям с низкими

показателями по Мак-шкале в действительности более свойственны положительные черты вроде честности и надежности, зато ярко выраженные макиавеллисты обладают большим умением и поведенческими навыками сокрытия недостатка подобных качеств личности (Cherulnik et al., 1981).

Появление в категориальном аппарате психологической науки наряду с понятием «манипуляция» понятия «макиавеллизм» породило естественный вопрос о сходстве и различии психологических феноменов, обозначаемых этими словами. В западной научной литературе ответ на него найти не удалось. Удивительно, но факт: в текстах тех статей, название которых включает слово «макиавеллизм», оно фактически бессистемно чередуется с понятием «манипуляция» (см., например, аналитический обзор: Wilson et al., 1996). Тогда непонятно, зачем вводить новый термин и чем понятие макиавеллизма отличается от категории манипуляции?

Задачу выяснения сходства и различия содержания психологических феноменов манипуляции и макиавеллизма я поставил перед аспиранткой О.О. Ждановой. Первые шаги, сделанные в этом направлении, мне кажутся интересными и продуктивными (Жданова, 2001).

Манипуляция

Начать следует с указания на то, что в субъект-объектных и субъект-субъектных контекстах психологи используют понятие «манипуляция» в весьма различных значениях. Кратко перечислю основные из них.

1. Манипуляция как движение рук, связанное с выполнением определенной задачи: в инженерной психологии, психологии практического мышления и т.п. Не в метафорическом, а в исходном, буквальном значении этого слова термин «манипуляция» обозначает разнообразные виды действий, выполняемых руками (управление рычагами, выполнение медицинских процедур, произвольное обращение с предметами и т. п.) и нередко требующих мастерства и сноровки при их исполнении.

2. Манипуляция — это такое психологическое воздействие на другого человека, которое не всегда им осознается и заставляет его действовать в соответствии с целями манипулятора.

При удачном манипулировании субъект, скрывая свои подлинные намерения, с помощью ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели.

С психологической точки зрения, следует различать манипуляцию *осознаваемую* и *не осознаваемую* самим манипулятором.

2.1. *Осознанная* субъектом манипуляция может быть социально желательной или, наоборот, неодобряемой. В первом случае речь идет о манипуляции, которую человек совершает из лучших побуждений, желания помочь ближнему, во втором — манипуляция направлена исключительно на получение собственной выгоды.

Иногда человек *вынужден* манипулировать другими для достижения полезного для всех результата. При этом он понимает, что поступает так только потому, что не видит другого выхода. Он совершает поступок, испытывая угрызения совести. Примеры «добродетельной манипуляции» легко найти в возрастной психологии при описании известного кризиса подросткового возраста. В частности, манипулятивные приемы иногда используют матери, уговаривающие дочерей в прохладную погоду надеть более теплую, но менее красивую одежду. Известны примеры добродетельной манипуляции и из спортивной психологии. Приведу рассказ спортивного психолога Ю.: «Перед тем, как спортсменка выходит для прыжка в воду, я ей говорю, причем строго так: "Вы должны заполнить этот опросник!" Там пять вопросов на уровень ситуативной тревожности. Они злятся на меня страшно, многие меня терпеть не могут. И многим непосвященным кажется, что я издеваюсь над спортсменками. И ведь никому не расскажешь, что именно благодаря мне они добиваются высоких результатов! Спортсмена перед выступлением нужно разозлить, а не успокоить! Злость побеждает страх. Но раскрыть эту тайну я не могу: если они будут знать ее, то прием перестанет действовать. Так и мучаюсь» (Сидоренко, 2002, с. 60).

«Корыстная манипуляция» неоднократно описана в работах, авторы которых изучают технологии тайного принуждения человека в межличностных взаимодействиях и массовых информационных процессах (Грачев, Мельник, 1999; Доценко, 1997). Примером корыстной манипуляции можно считать поступок известного героя Марка Твена. Вспомним, как Том Сойер, которому было скучно красить забор, побудил своих приятелей вы-

полнить эту работу вместо него. С помощью имитации удовольствия и вдохновения от работы Том одновременно достиг двух целей. Во-первых, он защитил себя от насмешек мальчишек, представив крашение забора не как принудительный труд недостойный настоящего мужчины, а как увлекательное творческое занятие. Во-вторых, возбудил у друзей зависть и интерес к работе, которая до этого им казалась рутинной. В результате приятелям захотелось делать то, чего они сначала не хотели, и что было обузой для Тома.

Следует отметить, что независимо от добродетельного или корыстного мотива манипуляторы ясно осознают социальную нежелательность своего поведения, а некоторые из них могут чувствовать *вину* за те способы, которыми действуют.

2.2. *Неосознаваемая* манипуляция проявляется в самых разных ситуациях, например, таком межличностном общении, когда один из собеседников врет другому. Вранье, отличное по своим психологическим механизмам от лжи и обмана, нередко оказывается внешним проявлением защитных механизмов личности. Последние направлены на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими. Стремление человека защитить свой внутренний мир от «несанкционированного вторжения», нежелание обнажать душу перед окружающими из боязни насмешек или проявления снисходительного отношения — достаточно серьезный повод для вранья. Иначе говоря, вранье можно рассматривать как защитную манипуляцию другими в межличностном общении. Защитная манипуляция представляет собой совокупность не выражаемых вслух, скрытых способов воздействия на собеседников, направленных на предупреждение таких возможных их слов и действий, которые потребуют от субъекта актуализации защитных механизмов личности.

Неудивительно, что в современной психологии понятие «манипуляция» нередко применяется в контексте психотерапевтической практики. Там понятию манипуляции обычно придается значение не всегда осознаваемого защитного поведения человека. Некоторые пациенты не осознают, что стиль их общения с другими людьми в основном строится на манипулятивных действиях. В результате они сами страдают от невозможности построить открытые взаимоотношения с окружающими. Формирование нарушенного стиля общения в онтогенезе происходит в результате

постепенного искажения представлений пациента о себе и Другом. Основой нарушений общения становится преобладание манипулятивных форм коммуникации над диалогическими. Чаще всего это объясняется ранним травматическим опытом взаимодействия ребенка с матерью — самым первым значимым другим. Такой опыт влечет существенное искажение образов себя и партнеров по общению. Как обнаружено в диссертационной работе Е.П. Чечельницкой, выполненной под руководством Е.Т. Соколовой, «исследование манипулятивного общения пациентов с разными типами пограничной личностной организации показало, что его основными функциями являются функции контроля горизонтальной и вертикальной дистанции Я — Другой» (Чечельницкая, 1999, с. 23).

В психотерапевтической работе причины формирования манипулятивного стиля общения клиента рассматриваются с точки зрения индивидуально приобретенных стратегий защиты, способов выживания субъекта в мире. И потому в практической психологии понятие манипуляции утрачивает признаки оценочного отношения к манипулятивному поведению как социально неодобряемому. Вследствие этого в сферу психотерапевтического взгляда на природу манипуляции не попадают вопросы моральной оценки действий манипулятора. «Таким образом, использование понятия «манипуляция» в психотерапии вносит дополнительные смыслы в значение этого понятия, определяя, что манипулирование может быть неосознанным; человек может страдать от своего манипулятивного поведения; возможно безоценочное отношение к манипулятивному поведению» (Жданова, 2001, с. 28).

Макиавеллизм

Макиавеллизм представляет собой устойчивую черту личности, выражающую систему отношений человека к другим людям, социальной действительности. Макиавеллизм как личностная черта отражает *желание* и *намерение* человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Приведу типичный способ рассуждений девушки с явно выраженными макиавеллистскими чертами личности: «По ночам она долго лежала без сна, размышляя о том, как глупы и ничтожны мужчины и как

легко ими манипулировать. Бедняги, сами того не зная, хотели, чтобы их дергали за ниточки. Их необходимо дергать за ниточки. Без этого они ни на что не способны» (Шелдон, 2001, с. 20).

Следовательно, макиавеллист — это субъект, который манипулирует другими на основе кредо, определенных жизненных принципов, которые служат ему оправданием манипулятивного поведения. Манипулирование другими людьми, по его мнению, соответствует природе человека, и потому он не видит в этом ничего зазорного. Просто наиболее эффективный способ достижения своих целей — использовать для этого других людей.

Важно подчеркнуть, что макиавеллист манипулирует всегда *осознанно* и исключительно ради *собственной выгоды.* И уж, конечно же, он не испытывает чувства *вины* за те способы, которыми действует, а скорее относится к ним с одобрением, не видит в них ничего предосудительного. Он не стесняется своих действий, его не раздирают внутренние конфликты, так как в его установках по отношению к другим людям заложены принципы, диктующие, что манипуляция — нормальный, эффективный способ общения с людьми.

Уверенность макиавеллиста в своей правоте, правильности своих поступков оказывает внушающее воздействие на людей, с которыми он общается, делает его привлекательным в их глазах. Люди «заражаются» спокойствием макиавеллиста, у них реже возникают неприятные ощущения, характерные для жертвы манипуляции, так как у него самого не возникает моральных сомнений по поводу своих действий. Манипулируя, макиавеллист не нарушает контакта с другими людьми. Нарушения контакта не происходит потому, что он ведет себя естественно: ведь в соответствии с его установками манипуляция является обычным и вполне допустимым элементом межличностного общения.

Вследствие этого во время общения у партнеров макиавеллиста возникает ложное чувство взаимопонимания с ним. Такое чувство действительно оказывается ложным для жертвы манипуляции. Успешная манипуляция другими всегда строится на умелом сокрытии своих подлинных намерений, мотивов поведения, жизненных устремлений. В то же время успешность основана хотя бы на минимальном понимании психологии партнера. В результате можно говорить только об одностороннем понимании партнера — со стороны макиавеллиста.

Макиавеллизм личности и коммуникативная гибкость

Макиавеллист не является гибким коммуникатором, понимающим необходимость учета психологических особенностей партнера. Последнего характеризует готовность к спору, несогласию с оппонентами и умение отстаивать свою точку зрения. Такой человек обычно приводит доводы в защиту своей позиции и не избегает конфронтации при наличии различий во взглядах. В то же время гибкий коммуникатор меньше склонен проявлять в общении вербальную агрессию. А субъекты с высоким уровнем выраженности макиавеллизма обычно идеологически нейтральны, слабо эмоционально вовлекаются в межличностные взаимоотношения и готовы без спора временно изменить свою точку зрения, если считают, что в данный момент им это тактически выгодно (Martin et al., 1998).

Эмоциональная вовлеченность в межличностные взаимоотношения является необходимым условием формирования эмпатии как компонента понимания личностных особенностей партнеров по общению. Присущая макиавеллистам «эмоциональная тупость» — это еще одно проявление коммуникативной негибкости, препятствующей взаимопониманию. В этом контексте как очень правдоподобный факт следует оценить устное сообщение доктора психологических наук С.А. Богомаза. В Томске на выборке, состоящей из более 300 испытуемых, он проводил эксперименты с использованием Мак-шкалы и Томского опросника ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) (Залевский, 2000, 2004). Исследователь обнаружил, что чем выше показатели по МАК-шкале, тем у испытуемых более выражена сензитивная ригидность. Это может означать, что субъекты с выраженным макиавеллизмом характеризуются негибкими стереотипными формами эмоционального реагирования на поведенческие проявления эмоций и чувств других людей.

Коммуникативная ригидность макиавеллистов — барьер для взаимопонимания

Одним из важнейших психологических условий взаимопонимания в межличностном общении является наличие у его участников коммуникативной и когнитивной *гибкости*, приспособ-

ляемости к конкретным обстоятельствам взаимодействия. Гибкость проявляется в умении людей использовать различное поведение в зависимости от требований контекста. Она основана на понимании и принятии различий в мотивации партнеров по общению и их индивидуально-психологических особенностей. Как показывают результаты недавно проведенного исследования, коммуникативная гибкость положительно связана с терпимостью к несогласию и отрицательно — с вербальной агрессивностью. В этом же исследовании обнаружено, что уровень макиавеллизма отрицательно связан с коммуникативной гибкостью, но не связан с познавательной (Martin et al., 1998).

У макиавеллистов наблюдается тенденция доминирования экономических и социально-статусных ценностей над моральными и гуманистическими. Это не означает, что поведение макиавеллистов всегда неэтично. Однако экспериментально доказано, что они могут мало заботиться о поддержании высоких этических стандартов, если они не соответствуют их интересам (Sparks, 1994). Исследования корпоративной социальной ответственности показывают, что у субъектов с высоким уровнем макиавеллизма экономическая ответственность за действия, направленные на увеличение собственной прибыли и своего предприятия, явно преобладает над социальной (отражающей соблюдение социальных норм на работе) и моральной ответственностью.

Но основная причина коммуникативной негибкости, ригидности макиавеллистов заключается в их представлении об *универсальности* манипуляции как эффективного способа общения. Однако в некоторых условиях такое представление, наоборот, может мешать достижению желаемого. Жесткая установка на манипулирование оказывается проявлением социальной ригидности, препятствующей достижению поставленных целей.

Макиавеллист заблуждается, полагая, что манипуляция *всегда* эффективна. Успешность макиавеллистской тактики в значительной степени зависит не только от умений и навыков манипуляции, но и от степени структурированности социальной среды, в которой он действует. Например, чем жестче горизонтальные и вертикальные связи организации контролируются ее руководителем, тем менее успешны (по уровню дохода и занимаемой должности) работающие в ней субъекты с высокими оценками по Мак-шкале. Высокоструктурированная среда снижает успешность попыток макиавеллистов манипулировать другими: они чаще ошибаются

в понимании психологических особенностей людей и затрудняются в определении их слабостей, которые можно использовать для достижения своих корыстных целей. Эта тема обстоятельно раскрыта в двух современных исследованиях маркетинга, в которых изучалась связь макиавеллизма и работы в условиях разных степеней свободы импровизации. В первом изучались менеджеры розничных магазинов. В нем было показано, что менеджеры с высоким макиавеллизмом работают лучше в магазинах, характеризующихся слабо структурированной средой. Во втором исследовании обнаружено, что продавцы с высоким макиавеллизмом лучше (чем их коллеги с низкими показателями по Мак-шкале) понимают психологию покупателей и эффективнее выполняют работу там, где рабочая среда допускает большую свободу импровизации (Sparks, 1994).

Аналогичные результаты получены еще в одной работе. В. Шультц исследовал поведение биржевых маклеров в игровых ситуациях продаж. Участниками исследования были маклеры из различных компаний, отличающихся между собой типом структурной организации. «NYNEX» — жестко структурированная, ограниченная строгим набором правил корпорация, оставляющая слишком маленькое пространство для импровизаций. От служащих требовалось придерживаться четких указаний руководства, им назначали круг потенциальных клиентов, с которыми требовалось работать. При заключении сделки было практически невозможно манипулировать клиентом с целью повлиять на размеры комиссионных. Подобная структура корпорации закрыта для условий, позволяющих макиавеллистам достигать успеха в краткосрочных лабораторных экспериментах. Такие же корпорации, как «Merrill Lynch & Shearson», «Lehman & Hutton», напротив, представляют собой свободно организованные структуры, поддерживающие индивидуальность и заинтересованность собственных сотрудников. Вместо строгих указаний к действию между сотрудниками корпораций и руководством существуют неформальные отношения. Банк их клиентов не ограничен и есть достаточно возможностей для получения комиссионных. В этих свободно организованных структурах макиавеллисты имели значительно большее число клиентов и зарабатывали в два раза больше комиссионных, чем работники с низкими показателями по Мак-шкале (Wilson et al., 1996).

Отсутствие коммуникативной гибкости, препятствующей не только взаимопониманию, но и достижению собственных целей, в некоторых сферах человеческого бытия связано с парадоксальным, на первый взгляд, отказом макиавеллистов от использования манипулятивных способов воздействия на окружающих. Речь идет, прежде всего, о многообразных ситуациях конкурентной борьбы, в которой либо непредсказуем результат, либо существует большая опасность проигрыша. В таких ситуациях одним из известных манипулятивных приемов является демонстрация собственной слабости или некомпетентности. Цель демонстрации — усыпить бдительность соперника и побудить его сократить прикладываемые усилия. Манипулятор стремится создать у оппонента ложную убежденность в том, что победа неизбежна или уже достигнута. К примеру, спринтер притворяется хромым на беговой дорожке к старту.

Ложная демонстрация некомпетентности или слабости с целью обезоружить противника — это, конечно, проявление макиавеллизма. Однако есть ситуации, в которых люди с высокими показателями по шкале макиавеллизма вопреки обстоятельствам не желают применять такую тактику поведения. Как черта личности макиавеллизм наиболее близок к доминантности. Соответственно, субъекты с высокими показателями по макиавеллизму скорее доминантные, чем подчиняющиеся. Они склонны контролировать коммуникативные ситуации и быть лидерами малых групп. В общении они, по выражению Дж.А. Шепперда и Р.Е. Сочермана, уверены в том, что они «короли джунглей» (Shepperd, Socherman, 1997). Такая уверенность основана на убеждении, что любая демонстрация уязвимости своего положения (даже если оно выгодно и оправдано ситуацией) неприемлема, потому что это стратегия слабых.

Специально проведенные эксперименты показали, что субъекты со слабо выраженным макиавеллизмом могут быть такими же манипулятивными, как и те, у кого высокие оценки по Мак-шкале. Однако тактика у них различна. Характерно, что «слабые» воздействовали на своих партнеров, представляясь людьми с низкими способностями, тогда, когда существовала конкуренция и результат был неопределенным. «Сильные», напротив, воздерживались от предъявления себя в качестве людей с низкими способностями, даже если такое представление могло бы быть выгодным. В экспериментальной задаче они

отказывались от использования такой стратегии и выбирали для показа соперникам лучшие оценки по тестовым заданиям. Результаты экспериментов ясно показали, что макиавеллисты склонны проявлять себя с лучшей стороны независимо от ситуации, конкретных условий общения (Shepperd, Socherman, 1997).

Описанные данные свидетельствуют, во-первых, о том, что выраженные макиавеллисты не являются гибкими коммуникаторами и вследствие этого нередко терпят неудачу там, где вполне могли бы достичь своих целей. Во-вторых, оказывается, что немакиавеллисты тоже могут быть искусными манипуляторами. Попадая в ситуации конкурентной борьбы с неопределенным исходом соревнований, они используют в качестве способа влияния на противника демонстрацию собственной слабости или некомпетентности. Такая стратегия поведения не основана на понимании психологии и оценке возможностей конкретного соперника. Она является априорной и скорее характеризует привычный стиль поведения немакиавеллистов.

Макиавеллисты, напротив, отказываются от стратегии, требующей проявления слабости, даже в тех случаях, когда она могла дать им преимущество. В момент отказа они не придают значения необходимости понимания соперника и не задумываются о тех роковых последствиях, к которым может привести непонимание психологических особенностей соперника. Вместо этого люди с высокими показателями по шкале макиавеллизма склонны всегда демонстрировать свои сильные стороны. Они делают это независимо от ситуаций и обстоятельств, в которые поставлены. В этой особенности личности макиавеллистов ярко проявляется их ориентация в общении прежде всего на себя, а не на партнера. Естественно, что это мешает эффективному взаимопониманию, для которого обязательной является диалогическая коммуникативная направленность субъектов общения (Желтонова, 2004). Манипулятивная направленность поведения субъектов общения и высокая степень выраженности макиавеллизма личности хотя бы у одного из коммуникантов снижают вероятность достижения взаимопонимания между ними. В отличие от немакиавеллистов, субъектов с высокой степенью выраженности макиавеллизма личности нельзя назвать гибкими коммуникаторами. В общении они нередко проявляют коммуникативную ригидность, препятствующую не только достижению поставленных ими целей, но и взаимопониманию с партнерами.

Итак, экспериментальные исследования макиавеллизма, проводящиеся западными психологами, безусловно, продуктивны и интересны. Проведение такого рода исследований в российской психологии до 2000 г. было невозможным из-за отсутствия надежного методического инструментария. Вследствие этого возникла острая необходимость адаптации и валидизации методики исследования макиавеллизма личности.

Апробация русскоязычного варианта Мак-шкалы

Исследование состояло из шести этапов и проводилось в Москве, Санкт-Петербурге, Смоленске, Самаре, Тольятти и Ярославле в 1997—1999 гг. На каждом этапе эксперимента опросник давался испытуемым вместе с другими методиками, выявляющими те черты личности, которые, согласно результатам исследований западных психологов, различают людей с большей и меньшей выраженностью макиавеллистской направленности. Выбор методик определялся стремлением достичь конструктной валидности Мак-шкалы. Испытуемыми были студенты, инженеры, военные, преподаватели вузов, служащие, клиенты службы занятости.

На *первом* этапе исследования осуществлялись перевод с английского и русскоязычная адаптация четвертой версии «Опросника на макиавеллизм» — шкалы Mach-IV (Geis, 1978). После перевода следовала стадия апробации: опросник заполняли 195 испытуемых. Согласованность 20 пунктов шкалы по коэффициенту α Кронбаха оказалась невысокой: $\alpha = 0.523$. Компьютерный статистический анализ результатов позволил выявить утверждения, оценки по которым в наибольшей степени влияли на уменьшение коэффициента. В частности, по ответам на утверждение «Нельзя простить человека, лгущего другому» оказалось невозможно дифференцировать мнения российских испытуемых: подавляющее большинство из них с этим не согласны. Для русского варианта Мак-шкалы более приемлемой оказалась такая модификация утверждения: «Нельзя оправдывать человека, который для достижения личных целей лжет другому». Аналогично из соображений культурной адаптации утверждение «Барнум был неправ, когда говорил, что каждую минуту рождается простак» пришлось заменить на такое: «Неправы те,

кто считает, что большинство людей являются простаками, которых легко обвести вокруг пальца».

Начиная со второго этапа исследования все испытуемые *анонимно* заполняли приведенный ниже окончательный вариант опросника, состоящего из двадцати утверждений.

На *втором* этапе в исследовании принимал участие 361 человек (162 женщины и 199 мужчин) в возрасте от 17 до 53 лет (средний возраст M = 26.13, стандартное отклонение S = 9.65; медиана Me = 21). Они заполняли модифицированный вариант Мак-шкалы и «Личностный дифференциал».

На *третьем* этапе в исследовании принимали участие 175 человек (92 женщины и 83 мужчины) в возрасте от 17 до 56 лет (M = 25.68, S = 8.38; Me = 23). Они тоже анонимно заполняли Мак-шкалу и методику диагностики межличностных отношений Т. Лири.

На *четвертом* этапе в исследовании участвовали 174 человека (70 женщин и 104 мужчины) в возрасте от 30 до 52 лет. Кроме Мак-шкалы, они заполняли методику диагностики направленности личности Б. Басса. С ее помощью психологи выявляют три типа направленности: на себя, на общение (на других) и на задачу (дело). Кроме того, с целью выявления тенденции давать социально желательные ответы испытуемые заполняли опросник самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна.

На *пятом* этапе 42 студента (половина из Смоленска, другая из Ярославля) с интервалом в две недели заполняли Мак-опросник.

На *шестом*, заключительном, этапе исследования проводился анализ сводной таблицы результатов.

Результаты и их обсуждение

Основной результат *первого* этапа исследования заключается в появлении русскоязычной версии шкалы Mach-IV — опросника, состоящего из двадцати пунктов.

Инструкция испытуемому

Перед Вами набор утверждений. Каждое утверждение представляет собой распространенное мнение и поэтому не может быть верным или неверным. Вероятно, Вы согласитесь с одними утверждениями и не согласитесь с другими. Внимательно прочитайте все высказывания. Затем отметьте степень Вашего согласия или несогласия с каждым мнением.

Текст опросника

1. Открывать другим истинную причину своих действий нужно только в том случае, если это полезно для тебя.
2. Лучший способ получать от людей то, что тебе надо, — говорить им то, что они хотят услышать.
3. Человек должен делать что-либо, только если он уверен, что это морально оправданно, т.е. правильно с нравственной точки зрения.
4. Большинство людей, в сущности, хорошие и добрые.
5. В общем-то все люди порочны, и когда-нибудь это обязательно проявляется.
6. Честность — лучшая политика в любых ситуациях.
7. Нельзя оправдывать человека, который для достижения личных целей лжет другому.
8. В общем-то люди не хотят работать в полную силу без принуждения со стороны.
9. Лучше занимать скромное положение и быть честным, чем быть влиятельным и нечестным.
10. Когда просишь кого-либо сделать что-то для тебя, лучше сказать о настоящей причине, по которой тебе это необходимо, чем придумывать более веские аргументы.
11. Большинство из тех, кто достиг высокого положения в обществе, являются порядочными и безупречными в нравственном отношении людьми.
12. Человек, полностью доверяющий кому-то другому, напрашивается на неприятности.
13. Большинство преступников отличается от остальных людей в основном тем, что преступники недостаточно умны, и поэтому они попадаются.
14. Большинство людей — смелые.
15. Льстить нужным людям — значит проявлять мудрость.
16. Можно быть человеком хорошим во всех отношениях.
17. Ошибаются те, кто считает, что большинство людей являются простаками, которых легко обвести вокруг пальца.
18. Для того, кто хочет сделать карьеру, главное — не хорошо работать, а уметь обходить формальности и ради достижения цели не бояться идти на мелкие правонарушения.
19. Неизлечимо больные люди с их согласия могут быть умерщвлены.
20. Большинство людей легче забывают о смерти собственных родителей, чем о потере своей собственности.

Ключ обработки результатов

Испытуемый должен выразить меру своего согласия или несогласия с каждым из 20 утверждений по семибалльной шкале — от «Полностью согласен» (7 баллов) до «Совершенно не согласен» (1 балл). Подробности см. ниже в бланке методики, предлагаемой испытуемому.

При обработке оценки в половине пунктов шкалы инвертируются: в пунктах 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16 и 17 производится обратный счет. Это означает, что если испытуемый поставил оценку 1, то экспериментатор должен приписать ему 7 баллов; если 2, то 6; если 3, то 5; если 4, то 4; если 5, то 3; если 6, то 2; если 7, то 1. После этого по всем 20 пунктам подсчитывается суммарный показатель макиавеллизма. Иначе говоря, получается, что к сумме 10 оценок, поставленных испытуемым, добавляется сумма 10 инвертированных, преобразованных при обработке оценок. В итоге получается суммарный показатель ответов испытуемого по Мак-шкале, т.е. оценка выраженности у него макиавеллизма личности.

В экспериментах *второго* этапа по всей выборке (361 человек) согласованность пунктов Мак-шкалы по коэффициенту Кронбаха составила $\alpha = 0.719$. Были получены следующие суммарные показатели по Мак-шкале: $M = 77.51$, $S = 12.73$; $Me = 77$; $min = 47$, $max = 116$ (теоретически возможный размах шкалы определяется диапазоном от 20 до 140). Однако за средними значениями скрываются половые различия: оценки 199 мужчин ($M = 80.54$, $S = 13.27$) статистически значимо превышают ($t = 5.01$, $p < 0.001$) оценки 162 женщин ($M = 73.78$, $S = 12.03$).

Эксперименты показали, что суммарные оценки макиавеллизма имеют отрицательную корреляционную связь с фактором «Оценка» по «Личностному дифференциалу» ($r = -0.461$, $p < 0.001$). Оказалось, что испытуемые с превышающими медиану показателями по Мак-шкале ниже оценили по «Личностному дифференциалу» нравственные качества своей личности, чем те, у кого Мак-показатели меньше медианы. Это относится к представителям обоих полов, хотя средние значения женщин стабильно превышают показатели мужчин (мужчины, фактор «Оценка»: соответственно $M = 8.58$, $S = 5.76$ и $M = 12.06$, $S = 4.69$; женщины: $M = 12.84$, $S = 5.08$ и $M = 16.04$, $S = 3.7$).

Отрицательная корреляция между «Оценкой» и Мак-показателями может означать, что испытуемые, анонимно признающие

наличие у себя макиавеллистских установок или способов поведения, понимают, что последние не совместимы с социально одобряемыми нравственными качествами личности. Вполне возможно (но в этом исследовании не доказано), что в их субъективной шкале ценностей порядочность, правдивость, доброжелательность и другие моральные категории занимают далеко не первые ранговые позиции. Другое возможное объяснение природы обсуждаемой отрицательной связи можно дать, если вспомнить о том, что, как показали западные психологи, субъекты с высокими оценками по Мак-шкале более точны и честны в восприятии и понимании не только других, но и себя (Studies in Machiavellianism, 1970). В этом случае отрицательная корреляция оценок с числовыми показателями нравственных качеств личности может быть отражением большего «реализма» таких людей, их честного и критичного отношения к себе. Однако пока оба приведенных объяснения являются только гипотетическими, требующими экспериментальной проверки.

Вопреки предположению о наличии выраженного волевого начала в личности макиавеллистов, их склонности к доминированию, а не подчинению при манипуляции другими в ситуациях межличностного общения коэффициенты корреляции между Мак-показателями и факторами «Сила» и «Активность» по «Личностному дифференциалу» оказались ничтожно малыми и статистически незначимыми. Очевидно, что макиавеллистское поведение в коммуникативных ситуациях предполагает не грубый нажим, авторитарное давление на собеседников, а более изощренные и менее заметные для них способы достижения личных целей.

Анализ данных, полученных на *третьем* этапе исследования, осуществлялся путем их разбиения на две группы: ответы 87 человек, показатели которых по Мак-шкале были меньше медианы (Me = 77), и 88 испытуемых с Мак-показателями, равными или превышающими медианное значение. Ответы этих групп сравнивались с данными по опроснику Т. Лири. Оказалось, что испытуемые с высокими и низкими показателями по Мак-шкале значимо различаются по двум факторам опросника Лири — подозрительности и альтруистичности. Естественно, что у испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма подозрительность (негативизм, злопамятность, критичность как к социальным явлениям, так и к людям) выше: $M = 4.94$ и $M = 3.55$; $t = 3.63$, $p < 0.001$.

В то же время альтруистичность (отзывчивость, бескорыстие, стремление к помощи и состраданию) у них ниже: M = 4.52 и M = 7.18; t = 2.92, $p<0.004$.

Анализ результатов *четвертого* этапа исследования проводился в двух направлениях: 1) сопоставление результатов по Мак-опроснику с результатами по методикам Басса и Марлоу-Крауна у всей выборки испытуемых; 2) сравнение данных женщин и мужчин, в том числе сравнительный анализ результатов испытуемых с высокими и низкими показателями по Мак-шкале.

Оценки по Мак-шкале 174 испытуемых положительно коррелируют с направленностью на свое Я по методике Басса (r = 0.336) и отрицательно — с направленностью на общение с другими (r = −0.30). Эти факты согласуются с данными западных психологов о том, что субъекты с высокими показателями по Мак-шкале в коммуникативных ситуациях склонны ориентироваться на себя и решение своей задачи, а не на собеседника (Domelsmith, Dietch, 1978). Кроме того, была выявлена отрицательная корреляционная связь между Мак-показателями и склонностью испытуемых давать социально желательные ответы (r = −0.38). В зарубежных исследованиях также отмечается, что по сравнению с испытуемыми, получившими низкие оценки по шкале макиавеллизма, субъекты с высокими оценками обычно получают низкие баллы по методике социальной желательности (Studies in Machiavellianism, 1970).

Сравнение данных 104 мужчин и 70 женщин обнаружило, что у первых более высокие оценки макиавеллизма (M = 78.44 и M = 69.74; t = 5.22, $p<0.001$). Зато у женщин более выражена ориентация на общение по методике Басса (M = 26.54 и M = 24.41; t = 2.13, $p<0.03$) и на социально желательные ответы по методике Марлоу – Крауна (M = 8.96 и M = 0.24; t = 2.51, $p<0.01$).

Теперь необходимо провести сравнительный анализ результатов испытуемых с высокими и низкими показателями по Мак-шкале, иначе говоря, тех, у кого оценки выше и ниже медианы: для женской выборки Me = 69 (min = 41, max = 90), для мужской — Me = 79 (min = 46, max = 112). Для краткости эти две группы испытуемых можно условно назвать «макиавеллистами» и «немакиавеллистами».

По методике Басса, у немакиавеллистов более выражена ориентация на общение, чем у макиавеллистов. Это характерно и для женщин (M = 28.29 и M = 24.8; t = 2.5, $p<0.02$), и для мужчин

($M = 25.73$ и $M = 23.21$; $t = 2.25$, $p < 0.03$). У мужчин-немакиавеллистов ниже показатели направленности на себя, собственное Я: $M = 24.02$ и $M = 27.67$; $t = -3.2$, $p < 0.02$. А у мужчин-макиавеллистов в коммуникативных ситуациях в большей степени, чем у немакиавеллистов, проявляется тенденция скорее ориентироваться на свое Я, чем на общение с партнерами: $M = 27.67$ и $M = 23.21$; $t = 3.48$, $p < 0.001$.

Согласно методике Марлоу — Крауна немакиавеллисты в большей степени, чем макиавеллисты, склонны давать социально желательные ответы (женщины: $M = 11.11$ и $M = 9.37$; $t = 2.2$, $p < 0.03$; мужчины: $M = 9.35$ и $M = 7.9$; $t = 2.32$, $p < 0.02$). Как уже отмечалось выше, этот факт согласуется с результатами исследований зарубежных психологов (Studies in Machiavellianism, 1970).

Эксперименты, проведенные на *пятом* этапе, показали, что ретестовая надежность Мак-опросника по коэффициенту корреляции Спирмена $r = 0.748$.

На *шестом* этапе был осуществлен итоговый анализ результатов 710 испытуемых, принимавших участие во втором, третьем и четвертом этапах исследования.

Психометрические характеристики методики

Надежность Мак-опросника. Как свидетельствуют результаты пятого этапа исследования, *надежность-устойчивость* методики достаточно высока: $r = 0.748$.

Одномоментная надежность, внутренняя согласованность пунктов шкалы, указывающая на степень однородности состава заданий, т.е. отнесенности вопросов именно к такому свойству личности, как макиавеллизм, определялась с помощью вычисления коэффициента α Кронбаха. Для всей выборки испытуемых он оказался равен 0.720.

Конструктная валидность: представленность макиавеллизма как личностного свойства в результатах ответов испытуемых на вопросы методики. Конструктная валидность Мак-опросника определялась двумя способами. Во-первых, путем содержательной экспертной оценки соответствия перевода пунктов шкалы Mach-IV на русский язык и адаптации их к реалиям русской культурной среды. Во-вторых, посредством применения тех же

методик, которые использовали зарубежные психологи. В исследовании получены сходные результаты о связи макиавеллизма с такими личностными характеристиками, как враждебность, подозрительность, эмоциональная отчужденность, отрицательная самооценка своих нравственных качеств и др. Это дает основание для заключения, что Мак-опросник предоставляет психологам возможность выявлять то же качество личности, что и шкала Mach-IV, т.е. макиавеллизм.

Опыт эмпирического использования Мак-опросника позволил уточнить оптимальный способ обработки его результатов. Чрезвычайно важным моментом в обработке данных оказалось отсеивание протоколов, которые следует признать бракованными. Бракованными, непригодными для психологического анализа являются протоколы испытуемых, больше четырех раз при ответах на вопросы опросника ответившие «Затрудняюсь ответить», т.е. приписавшие себе оценку 4.

Дело в том, что избыток подобных ответов — явное свидетельство того, что либо испытуемый действительно плохо знает себя и потому испытывает затруднения с ответом, либо таким образом пытается скрыть правду о себе от экспериментатора. В обоих случаях протокол бесполезен для психолога, потому что в нем не отражено исследуемое свойство личности (в данном случае — макиавеллизм). Любые другие оценки в той или иной мере выражают разную степень знания человека о себе, особенностях его личности (если, конечно, он намеренно не выбирает оценки случайным образом; однако в этом случае психолог нередко оказывается бессильным: получая протокол, он не может изменить данные).

По моему мнению, во всех опросниках с симметричными 5- или 7-балльными шкалами Р. Лайкерта (например, от 1 до 7 или от 3 до −3) для психолога есть, условно говоря, «правильные» ответы (3, 2, 1, −1, −2, −3; 1, 2, 3, 5, 6, 7) и «неправильные» (0; 4). Правильность в данном случае означает, что испытуемый, хотя, может быть, и с небольшой степенью уверенности, но все-таки отвечает на вопрос, т.е. может охарактеризовать себя. Используя биномиальный критерий непараметрической статистики или Хи-квадрат, можно установить предельно допустимую величину «неправильных» ответов, вносящих неслучайные искажения в конечный результат. Для 20 пунктов Мак-шкалы с 1-процентной вероятностью ошибки можно утверждать, что эта величина

равна или больше 5. *Следовательно, протоколы испытуемых, больше четырех раз ответивших «Затрудняюсь ответить», нужно отбрасывать.*

(Более того, я полагаю, что таким же образом следует поступать со всеми опросниками, построенными на шкале Лайкерта и предполагающими некоторое число «неправильных» ответов — «Методикой смысложизненных ориентаций», «Личностным дифференциалом» и др.)

Проанализировав под этим углом зрения данные 710 испытуемых, я обнаружил, что валидными можно считать только 595 протоколов. Устранение брака привело к увеличению внутренней согласованности пунктов теста: величина коэффициента а Кронбаха возросла до 0.729. Этот коэффициент выше результатов, полученных во многих других исследованиях (McHoskey, 1999). Он непротиворечиво вписывается в диапазон величин (от 0.66 до 0.79), представленных в западных публикациях (Graham, 1996).

Возрастные и половые различия

Как известно, в психологии нет общепризнанной возрастной периодизации психического развития человека: «На сегодняшний день, к сожалению, не существует единой общепринятой классификации возрастных периодов развития человека, хотя в разное время предпринимались многочисленные попытки создания возрастной периодизации. В результате этого появилось множество различных классификаций, а единой классификации так и не было создано. Вместе с тем можно отметить и наличие общих тенденций в различных возрастных периодизациях, а также близость некоторых из них между собой» (Реан, 2001, с. 90).

По этой причине, учитывая конкретные цели психологического анализа изучаемых проблем, ученые вынуждены фокусировать внимание на тех классификациях, которые позволяют непротиворечиво решать поставленные ими исследовательские задачи. В соответствии с целью сравнительного анализа макиавеллизма личности я разделил выборку на три группы, ориентируясь не только на психологические, но и социально-демографические признаки. По моему мнению, такое разделение в наибольшей степени соответствует возрастной периодизации развития человека, которую предлагает Г.С. Абрамова (Абрамова, 1999).

Первая — юноши и девушки (17 – 22 лет). Верхняя граница, 22 года, определяется тем, что к этому возрасту большинство участвовавших в исследовании молодых людей заканчивают обучение в вузе или службу в армии.

Вторая группа (23 – 35 лет) — это первый период взрослости. Он характеризуется тем, что в это время молодые люди стремятся к завоеванию основных позиций, характеризующих обычную жизнь человека: семья, жилье, работа, зарплата, социальное положение.

Третью группу (36 – 60 лет), второй период взрослости, образуют люди, в целом находящиеся в более стабильном положении, чем испытуемые предыдущего возраста. То, к чему стремится вторая группа, у них, как правило, уже есть.

Статистический анализ различий средних величин показателей макиавеллизма проводился на выборке 595 испытуемых с использованием критерия Колмогорова – Смирнова.

Возрастные различия

Анализ возрастных различий в макиавеллизме в целом свидетельствует о том, что *у молодых испытуемых оценки значимо выше, чем у людей второго периода взрослости.*

В женской выборке нет значимых различий между показателями девушек и женщин до 36 лет, а также между женщинами первого и второго периода взрослости. Однако оценки девушек выше, чем у женщин 36 лет и старше: $M = 75.42$ и $M = 68.03$, $p < 0.01$. Аналогично в мужской выборке не различаются показатели юношей и мужчин до 36 лет, а также между мужчинами первого и второго периода взрослости. Однако оценки юношей выше, чем у мужчин старше 35 лет: $M = 82.15$ и $M = 75.88$, $p < 0.05$.

Объяснить полученные результаты нетрудно. Макиавеллизм как психологическое свойство личности в повседневной жизни проявляется в манипулятивных тактиках, направленных на достижение субъектом конкретных карьерных и других подобных целей. Такие тактики наиболее эффективны в кратковременных контактах, общении, не предполагающем установления близких человеческих отношений. Именно так студент может общаться на экзамене с профессором, призывник в военкомате с военным комиссаром, претендент на работу с менеджером по кадрам. В бо-

лее старшем возрасте у большинства людей, во-первых, сокращается количество таких социальных ситуаций. Во-вторых, сужается круг близких знакомых, которыми по понятным причинам нельзя длительное время безнаказанно манипулировать. Степень выраженности поведенческих проявлений макиавеллизма непосредственно зависит от «психологической дистанции» между субъектами общения (Купрейченко, 2001). Испытуемые демонстрируют более низкий уровень макиавеллизма по отношению к членам семьи и друзьям, чем к психологически менее близким людям (Wilson et al., 1996).

Обнаруженная в исследовании общая тенденция изменения оценок макиавеллизма с возрастом соответствует данным западных психологов. Очень образно и отчасти даже метафорично ее выразили Д.С. Уилсон с коллегами. Сначала они показали, что предрасположенность к совершению убийств изменяется с возрастом, их пик приходится на ранний этап зрелости. Затем ученые выдвинули гипотезу о том, что если убийство рассматривать как крайнее проявление манипулятивного поведения, то подобная возрастная динамика должна быть характерна и для макиавеллизма. Гипотеза была подтверждена в эмпирических исследованиях: макиавеллизм увеличивается с возрастом до поздней юности, после чего снижается (Ames, Kidd, 1979; Domelsmith, Dietch, 1978; Wilson et al., 1996).

Половые различия

В цикле моих исследований были также выявлены отчетливо выраженные половые различия. *Во всех трех группах показатели испытуемых мужского пола оказались выше, чем у испытуемых женского:* юноши $M=82.15$, девушки $M=75.42$, $p<0.01$; мужчины до 36 $M=78.35$, женщины $M=72.02$, $p<0.001$; мужчины после 36 $M=75.88$, женщины $M=68.03$, $p<0.01$. Естественно, что при сравнении данных по всей выборке оказалось, что у 319 испытуемых мужского пола ($M=27.8$ лет) оценки по Мак-шкале значимо превышают оценки 276 испытуемых женского пола ($M=30.1$ года): $M=79.52$ и $M=71.92$, $p<.001$.

Эти результаты тоже в целом соответствуют данным западных психологов: в большинстве исследований макиавеллизма обнаружено, что оценки по Мак-шкале в среднем ниже у женщин,

чем у мужчин. При этом корреляции между оценками по шкале макиавеллизма и результатами других тестов обычно более высокие и разнообразные у мужчин, чем у женщин (Wilson et al., 1996).

Следовательно, на всех этапах исследования оценки по Мак-шкале мужской части выборки статистически значимо превышали оценки женской. И все-таки факт безусловного преобладания оценок макиавеллизма у мужчин у многих ученых вызывает обоснованные сомнения. По меньшей мере, было бы наивно думать, что женщины отличаются большей воспитанностью и потому в меньшей степени обладают макиавеллизмом, чем мужчины. На протяжении всей эволюции человечества у женщин было достаточно причин и возможностей для манипуляции другими. Как известно, женщина-манипулятор — это довольно распространенный социальный стереотип. По этим причинам мы должны формулировать гипотезы не только относительно различий в *уровне* макиавеллизма, но и относительно половых различий в *стиле* манипулирования

Взаимодействие между мужчинами часто характеризуется неприкрытой борьбой за власть и краткосрочными договоренностями. Взаимодействия между женщинами обычно более длительны, хотя тоже не так уж редко имеют соревновательный характер. Однако такие же отношения могут характеризовать взаимодействия мужчин и женщин. Мужчины более склонны открыто манипулировать женщинами, прибегая к насилию или угрозе насилия. В то же время женщины могут манипулировать мужчинами в более мягкой форме, которая включает хитрость, лесть и т.п. Вместе с тем исследования показывают, что не существует однозначной связи макиавеллизма личности с полом. В зависимости от конкретных социальных ситуаций, женщины могут прибегать к манипулятивным стратегиям, традиционно считающимися мужскими, а мужчины — к женским (Wilson et al., 1996).

Тем не менее в психологической литературе уже есть некоторые данные о том, что мужской макиавеллизм качественно отличается от женского как на уровне установок, так и на уровне конкретного поведения. Это становится очевидным, например, при учете индивидуальных различий испытуемых по показателю выраженности межличностной ориентации. Субъекты с высоким показателем чувствительны к другим, заинтересованы в них, точнее описывают их поведенческие и межличностные черты (такие, как сотрудничество, сила, зависимость). В противопо-

ложность им люди с низким показателем межличностной ориентации менее чувствительны к поведенческим и межличностным характеристикам партнеров по общению, а также менее заинтересованы в отношениях с ними. Кроме того, они могут стремиться к максимальному достижению собственных целей без заботы о партнерах и поддержании отношений с ними. Как показано в работе Э.Е. Катальди и Р. Реардона, женщины с высоким значением межличностной ориентации, общаясь с другими людьми, обычно демонстрируют тенденцию к более частому использованию манипуляций, чем женщины с низким значением этого показателя. В то же время у мужчин использование манипулятивных тактик в общении не зависит от межличностной ориентации: испытуемые и с высокими, и с низкими значениями по шкале межличностной ориентации реже использовали манипуляцию. Следовательно, межличностная ориентация оказывает очень малое влияние на попытки манипуляций у мужчин, тогда как на женщин она влияет весьма значительно (Cataldi, Reardon, 1996).

Еще одно отличие мужского макиавеллизма от женского связано с готовностью и склонностью субъекта к самораскрытию в общении как в конкретных высказываниях, содержащих сведения о личной жизни, так и в общей предрасположенности рассказывать о себе другим людям. Во многих психологических исследованиях выявлены половые различия в объеме и в содержании самораскрытия в коммуникативных ситуациях. Например, «девушки больше говорят о чувствах, особенностях внешности, а юноши — о политических событиях, вкусах в области искусства. Девушки склонны обсуждать любые свои отношения с окружающими, в то время как юноши — преимущественно конфликтные взаимоотношения» (Зинченко, 2000, с. 19).

Западные исследования показали, что у мужчин высокий уровень макиавеллизма коррелирует с закрытостью, а у женщин с аналогичным уровнем, наоборот, с открытостью. Одна из причин этого заключается в том, что склонность мужчин к раскрытию не влияет на то, нравятся они окружающим или нет. Психологи отмечают, что в западном обществе от мужчины ожидают, что он достигнет успеха благодаря собственным усилиям, а доверительные отношения с другим мужчиной рассматриваются как слабость и стремление к подчинению. Вследствие этого самораскрытие является для мужчин малоэффективной манипулятивной тактикой. Цели женщин более явно социально

направлены: популярность, умение ладить с другими людьми, понимание более ценятся женщинами, чем мужчинами. Очевидно, что установление доверительных отношений, необходимых для достижения этих целей, невозможно без значительного самораскрытия. Неудивительно, что самораскрытие как манипулятивная стратегия весьма эффективно для женщин-макиавеллисток (Domelsmith, Dietch, 1978).

Цели манипуляции могут быть не только прагматичными, но и защитными: она может играть роль психологического защитного механизма, предохраняющего личность от утраты самоуважения, снижения самооценки и т.п. Как утверждают западные психологи, женщины традиционно считаются более покорными и уступчивыми, они лучше приспосабливаются и менее склонны к манипуляции. Однако в действительности оказывается, что некоторые женщины могут использовать покорность и уступчивость в манипулятивных целях. Например, некоторые молодые женщины боятся успешно конкурировать с мужчинами. Несмотря на то, что они хотели бы быть успешными в достижении своих целей, они умудряются избегать успеха там, где могли бы достичь больших результатов, чем мужчины. Хотя результаты исследований боязни успеха у женщин противоречивы, вполне возможно, что некоторые женщины, особенно традиционно феминного типа, специально ведут себя так, чтобы быть менее успешными (Ames, Kidd, 1979).

Из сказанного следуют, как минимум, два вывода. Во-первых, психологам нужно тщательнее анализировать качественные признаки поведенческих проявлений макиавеллизма, стилевые особенности мужского и женского манипулирования. Во-вторых, необходимо сделать более определенные и научно обоснованные заключения о наличии или отсутствии временной динамики возрастных и половых различий в уровнях макиавеллизма. Для уточнения сформулированных в этих выводах проблем психологические исследования макиавеллизма были продолжены и после 1999 г.

Исследования 2000–2005 гг.

Цикл исследований, проводившихся в этот период, был направлен на получение ответов на два основных вопроса.

1. Можно ли говорить о снижении или возрастании показателей макиавеллизма личности людей (по сравнению с 1990-ми годами), живущих в нашей стране, в которой за этот период произошли значительные социально-экономические преобразования?

2. Действительно ли более высокие оценки по Мак-шкале у мужчин, чем у женщин, отражают устойчивую личностную диспозицию, склонность к манипулированию другими в большем числе ситуаций?

В цикле исследований приняли участие свыше трех тысяч человек (студенты и люди со средним и высшим образованием самых разных профессий). После отсеивания брака остались протоколы 2094[1] испытуемых из Москвы, Воронежа, Костромы, Смоленска, Самары, Кемерова, Новосибирска, Томска.

Итак, можно ли сказать, что под влиянием происходящих в нашей стране социально-экономических преобразований или каких-то других факторов за последние шесть лет макиавеллизм личности граждан уменьшился или возрос?

При сравнении данных испытуемых первой выборки (595 человек) и второй (2094) значимых отличий между Мак-показателями *не обнаружено*. Вместе с тем *во втором периоде исчезли значимые различия между оценками женщин и мужчин.* (Напомню, что в другом проведенном в это же время исследовании обнаружено отсутствие различий в поведенческих проявлениях связанного с макиавеллизмом свойства личности мужчин и женщин — маскулинности, см.: Знаков, 2004.) Однако это не означает, что оценки по Мак-шкале прежних и новых испытуемых одинаковы. Реальная причина отсутствия различий заключается в произошедшем за это время изменении структуры распределения оценок внутри второй выборки: *у испытуемых женского пола оценки возросли, а у испытуемых мужского — наоборот, уменьшились.* Средний возраст участников исследований примерно одинаков: у 276 испытуемых женского пола из первой выборки (1997–1999) он равен 30.1 года, а 1263 из второй — 26.7 лет; у 319 и 831мужчин соответственно 27.8 и 29.5. Женские оценки по Мак-шкале: $M=71.92$ и 74.34, $p<0.001$; мужские: $M=79.52$ и 76.06, $p<0.01$.

---

[1] Данные 446 испытуемых из трех названных сибирских городов были предоставлены профессором Томского государственного университета С.А. Богомазом, за что я ему очень благодарен.

Теперь проанализирую оценки 2094 испытуемых, отражающих современные данные о степени выраженности макиавеллизма личности у наших современников. На них можно ориентироваться при проведении будущих исследований с применением Мак-шкалы.

Среднеарифметические оценки по возрасту и Мак-шкале, а также значимость различий между результатами разных групп испытуемых по критерию Колмогорова — Смирнова приведены в таблице 4. В ней представлены оценки шести групп испытуемых: 636 девушек в возрасте 17 — 22 лет, 368 юношей 17 — 22 лет, 346 женщин (подгруппа 1) 23 — 35 лет, 209 мужчин (подгруппа 1) 23 — 35 лет, 267 женщин (подгруппа 2) 36 — 60 лет, 250 мужчин (подгруппа 2) 36 — 60 лет.

Как следует из таблицы 4, у наших современников наблюдаются *две* наиболее характерные особенности макиавеллизма.

Во-первых, пик показателей по Мак-шкале приходится на молодой возраст, период стремления к достижениям, социальному успеху. Это соответствует и некоторым западным исследованиям. В частности, макиавеллизм положительно связан со стремлением к финансовому успеху (McHoskey, 1999). Однако направленность

Таблица 4

Средние оценки 2094 взрослых испытуемых 2000–2005 гг.

Испытуемые	**Возраст**		**Сумма по Мак-шкале**		**Испытуемые**					
	Средняя	*Станд. откл.*	*Средняя*	*Станд. откл.*	Девушки	Женщины-1	Женщины-2	Юноши	Мужчины-1	Мужчины-2
Девушки	*18.4*	*1.5*	75.1	13.1						
Женщины-1	*27.5*	*2.7*	77.2	13.0	$p<0.05$					
Женщины-2	*43.0*	*5.1*	74.7	13.4	не значимы	не значимы				
Юноши	*18.9*	*1.2*	74.8	12.7	не значимы	не значимы	не значимы			
Мужчины-1	*30.3*	*4.0*	78.1	13.6	$p<0.001$	не значимы	не значимы	$p<0.01$		
Мужчины-2	47.6	6.0	70.6	12.1	$p<0.001$	$p<0.001$	$p<0.001$	$p<0.001$	$p<0.001$	

макиавеллистов на успех совсем не означает стремления к достижению цели *любой* ценой. Субъекты с высокими оценками по Мак-шкале предпочитают не нарушать правила, а обходить их. Испытуемые, набравшие низкий балл по шкале макиавеллизма, в повседневной жизни тоже нередко лгут, мошенничают и совершают другие неэтические поступки. Исследования показывают, что они стараются не проявлять инициативу в ситуациях, в которых цель можно достичь неэтичными средствами, но зато активно сотрудничают, если их поощряет к этому субъект с высоким уровнем макиавеллизма. Следовательно, их мотивация во многом определяется эмоциональным вовлечением в деятельность с партнером, а люди с высоким баллом по Мак-шкале руководствуются рациональными соображениями и заинтересованы в практических результатах своих действий (Wilson et al., 1996).

Во-вторых, по сравнению с первым периодом исчезли различия как между юношами и девушками, так и молодыми мужчинами и женщинами. Возможно (но пока не доказано), причина заключается в более активном, чем раньше, включении женщин в рыночные отношения, в конкуренцию с мужчинами. Кроме того, какую-то роль может играть также научно никак не обоснованная, но часто упоминающаяся в самых разнообразных источниках якобы возрастающая в современном обществе феминизация мужчин и маскулинизация женщин. Вместе с тем бесспорным фактом является то, что в некоторых западных исследованиях психологи тоже не обнаружили разницы в Мак-показателях испытуемых мужского и женского полов (Pinto, Kanekar, 1990).

Таким образом, полученные данные, во-первых, свидетельствуют о том, что во второй половине жизни макиавеллизм личности действительно уменьшается по сравнению с первой. Во-вторых, нет оснований для научно обоснованного заключения о более высоких оценках макиавеллизма в мужской популяции. Бывают обстоятельства, в которых поведенческие проявления макиавеллизма оказываются явно большими у женщин, чем у мужчин.

Необходимо особое внимание обратить на тот факт, что выявленное в исследованиях 2000—2005 гг. принципиальное отличие от данных испытуемых предыдущего периода ставит под сомнение достаточность простого указания на диапазоны высоких, средних и низких оценок по шкале макиавеллизма для мужчин и женщин *любого* возраста. Поскольку в западной литературе

научно обоснованные суждения по этому вопросу отсутствовали, то именно так я поступил при адаптации Мак-шкалы, анализируя результаты российских исследований 1997—1999 гг. (Знаков, 2001). Сегодня уже ясно, что должна быть разработана более детальная дифференциация среднеарифметических нормативных величин, учитывающая пол и возраст испытуемых.

***

Итак, русскоязычный вариант Мак-шкалы представляет собой достаточно надежный инструмент для выявления макиавеллистских установок и убеждений испытуемых. Применяя его, можно проводить исследования, направленные на выявление связи степени выраженности макиавеллизма личности испытуемого и характера понимания им ситуаций манипулятивного поведения. Одно из таких исследований описано ниже.

Эмпирическое исследование было направлено на выявление связи характера понимания манипулятивного поведения героини текстовой ситуации с такими личностными особенностями испытуемых, как макиавеллизм, смысложизненные ориентации, а также преобладающий тип коммуникативной направленности. Проверялась *гипотеза* о том, что испытуемые, неодинаковые по личностным свойствам, по-разному понимают ситуацию, в которой описано манипулирование одного человека другим. Те испытуемые, у которых высокие показатели по Мак-шкале, манипулятивной направленности в общении и низкие оценки по альтероцентрической направленности и общему показателю смысложизненных ориентаций, будут оправдывать и принимать поведение манипулятора; и наоборот.

Методика

Испытуемыми были студенты смоленских и самарских вузов гуманитарного и технического профиля — 145 женщин и 139 мужчин (в проведении эмпирического исследования принимала участие А.О. Руслина). Средний возраст участников M = 19.56, стандартное отклонение SD = 3.87.

Испытуемые заполняли Мак-шкалу, методику смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2000), опросник «Направленность личности в общении» (НЛО) (Братченко, 1997). Затем каждому из них предлагалось прочитать текст, в котором описывалось поведение женщины с ярко выраженным макиавеллистским типом личности:

«Кейт Блэкуэлл владела одной из самых могущественных компаний в мире. Она досталась ей после смерти отца, который вложил для процветания компании все свои силы. Наибольшее наслаждение Кейт получала от работы. Было нечто сверхъестественное в компании, основанной Джейми Мак-Грегором, — она стала живым всепоглощающим организмом, страстью Кейт. Она мечтала о том, что когда-нибудь все передаст сыну, ее Тони. Тони в детстве был послушным, милым, умным ребенком. Но к 20 годам он окончательно осознал, что не намеревается растрачивать свою жизнь на бесконечные сделки. В нем все больше крепло желание стать художником.

Как-то раз Тони с матерью вместе гуляли в саду их загородного дома.

— Когда-нибудь "Крюгер-Брент лимитед" станет твоей, Тони. Будешь руководить ею и...

— Н-но я н-не х-хочу этого, мама. Н-не интересуют м-меня ни власть, ни б-бизнес.

— Ты дурак набитый! — взорвалась Кейт. — Что ты знаешь о власти или о бизнесе! Думаешь, я ношусь по всему миру, сея зло? Мучаю людей? Считаешь "Крюгер-Брент" чем-то вроде безжалостной денежной машины, которая давит всех, кто попадется на пути? Так вот, позволь мне кое-что объяснить, сынок. Я, конечно, не Господь Бог, но что-то вроде. Мы спасаем жизни сотням тысяч людей. Когда в заброшенной нищей стране открываются фабрики, сразу появляются деньги на постройку школ, церквей и библиотек, а их дети получают еду, одежду и крышу над головой. И чтобы я больше никогда не слышала, как ты с презрением отзываешься о власти и большом бизнесе.

— П-прости, м-мама, — только и смог пробормотать Тони.

Но про себя упрямо повторил:

"Все равно стану художником".

И через два года поступил в чикагскую академию художеств.

<...>

Прошел год, Тони много учился и работал. Ему нравилась такая жизнь. Определенно, у него был талант. Вскоре Тони предложили выставить свои работы. До выставки оставались считанные дни, и вдруг позвонила Кейт. Она приехала впервые со дня их расставания год назад. Перед ее приходом Тони волновался как в детстве. Он сразу понял, что Кейт не понравилось его неустроенное жилище. Но увидев его картины, Кейт так искренне была восхищена ими, что даже не пыталась скрыть, как она гордится сыном.

На следующее утро она позвонила уже из аэропорта:

— Очень важно, чтобы выставку посетили нужные люди. Я поговорила кое с кем, определенного ответа не получила. Но как

бы то ни было, дорогой, я тобой горжусь. Твои работы великолепны, сынок. Я тебя очень люблю!
— И я т-тебя, мама.
<...>
В маленькой галерее, где были выставлены картины Тони, стоял гул голосов, слышалось звяканье стаканов, стук блюд. Неожиданно стало тихо. Глаза присутствующих были прикованы к двери. На пороге стоял сам Андре д'Юссо,— один из самых почитаемых во Франции художественных критиков, статья которого могла навеки уничтожить или возвеличить художника; позади теснилась обычная свита прихлебателей. Толпа почтительно расступилась. Здесь каждый знал, кто такой д'Юссо...
На следующее утро Тони побежал купить первый выпуск утренней газеты, только что поступившей в киоск. Тони выхватил газету из рук продавца, отыскал раздел, посвященный искусству, нашел рецензию Андре д'Юссо и, сам того не замечая, начал читать вслух:
"Выставка молодого американского художника Энтони Блэкуэлла открылась вчера вечером в "Галери Герг" и стала одним из источников жизненного опыта для вашего покорного слуги. Я видел много выставок талантливых художников и совсем забыл, как выглядят по-настоящему бездарные работы. И вот вчера мне довольно бесцеремонно напомнили..."
Лицо Тони посерело.
На следующий день Кейт, сидя в парижском офисе "Крюгер-Брент", выписывала чек. Мужчина, сидевший в кресле напротив, вздохнул:
— Какая жалость. У вашего сына большой талант, миссис Блэкуэлл. Он смог бы стать великим художником. Кейт холодно взглянула на собеседника:
— Месье Д'Юссо, в мире существуют десятки тысяч художников. Мой сын никогда не будет одним из таких.
После ухода Д'Юссо Кейт еще долго сидела за столом, обхватив голову руками. Она так любила сына! Если когда-нибудь тот узнает... Она понимала, чем рискует. Но нельзя же отойти в сторону и позволить Тони зря растратить жизнь! Чего бы ей ни стоило, но сына нужно защитить. И компанию "Крюгер-Брент"!
Кейт наконец поднялась, ощущая невыносимую усталость. Пора ехать за Тони. Она поможет сыну справиться с ударом, чтобы он смог продолжать дело, для которого был рожден. *Управлять компанией*» (Шелдон, 2002).

Просле прочтения текста испытуемым задавались вопросы о том, что для Кейт было самым важным в жизни; имеет ли она, по мнению испытуемого, право вмешиваться в судьбу сына,

считая, что действует ради его блага; как бы испытуемый повел себя на месте Кейт: стал бы препятствовать сыну в его желании стать художником; и другие.

При обработке ответов испытуемых на вопросы к текстовой ситуации был использован метод контент-анализа. Схема контент-анализа включала 4 блока категорий: макиавеллистские личностные характеристики, макиавеллистский стиль взаимодействия; немакиавеллистские личностные характеристики, немакиавеллистский стиль взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

Психологический анализ понимания ситуации манипулятивного поведения осуществлялся в двух встречных направлениях. Во-первых, определялось, какими чертами личности обладают испытуемые, одобряющие макиавеллистский образ мыслей и поступки героини, и какими — неодобряющие. Во-вторых, чем отличались суждения испытуемых с высокими и низкими оценками по Мак-шкале.

По результатам контент-анализа для каждого испытуемого были подсчитаны суммарные индексы разницы между количеством макиавеллистских и немакиавеллистских суждений о событиях текста. После этого для большей наглядности были отобраны данные испытуемых, попавших в нижний и верхний квартили распределения. По критериям Колмогорова–Смирнова и Манна–Уитни подсчитывалась достоверность различий между личностными характеристиками двух групп испытуемых, которые сопоставлялись с их суждениями о содержании текстовой ситуации. «Нижняя» группа — 73 испытуемых с преобладанием немакиавеллистских высказываний, а «верхняя» — 79 с большим числом макиавеллистских суждений, оправдывающих образ мыслей и поведение героини. У «нижних» меньше оценки по Мак-шкале ($M = 76.5$ и $M = 80.7$, $p < 0.02$) и манипулятивная направленность в общении по методике НЛО ($M = 5.57$ и $M = 6.35$, $p < 0.01$), зато большие показатели коммуникативной направленности ($M = 4.18$ и $M = 3.24$, $p < 0.05$).

Для 73 испытуемых первой группы характерно неодобрение мировоззрения и качеств личности героини: «Кейт — самая настоящая эгоистка, холодная и расчетливая»; «Женщина, которая для достижения своей цели готова сделать все, даже пожертвовать счастьем ее сына»; «Этакая бизнес-вумен нового поколения, которую интересует исключительно ее работа и все, что с ней

связано. Для нее — мир, жизнь, любовь носит одно имя. И это имя — ее работа. Властность, требовательность, способность перешагнуть через мнение и желания других людей даже очень ей близких — вот ее основные качества»; «Хладнокровная, целеустремленная, сметающая на своем пути все, чтобы достичь цели»; «Кейт — человек, привыкший к бесчувственной манипуляции и уже не представляющая себе иного способа существования и общения».

79 испытуемых второй группы, отвечая на вопросы, наоборот, положительно оценивали личность Кейт: «Талантливый предприниматель, достойная уважения мать»; «Умная, самоуверенная, интересная женщина. И любящая, заботливая мать. Она желает добра своему единственному сыну». Представителей этой группы в Кейт привлекает ее целеустремленность и умение добиваться цели во что бы то ни стало. При этом они оправдывают ее поведение и средства достижения успеха: «Молодец, добилась своего».

Таким образом, высокая степень выраженности макиавеллизма личности, не коммуникативная, а манипулятивная направленность в общении неразрывно связаны с таким пониманием манипулятивного поведения, которое основано на безоговорочном принятии обращения с другим человеком как с бездушной вещью, превращения его в объект манипуляций.

«Обратный» способ анализа данных, т.е. сравнение результатов 79 испытуемых из нижнего квартиля оценок по Мак-шкале и 78 из верхнего только уточняют нарисованную выше картину.

Оценки по Мак-шкале отрицательно связаны с общим показателем по методике смысложизненных ориентаций: $r = -0.33$. Соответственно у немакиавеллистов выше оценки по СЖО ($M = 106.5$ и $M = 98.0$, $p < 0.05$). Также выше у них показатели альтероцентрической направленности в общении по НЛО ($M = 4.32$ и $M = 2.71$, $p < 0.001$). Иначе говоря, эти испытуемые ориентируются на интересы, цели и потребности собеседника (иногда даже в ущерб себе), они стремятся понять запросы другого и, по возможности, их удовлетворить.

Что же касается содержательного анализа высказываний, то он мало чем отличается от приведенного выше: испытуемые, оправдывающие манипулятивное поведение, характеризуются высокими оценками по Мак-шкале. Например, двадцатилетняя студентка с оценкой 88 говорит: «Кейт — манипулятор, очаро-

вательная, красивая, целеустремленная, решительная натура. Умница, а с сыном вышла промашка, у кого не бывает. Она делала то, что ей было нужно. Почему мужчина, Тони, не смог осуществить свои планы? Это его проблемы». Юноша с низким макиавеллизмом (63) не одобряет Кейт: «Карьеристка». Испытуемые, неодобрительно относящиеся к манипулятивному поведению, говорят о своих симпатиях к Тони: «Тони — у меня к нему жалость! Его не понимает собственная мать, она не слышит его, потому что зациклилась на своей компании. У нее, может быть, есть какие-то планы, которые она боится не осуществить». Это типичное высказывание человека, имеющего высокий балл (10) по шкале «Альтероцентричность».

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что специфика понимания непосредственно связана со свойствами личности понимающего субъекта. Манипулятивное поведение оправдывают испытуемые с манипулятивной направленностью в общении, высоким уровнем макиавеллизма, низкими показателями осмысленности жизни и альтероцентричности.

***

Проведенное исследование является только одним из возможных. Обсуждавшаяся в этом разделе проблема манипуляции человека партнером, отчуждения от него его субъектной сущности тесно связана не только с описанными свойствами личности и манипулятивными приемами. Проблема различного понимания манипулятивного поведения субъектами с неодинаковыми психологическими особенностями личности и нравственного сознания особенно остро стоит в ситуациях морального выбора. Немало таких ситуаций возникает в медицинской практике и биоэтике.

5.4. Понимание субъектом ситуации экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или эвтаназия

Понятие «экзистенция» (существование), образованное от латинского корня exsistere, в переводе с английского буквально означает «не сдаваться, подниматься на борьбу» (Мэй, 2004, с. 51).

Психологи обычно употребляют этот термин тогда, когда они стремятся исследовать человека не как совокупность устойчивых личностных черт и моделей, а как динамические процессы его формирования и развития как *существующего*. Существующего — значит, человека, обладающего активной субъектной сущностью. Такой человек ежедневно делает жизненно важные экзистенциальные выборы (поступать в институт или пойти работать, разорвать или нет отношения с другом, совершившим неблаговидный поступок, и т.п.) и принимает на себя ответственность за них, основанную на его представлениях о должном. С позиции психологии человеческого бытия (у ее истоков стояли, в частности, В. Франкл и С.Л. Рубинштейн) осознание необходимости придерживаться в своем поведении морально, социально и юридически должного, т.е. определенных норм, является необходимым психологическим условием становления субъекта (Субъект.., 2005). Морально-нравственный императив, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим, непосредственно влияет на ежедневно принимаемые им решения, экзистенциальные выборы.

Экзистенциальный выбор, основанный на осознанном моральном долженствовании, вместе с тем требует от субъекта и плохо поддающейся осознанию и вербализации актуализации глубинных ценностно-смысловых образований его личности. Такой экзистенциальный акт нельзя представить как рассудочный перебор вариантов, потому что «подлинная ситуация выбора, в которой сошлись несколько жизненно существенных альтернатив, принципиально неподвластна рассудочному вычислению и вообще принципиально неразрешима в той самой горизонтальной плоскости жизни, где она возникла и проявилась. Для осуществления выбора необходим переход сознания в другое измерение, в другую — вертикальную — плоскость. В чем отличие "вертикальных" ценностных движений сознания от "горизонтальных"? Прежде всего в том, что своими основными результатами горизонтальная работа сознания обязана режиму активного сознавания, а вертикальная — режиму функционирования сознания, называемому переживанием» (Василюк, 1997, с. 303).

Экзистенциальный выбор приобретает особую значимость, когда субъект вынужден действовать и понимать ситуации, имеющие фундаментальное значение для каждого человека,

например, размышлять о жизни и смерти. Понимание неизбежности собственной смерти — одна из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия. В теории управления страхом смерти (Harmon-Jones et al., 1997) утверждается, что подчинение культурным стандартам и ценностям предохраняет субъекта от чувства тревоги, возникающего вследствие понимания собственной уязвимости и смертности. Принятие общечеловеческих ценностей позволяет ему почувствовать себя необходимым, хотя и небольшим, но, безусловно, ценным участком огромной Вселенной. Сторонники этой теории полагают, что стремление к самоуважению, а также вера в «культурный мировой взгляд» (достигаемая путем осознания себя частью цивилизации, оправдания смысла своего существования посредством соблюдения общечеловеческих норм и ценностей) — это два важных средства, помогающих субъекту справиться с тревогой, связанной с мыслями о будущей смерти.

Согласно теории управления страхом, понимание неизбежной конечности индивидуального бытия «запускает» в действие двойной механизм защиты от мыслей, связанных со смертью, — периферическую (отдаленную) защиту и проксимальную (ближайшую). Та или иная тактика защиты используется, чтобы справиться с осознаваемыми и неосознаваемыми аспектами человеческой смертности. Так, от *осознаваемого* понимания неизбежности смерти человек защищается с помощью рациональных защитных механизмов. Их суть состоит в том, что люди стараются отвлечься от мыслей, связанных со смертью, используют познавательные искажения, отодвигают размышления о смерти в отдаленное будущее, отрицают свою уязвимость чем-то, что может угрожать жизни. А поиски самоуважения и вера в «мировой культурный взгляд», напротив, необходимы для защиты от *неосознаваемых* знаний о неизбежности смерти. Теория двойного процесса защиты от тревоги, связанной со смертью, утверждает, что проксимальная защита активизируется у нас тогда, когда мы думаем о своей смерти, когда такие мысли отчетливо осознаваемы. Однако как только эти размышления прекращаются, а мысли отодвигаются на задний план сознания, проксимальная защита больше не нужна. Главную роль начинает играть периферическая защита, предназначенная для того, чтобы препятствовать актуализации неосознаваемого знания о неизбежности смерти (Greenberg et al., 2000).

С позиций психологии человеческого бытия (Субъект.., 2005) жизнь и смерть взаимозависимы: раздумья о смерти могут как обогащать жизнь человека, изменять мировосприятие, обострять интерес к жизни, так и приводить к унынию и упадку духа. Как отмечает А.А. Баканова, «столкновение со смертью как критическая ситуация является по своей сути амбивалентной: с одной стороны, она может оказать разрушительное действие на личность (выразиться в усилившемся страхе смерти), а с другой — придать жизни смысл, сделать ее более полной и содержательной» (Баканова, 2000, с. 10). Например, осознание реальной возможности своей смерти может способствовать осознанию того, что жизнь только для себя бесполезна и бессмысленна, а настоящий смысл жизни — в открытости человека миру и другим людям. «В результате конфронтации со смертью смысл жизни подвергается определенному пересмотру и переоценке. В этой ситуации можно ожидать актуализации ценностей, являющихся ключевыми при поисках смысла жизни: самотрансценденции, самоактуализации и творчества (и отчасти гедонизма, связанного с "процессуальным" смыслом жизни)» (Попогребский, 1997, с. 197—198).

Серьезной экзистенциальной проблемой для любого человека является ситуация смертельного заболевания, например онкологического. «Специфика заболеваний, угрожающих жизни, заключается в том, что они воздействуют на психику как "невидимый", информационный стрессор, отражающий угрозу для жизни в эмоционально-когнитивных структурах, содержащих информацию о болезни. Поэтому восприятие и совладание с последствиями заболевания в большей степени осуществляется посредством когнитивной переработки. Исследования показывают, что когнитивные факторы оказывают значимое влияние не только на качество жизни онкологических больных (способны усугублять и хронифицировать негативное психологическое состояние), но и на прогноз заболевания. Негативные когнитивные схемы и убеждения также связаны с возникновением депрессивной симптоматики, играют роль в формировании психопатологических и посттравматических нарушений» (Ворона, 2005, с. 8).

Если же заболевание сопровождается периодическими сильными болями, то жизненная ситуация превращается для больного в критическую. В подобной ситуации человек оказывается перед такими экзистенциальными проблемами, как необходи-

мость принятия смерти, переосмысление жизни, принятие ответственности за свершенное и то, что он еще обязан успеть сделать. Все эти проблемы связаны с ответом на главный вопрос: есть ли смысл стремиться хотя бы ненадолго продлить жизнь, преодолевая страдания? Люди неодинаково могут относиться к ситуации, к примеру, онкологического заболевания. Она может восприниматься либо как возможность личностного роста и развития, либо как бессмысленное страдание, продлевать которое не имеет смысла. Соответственно, в этих двух случаях человек по-разному решает вопрос о допустимости эвтаназии.

В переводе с греческого языка термин «эвтаназия» означает «хорошую, благую» смерть. Различают две ее основные формы: пассивную и активную. Пассивной эвтаназией называется отказ начинать жизнеподдерживающую терапию или ее прекращение (выключение аппарата искусственного кровообращения или искусственной вентиляции легких; выписка неизлечимо больного пациента домой и т.п.). Активная эвтаназия — это безболезненное умерщвление врачом безнадежно больного пациента. Активная эвтаназия, в свою очередь, подразделяется на три вида: убийство из сострадания к пациенту (осуществляется без учета мнения больного, как правило, когда он не может выразить своего согласия, находясь в коматозном состоянии); умерщвление пациента по его просьбе; самоубийство при помощи врача (врач дает смертельное средство в руки больного).

Проблема эвтаназии является одной из самых острых и неоднозначных проблем биоэтики, причем в большей степени моральной, чем медицинской. Дело осложняется тем, что принятие врачом решения об отказе в применении медицинских препаратов, поддерживающих жизнь безнадежно больного, может включать в себя элементы обмана или самообмана (Sayers, Perera, 2002). Первый проявляется тогда, когда врач, осознавая незаконность эвтаназии, вынужден найти для окружающих правдоподобное объяснение своего поступка. Самообман имеет место, в частности, в тех случаях, когда у врача наблюдается внутренний конфликт, выражающийся в отказе приравнять прекращение поддерживающей жизнь терапии к намеренным действиям, вызывающим смерть пациента. Самообман мотивирован желаниями или опасениями доктора, он может служить цели уменьшить его беспокойство, связанное с нежеланием стать одной из главных причин смерти больного.

Наиболее распространенная форма самообманного убеждения основана на вере в то, что мотив поступка совсем не тот, каким он реально является. Мотив, приписываемый себе субъектом, обычно более благороден, чем реальный повод деяния. Например, доктор говорит, что он дал смертельную дозу больному потому, что он хотел прекратить его мучения. Однако истинная причина эвтаназии может заключаться в подсознательном стремлении врача избавиться от измучавшего его пациента.

В монографии А. Барнес описываются четыре условия, которые в совокупности являются основой для самообмана, проявляющегося в решениях врачей об отказе от поддерживающей жизнь терапии.

1. У доктора есть беспокоящее его опасение не стать причиной смерти пациента. Оно побуждает врача полагать, что смерть пациента не преднамеренна, а также верить в то, что существует что-то еще, что способствует формированию интенции к прекращению поддерживающей терапии.
2. Подлинная причина неверия врача в эффективность продолжения лечения заключается в его стремлении уменьшить беспокойство в связи с тем, что смерть пациента окажется преднамеренной.
3. Доктор сознательно не предубежден или эмоционально пристрастен.
4. Доктор не осознает, что тревожное опасение не стать причиной смерти больного играет значительную роль в возникновении у него веры в то, что он только не хочет осуществлять неэффективное лечение.

О самообмане при принятии решений можно говорить только в тех случаях, когда имеют место все четыре условия (Barnes, 1997, p. 124).

Из научной литературы, посвященной проблеме эвтаназии, следует, что в общем и целом врачи и юристы пока не имеют однозначного мнения по вопросу о медицинской, юридической и этической оправданности прерывания жизни безнадежно больных людей. Впрочем, этого нельзя сказать о нашем государстве с его исторически сложившейся любовью ко всяческим запретам. Как отмечают С.В. Быкова, Б.Г. Юдин и Л.В. Ясная, «в отечественных пособиях по медицинской деонтологии эвтаназия расценивается резко отрицательно, а законодательство запре-

щает подобную практику» (Биоэтика..,1998, с. 366). У нас в стране на эту тему выполнены единичные социологические опросы, а серьезных психологических исследований, насколько мне известно, вообще нет. Опрос, проведенный несколько лет назад среди 316 московских врачей, выявил, что около 35% из них «считают, что, вопреки официально провозглашенным юридическим и этическим нормам, эвтаназия в каких-то ситуациях допустима» (там же, с. 367). При этом было обнаружено, что согласны с необходимостью применения эвтаназии чаще молодые врачи в возрасте 21 – 30 лет, а в более старших возрастных категориях (41 – 50 и 51 – 65 лет) доля считающих эвтаназию этически оправданной убывает. Если же российские врачи все-таки приходят к заключению о необходимости отказаться от эвтаназии, то их решения о применении интенсивной поддерживающей жизнь терапии оказываются более авторитарными и в меньшей степени зависимыми от желаний больных, чем у их западных коллег. Об этом свидетельствуют результаты кросскультурного исследования, проведенного в немецких городах Росток и Необранденбург, шведском Умеа и русском Архангельске (Richter J., Eisemann M., Zgonnikova, 2001).

В 2002 – 2004 гг. было проведено психологическое исследование, в котором в качестве примеров ситуации экзистенциального выбора использовались краткие описания ситуаций убийства из сострадания и активной эвтаназии по просьбе пациента.

Основная *цель* эмпирического исследования заключалась в нахождении связи между мировоззренческими установками и личностными свойствами людей и спецификой понимания ими ситуаций, включающих эвтаназию. В исследовании проверялись две *гипотезы*. Первая заключалась в том, что испытуемые, верящие в Бога, в меньшей степени согласны с применением эвтаназии, чем неверующие. Вторая гипотеза — люди с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысложизненных ориентаций.

Методика

Исследование проводилось в Москве на 240 испытуемых (142 женщины и 98 мужчин) в возрасте от 17 до 66 лет (в проведении экспериментов принимала участие Е.В. Шабанова). Средний возраст участников M = 29.9, стандартное отклонение SD = 12.5.

Сначала они заполняли два опросника: Мак-шкалу (Знаков, 2001) и методику смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2000). Затем каждый из испытуемых по 7-балльной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») должен был выразить степень своего согласия с тремя утверждениями.

1. Я верю, что Бог существует. (По предельно кратким ответам людей о степени их веры в существование Бога, разумеется, нельзя судить об их мировоззрении и глубине религиозных чувств. Однако задавать такой прямой «лобовой» вопрос меня побуждали, во-первых, конкретные цели исследования, не направленные на выявление меры индивидуальной религиозности испытуемых; во-вторых, отсутствие адекватных методик изучения последней.)
2. Если пациент неизлечимо болен и испытывает непереносимые боли, то врач может принять решение ввести ему смертельную дозу лекарства.
3. Если бы я был неизлечимо болен и постоянно испытывал сильные боли, то я скорее предпочел бы умереть (попросил бы врача ввести смертельную дозу лекарства), нежели продолжать жить.

Результаты исследования

В результатах ответов испытуемых на вопросы об эвтаназии не было обнаружено ни половых, ни возрастных различий (63 испытуемых из нижнего квартиля распределения, M = 19 лет, и 60 — из верхнего, M = 49 лет). Статистический анализ различий проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова – Смирнова и Манна – Уитни.

Следующим шагом анализа данных было сравнение результатов испытуемых с разной степенью уверенности убежденных в существовании или отсутствии Бога. Интересно, что в первую группу («согласных») попали 188 человек, а во вторую («несогласных») — только 29 (остальные 23 испытуемые не смогли хотя бы с малой степенью определенности ответить на этот вопрос).

Верующие люди в меньшей степени согласны с эвтаназией применительно к себе, чем неверующие ($M = 4.0$ и $M = 4.8$, $p < 0.03$). И обратная картина: испытуемые, не согласные с применением эвтаназии в отношении себя, в большей степени верят в Бога, чем те, кто согласен ($M = 5.8$ и $M = 5.2$, $p < 0.001$). В отношении других людей то же: они скорее не согласны, чем согласны, с утверждением, содержащимся в вопросе № 19 Мак-шкалы: «Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия» ($M = 3.9$ и $M = 4.6$, $p < 0.03$). Однако значимых различий в вопросе о принятии решения самим врачом обнаружено не было.

Эти данные частично подтверждают первую гипотезу: верующие люди в меньшей степени согласны с применением эвтаназии, поскольку для них такой уход из жизни считается неправедным и недопустимым. Качественный анализ суждений испытуемых показывает, что многие верующие говорят о том, что такая смерть — «это грех большой», «это может решать только Бог», «человек должен терпеть все, что пошлет ему Бог», и т.д. Приведу типичное высказывание: «Если Бог дал тебе что-то, что ты должен пройти и вытерпеть, то ты должен с этим смириться и пережить это. Можно облегчить страдания, но жизнь отбирать никто не вправе».

Таким образом, можно заключить, что верующие люди в ситуациях экзистенциального выбора, связанных с жизнью и смертью человека, склонны опираться на принципы религиозной морали, предоставляя как само решение вопроса, так и ответственность за него некоему трансцендентному существу, которое, как они считают, управляет их жизнью.

Вторая гипотеза была направлена на выявление связей личностных характеристик испытуемых с индивидуальными различиями в понимании ими ситуации эвтаназии.

Сравнение 63 испытуемых из нижнего квартиля распределения оценок по Мак-шкале ($M = 59.1$) и 64 — из верхнего ($M = 88.7$) показало следующее. У тех, у кого уровень макиавеллизма ниже, значимо более высокие оценки общего показателя смысложизненных ориентаций ($M = 112.2$ и $M = 98.8$, $p < 0.01$). У них также выше средние значения «Локуса контроля Я» ($M = 22.7$ и $M = 19.9$, $p < 0.01$). Эти испытуемые в меньшей степени согласны с применением эвтаназии в отношении других людей, когда решение об этом принимает врач ($M = 2.8$ и $M = 3.5$, $p < 0.05$). Они также менее согласны с применением эвтаназии по отношению к себе, чем люди с высоким уровнем макиавеллизма ($M = 4.2$ и $M = 4.9$, $p < 0.02$). В то же время последние более согласны с утверждением из вопроса № 19 Мак-шкалы: «Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия», чем испытуемые с низкими показателями по макиавеллизму ($M = 5.0$ и $M = 3.7$, $p < 0.001$).

Следовательно, люди с более высоким уровнем макиавеллизма в большей степени согласны на манипуляцию как чужой, так и своей жизнью, чем люди с низкими показателями по Мак-шкале. Они понимают ситуацию эвтаназии как этически более оправданную, чем люди с меньшим уровнем макиавеллизма.

Объясняя причины положительного отношения к утверждению № 2, участники исследования говорят: «Жестоко смотреть на мучения человека. Нужно помочь ему» (женщина, 32 года); «Убив смертельно больного человека, поступаешь гуманно. Это лучше, чем дать ему жить и мучиться каждый день, ожидая своей кончины» (мужчина, 22 года).

Следовательно, гипотеза о том, что испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысложизненных ориентаций, полностью подтверждается результатами эмпирического исследования.

Обсуждение результатов

Исследование показало, что в вопросе о применении эвтаназии макиавеллисты игнорируют мнение самого больного. Обосновывая такое понимание ситуации благими намерениями, они рассматривают ее исключительно со своей точки зрения и не принимают в расчет мнение больного. Обосновывая гуманными мотивами не только допустимость, но и моральную оправданность манипуляции жизнью больного, они фактически перестают видеть в нем субъекта. Субъекта, который, возможно, понимает ситуацию иначе, но вследствие слабости здоровья не в силах сказать об этом. Вероятно, основная причина такого понимания ситуации эвтаназии заключается в том, что люди с высоким уровнем макиавеллизма в общении ориентируются не на собеседника, а на себя. При принятии решений эти испытуемые нередко игнорируют мнения других. Видимо, поэтому они соглашаются на манипуляцию чужой жизнью. Таково рациональное объяснение возможных причин положительного ответа на вопрос № 2 испытуемыми с высоким уровнем макиавеллизма личности.

Труднее объяснить, почему макиавеллисты, склонные к самостоятельному принятию решений и оценивающие себя как субъектов собственной жизни, согласны на применение эвтаназии также и по отношению к себе. Иначе говоря, почему они проявляют готовность стать объектом манипулятивных действий со стороны медицинского персонала. Психологический анализ ответа на этот вопрос требует как когнитивных способов объяснений, так и обращения к экзистенциальной плоскости жизни

людей, рассмотрения проблемы с позиций психологии человеческого бытия.

Экзистенциально важное и непростое для каждого человека решение о прекращении своего бытия в мире невозможно без размышлений о ценностях жизни и смерти. В процессе рассуждений осуществляется соотнесение представлений субъекта о значимости неповторимой, уникальной собственной личности и препятствующей ее дальнейшему развитию и существованию «бренной телесной оболочки». Подобные размышления направлены на отчуждение субъекта от своего страдающего тела, это попытки взглянуть на него с разных сторон и ролевых позиций. Отчуждение неизбежно еще и потому, что топология субъекта не совпадает с эмпирическими границами его тела, а само понятие «субъект» иногда трактуется как то, что рождается на границе индивидуального опыта и «иного», чужого содержания социальных ситуаций (Тхостов, 1994).

В качестве возможного теоретического объяснения полученных в моем исследовании эмпирических данных целесообразно использовать представления У. Найссера о пятикомпонентной структуре Я-концепции (Neisser, 1988, 1993). По Найссеру, разнообразие мира, в котором живут люди, отражается во взаимосвязанных компонентах их Я-концепций. В фокусе самоанализа неизлечимо больного пациента оказываются, прежде всего, его «экологическое Я» и «субъективное Я» (the private self). Под экологическим Я Найссер имеет в виду конкретного человека, естественно, обладающего телом, находящегося в конкретном месте и вовлеченного в определенную деятельность. Понятие экологического Я включает не только тело, но и, в частности, одежду человека, однако только ту, в которую он в данный момент одет. Принадлежащий субъекту, но висящий в шкафу или находящийся в химчистке пиджак не имеет прямого отношения к экологическому Я. Субъективное Я отражает тот очевидный факт, что каждый из нас имеет личный опыт, который недоступен кому-то другому (к нему относятся, например, сны). Опыт включает также телесные ощущения, переживания и субъективную оценку поступков — собственных и других людей (Neisser, 1988).

Экологическое и субъективное Я имеют самое непосредственное отношение к внутренней картине болезни. В частности, как показано в диссертации О.А. Вороны, у женщин, прооперированных в связи с раком молочной железы, под влиянием бо-

лезни снижается самооценка, ощущение ценности, значимости собственного Я и, наоборот, нарастает убеждение в собственной неудачливости, неспособности контролировать происходящие с ними события (Ворона, 2005). Выявленные в описанном выше исследовании личностные характеристики испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма очень сходны с онкологическими больными. Низкие значения показателей смысложизненных ориентаций и локуса контроля Я свидетельствуют о неверии человека в себя, неспособности контролировать происходящее с ним, а также строить жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле (Леонтьев, 2000).

Еще одним компонентом Я-концепции является «межличностное Я». Говоря о межличностном Я, психологи имеют в виду того же субъекта, изучаемого с другой точки зрения, включенного в общение лицом к лицу с другими. Если экологическое Я относится к физической среде, то межличностное Я соотносимо с социальными взаимодействиями. Мы видим себя одновременно и объектом внимания другого человека, и создателем взаимодействия. Мы непосредственно воспринимаем чувства других, так как из опыта знаем, что существует соответствие между испытываемыми чувствами и их выражением (Neisser, 1993).

Медико-психологические исследования показывают, что у неизлечимо больных людей с выраженными признаками посттравматического стресса межличностное Я изменяется. Их базисные убеждения о мире приобретают негативный оттенок: окружающих людей они считают враждебными, недоброжелательными, опасными и недостойными доверия (Ворона, 2005). Следовательно, у таких больных начинает проявляться сходство с типичными экзистенциальными установками, жизненными принципами макиавеллистов. Макиавеллизм как личностная характеристика в целом отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей. Высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с подозрительностью, враждебностью, экстернальностью (Знаков, 2001).

На основании описанных выше фактов и рассуждений, по-моему, весьма правдоподобно заключение о том, что «базисные убеждения» (Падун, Тарабрина, 2004) и личностные особенности субъектов с высоким уровнем макиавеллизма личности способствуют такому пониманию ими обсуждаемой ситуации,

в соответствии с которым они готовы на эвтаназию применительно к себе. В результате понимания ситуации они могут спрогнозировать ощущение собственной беспомощности, неспособности влиять на положительное развитие событий, мнимой (а в некоторых случаях и действительной) недоброжелательности родных и близких, враждебности медицинского персонала и т.п. Вследствие этого они принимают «логичное» решение об эвтаназии по отношению к себе

Разумеется, приведенное мной объяснение не может быть единственным и абсолютно верным — нужны дальнейшие психологические исследования.

Проведенное исследование имело пилотажный характер. Его основная цель заключалась не в получении окончательных ответов на поставленные вопросы, а в выявлении перспективных направлений психологического анализа понимания комплекса проблем, связанных с эвтаназией. Эти проблемы определяют главные направления будущих исследований.

Одно направление психологических исследований эвтаназии очевидно: сравнение мнений неспециалистов с мнениями разных групп врачей. Суждения докторов об эвтаназии формируются на основе множества факторов, которые еще предстоит изучить. Например, молодые врачи, а также те, кто чаще имеет дело с безнадежно больными пациентами, терпимее относятся к возможности безболезненной добровольной смерти. Упоминавшийся выше опрос показал, что более толерантно к эвтаназии относятся те врачи-специалисты, которые ближе всех находятся к тяжелобольным пациентам и чаще других вынуждены принимать ответственные решения об их судьбе: «Чем ближе врачи к "изголовью постели" больного и чем чаще (в силу места работы, занимаемой должности или медицинской специализации) им приходится иметь дело с пациентами, чье состояние критическое, тем более терпимы они в отношении эвтаназии» (Биоэтика..,1998, с. 370). А количество факторов, влияющих на формирование точек зрения на эвтаназию у неспециалистов, различающихся по мировоззренческим установкам, личностным, профессиональным и другим качествам, просто не поддается описанию. Все это свидетельствует о большом потенциале будущих психологических исследований.

Другое перспективное направление психологического анализа понимания ситуации эвтаназии — выявление личностных

и половых различий участвующих в ней врачей и пациентов. Я исследовал только макиавеллизм личности и смысложизненные ориентации испытуемых. Вместе с тем на формирование решения об эвтаназии, по-видимому, влияет склонность субъекта к принятию на себя ответственности в разных жизненных обстоятельствах, проявляющаяся в соотношении интернальных и экстернальных качеств его личности (Gable, Dangello, 1994). Как было показано выше, значимым компонентом понимания ситуации эвтаназии может оказаться самообман — он тоже должен стать предметом психологического анализа. Не менее важными могут оказаться навыки рефлексивного самоанализа субъекта, а также преимущественно когнитивная, конкретно-ситуативная, или экзистенциальная, бытийная направленность его самопонимания.

В настоящее время в психологической литературе накоплено немало данных о половых различиях понимания вопросов, имеющих непосредственное отношение к эвтаназии. Например, в ситуациях, когда больному необходимо сообщить неблагоприятный диагноз, женщины-врачи с большей вероятностью, чем мужчины, соглашаются с тем, что правда должна быть сказана, они не склонны соглашаться с ложью (Robinson et al., 1998). В целом результаты психологических исследований выявили тенденцию, в соответствии с которой женщины, как правило, получают более высокие оценки по методикам, выявляющим приверженность этическим нормам и социальной ответственности, чем мужчины (Burton, Hegarty, 1999).

Один из аргументов, приводимых в защиту эвтаназии, называется «экономическим»: средства и усилия, направленные на спасение безнадежно больных пациентов, могут быть использованы с большей пользой. Очевидно, что «экономический» аргумент с моральной точки зрения недопустим. Такой подход к человеку как объекту манипуляции имел печальный пример в истории человечества, когда нацисты проводили программы «оздоровления нации». Кроме того, по данным специалистов, средства, затрачиваемые на умирающих больных, не столь велики, как предполагают сторонники «экономического» аргумента.

Учитывая, что в здравоохранении работает значительное число женщин, небезынтересными представляются психологические исследования половых различий в готовности к принятию ответственности. В одном из них было обнаружено, что женщины,

входящие в члены правления компаний, менее экономичны в управлении и более ориентированы на действия по собственному усмотрению, чем мужчины. При выборе организационных воздействий они оценивали социальную ответственность как более важную, чем экономическую. Женщины демонстрируют большее внимание к неэкономическим типам ответственности, чем мужчины: у них показатели социального и морального долга перед окружающими их людьми оказываются выше, чем ответственность за экономическую выгоду предприятия (Burton, Hegarty, 1999). Эти данные позволяют предположить, что врачи женского и мужского пола вряд ли одинаково будут восприимчивы к «экономическому» аргументу.

Наконец, третье направление связано с психологией субъекта, принимающего сознательное решение о жизни или смерти. Таким субъектам может оказаться и врач, и больной, поэтому изучение различных субъектных источников активности принятия решений мне представляется интересным и научно значимым. Прежде всего это относится к лечащим врачам. В настоящее время в медицине многих стран, в том числе России, применяется так называемый патерналистский подход к пациенту. В медицине сложилась традиция, согласно которой именно врач определяет, что будет благом для пациента. Медицинский патернализм оправдывает действия врача, который при лечении руководствуется своими представлениями о том, что является для пациента полезным, а что может навредить. Это касается и лечения, и информирования, и консультирования. Позиция патернализма, в частности, оправдывает принуждение пациентов и утаивание от них информации. Доктор, придерживающийся патерналистских взглядов, рассматривает больного не как равноправного субъекта, а как объект, бездушную вещь, которой он профессионально манипулирует.

Однако и у безнадежно больного субъектная сущность его человеческой натуры тоже может ярко проявляться в четком осознании приемлемости или, наоборот, недопустимости эвтаназии по отношению к нему. Субъектные качества пациента имеют особое значение в тех странах, где эвтаназия разрешена законом. Например, в клиниках многих штатов США за находящимися в здравом рассудке взрослыми больными законодательно закреплено право требовать любых форм медицинского лечения или отказываться от них. Соглашаться с лечением или отказываться

от него — неотъемлемое право субъекта, принявшего решение о том, предстоит ему жить или умереть.

Проблема управления жизнью человека, превращающегося из субъекта в объект манипулирования, сегодня актуальна не только в контексте анализа религиозного сознания и межличностного общения в медицинской практике. «Субъектом», манипулирующим сознанием своих граждан, может быть и государство, вольно или невольно превращающее людей в бездушные винтики огромной машины — машины подавления. В условиях жизни в переходном обществе, к которому можно отнести и нашу страну, распространенными способами антисубъектного принуждения людей оказываются различные формы искажения информации — неправда, ложь, обман и др. Все они требуют тщательного исследования и психологического анализа.

5.5. Понимание обмана в малом бизнесе интерналами и экстерналами

Сегодня мало кто сомневается в актуальности психологических исследований обмана: слишком часто мы сталкиваемся с ним в жизни. Особенно явно обман проявляется в сфере товарно-денежных отношений между нашими соотечественниками. Для российских психологов проблема обмана является новой, публикации на эту тему пока можно пересчитать по пальцам. Между тем в западной психологии исследованию лжи и обмана в различных областях человеческой деятельности посвящены солидные монографии (Bok, 1979; Ekman, 1985). В основательных трудах наших зарубежных коллег удивительно мало места уделено анализу сходства и различия в содержании и объеме понятий лжи и обмана, но некоторые из них все же пытаются это сделать.

В частности, С. Бок считает обман широкой категорией, включающей ложь. Ко лжи она относит такие намеренно вводящие собеседника в заблуждение утверждения, которые делаются устно или письменно. Обмануть же можно посредством жеста, кода Морзе, знаков языка (Bok, 1979). Аналогичные взгляды на проблему высказывают Р. Хоппер и Р.А. Белл (Hopper, Bell, 1984), подчеркивающие, что обман нельзя сводить только к лож-

ным вербальным утверждениям — он не ограничен словесным выражением. Эти исследователи полагают, что в действительности обман чаще основывается на игре определенной роли, чем на конкретном противоречащем фактам утверждении. Так, нерадивый студент играет роль усердного, чтобы на экзамене произвести впечатление на профессора. Следовательно, не все обманщики — лжецы (Hopper, Bell, 1984).

Исследования упомянутых авторов, безусловно, конструктивны и интересны. Однако, по моему мнению, приводимые в них описания психологической сути лжи и обмана недостаточно определенны: из этих работ нельзя сделать однозначных выводов о специфике целей лгуна и обманщика, а также о количестве и качестве достоверных сведений, сообщаемых ими вводимому в заблуждение человеку. Я уже сделал такие выводы и кратко повторю их ниже. На интенциональном уровне (намерений лгунов и обманщиков), а также на процессуальном (степени невольной вовлеченности в ложь и обман вводимого в заблуждение человека) различение указанных психологических феноменов не составляет особого труда.

В более сложную ситуацию психологи попадают при сравнительном анализе результатов лжи и обмана. Сложность в значительной степени обусловлена языковыми проблемами: обычно мы называем человека обманутым тогда, когда он стал жертвой удавшегося обмана; но то же самое мы говорим и о том, кто поверил лжи. Можно сказать, что кто-то из наших знакомых был обманут в магазине (например, продавец умышленно дал ему меньше сдачи, чем положено), но семантически неточным было бы утверждение, что он был оболган. Лингвистически правильное употребление слова «оболгать» предполагает отнесение ложного утверждения только к личностным качествам того, о ком лгут: представление этого человека в негативном свете. Недаром в словаре С.И. Ожегова отмечается, что оболгать — «то же, что оклеветать». К примеру, оболгать честного работника (Ожегов, 1988, с. 348). Из сказанного следует простой и неутешительный вывод: отчетливо понимая психологические различия результатов лжи и обмана, я, как и некоторые западные исследователи, просто вынужден называть жертв и обмана, и лжи обманутыми людьми.

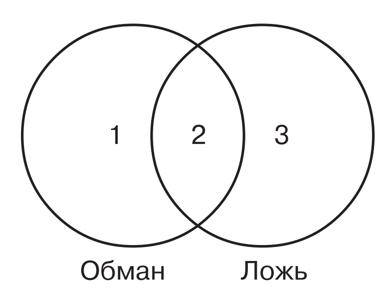
К числу областей человеческой деятельности, в которых обман приводит к серьезным социальным и психологическим

последствиям, безусловно, относятся торговля и бизнес (Contemporary.., 1989). Естественно, что как сами предприниматели, так и ученые уделяют пристальное внимание анализу так называемых «обманных рекламных объявлений» (deceptive advertisings). В частности, Т.Л. Карсон, Р.Е. Уокатч и Дж. Кокс полагают, что «рекламное объявление является обманывающим, если оно порождает у значимого процента потребителей (т.е. тех, на кого оно направлено или на чье покупательское поведение оно, вероятно, повлияет) ложное убеждение о продукте» (Carson, Wokutch, Cox, 1989, c. 386). Обманное рекламное объявление причиняет вред потребителю, принуждая его сделать то, чего он не сделал бы, не услышав (не увидев) рекламу товара или услуг. Например, реклама может побудить человека купить продукт, который слишком дорог для него. По мнению названных исследователей, свобода субъекта принимать решения о покупках основана на точной и полной информации, следовательно, обманывающая реклама нарушает свободу, права человека.

Карсон с соавт., предприняв интересную попытку найти смыслоразличительные признаки лжи и обмана, сделали акцент на анализе двух моментов: во-первых, использовании или неиспользовании субъектом речи вербальных утверждений и, во-вторых, эффективности реализации умысла, т.е. появлению или отсутствию у обманываемого человека искаженного представления о действительности. Они пишут, что для начала полезно отличить обман от лжи. «Ложь есть умышленно ложное утверждение, сделанное устно, письменно или посредством какого-то другого использования языка. Обману не нужно включать какое-то ложное утверждение или какое-нибудь другое употребление языка. Моя самоуверенная манера вести себя, когда я поднимаю ставки при игре в покер, может обмануть вас, побуждая думать, что у меня хорошая рука, но это не предполагает высказывания какого-либо утверждения (ни истинного, ни ложного). Таким образом, не все случаи обмана включают ложь. Аналогично не всякая ложь включает в себя обман. Если лжи не верят, то лжец не преуспеет, обманывая кого-либо» (Carson, Wokutch, Cox, 1989, p. 388).

Названные исследователи придают большое значение анализу эффективности воздействия лжи и обмана на сознание потенциальной жертвы манипуляций субъекта. По их мнению, содержание понятия «ложь» включает только попытку ввести другого

в заблуждение, в то время как слово «обман» всегда обозначает успешность: достижение обманщиком желаемого эффекта. Отношение между ложью и обманом они иллюстрируют рисунком двух пересекающихся кругов. «Левый круг включает все случаи обмана, правый круг включает все случаи лжи. Область 1 представляет невербальный или нелингвистический обман. Область 2 представляет успешную ложь (ложь, которая обманывает другого) и область 3 представляет неудачную ложь (ложь, посредством которой не удается обмануть другого)» (Carson, Wokutch, Cox, 1989, p. 388).

Несмотря на глубину и изящность приведенных выше рассуждений, по-моему, они требуют уточнения: положение «Не все случаи обмана включают ложь, и не всякая ложь включает в себя обман» явно требует конкретизации. Я согласен с тем, что ложь — это утверждение, умышленно искажающее факты. Но не обязательно вербальное: отвечая на вопрос о том, куда убежал мальчишка, бросивший камень в автобус, я могу показать рукой в неверном направлении, т.е. солгать. Главное в психологической характеристике лжи — наличие у субъекта намерения ввести партнера по общению в заблуждение и его реализация, т.е. искажение фактов.

Обман тоже основан на сознательном стремлении одного из коммуникантов создать у партнера ложное представление о предмете обсуждения, но обманывающий не искажает факты. Отличительный признак обмана — полное отсутствие в нем ложных сведений, прямых искажений истины. Обман — это полуправда, сообщенная партнеру с расчетом на то, что он сделает из нее ошибочные, не соответствующие намерениям обманывающего выводы. Полуправда — потому что, сообщая некоторые подлинные факты, обманщик умышленно утаивает другие,

важные для понимания целого. Успешный обман обычно основывается на эффекте обманутого ожидания: человек, которого обманывают, учитывая полученную правдивую информацию, прогнозирует развитие событий в наиболее вероятном направлении, а обманывающий совершает поступок, нарушающий его ожидания. Цель обмана в том и состоит, чтобы направить мышление собеседника по пути актуализации часто встречающихся знакомых ситуаций. Обманутый всегда является невольным соучастником обмана: он жертва собственных неадекватных представлений о действительности.

В обобщенном виде эту мысль еще в XVI в. выразил папа римский Павел IV: «Мир хочет быть обманутым, так пусть же обманывается». Старая истина не стала менее актуальной в современном мире: российские авторы многочисленных журналистских расследований приходят к аналогичным выводам. Например, к такому: «Если в обществе есть настоятельная потребность, чтобы его обманывали, надували, то обязательно возникает группа людей, которая на практике реализует это желание: будь то игра в карты, лотерея или продажа акций, дивиденды от которых покупатель никогда не получит. Главное — изъять у народа деньги и предоставить ему то, чего он жаждет, — быть обманутым» (Ястребов, 1994).

Таким образом, определение сходства и различия обмана и лжи оказывается непростой задачей даже для специалистов, не говоря уже о людях, сталкивающихся с различными формами проявления названных психологических феноменов в повседневной жизни. Вследствие этого сегодня одной из актуальных задач психологической науки является изучение индивидуальных и типологических особенностей понимания обмана в разных социальных ситуациях.

Цель описываемого ниже исследования — проанализировать психологические основания, на которых формируется понимание обмана у тех, кто занимается малым бизнесом, и у испытуемых контрольной группы, не имеющих отношения к предпринимательству.

Методика

В исследовании принимали участие 30 предпринимателей (12 женщин и 18 мужчин) и 145 испытуемых контрольной группы (69 женщин и 76 мужчин). Группа предпринимателей состояла

из брокеров, посредников, производителей-частников, продавцов мелкооптового товара, экономиста, юриста-консультанта. Контрольная группа была образована из студентов, офицеров, работников центров занятости населения.

Процедура экспериментов заключалась в том, что испытуемые анонимно, проставляя на бланке ответов вымышленные инициалы, заполняли два опросника, а затем описывали свое понимание предложенной им для осмысления ситуации из области малого бизнеса.

1. Методика самооценки честности (Знаков, 1993).
2. Методика УСК (уровень субъективного контроля) в модификации Е.Г. Ксенофонтовой (Ксенофонтова, 1988). Необходимость применения этой методики связана с тем, что «локус контроля является устойчивым личностным конструктом, который без сомнения можно отнести к субъектным свойствам человека. Вера индивида в то, что его поведение детерминируется по преимуществу либо им самим (интернальный локус контроля), либо его окружением и обстоятельствами (экстернальный локус контроля) формируется в процессе социализации» (Крюкова, 2004, с. 137). Необходимость применения методики УСК определялась двумя полученными ранее экспериментальными фактами: а) различиями в самооценках западных бизнесменов экстерналов и интерналов, потерпевших крупную неудачу в своем деле (Anderson, 1977), а также российских предпринимателей, тоже испытавших горечь профессионального поражения (Журавлев, Позняков, 1994); б) связью между экстернальностью и склонностью к обману.
3. На завершающем этапе эксперимента каждому испытуемому из обеих групп предлагалось прочитать текст:

Два начинающих предпринимателя заключили между собой устное соглашение о торговой сделке: партнер А. поставит партию товара, а партнер Б. возьмет на себя его реализацию. Они совместно определили розничную цену товара, а также то, какой процент прибыли получит каждый от продажи товара по обговоренной цене. Однако случилось так, что по независящим от Б. причинам (связанным с конъюнктурой рынка) товар удалось продать по более высокой цене, чем планировалась обоими предпринимателями. Незапланированную дополнительную часть прибыли партнер Б. целиком забрал себе, после чего рассказал об этом А.

После прочтения текста испытуемый должен был ответить на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что Б. поступил честно по отношению к А.?» Субъективная степень согласия-несогласия выражалась в семизначной шкале: от «полностью согласен» (−3) до «совершенно не согласен» (+3). Мнение испытуемого сопровождалось его кратким комментарием, аргументацией.

Затем ему предлагалось высказать суждение по поводу другого варианта развития событий:

Допустим, Б. забрал себе всю дополнительную прибыль и ничего не сказал об этом партнеру. В результате А. получил обговоренный заранее процент прибыли, но так и не узнал о том, что товар был продан дороже. Можно ли в этом случае считать, что Б. обманул партнера?

Испытуемому предлагалось выбрать тот ответ, который соответствует его мнению:

— Нет, это не обман, потому что Б. имеет полное право на коммерческую тайну. Он может скрывать от партнера все (информацию и доходы), что по условиям сделки относится к его личной сфере деятельности.

— Да, это обман: Б. не имеет морального права скрывать от А. подлинные обстоятельства продажи и утаивать дополнительные доходы.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ результатов испытуемых двух групп по методике правдивости обнаружил следующие статистически значимые различия между средними баллами по одним и тем же шкалам опросника. Средний балл предпринимателей по шкале «Правдивый» (3.3) ниже среднего (3.75) испытуемых контрольной группы ($t = -2.65$, $p < 0.01$). Среднеарифметическая самооценок предпринимателей по шкале «Обманывающий» (1.9), наоборот, выше самооценки (1.38) испытуемых контрольной группы ($t = 2.29$, $p < 0.02$). Такая же картина наблюдается по шкалам «Нечестный» (соответственно 1.63 и 1.12; $t = 2.44$, $p < 0.02$) и «Бессовестный» (1.37 и 0.87; $t = 2.46$, $p < 0.02$). Следовательно, при анонимном опросе бизнесмены признают, что они в большей степени склонны к обману и нечестным поступкам, чем люди других профессий.

Однако обобщенные групповые данные скрывают индивидуальные различия, поэтому анализ должен быть дифференцированным. Поскольку меня в основном интересуют психологические особенности понимания обмана, то необходимо соотнести самооценки правдивости тех испытуемых, которые, осмысливая описанную ситуацию, сказали, что Б. поступил честно по отношению к А., и тех, кто не согласен с этим утверждением. В группе предпринимателей 14 человек считают, что Б. поступил честно, а 16 — что нечестно; в контрольной группе соответственно 67 и 78. Замечу, что подавляющее большинство испытуемых в обе-

их группах проявили устойчивость и согласованность суждений о двух вариантах развития событий. Я имею в виду тот факт, что свыше 95% посчитавших, что Б. поступил нечестно, на следующем этапе эксперимента говорят, что он обманул А., не сказав ему о дополнительной прибыли. И наоборот.

В контрольной группе между результатами испытуемых двух вышеназванных подгрупп не обнаружено значимых различий ни по одной из шкал опросника правдивости. Нет и половых различий: средние данные мужчин и женщин очень похожи. Следовательно, по анализируемым признакам выборка однородна и ее можно в дальнейшем рассматривать как целое.

Иначе обстоит дело в группе бизнесменов. Те 14 испытуемых, которые считают, что Б. поступил честно, оценивают себя как менее правдивых, более нечестных, бессовестных и обманывающих, чем остальные 16 человек. Правда, вследствие маленькой выборки различия между результатами статистически не значимы. Однако эти различия становятся очень ощутимыми при сравнительном анализе данных двух подгрупп предпринимателей с контрольной группой (145 человек). Данные 16 бизнесменов ни по одному показателю не отличаются от данных людей, профессионально не занимающихся бизнесом. Зато такие отличия ярко выражены у тех, кто считает, что Б. поступил честно. У 14 предпринимателей ниже, чем у испытуемых контрольной группы, самооценка по шкале «Правдивый» (3 и 3.75; $t = -3.18$, $p < 0.01$), но выше по шкалам «Обманывающий» (2.29 и 1.39; $t = 2.91$, $p < 0.01$) и «Нечестный» (1.93 и 1.12; $t = 2.78$, $p < 0.01$).

Таким образом, самооценки честности и индивидуальные особенности понимания обмана оказались смыслоразличительными признаками, в соответствии с которыми группа бизнесменов разделилась на две подгруппы. Теперь проанализируем, отличаются ли представители этих подгрупп по такой личностной характеристике, как локус контроля. В наших социально-экономических условиях принятие человеком решения об отказе от работы в государственных учреждениях, переходе в коммерческую структуру или организации своего бизнеса предполагает либо ориентацию субъекта на личные связи, поддержку со стороны знакомых бизнесменов, либо достаточно высокую оценку собственных способностей. И та, и другая ориентация имеет непосредственное отношение к интернальности-экстернальности личности.

Показатели интернальности у 16 предпринимателей по всем пунктам оказались выше, чем у 14: общая интернальность (18.06 и 7.64), интернальность в области достижений (2.44 и 1.07), межличностных отношений (5.06 и 1.28) и профессиональной сфере (6.25 и 3.78). Однако статистически значимыми являются только различия по интернальности в области неудач (5.19 и 0.86; $t=2.55$, $p<0.02$). Сравнение данных двух подгрупп бизнесменов с испытуемыми контрольной группы дало следующие результаты. 16 человек, считающих, что Б. обманул А., не отличаются по показателям интернальности-экстернальности от контрольной группы. В то же время у 14 бизнесменов, отрицающих наличие обмана в намерениях и действиях Б., оценки оказались значимо более низкими по всем показателям: общей интернальности (7.64 и 25.19; $t=-2.95$, $p<0.01$), интернальности в области достижений (1.07 и 5.82; $t=-2.25$, $p<0.03$), в области неудач (0.86 и 5.39; $t=2.20$, $p<0.04$), межличностных отношений (1.29 и 6.73; $t=-2.82$, $p<0.01$) и сфере профессиональной деятельности (3.78 и 7.14; $t=-2.26$ $p<0.03$).

Результаты экспериментов, с одной стороны, подтверждают известные факты: чем ниже интернальность субъекта и выше экстернальность, тем более он склонен к обману в различных социальных ситуациях. С другой стороны, полученные данные, на первый взгляд, выглядят парадоксальными. Казалось бы, люди, решившиеся кардинальным образом изменить свою жизнь и вставшие на путь занятий бизнесом, должны обладать высоким самоконтролем, верой в себя, а не надеяться на случайные внешние обстоятельства. Следовательно, у них должны быть достаточно высокие показатели интернальности.

Как отмечают зарубежные психологи, бизнесмены-интерналы характеризуются значительно более высоким индексом предпринимательской активности, чем экстерналы (Durand, Shea, 1974). По данным К.Р. Андерсена, бизнесмены-интерналы уверены в своих возможностях контролировать негативные события, и потому неудачи не деморализуют их, не снижают самооценки, а дают информацию для поиска новых путей восстановления утраченного и дальнейшего развития своего бизнеса. Экстерналы, напротив, испытывают острые негативные переживания по поводу постигшего их несчастья, медленно восстанавливают свои предприятия и становятся еще более зависимыми от других людей и внешних обстоятельств (Anderson, 1977). Судя

по данным А.Л. Журавлева и В.П. Познякова, выраженными интернальными качествами личности обладают активные российские бизнесмены, достигшие определенных успехов в своем деле и ставшие делегатами международного конгресса «Малое и среднее предпринимательство в России». Для них характерно «стремление к личной свободе и независимости», «желание реализовать свои профессиональные способности», «стремление уйти от зависимости» (Журавлев, Позняков, 1994).

Однако предприниматели из моей выборки существенно отличаются от описанных выше: они не добились заметных финансовых успехов в своем бизнесе. По крайней мере, про 14 из них можно сказать, что предпринимателями они стали вследствие неудовлетворенности жизненными обстоятельствами и стремления быстро обогатиться любыми способами, в том числе и нечестными. В цели исследования не входило детальное рассмотрение особенностей личности и мировоззрения предпринимателей, поэтому перейду к непосредственной теме исследования — психологическому анализу понимания обмана в малом бизнесе.

Сначала рассмотрим психологические основания, на которых формируется понимание коммерческой сделки у 14 предпринимателей.

1. Понимание честности как строгого соблюдения договоренности: Б. поступил честно, потому что А. получил то, о чем они договаривались. (Исп. Д.Б.: «Я считаю, что партнер Б. поступил честно по отношению к партнеру А., так как партнер А. получил обговоренную сумму, а остальное — это уже личное право партнера Б.») По мнению бизнесменов, честность заключается в том, что Б. не жульничал, не поднимал цены втайне от А. — он играл по установленным правилам. Испытуемые понимают ситуацию, принимая во внимание только обсуждавшиеся в ходе переговоров деловые интересы партнеров. Их межличностные отношения и моральные принципы считаются несущественными. (Исп. В.В.: «Это, безусловно, сделка, поэтому каждый имеет свои деловые интересы».) В этих случаях понимание честности основано на понимании буквального содержания ситуации, но не ее смысла. Предприниматели делают акцент на анализе объективного содержания сделки, вольно или невольно закрывая глаза на ее возможные последствия, т.е. то, что выходит за пределы описанных фактов.

2. Другой вариант понимания описанной коммерческой сделки основан исключительно на ее когнитивном анализе. Предприниматели полагают, что А. не заслужил дополнительной прибыли, так как не сумел спрогнозировать возможные изменения рыночной конъюнктуры. Партнерские отношения между А. и Б., а также соображения нравственного характера и в этом случае практически не оказывают влияния на особенности понимания ситуации. (Исп. А.А.: «Типичный случай случайной сделки, а раз так, то учесть все условия и детали реализации невозможно, а посему не может быть и обид со стороны первого партнера».)
3. Квазиправовой подход к осмыслению сделки: попытка оправдать поведение Б., опираясь на правило «Разрешено все, что не запрещено законом». Испытуемый В.Г. пишет: «Сделка юридически не была закреплена, поэтому он имеет право забрать сверхприбыль обговоренного процента. И все-таки он этого не скрыл от партнера». Любопытная деталь: и этот, и другие предприниматели аргументируют честность Б. тем, что он ничего не скрыл от А., рассказал ему о дополнительной прибыли. Однако они же считают, что никакого обмана нет и в случае утаивания Б. величины своего дохода. Следовательно, факт рассказа не является смыслообразующим признаком понимания обмана: более существенными бизнесмены считают факторы, перечисленные выше.
4. Наконец имеет место элементарное непонимание прочитанного и домысливание того, чего не было. Испытуемый Г.Н. пишет: «Я согласен с тем, что Б. поступил честно, ведь партнер А. затратил меньше усилий, чем партнер Б.» Брокер В.К., имеющий высшее образование, высказывается еще определеннее: «Приложил дополнительные усилия — значит, они должны быть оплачены; так что партнер Б. получил свою прибыль по праву». Из текста ясно, что никаких дополнительных усилий Б. не прикладывал — это плоды воображения испытуемых. Тем не менее вымышленные факты играют роль фундамента в субъективном внутреннем «храме честности».

Таким образом, у бизнесменов с низкими самооценками честности проявляется тенденция к вычленению объективно-фактологического аспекта коммерческой сделки и игнорированию

всего, что связано с межличностными отношениями партнеров. Практически они отождествляют обман с ложью: наличие обмана признается только в тех случаях, когда партнер уличен в умышленном искажении фактов.

Иначе понимают ситуацию 16 предпринимателей, утверждающих, что Б. обманул А. Они по-другому интерпретируют факты и акцентируют внимание на тех сторонах сделки, которые 14 представителей малого бизнеса считают малозначимыми. В их рассуждениях преобладают аргументы двух видов: моральные и «смысловые», т.е. относящиеся к причинам или последствиям событий, описанных в тексте. Рассмотрим указанные аргументы.

1. Во-первых, 16 испытуемых считают, что «с партнерами так не поступают» и что первое правило настоящего бизнесмена — порядочность. (Напомню, что о порядочности, стремлении к честности в договорных сделках немало слов сказано в этических сочинениях И. Канта.) Например, брокер Е.В. говорит: «Со стороны партнера Б. было бы честнее, если бы он часть незапланированной прибыли отдал партнеру А.».

Во-вторых, эти бизнесмены делают следующий вывод: раз А. и Б. заключили устное соглашение, значит, они хорошо знают друг друга. Присвоив себе большую часть прибыли, Б. не только обманул доверие А., но и нарушил принцип взаимной выгоды.

В-третьих, по их мнению, честность предполагает информирование своего напарника до раздела дополнительной прибыли: «Партнер Б. должен был поставить в известность партнера А. о получении прибыли и по согласованию с ним решить вопрос о ее распределении» (исп. Т.В.). Интересно, что в отличие от предпринимателей первой подгруппы эти бизнесмены не придают большого значения тому, что Б. рассказал А. о своем поступке: «Что толку, что рассказал, ведь нарушен баланс договора» (исп. В.И.). Более того: факту признания они приписывают отрицательный смысл — усматривают в нем желание Б. возвысить себя в глазах А., подчеркнуть свое превосходство. (Исп. А.Т.: «Честность и меркантильность одновременно. Самому себе лучше сделал, да еще и сказал об этом!»)

2. Для 16 предпринимателей характерна экстраполяция процента прибыли на ситуации, вполне возможные, но не согласованные в договоре. Вследствие этого они не согласны с утверждением, что Б. поступил честно: «Он поступил нечестно, так как определен процент прибыли для каждого партнера от реализации

товара» (исп. У.Ф.). Они также учитывают, что незапланированная прибыль — это результат усилий не только Б., но и А. Имеются в виду затраты на транспортировку, доставку товара, переговоры с изготовителями и т.п. Наконец, учитывается и фактор случайности: «Такая ситуация возникла не из-за промаха партнера А. и не из-за большого ума Б., а по не зависящим от них обстоятельствам» (исп. А.В.). Следовательно, тут нет заслуги Б.

Таким образом, бизнесмены из второй подгруппы склонны воспринимать описанную ситуацию не изолированно, а в целостном контексте причин и следствий договорной сделки. И именно контекст оказывает решающее влияние на когнитивную и моральную оценку поведения участников сделки.

***

По результатам теоретического анализа и экспериментов можно сделать вывод о существовании двух основных факторов, детерминирующих понимание обмана в малом бизнесе. Первый — традиционная для наших коммерческих структур скрытность в отношениях между деловыми партнерами, чрезмерная склонность к полуправде и разного рода секретам. На это обратили внимание социологи: «Вот типичный пример. Провозглашается идея коллектива как одной семьи, где благополучие фирмы — дело каждого, а проблемы сотрудника — забота фирмы. Но на деле — хитросплетение секретов для самых посвященных, для менее посвященных и, наконец, для сведения всех остальных сотрудников. Дефицит информации — традиционная болезнь наших организаций. Когда приходилось сталкиваться с данной проблемой на государственном предприятии, мы рассматривали это как проблему власти. В коммерческих структурах она еще острее. Речь идет не о сведениях, которые могут составить коммерческую тайну, а о том, что там не принято обмениваться мнениями, оценками, прогнозами, чтобы партнер не обошел тебя. Дело здесь не в безнравственности тех, кто утаивает информацию, а в неотрегулированности деловых отношений, в частности, процедур оценки соотношения вклада и вознаграждения» (Климова, Дунаевский, 1993, с. 67). Тем не менее объективно такое положение дел нередко «подталкивает» участников коммерческой деятельности к совершению сомнительных в моральном отношении поступков. От секретов, полуправды —

всего один шаг до обмана (Свинцов, 1990; Bok, 1984), потому что неявную, подразумеваемую информацию можно использовать и с честными, и с нечестными намерениями. А уличить обманщика чаще всего оказывается невозможным как раз вследствие трудности установления его истинных целей.

Второй фактор, детерминирующий понимание обмана, — противоречивое отношение новых экономических условий и старой культуры, прежде всего культуры межличностных отношений. Один из важнейших признаков культуры — осознание всеми членами общества той грани, которая отделяет допустимое от недопустимого в отношениях между людьми. Однако сегодня, в период радикальных изменений в индивидуальном и массовом сознании, определение того, как субъект может поступать по отношению к другим и чего он ни при каких обстоятельствах делать не должен, оказывается нетривиальной задачей понимания. В частности, сложно понять, где именно проходит граница между правдой и обманом в описанной экспериментальной ситуации. Уходящее в недавнее прошлое представление каждого из нас о «зоне допустимых нарушений» (Асеев, Рыжов, 1983) позволяет по-разному понимать психологическую сущность обсуждаемых феноменов. Очевидно, например, что у 14 бизнесменов с низкими самооценками честности понятие «зоны» по содержанию и объему явно больше, чем у остальных. Неудивительно, что они отказываются признать наличие обмана в действиях Б., в то время как у 16 других предпринимателей нет сомнения в том, что один из партнеров обманул другого.

Частные исследования обмана в малом бизнесе, так же как и более обобщенные психологические исследования предпринимательской деятельности, в отечественной психологии находятся на самой ранней стадии развития. Вряд ли у кого возникнет сомнение в необходимости расширения и углубления этого направления психологического анализа.

ГЛАВА 6. ПОЛОВЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОПОНИМАНИИ

6.1. Психология половых различий и гендерная психология

Проблема сходства и различий в психологии мужчин и женщин является предметом размышлений нескольких поколений писателей, мыслителей, ученых: о ней писали Ф. Ницше, О. Вайнингер, Н.А. Бердяев и другие мыслители. К концу XX в. в психологической науке сформировались два взаимосвязанных, но не тождественных направления исследований — психология половых различий (Грошев, 2001; Ильин, 2002; Maccoby, 1990) и гендерная психология (Берн, 2001; Бендас, 2005; Edwards, 1998).

В первом направлении классической является работа Э.Э. Маккоби и К.Н. Джэклин. Ее авторы проделали большую работу и в результате факторного анализа результатов исследований, проведенных многими психологами, пришли к выводу о том, что о достоверных различиях в психологических характеристиках мальчиков и девочек, мужчин и женщин можно говорить лишь применительно к четырем группам свойств. 1. Девочки и женщины превосходят мальчиков и мужчин по вербальным способностям. 2. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по пространственным способностям. 3. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по математическим способностям. 4. Мальчики и мужчины более агрессивны, чем девочки и женщины (Maccoby, Jacklin, 1974.).

В 1990 г. Г. Крампен с коллегами, анализируя накопленные к этому времени данные о половых различиях, добавили еще два

свойства: у женщин выше, чем у мужчин, уровень тревожности, а также субъективных (психосоматических) расстройств и нейротизма. Однако существует возрастная динамика развития и проявления указанных свойств. В частности, по шкалам нейротизма различных опросников оценки у женщин выше, чем у мужчин, только в возрасте до 21 года, но потом, вплоть до 60 лет, у них идет резкий линейный спад. В то же время оценки мужчин по шкалам нейротизма в течение жизни остаются практически неизменными (Helson et al., 2002). Кроме того, литературные данные указывают также на некоторые *тенденции* в половых различиях. Они относятся к таким чертам личности, как локус контроля (у женщин он в большей степени внешний, чем внутренний, у мужчин — наоборот); макиавеллизм (у мужчин показатели выше), а также некоторые аспекты мотивации достижения (например, женщины демонстрируют более высокие оценки ожидания неудачи) (Krampen et al., 1990).

В 1993 г. В.М. Русалов предпринял продуктивную попытку теоретико-эмпирического анализа социальных и биологических факторов, определяющих специфику половых различий в темпераменте. Результаты его исследования свидетельствуют о том, что у мужчин чаще, чем у женщин, проявляется высокая работоспособность, гиперактивность, стремление к напряженному умственному и физическому труду. Для них характерна гибкость мышления, легкость переключения с одного вида деятельности на другой, стремление к разнообразию форм деятельности. Женщины легче вступают в новые социальные контакты, у них шире набор коммуникативных программ, а также более выражена коммуникативная импульсивность, легкость переключения в процессе общения. Женщины более чувствительны к неудачам на работе и в общении, они чаще проявляют беспокойство, неуверенность, тревожность как по поводу работы, так и в ситуациях взаимодействия с другими людьми.

Сопоставив свои данные с результатами западных ученых, Русалов пришел к фундаментальному теоретическому обобщению: «Выявленные половые различия носят, скорее всего, биологически обусловленный характер, и в ближайшем будущем трудно ожидать существенного сближения этих признаков темперамента под влиянием каких-либо социальных факторов: тренировок, обучения и т.д., которые могли бы привести к полному исчезновению различий между полами по этим признакам,

хотя для отдельных видов профессий уже сейчас характерно отсутствие четких половых различий в структуре темперамента. Выявленные устойчивые половые различия, вероятно, еще долго будут присутствовать и должны быть учтены в ситуациях обучения, профотбора и т.д.

В дальнейшем вполне разумно ожидать, что у женщин, с одной стороны, произойдет увеличение значений эргичности и пластичности, а с другой — постепенное уменьшение выраженности социальной пластичности, связанной с импульсивностью поведения, а также — снижение эмоциональной чувствительности» (Русалов, 1993, с. 62).

Надо признать, что исследования западных исследователей в этой области редко основываются на какой-либо теории, они чаще имеют эмпирический характер. В некоторых из них получены факты, безусловно, заслуживающие дальнейшего теоретического анализа и осмысления. В частности, интересной следует признать попытку психологов найти половые различия между людьми по такой интегративной характеристике личности, как интернальность-экстернальность. В статье Б.Р. Стрикленд и У.Е. Хейли описаны интересные результаты: значимых различий по шкале Роттера между мужчинами и женщинами обнаружено не было, однако выявлен другой факт. Мужчины чаще выбирали экстернальные утверждения, связанные с удачей в делах, тогда как женщины проявляли себя как более экстернальные субъекты применительно к утверждениям, касающимся межличностного влияния. Когда же испытуемых попросили ответить на вопросы с позиций «типичного мужчины» выяснилось, что как мужчины, так и женщины приписали себе более высокие оценки интернальности. При рассмотрении себя с позиции «типичной женщины» испытуемые обоего пола повышали оценки экстернальности (Strickland, Haley, 1980).

В некоторых исследованиях обнаружены и различия в сфере невербальной коммуникации: женщины дольше смотрят на собеседников в процессе разговора, чаще улыбаются, лучше, чем мужчины, декодируют невербальные сообщения. Личное пространство у женщин меньше, чем у мужчин, они ближе подходят к другим (люди обоего пола также обычно ближе подходят к женщинам, чем к мужчинам) (Matlin, 1987).

Вследствие более короткого расстояния до партнера по общению, казалось бы, для женщин должны быть вполне допустимыми

и такого рода жесты, которые включают прикосновения к ним собеседников. Однако оказывается, что если партнером является мужчина, то в деловом общении женщины воспринимают прикосновения скорее негативно, чем позитивно.

«В 1973 г. Мери Хенли в исследовании, построенном на "полевом" наблюдении, обнаружила, что мужчины прикасаются к женщинам гораздо чаще, чем женщины к мужчинам, и гораздо чаще, чем люди одного пола друг к другу. Она интерпретировала это не как демонстрацию интимности, а как утверждение мужской власти. Ею было установлено также, что люди более высокого статуса чаще прикасаются к людям более низкого статуса, например, доктора прикасались к пациентам» (Сидоренко, 2002, с. 86—87). Прикосновения относятся к числу тех характеристик взаимодействия, которые имеют разное, а порой даже противоположное, значение для стороны, «производящей» эту характеристику, и для стороны, которая воспринимает ее. «Когда в тренинге я спрашиваю у женщин, нравится ли им прикосновение мужчин в *деловой обстановке,* подавляющее число из них заявляет: "Нет!" Это часто вызывает шок у участников-мужчин. Им кажется, что через прикосновение они передают поддержку и доброе расположение. Для них оказывается неприятным открытием, что женщинам их прикосновение кажется выражением доминирования и давления» (там же, с. 87).

Таким образом, физическая размерность межличностного расстояния чрезвычайно важна для исследований общения и взаимопонимания людей разного пола. Однако для психолога, пожалуй, еще более важно учитывать величину психологической близости между партнерами. Близкие отношения между людьми в социальной психологии получили название «психологической дистанции», которая и на теоретическом, и на экспериментально-методическом уровне тщательно проанализирована в работах А.Б. Купрейченко (Купрейченко, 2001; Журавлев, Купрейченко, 2003).

В общении и деятельности ориентация женщин на достижение субъективно значимого результата приводит к тому, что с увеличением психологической дистанции у них сильнее, чем у мужчин, изменяется уровень отношения к соблюдению нравственных норм. Например, мужчины и женщины демонстрируют различный характер гибкости уровня правдивости. «Если у мужчин уровень изменяется плавно, то у женщин уровень правдивости

резко падает в отношениях со вторым кругом (друзья, сподвижники, сотрудники, непосредственный руководитель), а в отношениях с самым далеким кругом женщины даже несколько правдивее мужчин, т.е. у женщин отношение к соблюдению норм правдивости изменяется *неравномерно с* ростом психологической дистанции.

При взаимодействии со вторым кругом женщины чаще, чем мужчины, демонстрируют готовность приукрашивать информацию о себе; скрывать причины невыполнения обязательств; давать невыполнимые обещания; добиваться получения необходимых ресурсов вне очереди, дать взятку и т.д. Подобное резкое изменение уровня отношения при переходе от первого ко второму кругу психологической дистанции у женщин характерно не только для правдивости. Справедливость женщин в отношении второго круга значительно меньше, чем справедливость в отношении первого. Женщины легко поступаются принципами в отношениях с первым кругом психологической дистанции (семья, друзья), но в отношениях со вторым кругом становятся принципиальнее мужчин, т.е. для женщин различие в отношении ко второму кругу психологической дистанции резко отличается от отношения к первому. Для мужчин характерны более равномерные изменения» (Журавлев, Купрейченко, 2003, с. 309—310).

Категория «психологической дистанции», образно говоря, является мостом, соединяющим понятие «межличностного пространства» с этической ориентацией субъектов общения. В целой серии исследований западных психологов обнаружены половые различия: многие из них показывают моральное превосходство женщин. Б.К. Бертон и У.Х. Хегарти проделали метаанализ половых различий в этической ориентации, представленных в литературе по деловой этике (Burton, Hegarty, 1999). В одном из обзоров 14 эмпирических исследований было найдено, что из семи из них следует, что женщины в некоторых ситуациях склонны поступать более этично, чем мужчины. Другое исследование показало, что 203 женщины в выборке, состоящей из профессионалов по маркетингу, отвечали в переговорах в более вежливой манере, чем мужчины. В служебных отношениях для достижения соглашений и урегулирования споров женщины чаще извиняются перед собеседником, чем мужчины (Mummenday, 1995, с. 220). В медицинской практике, в ситуациях, когда больному необходимо сообщить неблагоприятный диагноз, врачи-женщины

с большей вероятностью, чем мужчины, соглашаются с тем, что правда должна быть сказана, и не склонны оправдывать ложь (Robinson et al., 1998).

Анализировались и работы по изучению готовности к принятию ответственности. В одном из исследований обнаружено, что женщины, входящие в члены правления компаний, менее экономичны в управлении и более ориентированы на действия по собственному усмотрению, чем мужчины. На выборке, состоящей из 182 старшеклассников и студентов, показано, что при выборе организационных воздействий девушки оценивали социальную ответственность как более важную, чем экономическую. Женщины демонстрируют большее внимание к неэкономическим типам ответственности, чем мужчины: у них показатели моральной ответственности перед окружающими их людьми оказываются выше, чем ответственность за экономическую выгоду предприятия.

В целом результаты психологических исследований выявили тенденцию, в соответствии с которой женщины, как правило, получают более высокие оценки по методикам, выявляющим приверженность этическим нормам и социальной ответственности, чем мужчины (Burton, Hegarty, 1999).

Многочисленные и, на первый взгляд, не связанные между собой эмпирические факты отражают общую тенденцию неодинаковости путей нравственного развития мужчин и женщин. По мнению К. Гиллиган, есть два различных способа концептуализации человеком своего Я в отношении других людей. Первый отражает перспективу Я как диалог, а второй — как независимость. Эти две перспективы связаны с полом человека.

Женщины стремятся определить себя в связи с кем-либо, их этический, нравственный опыт базируется на чувстве сплоченности, близости, ответственности. Мораль и моральные требования, предписания нужны для того, чтобы заботиться о человеческом мире, поддерживая, соединяя и предохраняя людей от повреждений. Другой способ мышления, обнаруживаемый по большей части мужчинами, показывает видение себя как независимого индивида. Такой индивид имеет определенные отношения с другими, но очень четко отделяет себя от них. Мир предстает как состоящий из индивидуумов со своими интересами и потому противоречиями. Справедливость, с этой точки зрения, нуждается в установления правил, т.е. беспристрастных суждений.

Из этого следует, что мораль рассматривается мужчинами как система правил, основанная на законности и используемая для вынесения законных решений (Gilligan, 1982).

В некоторых исследованиях показано наличие различий не только в нравственном сознании, но и когнитивной, а также личностной сферах психики мужчин и женщин. В частности, они нередко по-разному понимают факты, события, явления. Например, в диссертации Н.В. Родионовой выявлены половые различия в понимании радиационной опасности. Женщины склонны приписывать более высокие оценки возможности пострадать от действия радиации. Это характерно как для объективно опасных, так и объективно безопасных ситуаций (Родионова, 2004). В другом диссертационном исследовании показано, что половые различия в понимании текста, проявляются уже в младшем школьном возрасте: «Девочки чаще, чем мальчики демонстрируют понимание смысла текста. Большая часть девочек характеризуется устойчивым характером понимания. Девочки чаще, чем мальчики, проявляют устойчивый продуктивный уровень интеллктуальной активности, характеризуются более высоким уровнем поисковой активности в форме вопросов» (Тарасова, 2000, с. 23).

В контексте психологии понимания очень важными следует признать половые различия в понимании человека человеком. Трудности во взаимопонимании между мужчинами и женщинами возникают из-за того, что мужчины и женщины по-разному даже определяют суть этого понятия, а также из-за распространенности в общественном и индивидуальном сознании стереотипов интерпретации поведения представителей противоположного пола.

Например, исследование стереотипов мужчины и женщины в рекламных передачах британского телевидения показало, что люди в них отражены в соответствии с традиционными половыми ролями. Мужчины преимущественно изображаются как эксперты, оценивающие товар, его качество и практическую пользу, тогда как женщины выступают в роли потребителей, принимающих все на веру и плохо осведомленных о причинах, по которым они покупают определенную продукцию (Manstead, McCulloch, 1981).

Научные исследования, проводимые в разных странах, показывают, что в современном высокотехнологичном обществе

особенно живучими оказываются стереотипы, относящиеся к традиционно мужским сферам профессиональной деятельности, например, типа «человек — техника». И что особенно любопытно — носителями таких стереотипов в западном мире чаще всего становятся женщины. В частности, это распространяется на компьютерные технологии: «Половые стереотипы, выявленные ранее на школьной популяции, на этой группе проявились еще четче. В этом исследовании выявился один любопытный фактор: юноши оценивают свою компетентность в применении компьютеров выше, чем девушки с примерно таким же опытом взаимодействия с компьютерами.

Такая недооценка девушками своей компетентности находит подтверждение и в других исследованиях. Например, ученые, поставившие задачу выяснить субъективные предпочтения мужчин и женщин, сообщают о том, что в точных науках женщин вообще гораздо меньше, чем мужчин. Особенно явно это прослеживается в так называемых "тяжелых" науках, например в физике. Соотношение полов уравновешено в биологии и химии, и хотя в этих областях женщины показывают лучшие результаты, чем мужчины, но свою успешность они оценивают ниже, чем мужчины, во всех без исключения областях науки. И в последующих исследованиях, в которых изучались субъективные предпочтения учащихся, было показано, что как юноши, так и девушки относят обучение физике и технологиям к преимущественно мужской сфере интересов. Этот факт тем более интересен, что, согласно исследованиям, проведенным в разных странах Европы, связанные с компьютером стереотипы половых ролей обнаруживаются уже у учеников начальной школы» (Морган, Морган, 2000, с. 277).

Отсутствие реальных половых различий при парадоксальном сохранении полоролевых стереотипов чаще всего наблюдается там, где мужчины и женщины исполняют одни и те же функции, делают одинаковую работу. Так обстоит дело в современном менеджменте. Например: «При решении парами сотрудников тех или иных экспериментальных задач различия между мужчинами и женщинами оказались несущественными. Куда более наглядной выглядела разница между лидерами, невосприимчивыми к действиям своих коллег, и, напротив, более чувствительными "ведомыми". Так что здесь следует говорить не о "женской интуиции", а скорее об "интуиции подчиненного". Еще одно проявление

чувствительности к мнению окружающих — это "страх перед успехом", в 1960—1970-е годы. считавшийся личностной характеристикой, позволяющей делать различия между мужчинами и женщинами в ситуациях решения задач. Более поздние исследования, однако, показали, что страх перед успехом возникает у женщин только в тех видах деятельности, которые считаются традиционно приемлемыми лишь для мужчин» (Иванченко, 1999, с. 84—85).

Естественно, что наличие полоролевых стереотипов в общественном и индивидуальном сознании не может не сказаться на специфике взаимопонимания мужчин и женщин в коммуникативных ситуациях. Исследования в области взаимопонимания начались довольно давно. В частности, Г. Олпорт считал, что женщины лучше понимают людей, чем мужчины (цит. по: Кон, с. 127). В исследовании А.В. Мудрика обнаружено, что юноши и девушки в слово «понимание» вкладывают различный смысл. Юноши подчеркивают моменты объективного знания («понять человека — значит хорошо знать его») или интеллектуального сходства («думать, как он, иметь общие интересы»), а девушки делают акцент на «эмпатийных» моментах — сопереживании, сочувствии (цит. по: Кон, с. 227). Женщины глубже понимают волевые качества и черты характера, выражающие отношение человека к другим людям (например, доброта, отзывчивость) и к себе (эгоизм — альтруизм). Мужчины лучше понимают черты характера, связанные с отношением к труду: целеустремленность, дисциплинированность, добросовестность и т.п. (Кондратьева, 1980).

Фактически эти половые различия означают, что мужчины выделяют во взаимопонимании прежде всего его когнитивную, интеллектуальную сторону, а для женщин на первый план выступает та его сторона, которая обусловлена межличностными отношениями.

Вместе с тем существенное влияние на взаимопонимание оказывают межличностные отношения общающихся или выполняющих совместную деятельность людей. Об этом свидетельствуют данные Е.Н. Емельянова, изучавшего процессы взаимопонимания в первичных научных коллективах. В его работе показано, что женщины более адекватны в понимании мужчин во всех случаях, когда в паре есть признак положительных отношений. Мужчины точнее понимают женщин, если у них с ними либо негативные, либо индифферентные отношения. Интересно,

что из всех рассмотренных пар (различных по полу и межличностным отношениям) женщины показали самую низкую адекватность в понимании мужчин при наличии с ними негативных отношений. В этом проявилась их пристрастность: у женщин «глаза раскрыты» при положительном их отношении к мужчинам. У мужчин точность понимания возникает в момент отрицательных или индифферентных отношений к женщине. В этом проявляется своеобразная «созидающая коммуникативная психология» женщин, для которых положительные чувства способствуют точности понимания партнера. У мужчин же положительное отношение к женщине искажает точность понимания ее психологических особенностей (Емельянов, 1987).

Ориентация мужчин и женщин на неодинаковые правила поведения в общении стала предметом исследования американского психолингвиста Д. Таннен (Таннен, 1996). На основании ее работ можно выявить несколько причин взаимного непонимания людей противоположного пола.

1. Мужчины ориентированы главным образом на обладание информацией, свободу действий и независимость суждений. Женщины стремятся к психологической близости с партнером, осознанию того, что их жизнь тесно взаимосвязана с другим человеком. Например, Линда никогда не строит планов, ни на уикенд, ни на вечер без того, чтобы не посоветоваться сначала с Джоном. Она не может понять, почему он не отвечает ей тем же, не проявляет ту внимательность и чуткость, которую она проявляет по отношению к нему. Но когда она начинает высказывать свои возражения, Джон говорит: «Не могу же я сказать своему другу: "Я должен спросить разрешения у своей жены!"»

Для многих мужчин посоветоваться с женой означает спросить разрешения. Субъективно это воспринимается ими как проявление несвободы, что они не могут вести себя так, как им хочется. Что же касается большинства женщин, то для них посоветоваться с мужем вовсе не означает спрашивать разрешения. Обычно они полагают, что супруги обсуждают свои планы друг с другом, потому что их жизни так связаны, что действия одного из них имеют неизбежные последствия для другого. По этой причине Линда не только не имеет ничего против того, чтобы сказать кому-нибудь: «Мне надо посоветоваться с Джоном». Наоборот, ей это очень нравится. Ей приятно знать и показывать, что она связана с кем-то, что жизнь ее неотделима от чьей-то другой жизни.

При отстаивании своей точки зрения основным для мужа была собственная независимость, свобода действий; основным же для жены была их взаимозависимость, так как его поступки сказывались на ней. Причины непонимания скрывались в разном понимании психологической близости людей. Он интерпретировал ее желание подчеркнуть их взаимозависимость как «давление»; она же действительно пыталась использовать свои чувства, чтобы управлять как-то его поведением.

2. Два типа логики — склонность опираться на обобщенные выводы и на конкретные примеры из личного опыта. В общении многие женщины используют в качестве аргументов свои личные примеры. Их логика строится на личных контактах и опыте: они интегрируют собственные наблюдения или стараются сделать выводы из опыта других людей. Такая логика часто бывает непонятна мужчинам, потому что они редко доверяют отдельным, необобщенным фактам.

Исследования С. Робертс и Т. Джарра проводились на основании результатов собрания средней школы в Англии. Они показали, что женские примеры не пользуются весом у их коллег-мужчин именно потому, что женщины в качестве примеров используют свой опыт. Мужчины на собрании держались совершенно иной точки зрения, потому что основывались на обобщениях.

Такие же различия обнаруживаются во время домашних обсуждений. Один мужчина рассказал Деборе Таннен, что его возмущает отсутствие логики в высказываниях его жены. В качестве примера он рассказал о дискуссии в газете «Нью-Йорк Таймс», где было написано, что сегодняшние студенты не так идеалистически настроены, как это было в 60-е годы. Ему не показалось странным это заявление. Однако его жена начала спорить. Она говорила, что ее племянница и ее друзья являются весьма идеалистически настроенными молодыми людьми. Он был поражен такой аргументацией. Для него было абсолютно ясно, что единственный личный пример не является доказательством. Он не понимал, что столкнулся с совершенно иной, отличной от его собственной логической системой. И это стало причиной непонимания.

3. Разная направленность интересов — информация о фактах, событиях в мире и интерес к эмоциям, мыслям и чувствам окружающих людей. Стиль слушания мужчин сфокусирован на информационный уровень разговора, а женщин — на взаимоотношения, т.е. метаинформационный уровень. Мужчины инте-

ресуются политикой, спортом и разными новостями. По мнению Таннен, женщины проявляют такой же интерес к подробностям личной жизни других людей. Мужчин волнует отсутствие знаний о том, что же происходит в мире. А женщинам неприятно, если у них нет сведений о том, что происходит с тем или иным человеком. Для большинства женщин разговор является средством сближения и взаимопонимания. В это время устанавливаются связи и развиваются отношения, а упор делается на демонстрацию одинакового опыта и похожих случаев.

Например, одна женщина сказала, что ей не нравится без конца повторять, как они расстались с другом. Но если она не сообщит об этом всем своим подружкам, они на нее обидятся. Они могли бы расценить ее скрытность как знак того, что ей хочется прекратить с ними дружбу. Эта же женщина была поражена, когда узнала, что ее бывший друг никому не сказал об их разрыве. Он продолжал ходить на работу, в спортзал, играл в футбол и теннис со своими друзьями, как будто в его жизни ничего не случилось.

4. Разное отношение к просьбам о помощи и вопросам. Например, если человек, сидя за рулем своей машины, приехал в незнакомый большой город и не знает, как найти нужную улицу. Есть два варианта: попытаться отыскать ее на карте или спросить у прохожих. Как, скорее всего, поступят водитель-мужчина и водитель-женщина? В жизни женщин не самым главным является обладание информацией, опытом или умением. Они не считают все эти признаки мерой влияния на окружающих. Они полагают, что их власть усиливается, если к ним обращаются за помощью. Более того, если они настраиваются на связи с другими, а не на независимость и опору на собственные силы, они себя чувствуют сильнее.

Способность женщин и мужчин придавать разное значение отношениям взаимопомощи приводит к асимметрии во взаимоотношениях, т.е. к асимметричной роли статуса и связей. Многие женщины с удовольствием пользуются помощью и если могут, то помогают кому-либо сами. Существуют некоторые женщины, которые прекрасно себя чувствуют, помогая и поддерживая кого-либо. А мужчины, особенно четко реагирующие на динамику статуса, просто не могут не помогать женщинам из джентльменских побуждений. Они сами привыкли полагаться только на собственные силы. Такие люди хорошо себя чувствуют, когда

делятся информацией и оказывают помощь, а не когда получают ее. Мужчины чаще, чем женщины воспринимают социальные отношения как статусные, иерархические. С такой позиции человек, обладающий информацией, как бы поднимается на ступеньку выше других, потому что обладает большими знаниями и компетентностью. С подобной точки зрения мужчине нужно найти самому дорогу, чтобы сохранить собственную независимость, которая для мужчин является неотъемлемой частью самоуважения. Если самоуважение может сохраниться за счет плутания по улицам, за счет лишних километров пути — значит игра стоит свеч.

5. Склонность мужчин в общении к прямым выводам, а женщин к косвенным. Дженет Левер сравнивала мальчиков и девочек десяти и одиннадцати лет во время игры. Она пришла к заключению, что игры мальчиков лучше готовят их к жизни в мире, где нужно работать. В играх мальчишек можно наблюдать более сложные правила и роли. Но игры девочек тоже не простые: они устанавливают и сохраняют отношения между личностями.

Другая исследовательница, П. Экер, наблюдала за юношами и девочками старших классов. Она отмечает, что мальчики определяют свой социальный статус просто и прямо. Мальчики делают это по их личным умениям и достижениям, особенно в спорте. А вот девушки определяют свой статус более сложным способом, они принимают во внимание все черты их собственного характера и характера их подружек. Аналогично происходит у взрослых. Прямые и опосредованные способы выражения своих мыслей и чувств нередко становятся причинами непонимания между мужчинами и женщинами.

Например, непонимание возникало между мужем и женой после столкновения автомобилей, в котором она была серьезно ранена. Жена ненавидела больницы, и поэтому попросила пораньше взять ее домой. Но когда она оказалась дома, то испытывала боли, когда ей приходилось передвигаться. Муж спросил: «Почему ты не осталась в больнице, где тебе было бы гораздо удобнее?» Это ее обидело. Она усмотрела в его словах такой подтекст, что он не хотел, чтобы она была дома. Она не восприняла его предложение о том, что ей следовало бы остаться в больнице как прямую ответную реакцию на жалобы на испытываемую ею боль. Она приписала мужу желание не видеть ее дома.

6. Поиски чувства общности у женщин и уверенность в уникальности своих переживаний у мужчин. Женщины часто расстраиваются, потому что мужчины в ответ на рассказ об их неприятностях не начинают рассказывать им о своих бедах. Мужчины, наоборот, нередко испытывают чувство неловкости и переживают, когда женщины начинают выливать на них свои беды. Многих мужчин это не только не успокаивает, но они начинают злиться.

Например, одна из женщин рассказывала, что, когда ее друг начал делиться с ней своими личными переживаниями по поводу того, что он боится приближающейся старости, она ему ответила: «О, мне понятны твои чувства, я ощущаю то же самое». Она была поражена его реакцией: он разозлился, так как почувствовал, что она попыталась каким-то образом отнять у него уникальность его ситуации. Ему-то казалось, что такие чувства испытывает только он (Таннен, 1996).

Итак, для ученых, изучающих половые различия в психологии людей, ключевыми понятиями являются «мужчина» и «женщина». В конце XX в. наряду с психологией половых различий сформировалась смежная, но не тождественная ей область психологической науки — гендерная психология. Для психолога, проводящего гендерное исследование, основной оказывается другая пара понятий — «маскулинность» и «феминность».

Представители гендерного подхода склонны рассматривать психологические характеристики таким образом, как будто они в ничтожно малой степени подвержены влиянию такой независимой переменной, как пол. Гораздо более значимыми для раскрытия психологических механизмов познания и общения специалисты по гендерной психологии считают определение таких характеристик человека, как маскулинность и феминность. Развернутый анализ и детальная социально-психологическая интерпретация содержания конструкта маскулинности-феминности представлены в работе В.А. Лабунской. Она выделяет восемь параметров (нивелирование индивидуальных различий, унификация поведения в пределах заданной этносоциальной группы; варьирование в зависимости от этнокультурной и социально-психологической среды и т.п.), описание которых в совокупности образует определение обсуждаемого феномена. «Из данного определения феминности-маскулинности следует, что эти конструкты не связаны напрямую с биологическим

полом, что они являются не только социокультурными, но и социально-психологическими явлениями, фиксирующими психотип мужского и женского поведения в пределах одной гендерной роли» (Лабунская, 2003, с. 108). Далее Лабунская делает весьма радикальное утверждение: «Но мы присоединяемся к тем исследователям, которые выказывают пренебрежительное отношение к фактору пола как к неспецифической переменной и малозначимой с точки зрения основных трактовок предметного поля социальной психологии. Мы согласны с ними и считаем, что гендерный фактор, представленный сквозь призму трактовки феминности-маскулинности, — это наиболее перспективный путь понимания детерминации феноменов социальной психологии, это наиболее возможный аспект включения фактора пола в контекст социальной психологии» (там же, с. 109—110).

Представители гендерного подхода основное внимание уделяют психологическому анализу гендерной идентичности субъекта: осознанию и переживанию себя как представителя мужского или женского пола. Подчеркивается, что социокультурный гендер и биологический пол человека далеко не всегда совпадают. Это означает, что наряду с маскулинными мужчинами и феминными женщинами есть маскулинизированные женщины и феминизированные мужчины.

Степень выраженности маскулинности-феминности субъектов общения непосредственно сказываются на взаимопонимании и принятии партнерами друг друга. Ю.А. Менджерицкая обнаружила, что одной из главных причин трудностей коммуникации, возникающих у субъекта, оказывается тип его отношения к другим людям. Для субъектов с маскулинным типом структуры отношений к другим характерны высокий уровень выраженности отношений манипулирования, доминирования, подозрительности, агрессивности, враждебности и низкий уровень выраженности отношений принятия других. Феминный тип структуры отношений, в большей степени свойственный женщинам, чем мужчинам, характеризуется высоко выраженными отношениями подчинения, эмоциональной близости, принятия и низко выраженными отношениями подозрительности и враждебности (Менджерицкая, 1998).

В современной психологии одной из наиболее известных концепций, в которой дается когнитивное объяснение результатов половой типизации, является теория гендерной схемы С.Л. Бем

(Bem, 1981). Она полагает, что в процессе онтогенеза в сознании людей постепенно формируется когнитивная категориальная структура, ассоциативно связанная с принятыми в современном обществе представлениями о маскулинности и феминности. Гипотеза, положенная в основание теории и подтвержденная экспериментальными данными, состоит в том, что половая типизация сопровождается готовностью испытуемых обрабатывать информацию о себе в понятиях гендерной структуры. Когнитивная схема направляет и регулирует процессы осознания разных видов информации, касающейся общепринятых маскулинных и феминных ценностей и ролей. Люди оценивают адекватность своего поведения, взаимоотношения и отличительные психологические черты с точки зрения их типичности для того или иного пола. Независимо от их биологического пола люди различаются по «степени центрированности» на преимущественно мужских или женских гендерных ролях и ценностях, оценке своего и чужого поведения под их углом зрения. По этому признаку, используя специально разработанный опросник, Бем выделяет четыре типа гендерной идентичности.

1. Маскулинные субъекты — испытуемые, показывающие высокие оценки по шкале маскулинности и низкие по шкале феминности.
2. Феминные субъекты — с высокими оценками по шкале феминности и низкими по шкале маскулинности.
3. Андрогинные — люди, с высокими показателями и маскулинности, и феминности.
4. Субъекты с недифференцированной гендерной идентичностью — низкие оценки по обеим шкалам (Bem, 1981).

Гендерная идентичность людей наиболее отчетливо проявляется в типах их взаимодействия с партнерами в ситуациях общения (Буракова, 2000).

Маскулинных субъектов характеризует направленность на решение задач, достижение социального успеха, удовлетворение собственных потребностей при игнорировании потребностей партнера. Они отличаются низкой эмпатичностью и эмоциональностью в отношениях с партнером. Для них характерны стратегии взаимодействия независимого, доминантного и компетентного типов. Результатом преобразовательной активности маскулинного субъекта является высокая самооценка и социальная

успешность. Вместе с тем маскулинные субъекты неточно и нередко неадекватно интерпретируют психологические особенности партнеров по невербальном признакам поведения.

Субъекты с феминной гендерной идентичностью характеризуются направленностью на создание гармоничных взаимоотношений с окружающими, поддержание равновесия в общении. Феминные субъекты отличаются высоким уровнем развития эмпатии и эмоциональности в отношениях с партнером. Обычно они применяют стратегии взаимодействия зависимого, подчиненного, некомпетентного типов. Такой человек с высокой степенью точности и адекватности интерпретирует социально-психологические и психологические особенности партнера общения по его невербальному поведению. Результатом активности феминного субъекта является успешность в коммуникативной сфере, заниженная самооценка.

Субъект с андрогинной гендерной идентичностью характеризуется направленностью на установление баланса между межличностными отношениями и достижениями. Он отличается высокой эмпатичностью и эмоциональностью в отношениях с партнером. В общении он использует стратегии взаимодействия компетентного и дружелюбного типов. Результатом коммуникативной активности андрогинного субъекта является адекватная самооценка, успешность в различных областях жизнедеятельности. Такой человек умеет с высокой степенью точности и адекватности интерпретировать психологические особенности партнера общения по его невербальному поведению.

По данным американских психологов (Bem, 1981), наиболее адаптивными, испытывающими меньше трудностей в общении и чаще достигающими взаимопонимания с партнерами являются андрогинные субъекты. Это позволяет связать андрогинный тип гендерной идентичности с высокой степенью социально-психологической адаптивности (Буракова, 2000).

Социальные условия жизни людей, безусловно, влияют на формирование их гендерной идентичности. На один из современных вариантов примеривания на себя роли партнера противоположного пола указывает А.Е. Войскунский — это игровая деятельность в Интернете. О попытках изменения половой роли, «примерить» маску человека другого пола можно говорить тогда, когда мужчины действуют в рамках игры как женский, а женщины — как мужской персонаж. Символическое изменение пола

представляет собой своего рода психологический тренинг и проигрывание роли, а значит, и мироощущения субъекта противоположного пола. Причины для добровольного изменения пола в ходе игры бывают разнообразными — любопытство, стремление пошутить и повеселиться соседствуют с более обдуманными мотивами.

«Для женщин это желание избежать почти неизбежной в привычных условиях опеки и покровительственного отношения со стороны мужчин, а иногда и инициации попыток электронного флирта. Кроме того, по большому счету подобное поведение женщин свидетельствует об их готовности действовать на равных с мужчинами, не позволяя себе "спрятаться" за маской заведомо слабого и несамостоятельного существа, которому снисходительно прощаются допущенные ошибки и неудачи. Притвориться мужчиной — это значит не провоцировать других игроков проявлять снисходительное отношение к себе, а в определенном смысле согласиться на испытание своего интеллекта, находчивости и силы характера, проверить наличие в себе элементов маскулинности.

Мужчины принимают роль женщины чаще из любопытства, шутки ради, а если это хорошо обдуманный шаг — он скорее всего свидетельствует о готовности дать проявиться феминным свойствам характера, втайне от всех испытать себя в непривычной роли, в иной ипостаси. Лишь в редких случаях подобное поведение мужчин свидетельствует об их неуверенности в себе, в своих способностях добиться успеха в незнакомом виде деятельности (т.е. игре MUD). При этом примеряющие женскую роль мужчины нередко бывают удивлены масштабом и покровительственного, и в какой-то степени "корыстного" поведения игроков-мужчин: складывается впечатление, что за каждые вроде бы бескорыстно оказанные существу слабого пола услуги, советы и рекомендации мужчины ожидают и даже активно "вымогают" похвалу, признание превосходства, что-то вроде "психологического поглаживания"» (Войскунский, 1999, с. 130).

В реальной жизни бывают ситуации, в которых внешние обстоятельства иногда требуют от женщин стремиться к большему, чем обычно, проявлению маскулинных качеств личности. Примером может служить уже упоминавшееся включение женщин в традиционные «мужские игры»: соперничество, конкурентную борьбу, стремление к успеху на работе или в спортивных

достижениях. История человечества показывает, что армия и война всегда были главной «кузницей маскулинности». И когда в боевые армейские подразделения вступают женщины, то обстоятельства способствуют их маскулинизации. В яркой художественной форме этот процесс показан в фильме режиссера Р. Скотта «Солдат Джейн» с талантливой Д. Мур в главной роли.

Труднее обнаружить сферы человеческого бытия, способствующие феминизации мужчин. Возможно (хотя я не знаю соответствующих исследований), что повышению феминных качеств способствует профессия актера. Я прежде всего имею в виду спектакли, в которых мужчины играют женские роли («Служанки» Р. Виктюка, японский театр «Кабуки» и др.).

В психологии уже проведено несколько исследований, направленных на анализ положительного и отрицательного влияния феминизации мужчин на разнообразные сферы человеческого бытия. В одном из них испытуемыми были работники российской государственной службы (Зингер, 2002). Его автор, используя целый комплекс психологических методов, выделяет категорию феминизированных мужчин и изучает присущие им способы профессиональной деятельности. По ее мнению, профессиональный стиль деятельности феминизированных мужчин имеет характерные особенности: «Они реже применяют различные формы прямого психологического давления на людей, реже прибегают к прямым формам агрессии в своей профессиональной деятельности...

При принятии решений по отношению к другим лицам они в большей степени ориентируются на систему межличностных отношений, а не только на суть проблемы. Данная особенность профессиональной деятельности может как повышать эффективность самой деятельности, когда учет мнения окружающих повышает продуктивность принимаемых решений, так и снижать ее, так как окружающие могут склонить феминизированную личность через систему эмпатичных отношений, навязать ей свое решение...

Моральные, межличностные, эмпатичные факторы, отношения играют в мотивации их профессиональной деятельности особую роль. Этот тип работников может длительное время работать без должной материальной мотивации при условии, что он находит признание у руководителей, окружающих. В то же время для таких лиц явно недостаточно только материальное

вознаграждение, для них важно, в какой форме и как оно реализовано, какие чувства при этом переживает начальник, окружающие» (Зингер, 2002, с. 7).

Однако «феминизированные черты важны не сами по себе, а в сочетании с другими. Наибольший эффект в профессиональной деятельности, связанной с работой с людьми, достигают лица, обладающие феминизированными чертами личности в сочетании с относительно противоположными чертами. Это позволяет им менять свой стиль деятельности на противоположный в зависимости от ситуации, требований деятельности» (Зингер, 2002, с. 17).

Профили маскулинных и феминных свойств не отражают неизменные личностные свойства людей, а зависят от множества социальных факторов. Одним из них является именно профессия. В частности, это показано в исследовании, проведенном в Новосибирске на студентах факультетов прикладной математики и информатики, бизнеса, гуманитарного образования. Оценки субъективной значимости основных жизненных ценностей связаны с выбранной профессией. У студенток гуманитарного профиля доминирует стремление к «достижению успеха» наряду с «уважением традиций». У студенток-математиков более высокие оценки таких ценностей, как «интеллект», «внутренняя гармония» и «независимость». Соответственно относительное преобладание феминности продемонстрировали студентки факультета гуманитарного образования, а маскулинности — студентки, обучающиеся математике и информатике. Соотношение маскулинности и феминности меняется у женщин в зависимости от выбранной профессии: наибольший коэффициент маскулинности — у девушек-математиков, а наименьший — у представительниц гуманитарного факультета (Разумникова, 2004). Трудно сказать, что на что влияет: выбор профессии на гендерную идентичность или наоборот. Однако взаимосвязь между двумя переменными несомненна.

Итак, вопрос о половых и гендерных различиях в психологических характеристиках людей оказывается очень непростым и не имеющим однозначного ответа. Однако в психологической науке есть область, в которой ответ на него ясен и конкретен, — это экспериментальная психология. Сегодня можно и нужно говорить о двух нетождественных типах психологических исследований — направленных на анализ половых и гендерных различий.

Вероятно, наиболее точным критерием отличия одного от другого является тип эксперимента, проводимого психологом.

Один тип: мы берем группу испытуемых и изучаем у каждого из них особенности памяти, внимания, тревожности, агрессивности — что угодно. Затем делим выборку на подгруппы мужчин и женщин, после чего начинаем анализировать, как у них различаются изученные психологические признаки. В этом случае в эксперименте изучаются только половые различия между людьми. Как профессионал психолог, проводящий эксперимент, осознает, что результаты в скрытом виде, в имплицитной форме содержат в себе и данные о гендерных особенностях испытуемых. Однако именно как профессионал он не имеет права высказывать никаких суждений по этому поводу, потому что использованный им инструментарий (опросники, тесты и т.п.) предназначен только для интерпретации тех психологических феноменов (мышления, внимания и др.), которые изучались в эксперименте.

Принципиально другой тип эксперимента, другие переменные представлены в гендерных исследованиях. Ключевыми понятиями в них оказываются не «мужчина» и «женщина». Цель гендерного эксперимента состоит прежде всего в том, чтобы выявить непосредственно не связанные с биологическим полом социокультурные и социально-психологические свойства «маскулинности», «феминности» и «андрогинности» людей.

Современные гендерные исследования в психологии характеризуются тем, что прежде чем изучать конформность, способности и т.п., психолог с помощью соответствующих методик должен выявить полоролевую идентичность испытуемых и их ценностные ориентации. И то, и другое напрямую не связано с биологическим полом человека. Факторы полоролевой идентичности и ценностей индивида в некоторых коммуникативных ситуациях (например, требующих от субъектов общения интерпретации сообщений партнеров) могут действовать как дополняющие или даже «заменяющие» половую принадлежность.

В гендерном эксперименте сначала анализируются ролевые позиции, которые люди независимо от биологического пола занимают в общении. Роли могут быть маскулинными, феминными и андрогинными. Андрогиния предполагает, что, взаимодействуя с другими, человек может принимать на себя и типично мужские, и типично женские социальные роли. Например, в Швеции,

насколько мне известно, система социального обеспечения устроена таким образом, что в случае болезни маленького ребенка из двоих работающих родителей с ним часто остается дома и получает социальное пособие отец, а не мать. Для России же это очень редкое явление.

Различие в ценностных ориентациях, направленность на несколько отличающиеся системы ценностей западные психологи обычно изучают с помощью методики М. Рокича. С учетом сложившихся в западной культуре социальных стереотипов из «терминальной» шкалы этой методики были выделены преимущественно маскулинные и феминные ценности. Для феминных более значимыми считаются ценности любви, семьи, дружеских отношений. Для маскулинных — независимость, контроль над своей судьбой, высокий уровень достижений.

Таким образом, современные гендерные исследования характеризуются тремя основными отличительными признаками.

1. Группы испытуемых разделяются по половому, биологическому признаку на женщин и мужчин.
2. Изучаются ролевые позиции, которые люди, независимо от биологического пола, занимают в общении. Роли могут быть маскулинными, феминными и андрогинными (смешанными). Андрогиния предполагает, что, взаимодействуя с другими, человек может принимать на себя и типично мужские, и типично женские социальные роли.
3. Различие в ценностных ориентациях, направленность на несколько отличающиеся системы ценностей. Для феминных ценностей более значимыми считаются ценности любви, семьи, человеческих отношений. Для маскулинных — независимость, социальная успешность, высокий уровень достижений. Признание субъективно и объективно более значимыми маскулинных или феминных ценностей также может быть напрямую не связано с биологическим полом.

Я полагаю, что различение двух типов экспериментальных процедур дает возможность ясно понять, что изучал психолог: половые особенности психологии испытуемых или гендерные.

***

Теперь, после того как я, надеюсь, достаточно ясно описал сходство и различия в содержании категорий «гендерные исследования» и «эксперименты, направленные на изучение половых различий в психологии людей», приведу примеры нескольких конкретных исследований. Они направлены на решение проблем, актуальных для современного российского общества.

6.2. Пол, гендер и макиавеллизм

Проведение гендерных психологических экспериментов предполагает наличие соответствующих методик. В современной психологии наиболее распространенной методикой измерения гендерной идентичности является BSRI (Bem Sex-Role Inventory) — полоролевой список С.Л. Бем (Bem, 1974). Опросник состоит из 60 характеристик человека, которые обычно используют для описания поведенческих проявлений маскулинности и феминности. Он включает три шкалы — маскулинности, феминности и социальной желательности — в каждой из которой по 20 пунктов. В русском переводе опубликован неадаптированный вариант методики, не включающий психометрических характеристик, соответствующих требованиям психодиагностики (Практикум..., 2003, с. 277–280).

В 1998–2000 гг. на факультете психологии Ростовского университета аспиранткой М.В. Бураковой под руководством профессора В.А. Лабунской была проделана большая, серьезная работа по русскоязычной адаптации опросника Бем. Ее результатом стала методика измерения гендерной идентичности (МИГИ), состоящая из 30 пунктов (Буракова, 2000а). Ниже (см. таблицу на с. 341) приводятся пункты опросника, в скобках буквой «м» отмечены характеристики человека, соответствующие «маскулинности», а «ф» — «феминности».

В инструкции от испытуемого требуется по 7-балльной шкале (от «никогда не соответствует» до «всегда соответствует») оценить, в какой степени его характеризует каждая категория.

1. Сильный физически (м)	16. Напористый (м)
2. Аналитически мыслящий (м)	17. Уступчивый (ф)
3. Мягкий (ф)	18. Полезный для других
4. Сострадательный (ф)	19. Независимый (м)
5. Обаятельный	20. Доминирующий (м)
6. Любящий	21. Сочувствующий (ф)
7. Действующий как лидер (м)	22. Искренний (ф)
8. Чувствительный к нуждам других (ф)	23. Неестественный
9. Ревнивый	24. Равнодушный
10. Готовый идти на риск (м)	25. Самодостаточный (м)
11. Обладающий лидерскими качествами (м)	26. Чистый (ф)
12. Готовый облегчить страдания других (ф)	27. Необязательный
13. Доверчивый (ф)	28. Мужественный (м)
14. Добросовестный	29. Женственный (ф)
15. Дружелюбный	30. Счастливый

По полученным данным в соответствии с теоретическими конструктами, предложенными Бем (Bem, 1981), субъект может быть отнесен к одному из следующих типов гендерной идентичности:

- маскулинный полотипичный (мужчина отождествляет себя с конструктом маскулинности);
- маскулинный кроссполотипичный (женщина отождествляет себя с конструктом маскулинности);
- феминный полотипичный (женщина отождествляет себя с конструктом феминности);
- феминный кроссполотипичный (мужчина отождествляет себя с конструктом феминности);
- андрогинный (субъект независимо от пола отождествляет себя с конструктами и маскулинности, и феминности);
- недифференцированный (субъект независимо от пола не отождествляет себя ни с конструктом маскулинности, ни с конструктом феминности).

Прежде чем проводить собственные исследования, я провел несколько предварительных серий экспериментов, направленных на проверку валидности и надежности МИГИ, а также на определение связи гендерной идентичности с макиавеллизмом личности.

Методика

Исследование состояло из трех этапов и проводилось в Смоленске, Костроме и Москве.

В экспериментах первого этапа принимали участие 100 человек (50 женщин и 50 мужчин — студенты, инженеры, экономисты, менеджеры). Их средний возраст: M = 25,2, SD = 11,73. Испытуемым давался бланк с расположенными по алфавиту 20 характеристиками из шкал «Маскулинность» и «Фемининность» опросника МИГИ. Испытуемым предлагалось из предложенных характеристик человека выбрать те, которые в большей степени выражены у большинства мужчин, и те, которые в большей степени выражены у большинства женщин. Каждую характеристику нужно было отнести либо к «типичному мужчине», либо к «типичной женщине». Использовался метод принудительного выбора: одну характеристику нельзя было относить и к «типичному мужчине», и к «типичной женщине».

В экспериментах второго этапа принимали участие 277 человек (150 женщин и 127 мужчин — студенты и люди с высшим образованием разного профиля). Возраст: M = 23,9, SD = 7,7; Me = 21. Испытуемые заполняли опросник МИГИ.

В экспериментах третьего этапа в исследовании приняли участие 410 испытуемых в возрасте от 16 до 56 лет (в основном студенты): M = 21, SD = 9,09; Me = 24,1. Средний возраст 197 мужчин (M = 28,4 SD = 11,55) значимо ($p < 0,01$) превышал возраст 213 женщин (M = 20,1, SD = 1,80). Сначала испытуемые заполняли опросник МИГИ, затем шкалу Мак-IV.

Результаты и их обсуждение

Результаты экспериментов первого этапа обнаружили почти полное совпадение стереотипных представлений испытуемых о типичных мужчинах и женщинах с соответствующими двумя шкалами МИГИ. По критерию χ-квадрат нет значимых различий между ответами испытуемых и шкалами МИГИ. Исключением для смешанной выборки испытуемых стали пункты «искренний(ая)» из шкалы «Фемининность» и «независимый(ая)» из шкалы

«Маскулинность»: значимых различий в приписывании этих качеств мужчинам и женщинам не наблюдается. Следовательно, результаты этих испытуемых подтверждают содержательную валидность МИГИ: стереотипные представления о характеристиках мужчин и женщин соответствуют шкалам «Маскулинность» и «Феминность».

На втором этапе после заполнения испытуемыми МИГИ в дополнение к определенным В.А. Лабунской и М.В. Бураковой психометрическим характеристикам методики осуществлялся статистический анализ результатов. Он был направлен на выявление одномоментной надежности, внутренней согласованности пунктов трех шкал опросника, указывающей на степень однородности состава заданий. Иначе говоря, отнесенности вопросов именно к таким качествам испытуемых, как маскулинность и феминность. Внутренняя согласованность определялась с помощью вычисления коэффициента α Кронбаха.

Для шкалы феминности $\alpha = 0{,}839$. Средняя величина коэффициента корреляции между ответами на 10 входящих в шкалу вопросов $r = 0{,}349$.

Для шкалы маскулинности $\alpha = 0{,}818$. Коэффициент корреляции $r = 0{,}315$.

Нейтральная шкала: $\alpha = 262$, $r = 0{,}036$.

Приведенные выше числовые показатели свидетельствуют об очень хорошей внутренней согласованности шкал феминности и маскулинности. Вместе с тем согласованность нейтральной, маскировочной шкалы, как и следовало ожидать, очень мала.

Вывод: по характеристике одномоментной надежности МИГИ является вполне удовлетворительным инструментом измерения гендерной идентичности.

Основной целью экспериментов третьего этапа было определение наличия или отсутствия корреляционной связи между показателями гендерной идентичности и макиавеллизма.

Статистический анализ результатов с применением двустороннего критерия Колмогорова — Смирнова обнаружил, что средние показатели феминности у 213 женщин значимо ($p < 0{,}001$) превысили те же показатели у 197 испытуемых в мужской выборке ($M = 4{,}73$ и $M = 4{,}12$). Однако различия по шкале маскулинности у женщин и мужчин оказались не значимыми ($M = 4{,}34$ и $M = 4{,}48$).

Причины недифференцированности современных людей по свойству маскулинности, по-видимому, верно указывает И.С. Клецина, ссылающаяся на данные и отечественных, и зарубежных авторов. В массовом сознании постепенно происходит насыщение образа женщины характеристиками, традиционно приписываемыми мужчинам. Данные научных исследований «отражают проявления полоролевой демократизации, которая в основном происходит за счет расширения полоролевого репертуара женщин» (Практикум..., 2003, с. 459).

Казалось бы, полученные данные свидетельствуют против обоснованности утверждения о том, что феминность является преимущественно женским качеством, а маскулинность — мужским. Однако дополнительный статистический анализ результатов все-таки подтверждает справедливость высказанного суждения.

Из 410 испытуемых феминных и гиперфеминных оказалось 149 человек. Из них 44 мужчины и 105 женщин. Применение как биномиального критерия, так и критерия Колмогорова — Смирнова с вероятностью ошибки $p < 0{,}01$ дает основание утверждать, что среди феминных и гиперфеминных субъектов преобладают женщины. Маскулинными и гипермаскулинными оказались 143 испытуемых (93 мужчины и 50 женщин). Те же способы статистического анализа приводят к выводу, что среди маскулинных и гипермаскулинных субъектов значимо больше мужчин, чем женщин.

Следовательно, утверждение о том, что маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а феминность женским, можно считать научно обоснованным.

Теперь перейду к ответу на вопрос о связи гендерной идентичности и макиавеллизма. Среднеарифметические оценки по Мак-шкале и женщин, и мужчин находятся в среднем диапазоне: $M = 74{,}6$ и $M = 78{,}0$. Корреляционная матрица смешанной выборки, состоящей из 410 испытуемых, показала, что есть отрицательная корреляция между макиавеллизмом и феминностью ($r = -0{,}395$), но отсутствует аналогичная связь с маскулинностью.

Практически ничего не изменяет анализ, учитывающий разделение испытуемых по половым и гендерным признакам. У 197 мужчин мак-показатели не связаны с маскулинностью, но отрицательно коррелируют с феминностью ($r = -0{,}308$). Так же обстоит дело у 213 женщин, только величина коэффициента

немного выше ($r = -0{,}435$). Следовательно, раздельный анализ подтверждает результаты смешанной выборки: и у женщин, и мужчин наблюдается отрицательная корреляция макиавеллизма с фемининностью, но отсутствует связь с маскулинностью.

Теперь проанализирую связи макиавеллизма с гиперфемининностью и гипермаскулинностью. Гиперфемининных субъектов в выборке оказалось 82 человека (из них 62 женщины и 20 мужчин), гипермаскулинных — 84 (56 мужчин и 28 женщин). И у тех, и у других значимые коэффициенты корреляции тоже только между макиавеллизмом и фемининностью ($r = -0{,}279$ и $r = -0{,}273$). Однако сами оценки по Мак-шкале у гипермаскулинных гораздо более высокие: $M = 80{,}52$ и $M = 70{,}96$. $\chi 2 = 315{,}08$, $p < 0{,}001$.

Итак, эксперименты выявили наличие отрицательной связи между оценками по Мак-шкале и показателями фемининности по МИГИ. Однако предположение о положительной связи макиавеллизма и маскулинности не подтвердилось.

Такие результаты соответствуют данным о меньшей выраженности макиавеллизма у женщин, но противоречат представлениям о макиавеллизме как преимущественно мужской черте личности (Знаков, 2001). Для разрешения противоречия, во-первых, необходим более углубленный анализ факторов, влияющих на формирование гендерной идентичности людей разного пола. Во-вторых, нужно детальнее исследовать сходство и различие поведенческих проявлений макиавеллизма у мужчин и женщин. При этом особое внимание следует обратить на причины и обстоятельства, препятствующие ясному и четкому определению маскулинности-фемининности и макиавеллизма личности.

6.3. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана

Сегодня мало кто сомневается в актуальности психологических исследований неправды, лжи и обмана. Важность этих проблем очевидна: широкое распространение указанных коммуникативных феноменов определяет их социальную значимость и диктует настоятельную потребность их изучения. Для определения

неправды, лжи и обмана как категорий психологии взаимопонимания исследование содержания этих феноменов необходимо осуществлять одновременно в двух взаимно пересекающихся плоскостях анализа. Одно направление исследования — анализ установок, целей, намерений передающего сообщение субъекта, другое — выявление степени соответствия сообщения действительности. При таком подходе *неправду можно охарактеризовать как не соответствующее действительности высказывание, сделанное без намерения ввести партнера в заблуждение; ложь как сознательное искажение знаемой субъектом истины, а обман как полуправду, провоцирующую понимающего ее человека на ошибочные выводы из достоверных фактов.* Подробное обоснование именно таких определений обсуждаемых феноменов я осуществил в предыдущих исследованиях (Знаков, 1999б). Однако следует признать, что от классификации отличительных признаков неправды, лжи и обмана, а также выявления в психосемантическом поле сознания человека ассоциативно связанных с ними слов до описания психологических механизмов этих феноменов — дистанция огромного размера.

Проблема искажения человеком фактов при передаче сообщений другим людям стара как мир. Однако это не означает, что науке хорошо известны психологические механизмы неправды, лжи и обмана. Напротив: многообразие возможных вариантов искажения истины, неосознаваемых побудительных причин, плохо осознаваемых мотивов и ясно представленных в сознании субъекта интересов способствовали возникновению различных, нередко противоречащих друг другу научных представлений о психологическом сходстве и различии содержания названных коммуникативных феноменов.

Пожалуй, основная трудность психологического анализа содержания неправды, лжи и обмана заключается в исследовании соотношения их осознаваемых и неосознаваемых компонентов. При этом задача психолога осложняется еще и их динамичностью, изменчивостью с течением времени.

Как известно, есть общепсихологические механизмы, присущие всем людям и влияющие на понимание ими своих высказываний как правдивых или, наоборот, неправдивых. Прежде всего это *перструктурирование и схематизация прошлого опыта*, проявляющиеся в процессах памяти, мышления и понимания. Из экспериментальной психологии известно, что пересказ че-

ловеком любой информации обычно является не дословным воспроизведением. Рассказ — это всегда такая реконструкция, которая включает не только запомненные, известные, но и новые элементы. Более того именно наличие реконструктивных элементов в сообщении может служить указанием на то, что человек говорит правду. И наоборот: если, например, обвиняемый на допросах дословно, заученно твердит одно и то же, то скорее всего он лжет. Это убедительно доказано голландским психологом Вагенааром с коллегами на материалах практики нидерландского судопроизводства (Wagenaar et al., 1993).

Такая особенность человеческой психики, т.е. переструктурирование первично воспринятого и запомненного материала, имеет первостепенную значимость в судебной практике. Я имею в виду прежде всего оценку истинности показаний обвиняемых, потерпевших, свидетелей преступления.

В психологических исследованиях автобиографической памяти показано, что даже точное, соответствующее фактам признание никогда не бывает абсолютно достоверным. «Истинное признание» — всегда субъективно подлинный автобиографический рассказ, который включает как реконструктивные, так и конструктивные элементы. Например, как показано в исследовании В.В. Нурковой, истинное воспоминание при воспроизведении не тождественно точному «снимку» прошлого. Оно представляет собой подобие «карты», которая достраивается и меняется в зависимости от ситуации воспроизведения, инструкции, целей, эмоционального состояния допрашиваемого, его мотивации (Нуркова, 1996, 1998).

Такие же не осознаваемые субъектом психологические механизмы лежат в основе понимания собственной произнесенной вслух неправды, лжи и обмана. К примеру, человек вначале может знать, что он лжет, а со временем искренне поверить в свою ложь.

Однако, конечно же, понимание не всегда основывается преимущественно на неосознаваемых процессах. Осознанная, но основанная на неверном знании неправда может превратиться в откровенную ложь, если субъект узнал о своем заблуждении, но ему уже неловко признаться окружающим, что он и их вводил в заблуждение.

Еще сложнее обстоит дело с обманом. Иногда обманщик высказывает полуправду в такой манере, как будто это полная

правда. Или он специально произносит правду таким тоном, что окружающим кажется, что он имеет в виду прямо противоположное тому, что сказал. Такие, известные с военных времен приемы дезинформации противника в современном обществе реализуются в способах и технологиях информационно-психологического воздействия. В межличностном общении этот прием эффективно используется тогда, когда обманывающий точно знает, что партнер не верит ему, по каким-то причинам считает, что он солжет. В этом случае обманщик вполне резонно полагает, что именно правда покажется собеседнику наиболее невероятной.

Подобная ситуация отражена в анекдоте, который еще З. Фрейд анализировал в одной из своих книг:

> *«Два еврея встречаются на галицийской станции в вагоне железной дороги. «Куда едешь?» — спрашивает один. — «В Краков»,— гласит ответ. — «Ну посуди сам, какой ты лгун, — вспылил первый, когда ты говоришь, что ты едешь в Краков, то ты ведь хочешь, чтоб я подумал, что ты едешь в Лемберг. А теперь я знаю, что действительно едешь в Краков. Почему же ты лжешь?»* (Фрейд, 1998, с. 115).

Таким образом, сказав правду, субъект обманул собеседника. Этот вариант обмана с помощью правды характеризуется тем, что у реципиента есть исходная установка на то, что ему непременно скажут не правду, а ложь. И даже если говорящий не собирался вводить его в заблуждение и действительно говорит правду, то он все равно обманывается в результате собственных обманных ожиданий относительно намерений партнера. Если же говорящий действительно преследовал цель ввести партнера в заблуждение относительно своих подлинных намерений, то он действовал по принципу, в реалистичности и неизменности которого некоторые люди твердо убеждены: «Вот так всегда: скажи человеку правду — и можешь твердо рассчитывать на то, что тебе не поверят».

Обманные ожидания или описанное выше убеждение играют роль установок, «предпонимания» (Гадамер, 1988), направляющих процесс понимания того, что говорит собеседник. Установки неразрывно связаны с механизмами психологической защиты. Защитные механизмы личности — рационализация, отрицание и другие — направляют процесс понимания, избира-

тельно выдвигая на передний план сознания понимающего субъекта одни сведения и оставляя в глубинах бессознательного другие. И даже не обязательно бессознательного: как в приведенном выше анекдоте, субъект может рационализировать, приписывать наиболее разумный (с его точки зрения) смысл тому, что он услышал от партнера.

Следовательно, рационализация является одним из реально действующих механизмов человеческого понимания. Как считает Э. Фромм, «детальное исследование процесса рационализации, возможно, является самым важным вкладом психоанализа в развитие человеческой культуры. Оно открыло новое измерение истины и показало, что того факта, что кто-то верит во что-то, еще недостаточно, чтобы судить о его искренности, что, только поняв, какие бессознательные процессы происходят в человеке, можно узнать, рационализирует он или говорит правду» (Фромм, 1990, с. 264).

Это в равной степени относится и к семантическим антиподам правды. Допустим, муж изменяет жене, а ей говорит, что ему часто приходится задерживаться на работе. Мужчина может уверять себя, что лжет жене, чтобы уберечь ее от неприятных переживаний. На самом деле он производит рационализацию, а истинная мотивация его поступка объясняется чувством вины и стремлением избежать семейного конфликта. Психоанализ показал, что субъективное убеждение ни в коей мере не является достаточным критерием искренности.

В других случаях защита своего Я состоит в искажении или отрицании самого факта высказывания лжи или обмана. Такое поведение защищает личность от понижения самооценки, «потери лица». Характерная особенность отрицания — способность неправильно вспоминать события. Человек ясно припоминает версию события, а затем позже вспоминает это событие иначе и внезапно сознает, что первая версия была ложью, выдумкой. Недаром еще Монтень говорил, что самая большая опасность для лжеца, опасающегося разоблачения, — иметь плохую память.

Из психологических исследований известно, что мужчинами и женщинами защитные механизмы личности и, соответственно, собственная ложь или обман обычно осознаются в разной степени. У мужчин ложь или обман, как правило, бывают ситуативными: они точнее женщин могут описать ситуации, в которых лгут, и отчетливее осознают, зачем, с какой целью это делают.

А поскольку они знают обстоятельства, в которых нарушают известную им моральную норму, то критичнее женщин относятся к собственной честности. Следствие самокритичности — более низкие самооценки (Знаков, 1999б). Другая плоскость анализа, в которой очевидны половые различия: человек может искажать не только объективные факты, события, явления, но и субъективные эмоции, мысли и чувства. Описывая сущность лжи и обмана, мужчины обычно дают когнитивную и моральную оценку суждений, не соответствующих объективной реальности. Женщины подчеркивают, что в общении наиболее сильное эмоциональное впечатление у них вызывает не искажение фактов, а ложь и обман (иногда свои, иногда чужие) с целью сокрытия или представления в неверном свете подлинных мыслей и чувств.

Психологические исследования показывают, что стремление к сокрытию от партнеров своего внутреннего мира, установок, черт характера и т.п. или, наоборот, к самораскрытию в общении у мужчин и женщин выражается по-разному. Цели женщин более явно социально направлены: психологической близости с партнером, умению ладить с другими людьми, взаимопониманию обычно женщины придают большее значение, чем мужчины.

Очевидно, что установление доверительных отношений, необходимых для достижения таких целей, невозможно без значительного самораскрытия. Мужчины, общаясь с другими, нередко тоже сообщают им сведения о себе, однако объем глубина и содержание самораскрытия явно несут на себе печать половых различий. Например, девушки в целом чаще, чем юноши, рассказывают о себе окружающим. Однако если юноши предпочитают сообщать только о своих мнениях и установках, то девушки говорят о чувствах и переживаниях. «По содержанию самораскрытия диагностируются следующие различия: девушки больше говорят о чувствах, особенностях внешности, а юноши — о политических событиях, вкусах в области искусства. Девушки склонны обсуждать любые свои отношения с окружающими, в то время как юноши — преимущественно конфликтные взаимоотношения. Половые различия по глубине самораскрытия проявляются в том, что девушки превосходят юношей в поверхностном самораскрытии, а юноши чаще избегают самораскрытия» (Зинченко, 2000, с. 19–20).

Как утверждают две исследовательницы женского предпринимательства, в коммуникативных ситуациях «женщины более

доверчивы и менее контролируют себя» (Чирикова, Кричевская, 1996, с. 27). Одной из главных психологических причин «меньшего самоконтроля» оказывается больший, чем у мужчин, диапазон степеней перехода от осознаваемых к полуосознаваемым и вовсе неосознаваемым компонентам своего поведения. По этой причине для ответа на вопрос: «Действительно ли мой поступок можно охарактеризовать как неправду, ложь или обман?» — женщинам иногда приходится рефлексировать, сознательно осмысливать стиль своего поведения. Например, журналистка Э. Чаландзия очень точно сформулировала проблему, сделав это в остроумной и ироничной манере: «Чтобы приступить к научному изучению этой животрепещущей темы, необходимо подойти к зеркалу и вызывающе заявить своему изображению: "Да, я вру!" Затем в зависимости от того, насколько ты сама веришь тому, о чем говоришь, прибавить: "время от времени", "иногда", "часто", "очень часто", "практически всегда", "даже во сне" и — предел лицемерия — "не вру никогда". Последнее стоит произнести надменно и с достоинством, после чего поздравить себя с удачной ложью и больше никогда не переживать по этому поводу» (Чаландзия, 1996, с. 86).

Другая причина доверчивости и относительно низкого самоконтроля — в поведенческой пластичности женщин: временной динамике, процессуальности психологической оценки людей (и не в последнюю очередь — себя) в общении. Нередко это проявляется в самоубеждении, в такой переоценке своего поступка, вначале оцениваемого как сомнительный в моральном смысле, которая способствует сохранению самоуважения. У некоторых женщин первоисточником лжи оказывается «маленькая неправда», безобидное преувеличение, в основе которого лежит естественное и осознанное желание наилучшим образом представить себя в глазах собеседников. Существенную роль в этом, очевидно, играют механизмы психологической защиты. Вначале неправда требует самооправдания, обычно основанного на очень пристрастном и необъективном отражении социального окружения. Затем, переходя в привычку, становясь компонентом нравственного сознания личности, неправда нередко заменяется сначала полуосознаваемым, а потом вполне сознательным обманом и даже ложью (которым тоже подыскивается «разумное» самооправдание). В результате такая женщина может считать себя честным человеком, допускающим невинную ложь там, где, по ее мнению, без этого не обойтись.

Психологи уделяют пристальное внимание половым различиям в понимании и обнаружении лжи и обмана (DePaulo et al., 1983; Ekman, O'Sullivan, 1991). Тем не менее пока им не удалось найти убедительных доказательств преимущества испытуемых одного из полов в ситуациях, в которых нужно определить, обманывает ли тебя собеседник (Экман, 1999). Очевидно, что в разной степени осознаваемые когнитивные представления о содержании неправды, лжи и обмана играют существенную роль в формировании понимания психологической природы этих коммуникативных феноменов. Однако не менее важны личностные факторы: неодинаковые у мужчин и женщин особенности личности, специфика нравственного сознания и ценностных переживаний, влияющие на характер понимания человеком себя и других (в частности, известно, что у женщин самооценка нравственных и эмоционально-коммуникативных свойств личности выше, чем у мужчин: Знаков, 1994, с. 163).

Для того чтобы выявить и описать нравственные представления и эмоциональные ценностные переживания, влияющие на понимание неправды, лжи и обмана женщинами и мужчинами в коммуникативных ситуациях, я провел исследование.

Методика

В исследовании принимали участие 275 испытуемых в возрасте от 18 до 57 лет (143 женщины и 132 мужчины — студенты, инженеры, экономисты, педагоги, военные летчики и медики, солдаты, офицеры). Средний возраст испытуемых женской выборки — 31.8 лет (стандартное отклонение 8.94), мужской — 26.5 лет (стандартное отклонение 9.64).

Процедура исследования состояла в том, что испытуемые анонимно, не указывая фамилии, заполняли три опросника: «Личностный дифференциал», шкалу инструментальных ценностей из методики «Ценностные ориентации» М. Рокича и «Шкалу самооценки честности». В соответствии с основной целью исследования в методике Рокича пункт шкалы «Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)» был заменен на «Правдивость (стремление всегда говорить то, что есть на самом деле, что соответствует фактам)». По моему мнению, пункт шкалы «Высокие запросы» является неоднозначным, трудно определимым и потому малоинформативным. В пункте шкалы «Честность» была изменена формулировка его содержания: вместо «честность (правдивость, искренность)» — на «честность (следование моральным принципам, своему пониманию правил честного поведения)». Каждому профессиональному психологу известно, что нельзя из-

менять вопросы в стандартизованной, неоднократно проверенной на валидность и надежность методике. Однако это справедливо только применительно к тем случаям, когда методика рассматривается как целостный психодиагностический инструмент, а ее результаты сопоставляются с данными, полученными с помощью других тестовых методик. Моя задача состояла в другом: выяснить, на какие ранговые места из 18 упорядочиваемых по субъективной значимости ценностей испытуемые ставят «Правдивость» и «Честность». Ранговое положение остальных 16 переменных («Аккуратность», «Рационализм» и др.) меня не интересовало.

«Шкала самооценки честности» возникла в результате разработки методики самооценки правдивости. Изменение названия методики оказалось логически неизбежным следствием психологической интерпретации трехфакторной структуры опросника: факторы были условно названы «правда-истина», «правда-справедливость» и «правда-совесть». После неоднократной факторизации из 75 первоначально выбранных пунктов в опроснике осталось только 12: Самокритичный; Обманывающий; Принципиальный; Способный открыто признать свою неправоту; Несправедливый; Хвастливый; Правдивый; Беспристрастный, Объективный в общении; Неискренний; Бессовестный; Согласный с тем, что «горькая правда всегда лучше, чем сладкая ложь»; Нечестный. Как факторная структура опросника, так и простое перечисление входящих в него шкал определенно указывают на тот факт, что самооценки по этим шкалам относятся не к правдивости, а отражают представления субъекта о содержательно более объемной категории его нравственного сознания и черте характера — честности.

Таким образом, в исследовании были использованы методики самооценки свойств личности и предпочитаемых ценностей. Между тем известно, что самооценка весьма вариабельна и субъективна: она может быть прямой и косвенной, самооценкой «для себя» и самооценкой «для других», квазисамооценкой и т.д. Более того: поведение личности не находится в прямой зависимости от самооценки, поскольку она опосредованно участвует в поведении, будучи связанной с социальными ожиданиями, уровнем притязаний, ценностями личности. Однако цель моего исследования заключалась в изучении не поведения, а понимания, т.е. того, как испытуемые понимают неправду, ложь и обман, но не того, как они применяют их в реальной жизни. Поскольку самооценка является одной из психологических составляющих понимания и взаимопонимания (Rosemann, Kerres, 1986), то использованный методический подход представляется вполне оправданным.

После заполнения опросников испытуемые также анонимно отвечали на три вопроса:

1. Скажите, пожалуйста, что такое с Вашей точки зрения, ложь, т.е. дайте краткое определение лжи.
2. В каких ситуациях Вы можете солгать?
3. Есть ли разница между неправдой, ложью и обманом? Если да, то какая?

Результаты и их обсуждение

По характеру ответов на первые два вопроса («Скажите, пожалуйста, что такое с Вашей точки зрения ложь, т.е. дайте краткое определение лжи» и «В каких ситуациях Вы можете солгать?») испытуемые разделились на две группы.

113 человек, определяя ложь, рассматривают ее только с позиции лгущего субъекта. Эти испытуемые обращают внимание или на моменты, связанные с искажением истины, извращением фактов («Ложь — сообщение заведомо неверной информации» — исп. 14), или на соответствие искажения реальной картины мира целям, намерениям лгуна («Главное не ситуация: я могу солгать во имя цели, значимой для меня в данный временной промежуток» — исп. 211). Общее в их ответах на оба вопроса — подчеркивание субъективной значимости лжи и полное отсутствие каких-либо упоминаний о тех, кому лжет субъект. Испытуемые из этой группы понимают ложь как инструмент, средство достижения собственных целей и оценивают коммуникативную ситуацию с монологических позиций. Такие люди мало задумываются о воздействии лжи на партнеров и не склонны к моральной рефлексии. Подобному пониманию акта лжи наиболее подходит название *эгоцентрическая ложь*. Такая ложь отражает монологическую эгоцентричную позицию субъекта, стремящегося удовлетворить значимую для него потребность и не думающего о пользе или вреде, причиняемом ложью конкретному человеку или какой-то группе людей. Однако эгоцентрическая ложь не всегда вызвана эгоистическими и корыстными мотивами. Иногда она обусловлена не личными, а профессиональными обстоятельствами, как в ситуациях с различными психологическими экспериментами (например, по выявлению конформности личности).

Другие 162 человека, напротив, обращают внимание на то, как лживое сообщение может повлиять на сознание и поведение обманываемых («Ложь — злонамеренное сокрытие правды; знание, что неправильная информация может вызвать неудобства у других» — исп. 54). Эти испытуемые отмечают, что в основном

лгут для того, чтобы положительно повлиять на психологическое состояние обманываемого («Могу солгать, если это убережет человека от страданий» — исп. 97). Такая позиция проявляется даже тогда, когда они лгут ради собственных интересов («В чем-то оправдать себя, чтобы не обидеть других» — исп. 140; «Когда правда угрожает моему благополучию или благополучию других людей» — исп. 32). И тем более в ситуациях, «когда сильно ущемляют мои интересы или интересы моих близких» — исп. 188.

В этом случае ложь нередко оказывается результатом выбора субъекта между истиной и его представлением о благе, правах личности. Иногда такое представление применяется по отношению к себе (однако для российских испытуемых это не правило, а исключение), но гораздо чаще имеется в виду благо для другого человека (пример: лгать неизлечимо больному, что он скоро выздоровеет). О подобном намеренном искажении фактов еще Августин Блаженный говорил как о «нравственно допустимой лжи, которая никому не вредит, а некоторым даже полезна» (Augustinus, 1986, с. 30). Вместе с тем это не «альтруистическая ложь, помогающая объекту лжи и не приносящая никакой выгоды "спасателю"» (Экман, 1999). Согласно словарному определению, альтруизм — это «готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими личными интересами» (Ожегов, 1988, с. 23). Про испытуемых второй группы нельзя сказать, что они готовы лгать, не считаясь с собственными интересами. Они делают это в соответствии со своими представлениями о том, что является добром, благом для любого человека, включая себя, поэтому такую ложь я назвал *добродетельной.*

Мужчины и женщины отличаются по склонности высказывать эгоцентрическую и добродетельную ложь: у женской части выборки наблюдается отчетливо выраженная приверженность к добродетельной лжи. 100 испытуемых женского пола в определение лжи включали человека, которому лжет субъект, а 43 не включили ($c2 = 21.93$, $p < 0.001$). *Для испытуемых из мужской выборки пропорции иные: 62 и 70 человек (различия не значимы).*

Естественно было предположить, что испытуемые двух выявленных групп должны различаться по тем нравственным качествам личности, которые имеют непосредственное отношение к честности-нечестности и правдивости-лживости. Статистический анализ экспериментальных данных проводился с применением критерия Колмогорова–Смирнова.

Он показал, что у 43 женщин, не упомянувших других людей в ответах на два описанных выше вопроса, значимо более высокими (чем у 100 упомянувших) оказались анонимные самооценки честности: Me = 14 и Me = 13; DN = 0.124, p<0.001. Они также приписывают честности более высокий ранг в субъективной иерархии ценностей: Me = 6 и Me = 7; DN = 0.223; p<0.07. Интересно, что значимых различий по показателям правдивости как стремления всегда говорить только то, что соответствует фактам, между этими двумя группами испытуемых не обнаружено.

Женщины, не упоминающие об обманываемом человеке в определениях и ситуациях лжи, в целом более высоко оценивают нравственные качества собственной личности. Об этом говорят их ответы, относящиеся к фактору «Оценка личностного дифференциала»: Me = 15 и Me = 14; DN = 0.260, p<0.03. Показатели по фактору «Оценка» свидетельствуют о степени выраженности у человека самоуважения, удовлетворенности собой, своим поведением, оценки себя как носителя социально желательных моральных характеристик. Они также выше оценивают свои волевые качества, уверенность в себе, независимость, склонность рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях — показатели по фактору «Сила» у них более высокие, хотя статистическая значимость различий невелика: Me = 8 и Me = 6.5; p<0.1.

Таким образом, в женской выборке приверженцы добродетельной лжи скромнее оценивают нравственные качества своей личности, в частности, честность.

У мужчин наоборот: 62 испытуемых, обнаруживших предпочтение добродетельной лжи, более высоко оценили себя по шкалам фактора «Оценка»: Me = 14 и Me = 10; DN = 0.352, p<0.001. Других отличий между особенностями личности у 70 приверженцев эгоцентрической лжи и 62 добродетельной выявлено не было.

Из 18 ранговых позиций опросника М. Рокича, в основном описывающих черты характера человека, 143 женщины в субъективной шкале ценностей поставили «честность» в среднем на седьмое место, а «правдивость» — на одиннадцатое (Me = 7 и Me = 11; DN = 0.272, p<0.001).

Так же как и женщины, 132 испытуемых мужской выборки субъективно более значимой считают честность, чем правдивость (стремление всегда говорить то, что есть на самом деле, что соответствует фактам): Me = 6 и Me = 9; DN = 0.227, p<0.001.

Однако во внутренней иерархии ценностей женщин правдивость в изложенной выше интерпретации занимает все же более низкое положение, чем у мужчин: Me = 11 и Me = 9; DN = 0.184, $p<0.02$. И это неудивительно: *мужчины, определяя ложь и обман, связывают их прежде всего с когнитивной и моральной оценкой искажения объективных фактов; женщины в общении придают большее значение и сильнее эмоционально переживают ложь и обман (как свои, так и собеседников), направленные на искажение и сокрытие подлинных мыслей и чувств.*

В целом результаты, полученные на российской выборке испытуемых, резко отличаются как от данных, полученных М. Рокичем в 1960—1970-е годы в процессе апробации методики, так и от результатов проведенных на ее основе четырех американских общенациональных опросов (они были проведены в период с 1968 по 1981 г.). Результаты свидетельствуют, что практически все группы американцев — черные, белые, мужчины, женщины и т.д. — обычно ставят «честность» на первое или второе место.

Правда, вполне возможно, что сегодня эти данные уже устарели и не соответствуют изменившемуся миру. Авторы книги, опубликованной в США в 1995 г., пишут: «Интересно отметить, что почти во всех исследованиях проблем честности, предпринятых в последнее время в развитых странах, отмечается, что общий уровень честности населения повсеместно снижается» (Альбрехт и др., 1995, с. 38). Например, «в период с 1987 по 1991 г. в Великобритании объем мошенничества увеличился более чем в два раза — эти цифры основаны только на тех случаях, по которым было предъявлено обвинение» (там же, с. 24).

Нечестность проявляется и в ситуациях найма на работу. В первом интервью кандидаты надеются представить себя в наилучшем свете, минимизируя свои недостатки и слабости и преувеличивая свои сильные стороны. Естественно, что работодатели рассчитывают на то, что претенденты на рабочее место будут отвечать на вопросы правдиво. Однако 90% выборки выпускников университетов, которым вскоре предстоит наниматься на работу, говорят, что они готовы фальсифицировать факты своей биографии. Вместе с тем организации тоже обманывают кандидатов по поводу условий работы (Robinson et al., 1998).

Аналогичные факты описывает американский социальный психолог Л. Сакс: «Несмотря на то, что студенты колледжа

не являются типичными членами общества, нет причин для того чтобы считать, что они менее честны, чем другие. Тем не менее с пугающей регулярностью исследования показывают драматическое увеличение обмана среди студентов» (Saxe, 1991, p. 410).

Ни для кого не секрет, что в нашей стране положение не лучше. И причины нечестности следует искать не только в сложной экономической ситуации и пошатнувшихся моральных устоях общества, но и в разном понимании принципов честного и нечестного поведения. Различия в понимании последнего в значительной степени основаны на неодинаковой интерпретации людьми сходства и различия в содержании неправды, лжи и обмана.

Прежде чем переходить к содержательному анализу половых различий в понимании трех названных коммуникативных феноменов, рассмотрю выявленную в экспериментах количественную закономерность. Ее суть в том, что приверженцы эгоцентрической лжи обнаружили значительно более низкий уровень рефлексии, осмысления содержания и смысла обсуждаемых понятий, чем субъекты, проявившие склонность к добродетельной лжи. Из 70 мужчин только 19 сумели описать, в чем, по их мнению, заключаются различия между неправдой, ложью и обманом. Остальные 51 человек сказали либо, что не знают, в чем разница, либо что считают эти понятия синонимами ($\chi 2 = 13.73$, $p < 0.001$). Аналогичные соотношения в группе из 43 женщин: 15 и 28 (различия значимы по одностороннему биномиальному критерию, $p < 0.05$). Иная картина в протоколах сторонников добродетельной лжи. Из 62 мужчин и 100 женщин ни один человек не написал, что не видит разницы между психологической сутью неправды, лжи и обмана. Следовательно, можно утверждать, что те, кто не упоминает о другом человеке в определениях и ситуациях лжи, хуже понимают смысловые оттенки, тонкие различия в содержании трех обсуждаемых коммуникативных феноменов.

Означает ли это недостаточную сформированность у таких людей абстрактного уровня нравственного сознания, т.е. умения оперировать конкретными понятиями неправды, лжи и обмана при отсутствии ясных рефлексивных представлений об их понятийном содержании? Пожалуй, это было бы слишком категоричным утверждением. Вместе с тем безусловно доказано, что сравнительные определения названных понятий, представленные в протоколах приверженцев эгоцентрической лжи, менее развернуты и содержательно обоснованы по сравнению с протокола-

ми испытуемых, склонных к добродетельной лжи. Тем не менее даже эти более краткие описания качественных характеристик неправды, лжи и обмана обнаруживают различия в их понимании мужчинами и женщинами.

Мужчины, *во-первых*, делают попытки различить ложь и обман по конечному результату, т.е. по эффективности введения в заблуждение собеседника. С этой точки зрения оказывается, что «обман — результат лжи, но не всякая ложь результативна; следовательно, понятие лжи больше понятия обмана: ложь включает в себя обман» — исп. 150).

Во-вторых, они рассматривают неправду как эмоционально неокрашенное искажение истины, а ложь связывают с сознательным намерением. Ложь — феномен нравственный, она агрессивна по отношению к другим людям («Ложь — заведомая неправда, т.е. искажение истины, имеющее моральную подоплеку. Обман это ложь, имеющая материальную основу» — исп. 223).

В-третьих, мужчины из этой группы чаще отмечают, что «обман в отличие от лжи и неправды может быть выражен действием» (исп. 229). Обман обычно выражается в целенаправленных поступках, характеризующих сомнительное в моральном отношении поведение человека: «Обман — сознательное действие с целью приобретения какой-либо материальной или духовной ценности» (исп. 155).

Наконец, *в-четвертых*, некоторые испытуемые считают, что обман всегда связан с сокрытием правды, утаиванием части нужных собеседнику сведений («Обман — умышленное сокрытие информации для достижения какой-то жизненно важной проблемы» — исп. 212). Замечу, что последние два пункта согласуются с моим определением обмана как полуправды, высказанной (или выраженной действием) с целью актуализации в сознании жертвы «обманных ожиданий» (Знаков, 1999б).

Женщины в большей степени раскрывают свои мотивы, установки, желания (в том числе недостаточно ясно осознаваемые), порождающие в общении разные формы искажения реальности. По их мнению, высказывание неправды нередко связано с самооправданием и самозащитой, а ложь — с неуверенностью в себе. Одна характерная особенность испытуемых этой группы заключается в том, что они считают неправду и ложь в моральном отношении безвредными или, по крайней мере, нейтральными («С моей точки зрения, обман совершают с корыстной целью,

а неправда и ложь — это как бы.... в общем не влекут за собой серьезных последствий. От этого никому не может быть плохо» — исп. 122). Другая особенность — разнообразие психологических причин обмана, который может быть неосознанным, с примесью юмора, связан с конкретными поступками, например изменой в семейной жизни («Обман у меня связан с хитростью, манипулированием, и человек доставляет себе удовольствие, а в душе может потерять какие-то ценности» — исп. 10).

Таким образом, мужчины, склонные в общении к эгоцентрической лжи, обращают внимание преимущественно на *результативную* сторону проявлений искажения истины, на влияние намеренного или неумышленного извращения фактов на общение между людьми, а женщины указывают большее количество психологических *причин*, побуждающих субъекта к неправде, лжи или обману.

Перейду теперь к анализу протоколов сторонников добродетельной лжи. 62 мужчины из этой группы в отличие от 70, протоколы которых я уже проанализировал, рассматривают названные понятия прежде всего как категории нравственные. С одной стороны, они отчетливо понимают, что «неправда — это более "объективистский" термин, нечто не соответствующее фактам» (исп. 270). Однако, с другой стороны, она «может быть вынужденным или шутливым высказыванием с целью либо не обидеть, либо дать надежду, либо просто повеселиться» (исп. 191). Обман может быть никак не связанным с высказыванием неправды или прямой лжи, например, обманные действия в спортивных играх. Но даже если он и связан (военная хитрость, дезинформация противника и т.п.), то, по мнению испытуемых, такой обман не может подвергаться моральному осуждению. А вот ложь, безусловно, морально предосудительна: «Осмысленная, тщательно подготовленная наглая ложь несет в себе попрание принципов человеческого достоинства, унижения личности, искажение статуса порядочного человека» (исп. 260).

Протоколы свидетельствуют о том, что для этих испытуемых задача разграничения содержания трех названных понятий не нова и не является для них моральной проблемой. Они давно выявили познавательный, коммуникативный и нравственный аспекты неправды, лжи и обмана, а в момент эксперимента просто убедительно доказали, что ясно понимают их содержание и смысл. Вероятно, они считают, что и в реальной жизни ведут

себя в соответствии с декларируемыми моральными принципами. Вследствие этого они более высоко оценили нравственные качества собственной личности по сравнению со сторонниками эгоцентрической лжи, для которых моральная рефлексия вызывает определенные затруднения.

Итак, испытуемые из этой части мужской выборки рассматривают предложенную им проблему уже не только с позиции субъекта, искажающего информацию. Они анализируют когнитивные и моральные аспекты предложенных им для осмысления психологических феноменов и пытаются включить их в целостный контекст диалога людей в коммуникативной ситуации. Тем не менее принцип анализа у них практически тот же, что и у других мужчин: в его основе лежит стремление выделить отличительные признаки обсуждаемых феноменов и объединить их в логически непротиворечивое целое.

Обратимся теперь к протоколам женщин, проявивших склонность к добродетельной лжи. В целом мнения этой группы женщин по поводу обсуждаемых понятий более разнообразны и менее определенны, категоричны, чем суждения сторонниц эгоцентрической лжи. Возможно, именно склонность к моральной рефлексии и нежелание давать упрощенные краткие решения серьезных нравственных проблем является одной из главных причин их более скромной самооценки нравственных качеств личности, в частности, честности.

В самом общем виде их позиция выражена таким представлением об увеличении моральной тяжести совершаемых поступков: неправда, обман, ложь («Ложь является самым плохим из трех качеств. Можно простить неправду и обман, но не ложь» — исп. 141). Неправду они нередко связывают не только с банальным неполным знанием и заблуждением, но и с фантазией. Неправда не оказывает отрицательного воздействия на душевное равновесие высказывающего ее человека, кроме того, она обычно безвредна для окружающих (исп. 31).

Интересны градации в осознании побудительных мотивов обмана: не категоричная «мужская» дихотомия истины и ее противоположности, а как бы разные ступени приближения к истине и веры в нее («Обманывая, человек говорит то, что не считается для него истинным, а является чем-то приближенным к этому понятию, т.е. истине» — исп. 8; «Он излагает факты, в которые верит, но на самом деле это не истина» — исп. 31). Характерно

и другое: в отличие от мужчин женщины, как правило, не связывают обман с сокрытием правды, утаиванием части нужных собеседнику сведений. Возможно, в этом проявляются половые различия в мужской и женской психологии: скрытность — скорее мужская черта характера, а «женщины гораздо чаще раскрываются в различных ситуациях, чем мужчины» (Mummenday, 1995, с. 221; Зинченко, 2000).

Отраженные в протоколах представления женщин о психологических механизмах лжи богаты и разнообразны. Ложь — это и проявление вредности, и желание приукрасить, и сказать то, что хочется услышать другим, и средство самозащиты и защиты близких. Особенно интересным для психолога мне кажется все то, что связано со способами самопрезентации личности, с самоубеждением, иногда переходящим в самообман («Ложь — это перевирание фактов и обстоятельств с целью выгородить себя, сохранить свое внутреннее представление о себе, что я "хорошая"» — исп. 113).

Проблемы самопрезентации и самоубеждения в психологии давно известны и неплохо изучены. Самопрезентация субъекта может быть направлена на создание привлекательного образа себя в глазах окружающих, т.е. такого образа, в котором хотя бы внешне присутствуют наиболее ценимые людьми черты. Однако психологическим основанием самопрезентации может быть и стремление человека сделать свое публичное Я действительно соответствующим разделяемым в общественном сознании основным ценностным ориентациям. Такое стремление точнее было бы выразить словами «самоконструирование», построение своей личности (Baumeister, 1982). В том случае если «самопрезентационные затраты», необходимые для согласования собственных представлений и ценностных ожиданий с ценностями, разделяемыми большинством, оказываются очень велики, от субъекта требуются значительные усилия и навыки самоубеждения (McFarland et al., 1984). Обсуждаемые проблемы имеют существенное значение не только для личной жизни каждого из нас, не менее важны они и в профессиональной деятельности, например в психодиагностике. Любой психолог, когда-либо имевший дело с личностными опросниками, знает, как важно уметь отделять искренние правдивые ответы испытуемых от лживых, а также от ответов, вызванных самообманом или желанием лучше представить себя в глазах окружающих (Paulhus, 1986).

Многие проблемы, связанные с влиянием самопрезентации, самоубеждения и самообмана на формирование, развитие и взаимодействие неправды, лжи и обмана в психике женской половины человечества, решены в фундаментальной и чрезвычайно интересной монографии американской исследовательницы Х.Г. Лернер. Она пишет: «Размышляя о жизни женщины, я вынуждена была обратить особое внимание на слова "pretending" (притворство, симулирование, разыгрывание из себя, использование в качестве предлога, ссылка на. — *В.З.*) и "truth-telling" (говорение правды. — *В.З.*), слова, которые затрагивают все наши действия и отношения, а также кто мы есть и кем можем стать. Pretending — слово, которое может помочь нам временно отложить моральные рассуждения о том, что хорошо и что плохо, хуже или лучше, так что мы сможем думать более объективно о трудном предмете. Оно также наиболее подходящим образом вписывается в структуру жизни женщины. Наши неудачные попытки жить в строгом соответствии с фактами и говорить искренне могут иметь мало общего с недобрыми или нечестными намерениями. Как раз наоборот, pretending чаще отражает желание, однако желание, уводящее с верного пути, защитить других и гарантировать сохранение себя, а также наших отношений. Pretending отражает глубокие запреты, подлинные и воображаемые, против более прямого и честного утверждения себя. Pretending естественным образом происходит из ложного и ограниченного определения себя, которое женщина часто усваивает без вопросов и сомнений. Таким образом, pretending тесно связано с женственностью, т.е. это просто-напросто то, чему учит женщин культура» (Lerner, 1993, p.14).

Слово pretending психологически настолько насыщено различными смысловыми оттенками, что было бы просто наивно перевести его наиболее очевидным русским эквивалентом — словом «притворство». Последнее предполагает сознательность намерения притворяющегося человека, в то время как pretending включает в себя чуть ли не все точки континуума перехода от сознания к бессознательному. Вследствие этого я считаю целесообразным далее использовать в русском тексте английский термин pretending.

Как отмечает Лернер, иногда pretending является формой экспериментирования или имитации, которая расширяет опыт женщины и чувство возможного, оно отражает желание найти

себя для того, чтобы *быть* собой. Способом такого экспериментирования является рассказывание «правдивых историй» о личной жизни. И если история не во всем совпадает с реальными фактами, то в случае pretending это не сознательная ложь, а небольшая неправда, основанная на богатстве возможных жизненных ситуаций, на самоубеждении и отчасти самообмане. «Рассказывать "правдивые истории" о личной жизни — это не значит быть собой или даже находить себя. Это *выбор* себя» (Ibid., p. 67). Одна и та же «правдивая история» при ее пересказе другим людям может содержать детали, противоречащие первоначальному рассказу. Это не означает, что женщины подобны хамелеонам: просто есть множество путей, которыми правдиво и реально можно структурировать и переструктурировать свой опыт. Кроме того, именно то, что в данный момент они переживают с большой эмоциональной интенсивностью, женщины склонны считать наиболее реальным.

Однако обсуждаемый феномен заключает в себе серьезную опасность: «В противоположность тому, что нам говорит словарь, pretending потенциально является наиболее серьезной формой обмана, потому что оно может привести скорее к жизни по лжи, чем к ее высказыванию. И мы, по крайней мере, должны стремиться поймать себя во время этого действия. Когда мы произносим откровенную ложь, мы испытываем психологический шок. А pretending незаметно вплетается в структуру ткани повседневной жизни и таким образом ведет к построению ложного "я". На этом пути мы можем не почувствовать никакого шока, потому что, в конце концов, это "просто pretending". Со временем, поступая так, мы это перестаем замечать» (там же, с.122). И все же людям, особенно мужчинам, необходимо понимать, что «если женщины завтра прекратят pretending, то мир, каким мы его знаем, тоже перестанет существовать» (там же, с.122).

***

Таким образом, проведенное исследование показало, что понятия неправды, лжи и обмана являются для человека такими ценностно-смысловыми образованиями, психологическая структура которых определяется как личностными особенностями субъекта, так и индивидуальным своеобразием его нравственного сознания. Исследование выявило существенные

различия в *способах* понимания неправды, лжи и обмана мужчинами и женщинами.

Мужчины понимают задачу определения указанных категорий как необходимость рационального осмысления их типичных признаков. Под рациональностью осмысления я имею в виду то, что результатом размышлений мужчин оказывается *знание* как отличительных признаков неправды, лжи и обмана, так и вреда, причиняемого ими в общении. Соответственно решение о моральной допустимости или запрете основанных на них поступков у испытуемых из мужской части выборки обычно в значительной степени зависит от типа конкретной ситуации: человека, которого надо ввести в заблуждение, предполагаемой выгоды от совершения аморального поступка, вероятности разоблачения и т.п. Вместе с тем определения обсуждаемых феноменов, даваемые мужчинами, в основном имеют *результативный* характер. Понимание того, в чем заключается их понятийный и коммуникативный смысл, у мужчин одновременно обозначает и формирование решения о возможных областях применения неправды, лжи и обмана. Основанное на знании понимание как бы защищает их от необходимости не только повторного осмысления, но и сильных эмоциональных переживаний в тех случаях, когда они решались на ложь или обман.

Процессуальность мышления женщин при анализе обсуждаемых психологических феноменов проявляется в гибком оперировании фактами. Они стремятся не безоговорочно отбрасывать те из них, которые противоречат истине, а отыскивать возможности, строить такие гипотезы, в соответствии с которыми факты можно совместить со своими ценностными представлениями и групповыми этическими нормами. Построение гипотез основано на внутренней убежденности субъекта и всегда предполагает хотя бы минимальную веру в их истинность. Вследствие этого для женщин, в отличие от мужчин, при определении сущности неправды, лжи и обмана наиболее субъективно значимым является не объективно достоверное знание, а *вера* в правильность своего понимания проблемы. И это естественно, потому что знание обычно характеризует факты объективной действительности, а вера соотносится с мыслями, эмоциями и чувствами — тем, что образует «эмоциональное поле» общения людей.

У испытуемых женской части выборки внутренняя детерминация искажения истины как нравственного или аморального

поступка обусловлена прежде всего ценностными переживаниями. Для женщин типичны мысленные возвращения к совершенным ими поступкам, связанным с ложью или обманом, переосмысления поступков, эмоциональные переживания, иногда приводящие к раскаянию и признанию. Наиболее существенную роль в этих процессах играют коммуникативные факторы — идентификация с обманутым человеком, попытки представить его мысли, эмоции и чувства, сопереживание. Все это способствует тому, что у женщин преобладает добродетельная ложь.

Ценностные переживания в основном детерминированы индивидуальной структурой личности и нравственного сознания. В меньшей степени они определяются типом ситуации морального выбора, в которой женщина вынуждена принимать решение о том, исказить ей истину или нет. В подобной ситуации ценностные ориентации человека стимулируют возникновение у него ценностных переживаний, порождают индивидуальный смысл актов неправды, лжи или обмана. В свою очередь, смысл определяет специфический характер их понимания. Другими словами, женщина понимает обсуждаемые феномены так или иначе не столько потому, что она попала в конкретную ситуацию морального выбора, сколько потому, что эгоцентрическое или добродетельное понимание лжи соответствует ее нравственным переживаниям и психологическим особенностям личности.

Итак, представленные результаты теоретического и экспериментального анализа понимания сходства и различий неправды, лжи и обмана 143 женщинами и 132 мужчинами показали, что важную роль в осмыслении обсуждаемых коммуникативных феноменов играют в разной степени осознаваемые мужчинами и женщинами механизмы психологической защиты. В общении женщины в большей степени, чем мужчины, обращают внимание на побудительные причины и последствия неправды, лжи и обмана. Они придают большее значение сокрытию и представлению в искаженном виде мыслей и чувств, чем фактов. Женщины обращают внимание на *процессуальные*, коммуникативные аспекты искажений и анализируют, можно ли морально оправдать совершивших их людей. Мужчины неправду, ложь и обман в основном связывают с искажением фактов. У мужчин смыслоразличительные признаки названных феноменов представлены когнитивным знанием и нравственной оценкой *результата* их воздействия на собеседников.

По моему мнению, проведенное исследование интересно не только с точки зрения психологического анализа трех конкретных феноменов общения людей. Его результаты можно и нужно рассматривать в более широком контексте — становления и развития социальных, экономических, политических и этических отношений в российском государстве. От характера указанных отношений между людьми или, в широком смысле слова, духовного потенциала нашего народа в значительной мере зависит успешность экономических преобразований в стране и формирование институтов гражданского общества.

6.4. Макиавеллизм личности и половые различия в понимании вранья

В сегодняшней России понятие «духовность» приобрело статус одной из главных категорий современного гуманитарного познания. Эта проблема интересует философов, психологов, педагогов, историков, литературоведов. История нашего государства неопровержимо свидетельствует о том, что на российской почве неистребимо стремление русского самосознания к идеалу, идеальным духовным ценностям. И одной из важнейших для россиян всегда была «правда». Традиция отнесения правды к миру духовных ценностей восходит к понятиям и представлениям наших предков, весьма распространенным на Руси. Как отмечает историк А.И. Клибанов, «в обиходе общественного сознания всего феодального периода “Правда” служила эквивалентом нашему понятию “идеал”. “Правдой” называлась верховная регулятивная идея для всех форм и проявлений общественной жизни, всей жизнедеятельности людей» (Клибанов, 1994, с. 218).

Правда всегда принадлежала к миру идеальных, духовных ценностей русского народа. И в наше время «правда» как элемент духовного облика россиянина имеет моральные и интеллектуальные свойства идеала. Потребность в правде, стремление к ней основаны на единстве мнения и веры, осознаваемого и неосознаваемого, индивидуально-личностных особенностей человека и его восприятия себя как частицы мироздания. Вследствие

этого целеустремленно стараясь «жить по правде», субъект не только «строит», творчески преобразует себя, но и постепенно поднимается по лестнице духовного развития.

Современный западный мир невозможно представить без существования законов, основанных на общепризнанных представлениях о порядке. Летом 2003 г. в Вене экскурсовод, рассказывая о достопримечательностях города, приводила немало конкретных примеров, свидетельствующих о том, какое большое значение в жизни австрийцев занимает слово die Ordnung — порядок. Она напомнила мне фразу великого Гете: «Лучше несправедливость, чем беспорядок!» Как два века назад, так и сегодня с этим вряд ли согласится большинство россиян.

В России до сих пор живет убеждение, что справедливость, воплощенная в правде, может быть равноценным заменителем любых законов. Одним из выразителей этой точки зрения является А.И. Солженицын. Он пишет: «Коли бы все жили по правде — и законов не надо» (Солженицын, 1995, с. 374—375). Если вспомнить традиционное для русской философии различение на *правду-истину* и *правду-справедливость*, то в этом нет ничего удивительного. Именно в различении двух сторон правды следует искать истоки такого кажущегося парадокса: «пренебрежительное» отношение наших соотечественников к безличной объективной истине бесконфликтно уживается в их сознании с благоговейным отношением к правде.

Социально-психологические причины отрицания житейской ценности истины, противопоставления ее духовно-нравственным и социальным идеалам доходчиво объяснил Н.А. Бердяев на примере одного сословия людей — интеллигенции. Он писал: «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: *любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине*... Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее, долой истину...» (Бердяев, 1990, с. 12).

Оборотной стороной такого отношения к истине и правде оказывается исконно русское снисходительное отношение ко лжи и вранью. Сразу же поясню, что я далек от мысли, что наши соотечественники являются большими лжецами, обман-

щиками и врунами, чем люди в других странах. Просто мы принципиально иначе понимаем содержание понятий «истина», «правда», «ложь» (и ее семантические аналоги), чем, например, представители западной культуры (Знаков, 1999а). Тем не менее не могу не обратить внимание читателя на очевидный факт: у нас весьма распространено убеждение в том, что, для того чтобы выглядеть более правдоподобной, правда должна быть слегка разбавлена ложью. Это отражено как в пословицах («Кто не соврет, тот и правды никогда не скажет»), так и в художественной литературе. Вот, например, как говорит об этом Ф.М. Достоевский: «Желание соврать, с целью осчастливить своего ближнего, ты встретишь даже и в самом порядочном нашем обществе, ибо все мы страдаем этою невоздержанностью сердец наших. Только у нас в другом роде рассказы; что у нас об одной Америке рассказывают, так это — страсть, и государственные даже люди! Я и сам, признаюсь, принадлежу к этому непорядочному типу и всю жизнь страдал от того... Друг мой, дай всегда немного соврать человеку — это невинно. Даже много дай соврать. Во-первых, это покажет твою деликатность, а во-вторых, за это тебе тоже дадут соврать — две огромных выгоды — разом. Que diable! надобно любить своего ближнего» (Достоевский, 1986, с. 189).

Слово «врать» в русском языке «употребляется обычно в тех случаях, когда речь идет о чем-либо малосущественном, незначительном» (Горбачевич, 1996, с. 187). Иначе говоря, слово «вранье» у нас употребляется для выражения социально и морально более нейтрального явления, чем умышленная ложь. Вследствие этого враньем иногда называют тривиальную, незначительную, безвредную, безобидную, простительную ложь. В словаре В.И. Даля слову «врать» соответствуют следующие значения: «...лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду» (Даль, 1997, с. 259). Нетрудно заметить, что в большинстве приведенных синонимов вранья подчеркивается не столько гносеологический, познавательный аспект намеренного искажения истины, сколько онтологический, экзистенциальный, характеризующий конкретные ситуации межличностного общения. Обычно это понятие используется тогда, когда нужно не оценить истинность высказываний человека, а понять и оправдать его.

Вранье проявляется в конкретных ситуациях общения людей, и потому его причины обусловлены как социально-экономическими факторами, так и индивидуально-психологическими. Вранье представляет собой социокультурный феномен, типичный для российского самосознания и вместе с тем неразрывно связанный с особенностями личности врунов. В психологическом смысле вранье принципиально отличается от лжи. С точки зрения содержательного анализа понятий «вранье» ни в коем случае нельзя отождествлять с «ложью». Психологическая структура лжи основана на сочетании трех семантических антиподов правды: утверждение говорящего не соответствует фактам, он не верит в истинность произносимого и собирается обмануть партнера. Сухое научно-аналитическое различение содержания двух названных феноменов, пожалуй, следует дополнить художественной иллюстрацией: «Вранье отличается от лжи, с которой многие профаны во вральном деле его смешивают, тем, что, не неся в себе ни причины, ни цели, в большинстве случаев приносит изобретателю своему только огорчение и позор — словом, чистый убыток. Отцом лжи считается дьявол. Какого происхождения вранье и кто его батька, — никому не известно. Настоящее, типическое вранье ведется так бестолково, что, сколько ни изучай его, никогда не будешь знать основательно, как и кем именно оно производится. Врут самые маленькие девочки, лет пяти, врут двенадцатилетние кадеты, врут пожилые дамы, врут статские советники, и все одинаково беспричинно, бесцельно и бессмысленно. Но как бы неудачно ни было их вранье, можно всегда констатировать необычайно приподнятое и как бы вдохновенное выражение их лиц во время врального процесса» (Тэффи, 1997, с. 295—296).

Подробное обоснование различий между двумя обсуждаемыми феноменами индивидуального и общественного сознания я осуществил в других работах (см., например: Знаков, 1999а), поэтому здесь ограничусь перечислением отличительных признаков вранья.

1. Вранье — не дезинформационный феномен, а коммуникативный: это один из способов установить хорошие отношения с партнером, доставить своей выдумкой удовольствие себе и ему. Это не столько средство преднамеренно искаженного отражения действительности, сколько способ установления контакта и сближения людей. Социальная допустимость вранья и даже его норма-

тивная заданность отражена в русских пословицах: «Не любо, не слушай, а врать не мешай!»; «Врать не устать, было б кому слушать»; «Не хочешь слушать, как люди врут, — ври сам!» (Пословицы.., 1993).

2. Вранье не рассчитано на то, что ему поверят, в этом акте отсутствует намерение обмануть слушателя. Рассказывая небылицы, человек и не рассчитывает на то, что кто-то в них поверит. Иначе говоря, он не надеется обмануть партнера. Эту особенность русского вранья отмечают иностранцы, хорошо знающие Россию. Р.Ф. Смит так выражает эту мысль: «Ожидает ли враль, что ему поверят? Конечно, нет. Не может быть большей ошибки, чем вывод о том, что эти творческие измышления предназначаются для того, чтобы их принимали всерьез» (Smith, 1989, с. 44). В русской культуре вранье имеет характер конвенционального соглашения о принятии к сведению сообщения партнера (в тех случаях, когда правда нежелательна для одного или всех собеседников).

3. Вранье не предполагает унижения слушателя и получения за его счет какой-то личной выгоды. Бескорыстность и кажущаяся бессмысленность вранья всегда приводили в изумление иностранцев. Специалист по моральной философии профессор А.А. Гусейнов отмечает, что обман возникает как бы на пустом месте без давления обстоятельств, без желания извлечь особую пользу, обман из-за любви к искусству вошел в наши нравы, стал своего рода неписаной нормой (с моей точки зрения, в строгом смысле слова это не обман, а вранье, но не будем придираться к словам). Он пишет: «Мне вспомнился случай с товарищем, который находился в Москве в командировке. Однажды он звонил домой жене из моей квартиры и на вопрос, откуда он говорит, ответил, что из гостиницы. А другой раз, разговаривая с ней же, но уже из гостиницы, на тот же вопрос, откуда он говорит, ответил, что из моей квартиры. Эпизод этот анекдотичный, но по-своему показательный» (Гусейнов, 1996, с. 99).

4. Классическое вранье характеризуется тем, что враль получает нескрываемое удовольствие, наслаждение от самого процесса изложения небылиц. Вместе с тем во вранье всегда есть некоторый элемент самолюбования и самовозвеличивания: врущий человек хочет хотя бы на время стать объектом всеобщего внимания, почувствовать себя более значительным, ценным в глазах окружающих. Главное, чего хочет враль, — восторженного внимания публики. Жизнь отражается в искусстве, и потому

в русской литературе в изобилии представлены вдохновенные вруны, их примеры можно найти в серии очерков А.Ф. Писемского «Русские лгуны» (Писемский, 1956). Подобными «талантами» российская земля, видимо, не оскудеет никогда.

5. Обращаясь к анализу психологических механизмов вранья, нельзя не отметить, что нередко его нужно рассматривать как внешнее проявление защитных механизмов личности, направленных на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими. Стремление человека защитить свой внутренний мир от «несанкционированного вторжения», нежелание обнажать душу перед окружающими из боязни насмешек или проявления снисходительного отношения — достаточно серьезный повод для вранья. Одним из проявлений названных психологических механизмов можно считать защитную манипуляцию другими в межличностном общении. Защитная манипуляция представляет собой совокупность невыражаемых вслух, скрытых способов воздействия на собеседников, направленных на предупреждение таких возможных их слов и действий, которые потребуют от субъекта актуализации защитных механизмов личности.

Последний пункт мне представляется очень важным для раскрытия психологической природы вранья. Дело в том, что необходимость, возможность и желание соврать определяется не только социальными причинами, побуждающими человека прибегать к манипуляции, но и его полом, а также личностными особенностями.

Очень значимой категорией, с помощью которой можно многое понять в психологической сути обсуждаемого феномена, является понятие «макиавеллизма». Его значение в обсуждаемом контексте определяется, во-первых, тем, что в психологической науке доказано существование половых различий в макиавеллизме личности: у женщин он ниже, чем у мужчин. Во-вторых, в ситуациях общения поведенческие проявления и вранья, и макиавеллизма неизбежно приобретают негативный этический оттенок.

В проводимых ранее исследованиях я обнаружил наличие отрицательной корреляции между самооценками нравственных качеств по «Личностному дифференциалу» и Мак-показателями. Фактически это означает, что испытуемые, анонимно

признающие наличие у себя макиавеллистских установок или способов поведения, понимают, что последние не совместимы с социально одобряемыми нравственными качествами личности. Вполне возможно, что в их субъективной шкале ценностей порядочность, правдивость, доброжелательность и другие моральные категории занимают далеко не первые ранговые позиции (Знаков, 2001). Эти данные соответствуют результатам исследований западных психологов. Например, Дж.У. МакХоски с соавт. на 209 студентах показал, что оценки по Мак-шкале отрицательно связаны с самооценками субъективного благополучия и адаптированности, зато положительно коррелируют с чувством бессилия, нигилистской, релятивистской и неидеалистической этической ориентацией (McHoskey et al., 1999).

Обобщая, можно утверждать, что в методиках, основанных на самоотчетах испытуемых (опросники и т.п.), женщины обнаруживают более низкие показатели по Мак-шкале, но зато более высокие самооценки нравственных качеств личности. К примеру, при изучении психологического портрета участника войны в Афганистане в массовом сознании сравнение оценок честности, приписанных себе при анонимном заполнении «Личностного дифференциала» 306 девушками и женщинами, а также 206 юношами и мужчинами, показало, что испытуемые женского пола считают себя более честными, чем испытуемые мужского (Знаков, 1999б, с. 203).

За последние пятнадцать лет я использовал «Личностный дифференциал» во многих исследованиях, его анонимно заполняли более 3000 испытуемых из 20 городов страны. И всегда показатели женщин по фактору «Оценка» статистически значимо превышали самооценки мужчин. По методике ценностных ориентаций М. Рокича женщины обычно приписывают честности более высокий ранг в субъективной иерархии ценностей, чем мужчины. Как показано выше, если уж они лгут, то в отличие от мужчин предпочитают не эгоцентрическую, инструментальную ложь, а добродетельную «ложь во спасение».

Все изложенное выше дает основание согласиться с глубокой мыслью Ф.М. Достоевского, именно с женщинами связывавшего надежды на нравственное возрождение России: «В нашей женщине все более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчин. Это несомненно,

несмотря на все даже теперешние уклонения. Женщина меньше лжет, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет нелгущих, — я говорю про теперешний момент нашего общества» (Достоевский, 1994, с. 148). Несмотря на то, что с момента, который он упоминает, прошло уже 130 лет, я полностью присоединяюсь к мнению великого писателя и собираюсь обосновать его средствами современной психологии.

В описываемом ниже исследовании проверялись три *гипотезы*:

1) люди, склонные в ситуациях межличностного общения к вранью, характеризуются высокими показателями по шкале макиавеллизма;
2) несмотря на снисходительное и даже, можно сказать, благожелательное отношение значительной части нашего населения к врунам, они характеризуются такими осуждаемыми в русской культуре качествами личности, как враждебность, подозрительность, критичность по отношению к окружающим, низкая степень выраженности альтруизма;
3) у женщин в среднем показатели макиавеллизма ниже, чем у мужчин; они понимают вранье в межличностном общении, основываясь на необходимости поддержки и психологической близости с партнером, а мужчины — с позиций сохранения компетентности и возможности управления ходом развития коммуникативного процесса.

Методика

Исследование проводилось в Москве, Санкт-Петербурге, Смоленске, Самаре и Тольятти. Испытуемыми были студенты, военные врачи, преподаватели вузов, клиенты службы занятости. Испытуемых было 175 человек (92 женщины и 83 мужчины) в возрасте от 17 до 56 лет (M = 25.68, SD = 8.38; Me = 23). Они заполняли Мак-шкалу и методику диагностики межличностных отношений Т. Лири. После проверки данных на их соответствие нормальному закону распределения статистический анализ достоверности различий между средними производился по t-критерию Стьюдента.

Кроме того, испытуемые рассказывали о своем понимании литературного эпизода, в котором представлена бытовая ситуация вранья.

В ней описывается, как полковник милиции звонит домой жене, очень сердитой на него за то, что он нарушил обещание вече-

ром пойти с ней в Театр моды. Жили они душа в душу уже 18 лет. Полковник терпеть не мог театр и соврал, сказав, что расследует сложное убийство и поэтому ночевать домой не придет. Жена, хорошо знающая мужа, не поверила ни одному его слову. Она уже 18 лет ему не верила, так что он не обращал на это внимания.

После прочтения сюжета испытуемые излагали цель, которую преследовал герой, соврався жене о причинах, задерживающих его на работе; оценивали, правильно или неправильно он поступил, а также высказывали предположение о том, как бы сами поступили на его месте.

Результаты и их обсуждение

Сначала проанализирую ответы испытуемых на отдельные пункты Мак-шкалы. К сожалению, статистический анализ выявил не слишком привлекательную картину морального облика наших соотечественников. Приведу примеры ответов по тем пунктам, которые по t-критерию значимо отличались от среднего значения шкалы — 4 («Затрудняюсь ответить»). Испытуемые «скорее согласны, чем не согласны» с утверждениями: «Открывать другим истинную причину своих действий нужно только в том случае, если это полезно для тебя»; «Лучший способ получать от людей что тебе надо — говорить им то, что они хотят услышать»; «Большинство людей на Земле состоит из простаков, которых нетрудно обвести вокруг пальца».

Вместе с тем они «скорее не согласны, чем согласны» с тем, что «человек должен делать что-либо, только если он уверен, что это морально оправданно, т.е. правильно с нравственной точки зрения»; «Большинство людей в сущности хорошие и добрые»; «Честность — лучшая политика в любых ситуациях»; «Нельзя оправдывать человека, который для достижения личных целей лжет другому»; «Лучше занимать скромное положение и быть честным, чем быть влиятельным и нечестным».

Однако есть в протоколах и ответы, внушающие больше оптимизма. Испытуемые не согласны с мнениями: «В общем-то, все люди порочны, и когда-нибудь это обязательно проявляется»; «Льстить нужным людям — значит проявлять мудрость»; «Большинство людей легче забывают о смерти собственных родителей, чем о потере своей собственности»; «В общем-то, люди не хотят работать в полную силу без принуждения со стороны». И уж совсем удивительно с точки зрения реалий нашей жизни полное согласие с таким суждением: «Большинство из тех,

кто достиг высокого положения в обществе, являются порядочными и безупречными в нравственном отношении людьми».

Разумеется, на основании этих результатов не стоит делать далеко идущих выводов о макиавеллистских установках и навыках молодых людей, их отношении к другим людям, но подумать над этим, безусловно, необходимо.

Перейду теперь к описанию результатов понимания текстовой ситуации. Оправдали вранье в бытовой ситуации и сказали, что и сами соврали бы, 53 человека; 122 испытуемых сказали, что в подобных обстоятельствах сказали бы правду или уклонились от высказывания вранья. Не требуется статистического анализа, чтобы понять, что большинство испытуемых, согласно их анонимным ответам, предпочитают правду вранью. У 53 «врунов» Мак-показатели значимо превышают показатели 122 «правдивых» испытуемых: $M = 81.13$ и $M = 75.34$; $t = 2.38$, $p < 0.02$. Не стану перегружать текст статистическими выкладками, просто скажу: испытуемые из первой группы в большей степени, чем из второй, согласны с тем, что для своей пользы людям следует говорить то, что они хотят услышать. Вместе с тем они в меньшей степени согласны с мнениями, что нельзя оправдывать лжецов и в жизни лучше занимать скромное положение и быть честным.

Следующая стадия анализа данных заключалась в их разбиении на две группы: ответы 87 человек, показатели которых были меньше медианы по Мак-шкале ($Me = 77$), и 88 испытуемых с Мак-показателями, равными или превышающими медианное значение. Ответы этих групп сравнивались с данными по опроснику Т. Лири. Оказалось, что испытуемые с высокими и низкими показателями по Мак-шкале значимо различаются по двум факторам опросника Лири — подозрительности и альтруистичности. Естественно, что у испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма подозрительность (негативизм, злопамятность, критичность как к социальным явлениям, так и к людям) выше: $M = 4.94$ и $M = 3.55$; $t = 3.63$, $p < 0.001$. В то же время альтруистичность (отзывчивость, бескорыстие, стремление к помощи и состраданию) у них ниже: $M = 4.52$ и $M = 7.18$; $t = -2,92$, $p < 0.004$.

Таким образом, с одной стороны, парадоксальным феноменом российского общественного и индивидуального сознания является снисходительное отношение к вранью и социальное признание его допустимости в межличностных и отчасти даже в официальных отношениях. С другой стороны, исследования

дают основания предполагать, что выраженное стремление к вранью может быть тем «фасадом», за которым осознанно или неосознанно скрываются социально нежелательные черты личности врунов — низкая самооценка нравственных качеств личности, подозрительность, негативизм, чрезмерная критичность по отношению к окружающим, стремление манипулировать ими.

Завершающая стадия анализа результатов заключалась в изучении специфики понимания испытуемыми предложенной им для прочтения и оценки бытовой ситуации вранья. Результаты исследования полностью подтвердили теоретическое положение о том, что вранье является не дезинформационным, а коммуникативным феноменом, способом установления и поддержания отношений между людьми.

Приведу примеры ответов испытуемых на вопросы о том, зачем полковник позвонил домой и соврал: «Хотел враньем несколько сгладить углы в отношениях с женой»; «Избежать при встрече выяснения отношений и ссоры»; «Возможно, оправдаться за испорченный вечер. Да он и сам, наверное, не знает... просто, чтобы пообщаться»; «Услышать привычные слова для подобных ситуаций, которые знакомы ему уже 18 лет». Очевидно, что буквальное значение высказывания позвонившего можно охарактеризовать как неправду. Однако глубинный смысл звонка состоял в передаче не сообщения (потому-то жена ему и не поверила), а скрытого в нем смысла, истоки которого следует искать в конкретных обстоятельствах межличностных отношений двух людей. Многообразие интерпретаций смысла сказанного определяется нежеланием нервировать жену, стремлением к самоутверждению, надеждой избежать упреков и т.п. Варианты понимания смысла в значительной мере зависят от гендерной роли и пола понимающего сообщение субъекта.

Женское понимание описываемой семейной ситуации характеризуется диалогичностью и сочувствием, стремлением не только проанализировать мысли и чувства мужа и жены, но и найти оправдательные мотивы вранья: «Он хотел проверить состояние жены, так как не пошел с ней в театр, и в какой-то степени успокоить себя»; «Чтобы жена не беспокоилась. Я думаю, он все-таки любил жену и поэтому позвонил»; «Считал, что надо успокоить жену, проявить сочувствие по поводу пропавших билетов в театр, проверить реакцию жены на случившийся факт, а заодно узнать,

дома ли она»; «Извиниться за то, что не пошел в театр и не придет домой».

Интересно, что у женщин при понимании литературного эпизода смысл прочитанного нередко не только не соответствует буквальному значению написанного (фактам), но и противоречит ему. В частности, в тексте ясно сказано, что полковник терпеть не мог театр, никогда не ходил в него, не собирался идти и в этот раз. Сомнительным с контекстуально-фактологической точки зрения выглядит и мнение о его намерении извиниться. Тем не менее такое субъективное понимание ситуации отчетливо проявилось в протоколах, и потому его можно считать объективным феноменом психики понимающих эпизод женщин.

Мужское понимание ситуации можно характеризовать как основанное на ее интеллектуальном осмыслении с монологической, эгоцентрической позиции. Об этом свидетельствуют высказывания испытуемых: «Сообщить, что он не придет домой по вынужденным обстоятельствам»; «Он пытался оправдать себя и предугадать действия жены»; «Чтобы его оставили в покое»; «Быть спокойным перед собой». Иногда испытуемые выходят за непосредственные рамки предложенной ситуации и поднимаются до «философских» обобщений: «Предположительно он поступил правильно. Большинство людей верят тому, что говорят, а не тому, что есть на самом деле». Во всех приведенных высказываниях просматривается убеждение их авторов в том, что даже в семейной, явно диалогической и взаимно обусловленной жизни мужчина должен быть самостоятельным в принятии решений и сам контролировать любую ситуацию межличностного общения.

***

Итак, все три гипотезы исследования подтвердились. У людей, склонных к вранью, оказались высокие показатели по шкале макиавеллизма. У них низкая самооценка нравственных качеств личности, невысокие значения по фактору альтруизма методики Лири и, наоборот, высокие по фактору подозрительности. В структуре личности женщин макиавеллистские установки и умения меньше выражены, чем у мужчин. Соответственно психологические основания понимания ситуаций вранья в межличностном общении у них принципиально отличаются от мужских.

Однако неизвестно, изменится ли характер понимания ситуации вранья при изменении полоролевой идентификации испытуемых, т.е. если они будут читать рассказ о том, как женщина врет мужчине.

По моему мнению, обращение российских психологов к феноменам макиавеллизма и вранья открывает перед нами новые и, безусловно, перспективные направления анализа индивидуального и общественного сознания современных россиян. Одно из них связано с изучением психологических механизмов манипулятивного поведения, субъект-объектных установок общающихся людей. Проведенное исследование показало, что в структуре личности женщин макиавеллистские установки и умения, выявляемые шкалой Mach-IV, меньше выражены, чем у мужчин. Соответственно это дает основание для предположения о большей склонности мужчин к манипулированию партнерами в межличностном общении. Иначе говоря, мужчины чаще, чем женщины, видят в другом человеке не субъекта, полноправного партнера по диалогу, а объект, «бездушную вещь», которой можно и нужно манипулировать. Для того чтобы проверить обоснованность этого утверждения, было проведено специальное исследование.

6.5. Мужчины и женщины в ситуациях межличностного общения: субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания сообщений

Межличностное общение играет большую роль в формировании и развитии психики человека как субъекта, творца и созидателя своей жизни. На это неоднократно указывали А.В. Брушлинский и другие психологи. Общаясь, люди разговаривают друг с другом. Понимание собеседниками сообщений партнеров зависит от многих факторов. Среди них, безусловно, значимыми являются психические состояния и свойства личности субъектов общения, их пол и коммуникативные тактики поведения. Человек живет среди людей, он формируется и развивается как подлинный субъект, активный и сознательный творец своей жизни, только взаимодействуя, общаясь с другими. Вследствие этого одной из важнейших проблем психологии человеческого бытия

является проблема качественного описания понятийного содержания категории «субъект общения». Очевидно, что вряд ли следует называть субъектом человека, занимающего в общении монологическую позицию: не слушающего другого, не признающего за ним права на собственное мнение и в общем-то совершенно не заинтересованного в принятии и понимании его как равноправного коммуникативного партнера. Психологические эксперименты свидетельствуют о реальном существовании таких людей: показательным примером является монологическое субъект-объектное понимание инструментальной правды. Противоположный, диалогический субъект-субъектный тип понимания высказываний в диалоге демонстрируют испытуемые, понимающие правдивые сообщения как нравственную или рефлексивную правду (Знаков, 1999б).

Субъект-субъектный и субъект-объектные типы понимания не являются устойчивыми, раз и навсегда заданными личностными характеристиками человека и его половой принадлежностью. Прежде всего это поведенческие способы реагирования на конкретную коммуникативную ситуацию. Психологические особенности личности и пол общающихся при этом играют роль таких катализаторов общения, которые могут проявляться в виде определенных тенденций. Тем не менее, анализируя феномен понимания, психолог не имеет права игнорировать эти тенденции, потому что они обнаружены в разных исследованиях.

Эмпирические исследования подтверждают предположение о том, что, общаясь друг с другом, мужчины и женщины интерпретируют многие сообщения по-разному. Некоторые психологи сравнивали субъективные отчеты мужчин и женщин о трудностях, испытываемых при общении, с отчетами представителей того же или противоположного пола. Сравнение было основано на гипотезе, что, если мужчины и женщины по-разному интерпретируют сообщения, то они должны испытывать большие затруднения при общении с людьми противоположного пола. Результаты показали, что общение с противоположным полом действительно вызывает больше сложностей. При этом наибольшие трудности испытывают мужчины, общаясь с женщинами, а наименьшие — тоже мужчины, но общаясь друг с другом (Edwards, 1998).

Корни проблемы, по-видимому, лежат в том, что повседневное общение более значимо для женщин, чем для мужчин. Женщи-

ны имеют больший опыт в анализе результатов разговоров, потому что чаще анализируют общение. Будучи в этом отношении более «когнитивно сложными субъектами», они создают немало сложностей для собеседников мужского пола. Мужчины менее склонны анализировать ежедневные разговоры и из-за этого находят общение с женщинами более трудным. Однако сложность коммуникации не означает неудовлетворенности ею: общение с женщинами оценивается мужчинами качественно выше. Это было доказано в трех экспериментах, в которых принимали участие 836 студентов и 907 студенток американского университета штата Айова (Duck et al., 1991).

Мужская положительная оценка распространяется не только на непосредственное общение с женщинами, но и опосредованное, в том числе с использованием компьютерных коммуникационных систем. Например, исследования онлайновых взаимодействий людей разного пола, таких, как «чаты» в режиме реального времени, обнаружили, что у мужчин «в присутствии женщин интенсифицируется общение, и такое общение оценивается как более качественное, чем взаимодействие с участием одних только мужчин. Эта тенденция настолько заметна, что исследователи сообщают об изменении пола — мужчинах, меняющих свою идентичность в условиях онлайнового общения на женскую идентичность с целью повысить качество и количество своих взаимодействий в сети» (Морган, Морган, 2000, с. 272).

В западной психологии к профессионально грамотным и научно доказательным исследованиям половых различий в понимании коммуникативных сообщений, безусловно, следует отнести цикл работ Д. Таннен (Таннен, 1996). Изучая социокультурные и полоролевые различия в понимании сообщений, она отмечает, что речевые стратегии могут иметь широкий разброс потенциальных интерпретаций. Таннен делает акцент, прежде всего, на двусмысленных и многозначных сообщениях. Под двусмысленностью имеется в виду, что в сообщении может подразумеваться либо одно, либо другое; под многозначностью — одно и другое сразу.

Таннен анализирует сообщения, скрытым мотивом которых может быть либо стремление к власти, доминированию над партнерами по коммуникативной ситуации, либо направленность на единение, солидарность с ними. Она приводит примеры, иллюстрирующие, что сообщение может интерпретироваться

в одной ситуации как показатель доминирования, а в другой как показатель солидарности; или же одновременно как показатель и солидарности, и доминирования. Жена спускается по лестнице, и муж говорит, чтобы она была осторожнее. Женщина сообщает коллеге, что он сделал свою работу неправильно. В этих двух ситуациях для адекватного понимания сообщения реципиент должен интерпретировать то его значение, которое подразумевается говорящим. В первом случае, например, жена может интерпретировать фразу мужа как проявление заботы и беспокойства о ней, но она также может понять это высказывание как попытку управлять ею и доминировать над ней. Хотя очевидно, что на характер понимания сообщения могут повлиять различные факторы (взаимоотношения между общающимися, психологические особенности их личности, ролевые позиции и т.д.), Таннен концентрируется на учете роли пола и ценностных ориентаций партнеров.

И самое главное: по ее мнению, разделяемому многими зарубежными психологами, женщины более вероятно будут интерпретировать сообщения как проявления поддержки и беспокойства, тогда как мужчины более вероятно будут интерпретировать те же сообщения как показатели контроля и доминирования. Согласно этой точке зрения, для мужчин в общем и целом характерна ориентация на себя, самоутверждение, саморазвитие, доминирование и контроль над партнерами. Для женщин более типична ориентация на других, включающая самоотверженность, заинтересованность в собеседниках и желание быть с ними. В разных сферах жизни мужчины реагируют на поведение других таким образом, чтобы показать свою компетентность или доминирование, в то время как женщины пытаются поддерживать относительную близость.

При этом вербальная агрессия, манипуляция и макиавеллизм, присущие маскулинной позиции в общении, оказывают вполне определенное влияние на понимание субъектом сообщений в коммуникации. Сочетание принадлежности к женскому полу и феминных ценностей предполагает благожелательную и поддерживающую интерпретацию сказанного партнером. Сочетание мужской половой роли с ориентацией на себя предполагает доминирующую и контролирующую интерпретацию. Такие субъекты придают большое значение статусным иерархическим отношениям между людьми. Общаясь с другими, они считают важным проявление собственной компетентности, независимости суж-

дений, контроль над коммуникативной ситуацией, доминирование над собеседниками. В их поступках явно преобладает монологический субъект-объектный стиль поведения: они ведут себя в соответствии со своими представлениями о правилах и нормах общения. Такие люди мало обращают внимание на слова и действия собеседника — фактически они обращаются с ним не как с субъектом, полноправным партнером, а как с бездушным объектом. Наиболее часто встречающийся обобщенный термин, которым западные психологи характеризуют подобную тактику общения, является Контроль (Control) (Edwards, 1998).

По мнению Таннен, в жизни женщин обладание информацией, опытом или умением не является самым главным. Они не рассматривают все это в качестве инструментов воздействия на окружающих. Напротив, они полагают, что их «власть» усиливается, если к ним обращаются за помощью. Женщины изначально настраиваются на диалог, на установление человеческих отношений с собеседниками, а не на независимость и опору на собственные силы. Они чувствуют себя сильнее, когда получают отклик, обратную связь от партнеров по общению. Понятно, что подобный диалогический взгляд на коммуникативную ситуацию порождает субъект-субъектный стиль поведения. В качестве ключевого слова при описании такой коммуникативной тактики чаще всего употребляется слово Поддержка (Support) (Таннен, 1996).

Наконец, важной психологической составляющей взаимопонимания в общении оказывается преобладание ориентации на себя или на других.

Низкий уровень направленности на общение и стремления влиять на других ассоциируется с большими трудностями в общении с партнерами того же пола. Под низким уровнем направленности на общение подразумевается отсутствие интереса к другим и желания быть с ними. Низкий уровень ориентации на себя обычно сочетается с неуверенностью в себе, невысокой самооценкой способностей к доминированию и лидерских качеств. Субъекты с малой выраженностью направленности на собеседников в общении низко оценивают свои шансы быть понятыми, воспринимаемыми с симпатией и сочувствием. Неудивительно, что такие люди испытывают трудности в общении и взаимопонимании.

И напротив: у других людей стремление к доминированию основывается на желании контролировать развитие общения,

всегда вести себя самоуверенно и отстаивать свои права. Высокий уровень ориентации на себя связан не только с готовностью инициировать общение, но и наличием хороших коммуникативных навыков (Eagly, 1987).

В исследовании Эдвардса обнаружено, что ориентации на себя и стремление к влиянию больше свойственны мужчинам, чем женщинам. И именно эти признаки у мужчин являются более точными предикторами возможных коммуникативных затруднений с представителями своего пола, чем у женщин. Мужчины с высоким уровнем ориентации на себя являются скорее правилом, чем исключением. Они имеют больше сходства с большинством партнеров своего пола и, следовательно, легче достигают взаимопонимания с ними. Мужчины с низким уровнем ориентации на себя отличаются от других мужчин и вследствие этого имеют больше сложностей в общении с людьми своего пола (Edwards, 1998).

Труднее сказать что-либо определенное о связи ориентации на себя и стремления к доминированию в общении женщин. Тем не менее есть основания предполагать, что формирование взаимопонимания в общении у них мало чем отличается от мужского. Характер понимания сообщений зависит от соотношения степени выраженности ориентации на Я, Контроль и Поддержку.

Для эмпирического обоснования высказываемых в этом разделе утверждений было проведено экспериментальное исследование.

В нем проверялись три *гипотезы*:

1. Мужчины чаще понимают высказывания собеседников по субъект-объектному типу, а женщины — по субъект-субъектному.
2. Существует связь типов понимания высказываний с такими особенностями личности испытуемых, как уровень выраженности макиавеллизма, ориентация на Я, Дело или Общение, а также степень стремления давать социально желательные ответы. Чем выше показатели макиавеллизма, ориентации на Я или на Дело и, наоборот, меньше склонность давать социально желаемые ответы, тем больше вероятность того, что испытуемые будут понимать высказывания по субъект-объектному типу. При высокой ориентации на Общение в сочетании с низкой оценкой по шкале

макиавеллизма увеличивается вероятность того, что высказывания будут пониматься по субъект-субъектному типу.

3. Преобладание субъект-субъектного или субъект-объектного типов понимания высказывания слушающим будет зависеть от пола источника сообщения, т.е. говорящего. Если и слушающий, и говорящий являются людьми одного пола, то будет преобладать субъект-объектное понимание, а если разного — субъект-субъектное.

Методика

Исследование проходило в два этапа. Эксперименты проводили под моим руководством две выпускницы Государственного университета гуманитарных наук — Т.В. Дудкина и О.М. Марчук. Обработку результатов экспериментов я осуществлял с применением компьютерного пакета Statistica 6.0.

В первой серии экспериментов приняли участие 70 женщин в возрасте от 30 до 52 лет (средний возраст $M = 38.4$ лет, стандартное отклонение $SD = 6.04$). Испытуемыми были женщины, проживающие в Москве, Московской области и Нижнем Новгороде. Участницы исследования — в основном работающие женщины: журналисты, преподаватели, врачи, инженеры, бухгалтеры, экономисты, служащие, работники сферы обслуживания и др. Во второй серии экспериментов испытуемыми были 104 мужчины в возрасте от 30 до 50 лет ($M = 34.83$, $SD = 5.55$) различного образовательного и социально-экономического статуса: работники таможни, милиции, военные, инженеры, экономисты и др. Исследование проводилось в Москве.

В экспериментах испытуемым сначала предлагались для прочтения и понимания описания двух коммуникативных ситуаций. В одной из них описывалось диалоговое общение мужчины и женщины. В другой — пол собеседников был одним и тем же: в одной группе, в которой испытуемыми были женщины, описывалось общение двух женщин; во второй испытуемые были мужского пола, — общение двух мужчин. Несколько модифицированные варианты всех четырех ситуаций были взяты из статьи Р. Эдвардса (Edwards, 1998). Для примера приведу одну из них:

> «Вы — женщина, которая обедает вместе с не очень хорошо знакомым коллегой. Он работает в той же организации, но в другом отделе. Во время обеда он рассказывает Вам о всех позитивных нововведениях, которые он сделал в своей работе: о новых программах, которые он ввел, о предложенных им творческих решениях проблем, о важных людях, с которыми он работал. Как Вы думаете, почему он Вам это рассказывал?»

После описания ситуации испытуемому предлагался список из 8 утверждений — возможных интерпретаций высказывания, основанных на выявлении побудительных причин говорящего.

1. Он хотел подавить меня своим интеллектом (С).
2. Он хотел помочь мне (S).
3. Он чувствовал во мне конкурента (С).
4. Он хотел установить хорошие отношения со мной, чтобы в будущем работать вместе (S).
5. Он пытался меня запугать (С).
6. Он пытался поделиться со мной своими идеями (S).
7. Он пытался показать свое превосходство (С).
8. Он хотел моего одобрения (S).

Утверждение, в конце которого стоит буква С, соответствует пониманию ситуации по типу Контроль. Утверждение, в конце которого стоит буква S, соответствует пониманию ситуации по типу Поддержка. В бланках, предъявляемых испытуемым, эти буквы отсутствовали. Четыре утверждения из восьми соответствуют пониманию ситуации по типу Контроль и четыре — по типу Поддержка.

Испытуемый должен был по семибалльной шкале указать степень своего согласия или несогласия с каждым из утверждений. По количественной оценке ответа понимание каждого утверждения можно было отнести либо к субъект-объектному типу (Контроль), либо к субъект-субъектному (Поддержка). То же можно сказать и о суммарных оценках по двум группам, содержащим 4 утверждения.

При обработке результатов по каждой ситуации получалось три оценки:

1) оценка уровня Контроля (субъект-объектного понимания);
2) оценка уровня Поддержки (субъект-субъектного понимания);
3) разность первых двух оценок (из показателя Поддержка вычитался показатель Контроль).

Разности, полученные по двум ситуациям, при обработке результатов суммировались. Таким образом, чем выше получался суммарный показатель, тем больший уровень Поддержки (субъект-субъектного понимания) демонстрировался испытуемым. Соответственно, чем он ниже, тем большей становилась величина Контроля (проявления субъект-объектного понимания).

Количественные результаты понимания ситуаций сопоставлялись с показателями трех личностных опросников, заполнявшихся испытуемыми. Опросники, выбранные для проведения исследования, выявляли те черты личности, которые, согласно

результатам исследований западных психологов, дифференцируют людей с большей или меньшей выраженностью стереотипов мужского и женского поведения.

1. Методика исследования макиавеллизма личности — перевод и русскоязычная адаптация четвертой версии американской шкалы «Mach-IV» (Знаков, 2001).
2. Методика диагностики направленности личности Б. Басса (Практическая.., 1999), с помощью которой выявляются три вида направленности:

Направленность на себя (Я) характеризует людей, стремящихся к вознаграждению и удовлетворению своих потребностей независимо от количества и качества выполняемой работы. Им присуща агрессивность в достижении статуса, властность, склонность к соперничеству, раздражительность, тревожность, интровертированность.

Направленность на общение (Общение) — стремление субъекта при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентация на совместную деятельность, но нередко в ущерб выполнению конкретных заданий или оказанию искренней помощи человеку. Для такого субъекта характерна ориентация на социальное одобрение, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

Направленность на дело (Дело) — присуща людям, проявляющим заинтересованность в решении проблем и в наилучшем выполнении работы, деловом сотрудничестве, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

3. Опросник Д. Марлоу и Д. Крауна, определяющий уровень самооценки мотивации одобрения, выявляющий тенденцию испытуемого давать социально желательные ответы.

Результаты и их обсуждение

Результаты экспериментов анализировались двумя взаимно дополняющими способами. Сначала испытуемые разделялись на две группы по преобладающему типу понимания ситуаций и выяснялось, какие личностные характеристики у них сходны, а какие различаются. Теоретическим основанием этого способа анализа являлось предположение о том, что понимание коммуникативных ситуаций непосредственно зависит от психологических качеств субъекта и направленности его личности. Затем проделывалась обратная процедура: рассматривалось, как выявленные при помощи указанных выше методик личностные

характеристики влияют на преобладание субъект-субъектного или субъект-объектного типа понимания высказывания.

Прежде чем переходить к конкретному анализу данных, полученных в двух сериях экспериментов, сравню наиболее важные в контексте этого исследования личностные характеристики мужчин и женщин. Женщины имеют значимо более низкие показатели по шкале макиавеллизма, чем мужчины ($M=69.74$ и $M=78.44$; $t=5.21$, $p<0.001$). Эти данные согласуются с результатами других исследований (Wilson at all, 1996, Знаков 2001). Кроме того, обнаружено, что у женщин более выражена ориентация на Общение, чем у мужчин ($M=24.41$ и $M=26.54$; $t=2.13$, $p<0.001$). Они также более склонны давать социально желательные ответы, чем мужчины ($M=10.24$ и $M=8.95$; $t=2.51$, $p<0.001$). Все это дает основания ожидать, что в коммуникативных ситуациях женщины будут преимущественно ориентироваться на феминные ценности и роли, а мужчины — на маскулинные. Как отмечают западные психологи (Geis, 1978), женщины обладают в среднем более низким уровнем макиавеллизма, чем мужчины; в общении они стремятся поддерживать хорошие отношения с людьми, ориентируются на совместную деятельность и социальное одобрение. Отсюда следует, что у женщин в общении с большей вероятностью должно проявляться субъект-субъектное понимание высказываний партнера, а у мужчин — субъект-объектное.

Теперь я последовательно проанализирую данные проведенного экспериментального исследования.

В первой серии экспериментов вначале рассматривалось влияние пола источника сообщения на понимание женщинами коммуникативных ситуаций по типу Контроля или Поддержки. В первой ситуации источник сообщения был мужского пола, т.е. партнеры по общению были разного пола (мужчина — женщина), во второй — женского (женщина — женщина).

Результаты показали, что чем больше итоговый показатель Поддержки по обеим ситуациям, тем ниже показатель Контроля по первой ситуации ($M=14.49$ и $M=9.49$; $t=3.69$, $p<0.007$). Кроме того, чем меньше итоговый показатель Поддержки по обеим ситуациям, тем больше преобладание Контроля по второй ситуации ($M=12.17$ и $M=9.26$; $t=3.71$, $p<0.007$) и меньше показатель Поддержки по второй ситуации ($M=16.06$ и 19.89; $t=-5.14$, $p<0.01$). Было также обнаружено, что чем меньший Контроль

испытуемые проявляли во второй ситуации, тем больший итоговый показатель Поддержки по обеим ситуациям у них оказывался ($M = 13.69$ и $M = 10.29$; $t = 2.16$, $p < 0.03$).

Таким образом, эти результаты позволяют заключить, что в ситуации общения с мужчиной женщины более склонны понимать высказывания мужчины по субъект-субъектному типу, тогда как в ситуации с собеседницей-женщиной — по субъект-объектному типу. Это один из главных результатов исследования. Вероятно, он означает, что женщины при общении с мужчиной в большей степени склонны проявлять полоролевые особенности стереотипного женского поведения, т.е. быть более мягкими и уступчивыми, нежели при общении с собеседницей своего пола. В ситуациях общения с мужчинами они демонстрируют большее принятие, большее дружелюбное понимание их высказываний, скорее выражающее беспокойство и поддержку, нежели критику.

Следовательно, этот результат подтверждает третью гипотезу о зависимости типа понимания от пола источника сообщения. Коммуникативные ситуации, в которых источником сообщения является мужчина, понимаются женщинами по субъект-субъектному типу. Ситуации, в которых говорит женщина, понимаются по субъект-объектному типу.

Обратимся теперь к анализу личностных характеристик двух групп женщин, по-разному понимающих предъявлявшиеся ситуации. У 35 испытуемых с низким (меньше медианы) показателем Контроля по первой ситуации соответственно ниже оказались и оценки по шкале макиавеллизма ($M = 66.37$ и $M = 73.11$; $t = -3.22$, $p < 0.002$). Сравнительный анализ результатов женщин с низким и высоким показателем Контроля по второй ситуации выявил, что испытуемые, у которых больший Контроль при понимании второй ситуации (женщина-женщина), получили более высокие оценки по шкале макиавеллизма ($M = 72.82$ и $M = 66.66$; $t = 2.49$, $p < 0.001$). Женщины с высокими показателями по шкале макиавеллизма интерпретируют высказывания своего собеседника женского пола как выражающие доминирование, излишнюю опеку, попытку поставить их в зависимое положение. Иначе говоря, они понимают высказывание партнера как попытку обращения с собой не как с полноправным субъектом общения, а как с объектом манипулирования, управления и т.п.

Далее я сопоставил данные о понимании ситуаций с результатами по методикам Басса и Марлоу—Крауна. Анализ показал,

что испытуемые с низким показателем Контроля по первой ситуации демонстрируют большую ориентацию на Общение (M = 28.3 и M = 24.8; t = 2.5, p<0.001) в сочетании с меньшим макиавеллизмом (M = 66.4 и M = 73.1; t = −3.22, p<0.002) и большим показателем по шкале Марлоу-Крауна (M = 11.02 и M = 9.45; t = 2.1, p<0.03). При этом эти испытуемые обладают большим показателем Поддержки по обеим ситуациям (M = 14.5 и M = 9.5; t = 3.7, p<0.007).

Это означает, что женщины, понимающие высказывания собеседника в ситуациях общения по субъект-субъектному типу, при решении задач в большей степени склонны полагаться на собеседника, чем на себя или на задачу. Кроме того, при заполнении опросников они дают более социально желательные ответы, что согласуется с результатами исследований зарубежных психологов.

Теперь перейду ко второму способу анализа результатов.

Сначала сравню результаты испытуемых с высокими и низкими показателями по шкале макиавеллизма. Сравнительный анализ обнаружил, что при меньшем значении этого показателя женщины проявляли большую Поддержку при понимании высказываний в ситуации «мужчина-женщина» (M = 6.34 и M = 3.62; t = 2.27, p<0.03) и, соответственно, меньший Контроль. К тому же, у них оказывался большим итоговый показатель Поддержки по обеим ситуациям (M = 14.23 и M = 9.74; t = 3.12, p<0.004).

Следовательно, женщины с низким уровнем макиавеллизма в большей степени склонны проявлять Поддержку в коммуникативных ситуациях. Другими словами, чем ниже уровень макиавеллизма, тем больше шансов на то, что в коммуникативной ситуации женщина будет понимать высказывания собеседника с субъект-субъектной позиции и наоборот.

Сравнение испытуемых с низкими и высокими оценками по Мак-шкале показало также, что чем ниже оценки, тем большую ориентацию на Общение по опроснику Басса проявляет испытуемый (M = 28.29 и M = 24.8; t = 2.49, p<0,01). В свою очередь, если рассмотреть группы испытуемых с оценками выше и ниже медианы по показателю Общение, то обнаруживается следующая картина. Чем меньше выражена ориентация на общение, тем больше у испытуемых проявляется внимание к своему Я (M = 26.14 и M = 21.91; t = 4.53, p<0.001). Это согласуется с данными западных исследований о том, что субъекты с низкими показателями по Мак-шкале, т.е. ориентирующиеся скорее

на феминные, чем на маскулинные ценности и роли, в социальных взаимодействиях более направлены на взаимодействие с партнерами, нежели на достижение цели (Edwards, 1998).

К тому же при более низком значении шкалы ориентации на Общение значимо более низким становился показатель Поддержки в понимании высказывания в коммуникативной ситуации общения с мужчиной ($M=3.63$ и $M=6.34$; $t=-2.47$, $p<0.01$) и с женщиной ($M=6.14$ и $M=8.37$; $t=-2.15$, $p<0.03$). При этом и итоговый показатель Поддержки по обеим ситуациям становится значимо более низким ($M=9.77$ и $M=14.2$; $t=-3.1$, $p<0.03$). Это свидетельствует о большей склонности этих испытуемых понимать высказывание собеседника по субъект-объектному типу.

Теперь перейду к анализу результатов второй серии экспериментов, в которой испытуемыми были мужчины.

В первой ситуации источник сообщения был женского пола (ситуация «мужчина-женщина»), во второй — мужского («мужчина-мужчина»). Оказалось, что по всей выборке из 104 мужчин средний показатель Поддержки в первой ситуации значимо превышает среднюю оценку Поддержки во второй ситуации ($M=17.5$ и $M=14.4$; $t=7.33$, $p<0.001$). Соответственно, в общении друг с другом мужчины проявляют больший Контроль, чем в общении с женщиной ($M=9.3$ и $M=12.7$; $t=-6.55$, $p<0.001$). Сравнительный анализ результатов двух групп мужчин с высокими и низкими показателями Контроля по второй ситуации (мужчина-мужчина) выявил следующее. У субъектов с низким Контролем больше выражена Поддержка и в первой ($M=16.3$ и $M=18.7$; $t=-2.92$, $p<0.005$), и во второй ситуации ($M=13.5$ и $M=15.3$; $t=-2.29$, $p<0.02$). У них больше разница между Поддержкой и Контролем ($M=10.2$ и $M=6.21$; $t=3.21$, $p<0.002$), а также общий итоговый показатель Поддержки ($M=16.92$ и $M=3.17$; $t=8.63$, $p<0.001$).

Следовательно, результаты экспериментов свидетельствуют о том, что мужчины в общении с женщиной проявляют большую Поддержку, чем в общении с мужчиной. Иначе говоря, сообщения, которые произносит женщина, мужчина понимает по субъект-субъектному типу, а мужские высказывания — по субъект-объектному. Вместе с тем можно предположить, что если некоторые мужчины понимают вторую ситуацию, описывающую взаимодействие мужчины с мужчиной, по типу Поддержки, то они обладают более выраженными феминными качествами.

Коммуникативные сообщения партнера независимо от его пола они понимают более сочувственно и доброжелательно, т.е. субъект-субъектным образом.

Посмотрим теперь, как тип понимания связан с личностными качествами испытуемых.

У мужчин с низкими оценками по Мак-шкале, как и у женщин с такими же показателями, более выражена ориентация на социально желательные ответы ($M=9.35$ и $M=7.90$; $t=2.32$, $p<0.02$). У них более высокий уровень Поддержки во второй ситуации ($M=15.65$ и $M=13.23$; $t=3.33$, $p<0.001$), а также суммарный показатель Поддержки ($M=11.88$ и $M=7.81$; $t=2.14$, $p<0.04$). Иначе говоря, чем ниже уровень макиавеллизма личности, тем больше шансов на то, что человек считает значимыми для себя феминные ценности и роли. Неудивительно, что такие мужчины стремятся понимать собеседников по субъект-субъектному типу. В то же время мужчины-макиавеллисты — по субъект-объектному. Они чаще воспринимают своих собеседников мужского пола как конкурентов, высказывающих критические замечания в их адрес и стремящихся к доминированию.

Далее результаты испытуемых с высокими и низкими показателями по шкале макиавеллизма сравнивались с их оценками по методике Басса. Оказалось, что низкие оценки по Мак-шкале отрицательно «коррелируют» с ориентацией на Я ($M=24.01$ и $M=27.7$; $t=-3.2$, $p<0.002$) и положительно — с направленностью на Общение ($M=25.7$ и $M=23.2$; $t=2.25$, $p<0.03$). А у субъектов с высокими оценками по Мак-шкале больше выражена ориентация на Я ($M=27.7$ и $M=23.2$; $t=3.48$, $p<0.001$) и на Дело ($M=23.2$ и $M=30.3$; $t=-5.32$, $p<0.001$), чем на Общение. Эти данные согласуются с результатами западных исследований: в общении субъекты с высокими показателями по Мак-шкале, как правило, предметно ориентированы, в социальных взаимодействиях они более целеустремленны, конкурентоспособны и направлены прежде всего на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами.

И обратный способ рассуждения: при анализе направленности личности на Я, на Общение и на Дело получилось, что субъекты с меньшей ориентацией на себя имеют низкие показатели по шкале макиавеллизма ($M=76.2$ и $M=83$; $t=-3.59$, $p<0.001$). Они больше ориентированы на Общение ($M=27.4$ и $M=21.6$; $t=5.24$, $p<0.001$), дают более социально желательные

ответы ($M=9.42$ и $M=7.83$; $t=2.6$, $p<0.01$). И наоборот, субъекты с меньшей направленностью на Общение больше ориентированы на себя ($M=27.4$ и $M=24.2$; $t=3.5$, $p<0.001$) и на Дело ($M=33.8$ и $M=27.6$; $t=6.08$, $p<0.001$).

***

Итак, эксперименты подтвердили все три гипотезы исследования.

Во-первых, обнаружено, что мужчины, как правило, в коммуникативных ситуациях понимает высказывания собеседников по монологическому субъект-объектному типу. Это значит, что такой человек склонен интерпретировать слова партнера как проявление излишней опеки над собой, стремление командовать, манипулировать, показывать свое превосходство. Иначе говоря, он подозревает, что другие люди обращаются с ним не как с равноправной личностью, субъектом познания и общения, а как с «вещью», объектом, не имеющим своего внутреннего мира, который следует принимать во внимание и уважать. У испытуемых женского пола, напротив, наблюдается исходная направленность на диалогическое общение. Она включает убеждение человека в том, что если собеседник что-то говорит, то он обращается к нему как равноправному партнеру, подлинному субъекту общения. Неудивительно, что такие люди понимают высказывания других по субъект-субъектному типу.

Во-вторых, подтвердилась связь типов понимания высказываний с особенностями личности испытуемых. В частности чем выше показатель макиавеллизма, ориентация на Я или на Дело, тем с большей вероятностью можно утверждать, что испытуемые будут понимать высказывания по субъект-объектному типу. И, наоборот: при высокой ориентации на Общение в сочетании с низкой оценкой по шкале макиавеллизма, увеличивается вероятность того, что высказывания будут пониматься по субъект-субъектному типу.

В-третьих, преобладание субъект-субъектного или субъект-объектного типов понимания высказывания испытуемым зависит от пола говорящего, т.е. источника сообщения. Когда и испытуемый, и участники диалога являются людьми одного пола, то преобладает субъект-объектное понимание. При чтении и осмыслении диалогов, происходящих в разнополых парах,

последние чаще понимаются испытуемыми по субъект-субъектному типу.

Проведенное исследование не только подтвердило гипотезы, но и способствовало постановке новых вопросов. И главный из них такой: насколько правомерно утверждение об отсутствии непосредственной связи между полом человека и степенью выраженности у него маскулинных и феминных признаков? Возможно, все-таки есть научные основания для суждения о том, что у мужчин показатели маскулинности выше, чем у женщин, а у женщин более выражены показатели феминности? Иначе говоря, маскулинность является преимущественно мужским качеством, а феминность женским? Другой вопрос также важен в контексте исследований понимания и взаимопонимания: есть ли связь между маскулинными и феминными полоролевыми ценностными ориентациями субъекта и макиавеллизмом его личности?

Ответам на эти вопросы посвящен следующий раздел.

6.6. Понимание сообщений феминными, маскулинными и андрогинными женщинами

Исследования понимания в ситуациях общения являются, безусловно, научно значимыми и практически важными, но очень трудными для проводящего их психолога. Трудности обусловлены как скудным арсеналом методических средств, так и многими факторами, влияющими на формирование понимания и взаимопонимания людей. В частности, к ним относятся пол субъектов общения, их гендерная идентичность и личностные особенности. Ниже описано исследование понимания сообщений в коммуникативных ситуациях, проведенное под моим руководством О.Н. Ивановой (Иванова, 2004).

Целью исследования было выяснение влияния гендерной идентичности и уровня макиавеллизма личности женщины на то, с какой позиции (Контроля или Поддержки) (Edwards, 1998) ею будут интерпретироваться высказывания мужчин и женщин.

Работа направлена на проверку следующих пяти *гипотез*:

1. Гендерная идентичность испытуемых влияет на различия в понимании сообщений. При высоких показателях маскулинности женщины склонны интерпретировать сообщения как выражение контроля, а при высоких показателях феминности — как проявление поддержки.
2. Феминные женщины понимают сообщения как выражение поддержки в обеих ситуациях (и в паре женщина-мужчина, и в паре женщина-женщина), но, когда говорящим является мужчина, показатель поддержки оказывается выше, чем когда говорящей является женщина.
3. Маскулинные и андрогинные женщины понимают сообщения как выражение контроля в обеих ситуациях (и в паре женщина-мужчина, и в паре женщина-женщина), но, когда говорящей является женщина, контроль будет выше, чем когда говорящим является мужчина.
4. Макиавеллизм и гендерная идентичность личности взаимно связаны. У маскулинных женщин показатели макиавеллизма выше, чем у феминных, но несколько ниже, чем у андрогинных.
5. Уровень макиавеллизма личности в большей степени влияет на тип интерпретации сообщений, чем гендерная идентичность испытуемых.

Методика

Испытуемые: 162 студентки МГУ им. М.В. Ломоносова — биологи, почвоведы, филологи, юристы, психологи, журналисты, а также факультета государственного управления. Возраст испытуемых — от 16 до 25 лет (средний возраст M = 18,53, SD = 1,53).

Процедура. Испытуемые заполняли три методики: МИГИ, Методику исследования макиавеллизма личности и диалогические ситуации Р. Эдвардса (Edwards, 1998), дополненные вопросами к ним.

На основе ситуаций, использовавшихся в исследовании Эдвардса, был создан опросник, включающий две коммуникативные ситуации. В первой собеседниками являются мужчина и женщина, во второй — две женщины. После прочтения испытуемой описания ситуации ей давался список из 8 утверждений, представляющих собой возможные интерпретации причин поведения человека, что-то рассказывающего собеседнице. Одна половина утверждений характеризует понимание испытуемой сообщения по типу контроля (C), а другая — по типу поддержки (S). Испытуемая должна была отметить степень своего согласия

с каждым утверждением по шестибалльной шкале (от 1 — совершенно не согласна, до 6 — полностью согласна). В результате обработки данных по каждой ситуации получается 3 оценки:

1) оценка уровня Поддержки (S) — сумма баллов по S-утверждениям;
2) оценка уровня Контроля (C) — сумма баллов по C-утверждениям;
3) разность (S – C).

Оценки разности по обеим ситуациям суммируются: чем выше суммарный показатель, тем больший уровень поддержки демонстрирует субъект при интерпретации сообщений; чем он ниже, тем большим является уровень контроля.

Помимо готовых вариантов утверждений, дополнительно были разработаны открытые вопросы к каждой ситуации, на которые испытуемые отвечали в письменной форме.

Результаты и их обсуждение

Сначала было произведено *сравнение трех групп* испытуемых: феминных, маскулинных и андрогинных женщин. При сравнении групп по критерию Краскала – Уоллиса различия были выявлены по возрасту (андрогинные женщины — самые молодые; $p<0{,}01$), уровню макиавеллизма (у андрогинных женщин — самый высокий показатель макиавеллизма; $p<0{,}001$) и по ответам на вопрос: «Согласились бы Вы работать над проектом совместно?» — реже всего с ним соглашались маскулинные женщины ($p<0{,}05$).

При попарном сравнении рассматриваемых групп по критериям Колмогорова – Смирнова и Манна – Уитни были получены следующие результаты.

1. Феминные и маскулинные женщины различаются по уровню макиавеллизма (у маскулинных женщин он выше; $p<0{,}05$) и по ответам на вопрос: «Согласились бы Вы работать над проектом совместно?» Чаще с ним соглашались феминные женщины ($p<0{,}01$).
2. Феминные и андрогинные женщины различаются по возрасту (андрогинные студентки моложе; $p<0{,}01$), уровню макиавеллизма (у андрогинных показатель макиавеллизма выше; $p<0{,}01$), уровню поддержки в первой ситуации (в паре женщина-мужчина) — у андрогинных он ниже ($p<0{,}05$)

и уровню контроля во второй ситуации (в паре женщина-женщина) — у андрогинных выше ($p<0,05$).

3. Маскулинные и андрогинные женщины различаются по ответам на вопрос: «Изменилось бы Ваше понимание ситуации, если бы Ваш коллега был женщиной?» — значимо чаще с ним соглашались андрогинные женщины ($p<0,05$). Есть различия и в ответах на вопрос: «Согласились бы Вы работать над проектом совместно?» — с ним также чаще соглашались андрогинные женщины ($p<0,05$).

Таким образом, на основе сравнения трех групп женщин можно сделать вывод о большей близости психологических характеристик маскулинных и андрогинных женщин. В то же время группа феминных женщин существенно отличается от них. Это может объясняться спецификой выборки: молодые, умные, амбициозные студентки МГУ стремятся быть конкурентоспособными и успешными во всех сферах жизни — личной, профессиональной и др. Именно андрогинные испытуемые считаются наиболее гибкими и адаптивными и, как следствие, наиболее успешными в современной жизни. Зная, чего они хотят достичь, они готовы соперничать (более высокий Контроль) и отстаивать прежде всего свои интересы (более низкая Поддержка). В самом деле, маскулинные и андрогинные студентки ориентированы на близкие по своему содержанию ценности (успешность, конкурентоспособность), в этом их отличие от более «мягких» феминных женщин. Следовательно, эмпирические данные подтверждают гипотезы о том, что маскулинные и андрогинные женщины, в отличие от феминных, интерпретируют сообщения сходным образом. Подтвердилась и гипотеза 4, в соответствии с которой у маскулинных женщин показатели макиавеллизма выше, чем у феминных, но ниже, чем у андрогинных.

Затем сравнивались результаты испытуемых с *низкими и высокими показателями по шкале макиавеллизма.*

У испытуемых с высокими показателями макиавеллизма личности оказались более высокие, чем у «низких», показатели Контроля по первой ($p<0,05$) и по второй ($p<0,001$) ситуациям. У них также более низкие показатели Поддержки по второй ситуации ($p<0,01$) и суммарному показателю $S-C$ ($p<0,001$). Связь макиавеллизма с показателями Поддержки и Контроля больше проявляется во второй ситуации (при общении двух

женщин), чем в первой, что подтверждает гипотезу о неодинаковом отношении испытуемых к собеседникам своего и противоположного пола.

Таким образом, можно сделать вывод о большей значимости для интерпретации и понимания сообщений такого показателя, как уровень макиавеллизма личности, в то время как сама по себе гендерная идентичность в меньшей степени связана со спецификой понимания. Испытуемые с высокими показателями макиавеллизма склонны к более контролирующим интерпретациям, чем испытуемые с низкими (особенно сильно это сказывается на интерпретации сообщений от представительниц своего пола).

Следующим этапом обработки данных стало сравнение типов интерпретации в зависимости от *пола источника сообщения*. Статистический анализ осуществлялся с помощью критерия Вилкоксона (непараметрический критерий для зависимых выборок) и состоял из процедур сравнения уровня Поддержки (S), Контроля (C) и уровня S – C внутри каждой из ситуаций и между двумя ситуациями (при общении с мужчиной и при общении с женщиной). Были получены следующие результаты.

Уровень Поддержки во второй ситуации (при общении с женщиной) оказался значимо ниже, чем в первой (при общении с мужчиной) как по всей выборке в целом ($p<0,001$), так и в группах феминных ($p<0,01$) и андрогинных женщин ($p<0,01$). В группе маскулинных женщин значимых различий не выявлено, но во второй ситуации уровень Поддержки несколько ниже. Уровень Контроля во второй ситуации (при общении с женщиной) оказался значимо выше, чем в первой (при общении с мужчиной). Это относится как ко всей выборке в целом ($p<0,001$), так и к каждой из групп: у маскулинных женщин ($p<0,01$), феминных ($p<0,01$), андрогинных ($p<0,001$). Общий уровень разности Поддержки и Контроля (S – C) во второй ситуации (при общении с женщиной) оказался значимо ниже, чем в первой (при общении с мужчиной) как по всей выборке в целом ($p<0,001$), так и в каждой из групп: у маскулинных ($p<0,01$), феминных ($p<0,01$), андрогинных ($p<0,001$).

Таким образом, выявлены значимые сдвиги показателей Поддержки и Контроля при переходе от ситуации общения женщины с мужчиной к ситуации общения женщины с женщиной: показатели Поддержки становятся значимо ниже, а Контроля увеличиваются.

Это частично подтверждают гипотезы 2 и 3, в соответствии с которыми для всех групп женщин показатели Поддержки при общении с мужчинами будут выше, чем при общении с женщинами, а показатели Контроля, наоборот, выше при общении с женщиной, чем с мужчиной. Однако окончательное подтверждение или опровержение этих гипотез возможно только после выявления преобладания Поддержки или Контроля внутри каждой из ситуаций у различных групп испытуемых. Именно это и было следующим шагом анализа.

В ситуации 1 (при общении с мужчиной) уровень Поддержки оказался значимо выше уровня Контроля как по всей выборке ($p<0{,}001$), так и в каждой из групп: у маскулинных ($p<0{,}01$), феминных ($p<0{,}001$), андрогинных ($p<0{,}01$) женщин.

В ситуации 2 (при общении с женщиной) уровни Поддержки и Контроля значимо не различались ни по всей выборке в целом, ни в одной из групп при делении по критерию гендерной идентичности. Однако при делении на группы по показателю макиавеллизма различия были обнаружены. Испытуемые с низким уровнем макиавеллизма интерпретировали сообщения от женщин преимущественно с позиции Поддержки ($p<0{,}05$), а те, у кого он высокий, — с позиции Контроля ($p<0{,}001$). Это еще раз подтверждает то, что тип интерпретации сообщений в большей степени связан с уровнем макиавеллизма испытуемого, нежели с его гендерной ориентацией (см. гипотезу 5).

Таким образом, анализ показал, что гипотезы 2 и 3 были не совсем точны: во всех группах испытуемых в ситуации 1 (при общении женщины с мужчиной) уровень Поддержки значимо выше, чем уровень Контроля. При переходе ко второй ситуации (при общении женщины с женщиной) эти различия сглаживаются и уровень Поддержки во второй ситуации значимо не отличается от уровня Контроля (ни по всей выборке, ни в группах маскулинных, феминных и андрогинных женщин). Однако в группах испытуемых с высокими и низкими показателями по шкале макиавеллизма различия все же наблюдаются: «низкие макиавеллисты» проявляют поддерживающую интерпретацию сообщений от женщин, а «высокие» — контролирующую.

Идея исследования О.Н. Ивановой возникла из несоответствия данных зарубежных психологов (Edwards, 1998) и результатов дипломной работы Т.В. Дудкиной, выполненной под моим руководством в 2000 г. В западной психологии считается, что женщины

склонны скорее к Поддержке, чем к Контролю, причем тип интерпретации тесно связан с гендерной идентичностью испытуемых. Исследование на российской выборке показало не столь однозначные результаты: тип интерпретации зависел от пола собеседника (сообщения от мужчин понимались как поддерживающие, а сообщения от женщин — как контролирующие). Полученные Ивановой результаты согласуются с российскими данными, но не повторяют их. Более важным фактором, определяющим тип интерпретации сообщений, является пол источника сообщения, а не особенности гендерной идентичности испытуемых. Сообщения от мужчин воспринимались всеми группами женщин в большей степени с позиции Поддержки, а сообщения от женщин — в равной степени и с позиции Поддержки, и с позиции Контроля. Поддерживающие интерпретации более характерны для женщин с низким уровнем макиавеллизма, а контролирующие — с высоким. Во всех группах испытуемых при переходе от общения с мужчиной к общению с женщиной показатели Поддержки становятся значимо ниже, а показатели Контроля — значимо выше.

Это только частично подтверждает выдвинутые гипотезы: действительно, сообщения от мужчин воспринимаются женщинами с большей степенью Поддержки и меньшей степенью Контроля, чем сообщения от женщин. Однако предполагаемый преобладающий тип интерпретации не подтвердился. В гипотезах были высказаны предположения о преобладании у феминных женщин поддерживающей, а у маскулинных и андрогинных женщин контролирующей интерпретации *в обеих ситуациях*. Но факты указывают на большую значимость для интерпретации сообщений такого фактора, как пол собеседника, а не самой по себе гендерной идентичности испытуемых. Правда, опять-таки это может быть связано с особенностями выборки. Молодые амбициозные девушки стремятся понравиться противоположному полу, и, соответственно, поведение других людей они интерпретируют под этим углом зрения. Неудивительно, что другие женщины воспринимаются ими как потенциальные соперницы. Если это предположение верно, то на группе более взрослых испытуемых различия в интерпретациях сообщений в зависимости от пола собеседника должны значительно уменьшиться. Однако подтверждение или отрицание правильности высказанного предположения требует проведения дополнительного исследования.

На завершающей стадии обработки данных были проанализированы *ответы на вопросы к методике Эдвардса*. Наиболее типичными объяснениями изменения понимания ситуации при переходе от общения с мужчиной к общению с женщиной были следующие: «Скорее всего, я была бы поаккуратнее: женщины более хитрые» (исп. 3); «Критика более неприятна от женщины: конкуренция» (исп. 7); «От мужчин слышишь меньше хвастовства. В отношениях между разными полами меньше соперничества» (исп. 10); «Мужчина вряд ли видит во мне серьезного противника поэтому более бескорыстен» (исп. 13); «Мужчина может быть искреннее» (исп. 87); «Я не люблю иметь дело с женщинами и значительно меньше им доверяю. С мужчинами мне легче и общаться и зачастую работать. Женщину я воспринимаю как соперницу» (исп. 109); «Женщинам более свойственно чувство зависти. Мужчины в этом плане более трезво мыслят» (исп. 119); «Мне кажется, что женщины, с одной стороны, могут быть откровеннее друг с другом, но с другой — я бы искала «скрытый» подтекст в ее действиях: возможно, она это делает не от доброты душевной, а что-то замышляет» (исп. 160). Следовательно, основной причиной неравного отношения женщин к представителям своего и противоположного пола является чувство соперничества по отношению к женщинам и неверие в их искренность.

Наиболее часто встречающимися ответами на вопрос: «Как вы считаете, чего он хотел добиться этим рассказом?», были такие: «Произвести впечатление, поддержать разговор, поделиться своими достижениями, получить одобрение и поддержку» (исп. 31); «Он хотел поделиться своими идеями, найти понимание у человека, который ему, возможно, симпатичен» (исп. 36); «Возможно, всего лишь хотел проявить себя, понравиться, сблизиться с противоположным полом» (исп. 73); «Думаю, коллега хотел просто похвастаться своими достижениями или, если коллега — мужчина и я ему симпатична, просто хотел впечатлить меня» (исп. 96). Женщины предполагают, что мужчина в беседе ждет от них поддержки и понимания, хочет понравиться, произвести благоприятное впечатление, и они готовы оказать им поддержку.

Выводы

1. Уровень макиавеллизма личности в большей степени влияет на тип понимания сообщений, чем гендерная идентичность испытуемых. Чем выше уровень макиавеллизма,

тем в большей степени женщины склонны интерпретировать сообщения с позиции Контроля. При низком уровне макиавеллизма личности они иначе понимают сообщения и интерпретируют их с позиции Поддержки.

2. Не менее важным фактором, определяющим тип понимания сообщений, является пол собеседника: высказывания собеседников-мужчин воспринимаются всеми группами женщин с позиции Поддержки, а сообщения собеседниц-женщин — в равной степени и с позиции Поддержки, и с позиции Контроля. Во всех группах испытуемых при переходе от общения с мужчиной к общению с женщиной показатели Поддержки становятся значимо ниже, а показатели Контроля выше.
3. Гипотеза о ничем не опосредованной прямой связи феминности-маскулинности с типом интерпретации не подтвердилась: на нашей выборке не обнаружено значимых различий в типах интерпретации в зависимости от гендерной идентичности женщин.
4. У маскулинных женщин показатели макиавеллизма значимо выше, чем у феминных, и несколько ниже, чем у андрогинных (Иванова, 2004).

В целом результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что половые и индивидуально-личностные различия людей могут оказывать большее влияние на специфику понимания ими разнообразных социальных ситуаций, чем их гендерная идентичность. Более того, в некоторых случаях все перечисленные характеристики человека оказывают меньшее влияние на понимание, чем социокультурные факторы.

6.7. Понимание субъектом моральной дилеммы: нивелирование половых и гендерных различий социокультурными факторами

Проблемы морального выбора, традиционно являющиеся предметом изучения в этике, в настоящее время становятся все более актуальными в психологических исследованиях субъекта (см.,

например: Попов, Кашин, Старшинова, 2000). В них особое внимание уделяется возможности человека заинтересованно, активно анализировать моральные проблемы и инициативно включиться в их решение, реализуя весь свой интеллектуальный и нравственный потенциал (Брушлинский, Темнова, 1993).

В этике, пожалуй, уже в течение многих столетий господствует точка зрения, согласно которой признается, что главным механизмом принятия моральных решений является выбор альтернативы. При этом под альтернативами понимаются уже готовые, данные извне, сформированные способы разрешения ситуаций. На принципе выбора построена и одна из наиболее известных психологических концепций в западной психологии морали — теория стадий развития нравственного сознания Л. Колберга (Анцыферова, 1999).

Однако в некоторых случаях при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается. В отечественной психологии с 1950-х гг. сначала под руководством С.Л. Рубинштейна, а затем А.В. Брушлинского проводились исследования мышления как деятельности и как процесса. В них были продемонстрированы уникальные феномены разрешения ситуаций выбора.

Как показал Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительного поиска с выявления альтернатив и выбора одной из них. Альтернативные возможности решения вычленяются и анализируются испытуемым постепенно, выступая на разных стадиях мыслительного поиска в неодинаковом качестве и обладая различной значимостью для испытуемого. В каждый момент мыслительного процесса для субъекта на передний план выступает какой-то один способ решения, не рядоположный и не равновероятный по отношению к другим. Субъект приступает к анализу и прорабатыванию другого способа решения тогда, когда с точки зрения получения ответа на основной вопрос задачи предыдущий способ исчерпал себя. Вследствие этого для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 1979).

Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то еще в большей

степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потенциально содержащих ситуации морального выбора. Особенно отчетливо это показано в исследовании Брушлинского, проведенном совместно с Л.В. Темновой (Брушлинский, Темнова, 1993). В нем обнаружено, что даже дилеммы Л. Колберга (явно построенные на основе ситуаций выбора) тоже могут решаться без выбора альтернатив. В экспериментах это проявлялось в том, что испытуемые, во-первых, с самого начала, опираясь на свой прошлый опыт, принимают и обосновывают только одну из предложенных им альтернатив. Во-вторых, в процессе принятия решения они колеблются, переходя по очереди от одной альтернативы к другой. Наконец, в-третьих, пытаясь уйти от навязываемой условиями задачи необходимости однозначного выбора, испытуемые стремятся выйти за пределы дилеммы, считая ее искусственной, неправдоподобной и т.д. Соответственно, на примере решения моральной дилеммы — следует ли оставить в российском законодательстве в качестве высшей меры наказания смертную казнь — были выявлены три типа решения.

Первый тип назван авторами «ортодоксальным» (безапелляционным). К нему относятся такие решения, в которых субъект придерживается одного, раз и навсегда избранного пути. Большинство испытуемых попеременно переходили от анализа одного варианта решения (смертная казнь должна быть оставлена) к другому (смертную казнь следует отменить). Постепенное уменьшение значимости аргументов в пользу одного варианта решения и увеличение весомости другого приводили к их смене в ходе мыслительного поиска. При «ортодоксальном» типе решения испытуемый во время рассуждения последовательно, целенаправленно находил все новые и новые доказательства, подтверждающие «правильность» выбранного им способа аргументации. И даже различные вопросы-подсказки и контраргументы экспериментатора не только не сбивали субъекта с выбранного им пути, но еще более убеждали его в правильности своей точки зрения и вызывали повышение мыслительной активности. Пример такого типа решения демонстрирует испытуемый В.Н., на протяжении всего цикла рассуждений доказывающий обязательность смертной казни: «Я — за, независимо даже от возраста убийцы. Понимаете, если человек в любом возрасте, начиная с двенадцатилетнего и кончая уже загробным, поднял руку, а в руке нож или

орудие на человека — это уже не человек. Это, ну как это назвать, вне общества. Его нельзя считать человеком в этом мире».

Второй тип решения — «колеблющийся» (сомневающийся). Его отличительной чертой является попеременное обсуждение обеих предложенных в условии альтернатив, последовательный переход от анализа одной к анализу другой. В процессе рассуждения смена способов решения может происходить несколько раз. Однако после вопросов-подсказок испытуемый может изменить свою, казалось бы, сформировавшуюся точку зрения. В результате сомнений и колебаний испытуемый отвергает и первую стратегию решения (смертной казни быть не должно), которую он развивал на всех предыдущих стадиях рассуждений, и вторую, отвергнутую им с самого начала (смертную казнь следует оставить в законодательстве). Вследствие этого появляется промежуточный вариант: предложение оставить высшую меру за убийства с особо отягчающими обстоятельствами с условием в дальнейшем ее отменить.

Третий тип решения авторы назвали «уходящим» (нежелание субъекта анализировать предложенную ситуацию). Выявлены две основные причины ухода от решения задачи: 1) постановка вопроса в задаче, по мнению испытуемого, неадекватно отражает закономерности окружающей жизни; 2) поступки и слова героев не соответствуют личностным представлениям испытуемого о том, как следовало бы поступать в подобных ситуациях. В отличие от отказа уход не связан с полным прекращением решения, а предполагает некоторое отступление от непосредственного пути продвижения к цели. Уход в решении нравственных задач имеет свою специфику. По-видимому, у субъекта срабатывает психологическая защита, провоцирующая его на неуспешность решения, нежелание решать, обусловленное личностными и ситуационными причинами (Брушлинский, Темнова, 1993).

Итак, исследования мышления ясно показывают, что по крайней мере в некоторых случаях субъект не делает выбор из альтернатив, хотя они, казалось бы, предзаданы. Особенно часто это бывает в нравственной сфере, при конфликте разных ценностей.

Ниже описано эмпирическое исследование понимания российскими испытуемыми одной из моральных дилемм известного американского психолога Л. Колберга. Его результаты свидетельствуют не только о различии русских и западных культурных

традиций, но и о совершенной мной методической ошибке. Для эксперимента была выбрана ситуация морального выбора, по типам понимания которой американские психологи могут вполне удовлетворительно дифференцировать своих испытуемых в соответствии с их личностными, половыми, гендерными и другими особенностями. Результаты исследования показали, что российские испытуемые в отличие от американцев понимают дилемму однозначно и единообразно.

Цель эмпирического исследования заключалась в том, чтобы попытаться обнаружить индивидуальные и типологические различия в понимании моральной дилеммы мужчинами и женщинами, а также феминными и маскулинными субъектами с неодинаковыми свойствами личности.

Были сформулированы три основные *гипотезы*.

1. Существуют половые и гендерные различия в понимании морально предосудительных поступков (лжи и сокрытия правды): женщины и феминные субъекты проявят большее, чем мужчины и маскулинные испытуемые, стремление к честному поведению.
2. Субъекты с высокими показателями по шкале макиавеллизма при понимании дилеммы в большей степени будут оправдывать ложь.
3. Субъекты с высокой самооценкой нравственных качеств личности при понимании ситуации морального выбора будут говорить, что на месте героя они не стали бы скрывать ложь и открыли бы правду.

Методика

Эксперименты по разработанной мной программе в рамках дипломных работ в Москве и Костроме проводили Н.А. Сысоева и Т.А. Москвина.

Испытуемые — студенты различных факультетов гуманитарного и естественнонаучного профиля МГУ им. М.В. Ломоносова, КГУ им. Н.А. Некрасова и КГТУ. Всего в исследовании приняли участие 212 человек (104 мужчины и 108 женщин) в возрасте от 16 до 26 лет ($M = 20.1$; $SD = 1.77$).

Процедура исследования. Сначала испытуемым предлагалось анонимно заполнить три опросника:

1. Мак-шкалу;

2. Российскую версию методики С.Л. Бем на измерение гендерной идентичности личности (МИГИ в адаптации В.А. Лабунской и М.В. Бураковой);
3. Личностный дифференциал.

Затем испытуемым предлагалось прочесть текст, описывающий одну из дилемм Л. Колберга:

> «Джуди — 12-летняя девочка.... Мать обещала ей, что она могла бы пойти на специальный рок-концерт в их городе, если девочка скопит деньги на билет, работая приходящей няней и немного экономя на завтраке. Она скопила 15 долларов на билет, да еще дополнительно 5 долларов. Но мать изменила решение и сказала Джуди, что та должна потратить деньги на новую одежду для школы. Джуди была разочарована и решила любым способом пойти на концерт. Она купила билет, а матери сказала, что заработала всего 5 долларов. В среду она пошла на представление, а своей матери сказала, что провела день с другом. Через неделю Джуди рассказала своей старшей сестре, Луизе, что она ходила на концерт, а матери солгала. Луиза раздумывала, сказать ли ей матери о поступке Джуди» (Анцыферова, 1999, с.15).

После прочтения истории испытуемые письменно отвечали на вопросы:

1. Должна ли Луиза рассказать матери, что Джуди солгала о деньгах, или промолчать?
2. Важно ли сдержать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова?
3. Как бы Вы поступили на месте Луизы: сказали матери правду или нет?

Предполагалось, что испытуемые, различающиеся по полу, гендерной идентичности и личностным характеристикам, по-разному будут понимать ситуацию морального выбора и, соответственно, неодинаково ответят на вопросы.

Совершенно очевидно, что в описанном методическом инструментарии изначально заложена упрощенная схема анализа результативных, но не процессуальных аспектов решения испытуемыми сложных моральных дилемм. Акцент на результативных составляющих процессов принятия решений задается схемой принудительного выбора: испытуемый обязательно должен выбрать один из предложенных ему вариантов ответа. Я отчетливо осознаю глубину и обоснованность приведенных выше аргументов А.В. Брушлинского в защиту тезиса о недизъюнктивном, процессуальном характере человеческого мышления. Тем не менее

я полагаю, что в тех случаях, когда нет возможности проводить долговременные и кропотливые исследования качественного содержания нравственного сознания субъекта, решающего моральные проблемы, интересные и научно значимые данные могут быть получены и таким способом. Разумеется, впоследствии они должны быть подвергнуты более тщательному психологическому анализу.

Результаты исследования

Количественный и качественный анализ результатов осуществлялся по нескольким направлениям: поиска половых, гендерных различий, а также определения психологических особенностей испытуемых, ответивших «да» или «нет» на каждый из трех задаваемых вопросов. Для выявления статистически значимых различий между средними данными указанных групп испытуемых применялись непараметрические критерии Колмогорова — Смирнова и Манна — Уитни.

Прежде чем переходить к конкретному психологическому анализу ответов на вопросы, я кратко рассмотрю содержательную структуру моральной дилеммы Колберга, в значительной степени определяющую характер ее понимания.

В истории, предложенной испытуемым для понимания (включающего нравственную оценку поступков героев), противопоставляются разные моральные нормы и ценности. Испытуемый должен выразить личное отношение к описанным моральным проблемам: основываясь на своей ценностно-смысловой позиции, проинтерпретировать ситуацию в процессе ответов на заданные вопросы. В ситуации выделяются три главные подтемы, которые нужно проинтерпретировать испытуемым: нарушение обещания (мать дала обещание дочери, что та пойдет на концерт, но затем изменила решение); ложь (Джуди солгала матери); доверие (Джуди доверила свою тайну старшей сестре Луизе). Названные подтемы отражают всем известные моральные нормы, связанные с обыденными представлениями о порядочном человеке: он держит данное слово, говорит правду, не раскрывает доверенные ему чужие секреты.

В сознании разных людей указанные нормы преломляются по-разному, причем в зависимости от ценностно-смысловой оценки ситуации одни нормативные представления могут противоречить другим. Специфика понимания дилеммы зависит от субъективных приоритетов испытуемых. Кроме того, она опре-

деляется и социальными нормами, и полоролевыми стереотипами, регулирующими психологические отношения между субъектами общения.

Количественный анализ ответов на вопросы

Как я уже упоминал выше, ответы испытуемых на три использованных вопроса дилеммы Колберга однообразно отрицательны. Только 24 человека полагают, что Луиза должна рассказать матери, что Джуди солгала, 188 считают, что ей следует молчать. 68 испытуемых согласны с тем, что важно сдержать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова; 144 человека с этим не согласны. 187 испытуемых на месте Луизы не сказали бы матери правду и только 25 сказали бы. И биномиальный критерий, и $\chi 2$ Пирсона, безусловно, покажут во всех трех случаях статистически значимое преобладание отрицательных ответов.

Характерно, что испытуемые, дающие положительные и отрицательные ответы, не различаются ни по признакам пола, ни по гендерной идентичности, ни по личностным особенностям. Очевидно, что социальные и культурные нормы, сформировавшиеся в нашем отечестве, оказывают решающее воздействие на представления испытуемых о том, как другим следует вести себя в подобных ситуациях и какую поведенческую стратегию предпочли бы они сами. Для выявления специфических особенностей понимания дилеммы разными группами испытуемых необходим более детальный анализ полученных данных, фокусирующийся на отдельных использовавшихся в эксперименте переменных. Именно такой анализ я и попытаюсь осуществить.

Половые различия

Выборка состояла из 108 женщин и 104 мужчин, между их результатами были выявлены следующие статистически значимые различия.

У женщин меньше, чем у мужчин, показатели по Мак-шкале ($p<0,001$; $M=76,12$ и $M=80,95$). Однако у них больше: оценки феминности ($p< 0,001$; $M=4,52$ и $M=3,99$); показатели по шкале

Оценка «Личностного дифференциала» ($p<0,01$; $M=11,22$ и $M=8,28$); показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p<0,02$; $M=6,21$ и $M=4,26$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p<0,004$; $M=0,77$ и $M=0,59$). Следовательно, женщины выше, чем мужчины, оценивают нравственные и эмоционально-коммуникативные свойства своей личности. Кроме того, они в большей степени убеждены в том, что по отношению к малознакомым людям, с которыми больше никогда не придется встретиться, надо вести себя честно.

Проанализирую теперь ответы на вопросы к тексту.

На вопрос о том, должна ли Луиза рассказать матери о поступке Джуди, большинство испытуемых ответили, что ей следует промолчать. Объясняя причины своего суждения, испытуемые чаще всего обращались к подтеме «Доверие». В первую очередь они обращали внимание не на факт лжи Джуди (считая ложь нормальным, вполне оправданным в этой ситуации поступком), а на межличностные отношения сестер и матери. Испытуемые говорили о том, что, рассказав матери об обмане младшей сестры, Луиза потеряет ее доверие, нарушит доверительные отношения. И мужчины, и женщины полагали, что сохранение тайны Джуди необходимо для сохранения хороших отношений между сестрами.

Однако необходимо отметить различия в ответах мужчин и женщин.

Мужчины, во-первых, обращали внимание на социальные роли людей, включенных во взаимоотношения, и сравнивали моральный проступок с социально-нормативными представлениями — тем, «как должно быть» («Потому что она сестра». «Нельзя делать подлости своим». «Не надо выдавать членов своей семьи, это противоречит законам человеческого общежития». «Это собственные деньги Джуди. Родители должны обеспечивать своих детей, а не требовать их деньги». «Это секрет Джуди и Луизы, а секреты должны держаться в тайне»).

Во-вторых, мужское понимание дилеммы основано на представлении о праве субъекта на самостоятельность в принятии решений и контролировании ситуации морального выбора. Характерно, что они не узурпируют право самостоятельного решения, а признают и права других людей («Если Джуди захочет рассказать, то она сама должна это сделать». «Каждый сам выбирает,

как ему поступать». «Это в принципе не ее (Луизы) дело». «Это деньги Джуди, и только она решает, что с ними делать»).

Женщины акцентировали внимание на психологическую, интимно-личностную сторону взаимоотношений персонажей. Женскому пониманию ситуации присуща диалогичность, оно реализуется в категориях Я и Она (Они). Для женщин важно сохранить и не разрушить связь с другими людьми. В обсуждаемой ситуации ложь расценивается ими как меньшее зло, нежели разрушение психологических отношений («Ей доверили тайну, говоря правду, она тем самым подставит сестру, и этот поступок может разрушить отношения Джуди с матерью». «Сестры доверяют друг другу и не хотели бы испортить отношения». «Из-за пустяка можно серьезно испортить отношения с сестрой, потерять доверие». «Если сестре рассказали эту историю, то ей доверили и ждали молчания»).

Только 24 человека ответили на этот вопрос «да», т.е. они считают, что Луиза должна все рассказать матери. Женщины объясняли это воспитательными целями («Чтобы Джуди так больше не делала»), а мужчины тем, что проблему можно решить совместно, разобравшись откровенно («В нормальной семье родитель поймет ребенка, а ребенок — поймет реакцию родителя на открытую правду: после разбора ситуации впредь лгать никто не будет»).

Второй вопрос: «Важно ли сдержать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова?»

Те, кто ответили «нет» (преимущественно мужчины), объясняют свою позицию тем, что иногда бывают обстоятельства, когда обещание невозможно или даже уже не нужно выполнять. Таким образом, вина за невыполнение обещания снимается с себя и переносится на обстоятельства. Здесь трудно не провести аналогии с хорошо известной в социальной психологии «фундаментальной ошибкой атрибуции». Объясняя чье-либо поведение, мы недооцениваем влияние ситуации и переоцениваем степень проявления установок и черт личности человека, совершающего какие-то действия. Совсем иначе мы оцениваем точно такие же действия, совершенные нами. «Мы совершаем основную ошибку атрибуции, интерпретируя поведение *других людей*. Мы часто объясняем свое собственное поведение с точки зрения ситуации, но считаем, что другие несут ответственность за свое поведение» (Майерс, 1997, с. 107).

Проанализирую теперь ответы испытуемых, положительно ответивших на вопрос.

Мужчины подчеркивают, что есть моральные нормы, согласно которым нарушать обещание недопустимо («Слово дал — слово держи». «Надо вести себя честно, иначе не сохранить репутацию»). Следовательно, для них важно, что нарушение обещания может повлечь ухудшение репутации и в итоге — общественного положения.

Женщин больше заботит самоуважение и то, как нарушенное ими обещание отразится на другом человеке («Чтобы сохранить уважение к себе, необходимо сделать ответственность постоянным правилом жизни». «Ради собственного достоинства»). Если нарушить обещание, то можно потерять доверие человека («Это сохраняет хорошие взаимоотношения и укрепляет доверие между людьми». «Нарушение обещания — предательство, недопустимое тем более, если человек действительно близкий»). Интересно, что при уменьшении степени близости с человеком отношение женщин к нарушению или невыполнению обещания меняется. В результате получается, что обещание, данное незнакомому человеку, вовсе не обязательно неукоснительно исполнять.

Таким образом, наряду с уже перечисленными мной характеристиками внутреннего мира понимающего субъекта — стремление следовать общеизвестным моральным нормам, боязнь потери репутации, самоуважение, опасение причинить вред другому человеку — при анализе понимания описанных в тексте поступков и взаимоотношений героев необходимо учитывать еще одну. Психологическая дистанция играет значимую роль в понимании допустимых пределов правдивости и представлений о справедливости в межличностных отношениях. Мужское и женское понимание нравственных коллизий различается и зависит от психологической близости субъекта с тем, кому он говорит правду или лжет, чьи поступки понимает, оценивает, оправдывает или осуждает (Купрейченко, 2001).

Ответы на третий вопрос к экспериментальному тексту («Как бы Вы поступили на месте Луизы: сказали матери правду или нет?») содержательно мало чем отличаются от ответов на первый. Это означает, что те испытуемые, которые считают, что надо сказать правду, как правило, утверждают, что и сами поступили бы так же. И наоборот. Коэффициент корреляции Спир-

мена между результатами ответов на первый и третий вопросы $r = 0,562$.

Итак, в ходе анализа ответов на вопросы были выявлены некоторые специфические отличия понимания ситуации морального выбора мужчинами и женщинами. И те, и другие в основном оправдывали моральный проступок героини, но объясняли это разными причинами. Мужчины при понимании и интерпретации ситуации больше внимания уделяли социальным позициям субъектов общения, для них более важным оказывалось положение человека в системе социальных ролей. Им в большей степени, чем женщинам, было свойственно соотносить поступки людей с их социальными ролями, а также правилами, которые этим ролям приписываются. Женщины больше внимания обращали на психологические характеристики взаимодействующих людей (степень доверия, близость, стабильность отношений), а также на эмоции и чувства участников общения (сочувствие, обида, радость за другого и др.).

Маскулинность и феминность

Для получения данных контрастных групп я проанализировал результаты испытуемых, у которых наиболее выражена маскулинность и феминность. Сравнение данных 58 гипермаскулинных субъектов (из них 35 мужчин и 23 женщины) и 31 гиперфеминного (6 мужчин и 25 женщин) показало следующее.

У гипермаскулинных выше, чем у гиперфеминных, показатели по Мак-шкале ($p<0,004$; $M=81,72$ и $M=73,90$) и по шкале Сила «Личностного дифференциала» ($p<0,001$; $M=10,91$ и $M=4,55$). Вместе с тем у них ниже: показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p<0,001$; $M=9,39$ и $M=12,56$) и оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p<0,01$; $M=0,62$ и $M=0,87$).

Обращают на себя внимание следующие характерные особенности понимания и интерпретации ситуации гипермаскулинными и гиперфеминными субъектами. Они приводят объяснения, сходные с интерпретацией ситуации мужчинами и женщинами, но несколько иначе расставляют акценты.

Испытуемые гипермаскулинного типа имеют более высокие показатели по шкале макиавеллизма. Они оправдывают поступок

Джуди и считают, что она имела моральное право на ложь. Причина — мать обещала, но не сдержала обещание, т.е. нарушила «правила игры» («Она выполнила свою часть договора с матерью». «Матери не стоило менять решение»). Гиперфеминные субъекты дают такие же ответы, но по другой причине. Практически единогласно они признают право Джуди на самостоятельное решение: куда потратить деньги («Эти деньги она специально зарабатывала именно для концерта, а не для одежды». «Мать обещала Джуди, что разрешит пойти на концерт, тем более эти деньги девочка заработала сама»).

Гипермаскулинные испытуемые считают, что обещание сдерживать не обязательно, если это тебе не принесет выгоды («Это маневр для получения необходимой информации». «Люди всегда многое обещают, чтобы достичь собственной цели, поэтому обещание не обязательно сдерживать, так как этого человека я больше не увижу». «Мое обещание незнакомому человеку — это манипуляция им. Получив свое, обещание теряет свою значимость». «Я с этого не могу ничего поиметь, тем не менее придется затратить собственные силы на выполнение этого обещания»).

И наоборот, если эти испытуемые и согласны выполнить обещание, то только при условии, что смогут извлечь для себя личную выгоду («Этот человек мне может пригодиться когда-нибудь». «Так как это может быть выгодно мне»).

Гиперфеминные субъекты положительный ответ на вопрос обосновывают не выгодой, а самоуважением, основанным на осознании правильности, безусловной необходимости выполнения моральных норм («Для того чтобы держать себя в определенной моральной форме». «Это не зависит от степени уверенности в человеке, просто даешь обещание и выполняешь его, обещание есть обещание». «Это укоренено в сознании человека». «Это заложено в общественной морали, это принцип жизни»). Нарушенные обещания в общем и целом разрушают отношения с другими людьми, даже не близкими тебе («Нельзя играть чувствами человека и человеческим доверием». «Иногда обещание может быть жизненно важным для другого человека, того, кого я не увижу». «Невыполнение обещания разбивает надежды других». «Своим обманом ты можешь глубоко ранить человека»).

Таким образом, гипермаскулинным субъектам при понимании и интерпретации предложенной ситуации более свойствен-

ны обращения к сложившимся у них представлениям о справедливости, морально и социально должном. Для них во взаимоотношениях важны социальные роли и правила, которые следует выполнять. Гиперфеминные испытуемые менее категоричны, ориентированы при понимании и оценке ситуации скорее на сами взаимоотношения, их качественные характеристики, такие, как стабильность, доверительность, близость. При интерпретации они чаще обращаются к чувствам, эмоциям и переживаниям участников ситуации (обида, сочувствие, вина).

Макиавеллизм личности

Сравнительный анализ полярных групп испытуемых по Мак-шкале: 54 человека из нижнего квартиля (оценки 48 – 70) и 53 из верхнего (87 – 107). У слабовыраженных макиавеллистов больше: оценки феминности ($p<0{,}001$; $M=4{,}62$ и $M=3{,}88$); показатели по шкале Оценка «Личностного дифференциала» ($p<0{,}01$; $M=11{,}88$ и $M=7{,}64$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p<0{,}001$; $M=0{,}85$ и $M=0{,}47$). Однако у них ниже показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала» ($p<0{,}05$; $M=4{,}37$ и $M=7{,}47$).

Следовательно, по результатам эксперимента нельзя сказать, что субъекты с более высокими показателями по шкале макиавеллизма при понимании и оценке ситуации морального выбора в большей степени, чем испытуемые с низкими оценками по Мак-шкале, оправдывают ложь. Однако они в меньшей степени склонны выполнять обещание, данное малознакомому человеку.

Самооценка нравственных качеств личности

Теперь сравню результаты 54 испытуемых с низкими показателями Оценки по «Личностному дифференциалу» (меньше 6) и 56 — с высокими (больше 13).

У 54 больше, чем у 56, показатели по Мак-шкале ($p<0{,}01$; $M=82{,}37$ и $M=72{,}64$). Однако у них меньше: оценки феминности ($p<0{,}001$; $M=3{,}82$ и $M=4{,}63$); показатели по шкале Сила «Личностного дифференциала» ($p<0{,}05$; $M=5{,}09$ и $M=9{,}20$); показатели по шкале Активность «Личностного дифференциала»

($p<0,03$; $M=3,05$ и $M=6,12$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p<0,07$; $M=0,59$ и $M=0,75$).

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные выше числовые показатели почти в точности повторяют данные мужчин и женщин. У последних тоже выше самооценка нравственных качеств личности. Соответственно, сходны ответы, даваемые этими двумя группами испытуемых: содержательные различия есть только по вопросу об обещании.

***

Итак, все три выдвинутые в исследовании гипотезы количественно подтвердились лишь частично и скорее по второстепенному, чем по главному пункту. И женщины, и феминные субъекты, и люди с низкими показателями по шкале макиавеллизма, и испытуемые с высокой самооценкой нравственных качеств личности оправдывали ложь главной героини. Их склонность к честному поведению проявилась лишь в убеждении в том, что нужно выполнять обещания, даваемые малознакомым людям.

Очевидно, что отраженные в гипотезах выбранные переменные не играли главной роли в формировании понимания конкретной моральной дилеммы Колберга. Гораздо большее влияние на понимание оказали распространенные в русской культуре представления о «нормальности» лжи как вполне допустимого в межличностных отношениях способа достижения справедливости. Вместе с тем качественный анализ содержания ответов испытуемых подтверждает выдвинутые гипотезы. Мужчины и женщины, маскулинные и феминные субъекты, люди с низкими и высокими показателями по шкале макиавеллизма, испытуемые с высокой и низкой самооценкой нравственных качеств личности совершенно по-разному объясняют причины формально одинаковых ответов. Следовательно, можно ожидать, что в менее «культурно зависимых» ситуациях половые, гендерные и личностные детерминанты формирования понимания будут более очевидными и легче выявляемыми в психологических экспериментах.

Обсуждение результатов

Полученные эмпирические данные подтверждают высказываемые разными психологами теоретические соображения: половые и тем более гендерные различия в психологии людей в некоторых познавательных и коммуникативных ситуациях могут не проявляться. «Важно отдавать себе отчет в том, что пол — это лишь одно из множества индивидуальных различий. Примерами других различий могут служить возраст, интеллект, культура и социальный класс. Возможно, эти различия существенно взаимодействуют друг с другом, оказывая влияние на индивидуальное поведение и на установки по отношению к технологиям. Поэтому необходимо осознавать, что попытки рассмотрения исключительно пола в изоляции от ряда других индивидуальных различий могут оказаться слишком сильным упрощением. Гораздо более продуктивным было бы попытаться понять роль некоторых из этих индивидуальных различий до того, как приступать к изменениям нашей системы образования, чтобы способствовать увеличению количества женщин, выбирающих учебные направления и профессии, связанные с технологиями (Морган, Морган, 2000, с. 281).

Важнейшими причинами нивелирования, уничтожения, сглаживания различий (Большой.., 2000, с. 649) поведенческих проявлений психологии мужчин и женщин, а также маскулинных и феминных субъектов оказываются социальные, культурные, этнические и другие особенности людей, живущих в разных странах. Еще из исследований М. Мид, проводившихся в первой половине XX в., известно, что полоролевое поведение имеет природные предпосылки: совокупность генетических, морфологических и физиологических признаков, на основании которых различаются мужской и женский пол.

Однако условия жизни и воспитания могут либо акцентировать внимание на полоролевых стереотипах либо, наоборот, подавлять их. Не только половые различия, но и маскулинность и феминность субъектов общения в некоторых условиях не оказывают существенного влияния на специфику понимания ими коммуникативных и познавательных ситуаций. Гендерная идентичность не является устойчивой личностной чертой и в разные периоды онтогенеза зависит от совокупности многих переменных. «Содержание конструктов маскулинности-феминности изменяется под влиянием культурного, когортного и гендерного

факторов» (Буракова, 2000, с. 5). Обобщенно говоря, следует признать, что в некоторых случаях вполне разумно допустить отсутствие значимых различий между феминностью и маскулинностью не у одного человека, а у целых групп людей. Как будет показано ниже на эмпирическом материале, в таких случаях научные поиски гендерных различий в понимании обречены на неудачу.

Еще одним значимым «маскировочным фактором», препятствующим выявлению половых и/или гендерных различий в психологических исследованиях, является генерализованный, очень сходный смысл, приписываемый некоторым понятиям большинством носителей языка. Такой смысл внутри культурной общности людей перекрывает индивидуальные, половые, гендерные и другие различия в понимании. Вместе с тем генерализация не устраняет кросскультурных различий в понимании. Проиллюстрирую подобное понимание на примере наиболее распространенной интерпретации смысла коммуникативных феноменов «агрессия», «высказывание правды — сокрытие лжи» в русской и западной науке и культуре.

В современной России исследования агрессивного поведения людей, его социальных и психологических корней имеют не только теоретическое, но прежде всего практическое значение. Причины повышенного интереса к феномену агрессии настолько очевидны, что не требуют дополнительного объяснения. Неудивительно, что российские ученые активно занимаются исследованием этой проблемы: в материалах 3-го Всероссийского съезда психологов я обнаружил 224 публикации, авторы которых так или иначе обсуждают тему агрессивного поведения (Ежегодник.., 2003). Однако вот что характерно: и психологи, и словари русского языка толкуют агрессию исключительно в негативном ключе — как слова и действия одних людей, выражающих враждебность и неприязнь по отношению к другим (Ожегов, 1988, с. 19; Большой.., 2000, с. 28).

В отечественной психологии агрессия рассматривается как «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.д. Агрессия объединяет такие разно-

образные акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств» (Краткий.., 1988, с. 8).

Иное, более широкое и менее категорически негативное значение имеет обсуждаемое понятие в западной психологической литературе. «Обычно оно применяется для обозначения таких действий, которые предположительно могут быть мотивированы: а) страхом или фрустрацией; б) желанием вызвать страх у других или побудить их к спасению бегством; в) стремлением осуществить свои планы или интересы» (Reber, 1985, p. 18).

Один из основателей гуманистической психологии, идейный лидер ее экзистенциальной ветви Ролло Мэй предпринял попытку переосмысления феномена агрессии с позиций человеческого существования: «силы быть», самоутверждения, отстаивания себя. Употребляя термин «конструктивная агрессия», он отмечает, что развитие современного технологического рыночного общества невозможно без конкуренции. Конкуренцию, основанную на соперничестве, соревновании, нельзя представить без некоторых проявлений агрессивности: последняя оказывается неотъемлемой составляющей полноценного человеческого существования.

Мэй пишет: «Слово *агрессия* обнаруживается в нашей повседневной речи в бесконечном разнообразии способов его употребления. Мы говорим об "агрессивном ведении дел в бизнесе", используя это слово как комплимент и имея в виду дело, в котором приходится многим рисковать, чтобы получить значительно больше денег. На рынке акций обычно побеждает агрессивный брокер и агрессивный способ обращения с акциями. Фраза "Мы следуем агрессивной политике" обычно приветствуется в мире бизнеса как показатель того, что эти ребята чувствуют себя уверенно и планируют занять какое-то место. Хорошо иметь агрессивного адвоката, защищающего ваше дело, потому что он знает, как обескуражить вашего противника в суде. В мире бизнеса позитивное использование агрессии широко принимается» (Мэй, 2001, с. 184).

Разумеется, большинство людей и у нас, и на Западе с моральным осуждением относятся к откровенным поведенческим проявлениям физической и вербальной агрессии. Вместе с тем, как подчеркивает И. Гофман, для эффективного повседневного общения в англо-американском обществе любому субъекту

необходимо обладать приемами «тонкой агрессивной тактики». Совокупность поведенческих навыков, из которых формируются такие приемы, реализуется в самых разнообразных сферах человеческого бытия. «Так, рабочая сноровка занятых в сфере услуг часто зависит от способности захватывать и удерживать инициативу в отношениях, возникающих при обслуживании клиентов — способности, которая требует тонкой агрессивной тактики со стороны обслуживающего персонала, если его социоэкономический статус ниже статуса клиента. У. Уайт поясняет это на примере поведения официантки. Первым бросается в глаза факт, что официантка, которая работает в условиях сильного давления со всех сторон, не просто пассивно реагирует на требования своих клиентов. Она умело действует с целью контролировать их поведение. Первый вопрос, приходящий нам в голову при виде ее взаимоотношений с клиентурой таков: "Обуздает ли официантка клиента или клиент подавит официантку?" Квалифицированная официантка понимает решающее значение этого вопроса...» (Гофман, 2000, с. 42 – 43).

Так же и «некоторые учителя в отношениях с учениками придерживаются следующих взглядов: «Никогда нельзя позволять им брать над вами верх — или вы пропали. Поэтому я всегда начинаю жестко. В первый же день, входя в новый класс, я даю им понять, кто здесь хозяин... Вы просто вынуждены начинать жестко, чтобы потом иметь возможность ослабить вожжи. Если начать с послаблений, то, когда вы попытаетесь проявить твердость — они будут просто смотреть на вас и смеяться» (там же, с. 43).

Таким образом, очевидно, что западное понимание поведенческих проявлений агрессии отличается от нашего. Вместе с тем очевидно и то, что генерализованные социокультурные значения обсуждаемого понятия в разных культурах являются такими мощными факторами воздействия на мировоззрение людей, что психологам по меньшей мере наивно надеяться на обнаружение существенных различий мужского и женского, а также маскулинного и феминного понимания сущности агрессии.

Приведу еще один пример, относящийся к этике отношений субъектов общения. Описывая методику исследования макиавеллизма личности, я указывал на одну из трудностей ее русскоязычной адаптации. По ответам на пункт опросника: «Нельзя простить человека, лгущего другому», оказалось невозможно

дифференцировать мнения российских испытуемых: подавляющее большинство из 195 *и* мужчин, *и* женщин с этим не согласны. Между тем для западных психологов это «работающий вопрос»: одни испытуемые согласны со сформулированным в нем утверждением, другие нет. Мировоззренческим основанием фундаментальных различий в неодинаковой интерпретации лжи как коммуникативного феномена является неоднократно описанное западное морально-правовое и русское субъективно-нравственное его понимание (Знаков, 1999а).

Социокультурные различия имеют такой фундаментальный и обобщенный характер, что включают в форме частных случаев личностные, возрастные, половые, гендерные и многие другие проявления человека как представителя общества и государства. Неудивительно, что психологи нередко испытывают серьезные трудности, связанные с определением влияния пола и гендера на поведение людей, понимание ими познавательных и коммуникативных ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии представлена авторская точка зрения на роль и место понимания в современной психологии. Книга посвящена главным образом обсуждению тех методологических, теоретических и эмпирических проблем, которые связаны с психологией субъекта и формирующейся на ее основе психологией человеческого бытия. Две названные области психологического знания базируются на представлениях ученых о неразрывном единстве естественнонаучных и гуманитарных методов, способов познания и понимания. В них психологические характеристики субъекта связываются с его жизнедеятельностью, этической значимостью для него других людей, осмыслением бытия, ролью высших бытийных ценностей. Указанные способы понимания мира рассматриваются не как несовместимые и противоположные, а, наоборот, как взаимодополнительные и взаимозависимые.

В монографии проанализировано несколько тесно связанных между собой направлений психологического исследования феномена понимания.

Во-первых, и на теоретическом, и на эмпирическом уровне психологического анализа в книге обосновывается мысль о том, что понимание направлено на интерпретацию таких событий и явлений, которые не только происходят в мире человека и отражаются в психике общающихся людей, но и порождаются, конструируются ими. В основании современных научных представлений о понимании лежит идея о взаимной дополнительности логико-гносеологического и ценностно-смыслового начал интерпретации понимающим субъектом содержания того, что он понимает.

Во-вторых, утверждается, что методологическая рефлексия оснований психологии, присущая постнеклассическому типу мышления, способствует осознанию психологами внутренних

противоречий научных знаний о понимании. В значительной степени эти противоречия возникли в результате изучения обсуждаемого феномена различными методами — когнитивными и экзистенциальными. Сосуществование в психологической науке когнитивной и экзистенциальной парадигм позволяет ученым исследовать проблему под разными углами зрения. Естественно, это порождает разные, иногда противоречащие друг другу описания понимания. Когнитивная парадигма применительно к изучению психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, поиском нового истинного знания о том, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир. С когнитивной точки зрения возможность понимания обусловлена наличием в психике субъекта таких репрезентативных когнитивных структур, которые позволяют ему не только получать знания, но и задают способы их получения. Экзистенциальный план исследования понимания направлен, прежде всего, на анализ созерцания, переживания и вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. Ученые, которые исследуют данную проблему с позиций психологии человеческого бытия и учитывают как когнитивные, так и экзистенциальные компоненты психики, рассматривают понимание главным образом как постижение. Постижение включает не только безличное знание об объекте, но и ценностно-смысловое понимание, соотнесенное с личностным знанием понимающего субъекта. Отличительная особенность постижения как способа понимания мира заключается в гармоничном сочетании отражения воспринимаемых фрагментов объективной действительности и порождения, конструирования субъектом новых реальностей. Экзистенциальные компоненты в процессе и результатах понимания проявляются не столько в достоверных знаниях и действиях, направленных на их получение, сколько в индивидуальных смыслах и приобщении понимающего субъекта к разнообразным ценностям.

В-третьих, выявление в понимании не только когнитивных, но и экзистенциальных составляющих неизбежно приводит психологов к выводу о том, что понимание нельзя проанализировать достаточно полно, принимая во внимание только «человека познающего». Понимающий субъект — это всегда еще и «человек

экзистенциальный», живущий среди людей, созерцающий мир, переживающий социальные события и ситуации. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его. Соответственно, бытие и понимание, существование и понимание не разделимы и принципиально не могут быть противопоставлены друг другу. Рассматриваемое под этим углом зрения понимание проявляется в тактике и стратегии жизни, оно представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в способах его бытия в мире. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных является индивидуальная специфика понимания мира субъектом.

В-четвертых, теоретически и эмпирически доказывается, что понимание — центральная проблема психологии человеческого бытия. Предметом исследования в этой новой области психологического знания являются смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Соответственно, при исследовании психики субъекта акцент делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. Психологи, разделяющие теоретические положения психологии человеческого бытия, стали существенно большее значение, чем представители других направлений, придавать роли ценностных характеристик знания в формировании понимания. Это оказалось закономерным результатом осознания того, что индивидуальная специфика понимания определяется не столько истинностью понимаемого знания, сколько его субъективной ценностью. Субъект всегда соотносит понимаемое со своими представлениями о должном, ценностно-нормативными конструктами: то, с какими нормами и ценностями соотносится предмет понимания, определяет его психологическую специфику. Неудивительно, что в современной науке первостепенное значение приобрели аксиологические, ценностные стороны познания: понимание субъектом мира зависит не только от его угла зрения на мир, но от «ценностной нагруженности» его взгляда.

В-пятых, в книге красной нитью проходит мысль о том, что понимание неразрывно связано с самопониманием, и в диалектическом единстве указанных феноменов — залог психического

развития субъектных качеств человека. Любое понимание всегда одновременно является и самопониманием, потому что оно представляет собой и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем Я, каким субъект был до понимания. Понимание и самопонимание способствуют лучшему осознанию человеком собственного бытия и помогают выявлению потенциальных возможностей саморазвития. С позиции психологии человеческого бытия понимание и самопонимание не могут рассматриваться только как такой процесс рационального постижения знания о понимаемом, в результате которого у субъекта возникает его смысл. Понимание осуществляется не путем усилий рационального мышления, оно включает чувства, переживания, отношения и т.п. Иначе говоря, понимает не мышление, психика, а понимающий субъект, целостный человек, стремящийся выйти за непосредственные границы повседневной ситуации и увидеть высший смысл в обыденных вещах и явлениях. В этом заключается развивающий потенциал понимания. Если субъект обращает внимание не на уяснение буквального значения увиденного или услышанного, а на проблемы, которые вполне вероятно предстоит решать, то он может увидеть точки роста, возвышения над собой нынешним. Это означает, что понимание, глубокое осмысление проблем указывает человеку возможные варианты его развития, открывает пути к самосовершенствованию. Отсюда следует, что понимание субъектом мира и себя в мире необходимо рассматривать как предпосылку психического развития, в частности личностного роста.

Таковы главные направления психологического исследования понимания, развернуто представленные в книге. Разумеется, они не претендуют на абсолютность и исключительность, а отражают авторскую позицию, субъектный взгляд на проблему.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Г.С. Возрастная психология. М.: Академия, 1999.

Абульханова-Славская К.А. Стратегия человеческой жизни. М.: Мысль, 1991.

Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 56—74.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.

Автономова Н.С., Филатов В.П. Понимание как логико-гносеологическая проблема // Вопросы философии. 1981. № 5. С. 164—169.

Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара: Изд-во СНЦ РАН-СамИКП, 2002.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Системная структура субъективного опыта и системная структура культуры // Материалы Международного научного симпозиума «Системно-синергетическая парадигма в культуре и искусстве». Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. С. 82—88.

Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления: Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004.

Альбрехт У., Венц Дж., Уильямс Т. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. СПб., 1995.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 2.

Анцыферова Л.И. Методологические принципы и проблемы психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 3—17.

Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5—17.

Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27—42.

Архангельская Л.С. Зависть в структуре отношений субъектов, испытывающих трудности общения: Автореф. дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2004.
Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1997.
Асеев В.Г. Личность и значимость побуждений. М.: ИП РАН, 1993.
Асеев В.Г., Рыжов А.В. Мотивационные особенности использования поощрений и наказаний в производственном коллективе // Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М.: Наука, 1983. С. 68 – 75.
Асмолов А.Г. Психология личности: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990.
Ахметгалеева З.М. Когнитивная сложность в структуре личности юношей и девушек // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н.Дружинина, ИП РАН, 19 – 20 сентября 2005 г. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 152 – 156.
Баканова А.А. Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: РПГУ им А.И. Герцена, 2000.
Бакеева Е.В. Апофатическое мышление как «метод» понимания // Известия Уральского государственного ун-та. 2004. № 29. С. 37 – 43.
Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 7 – 19.
Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
Барабанщиков В.А., Кольцова В.А. Гуманизм, системность, общение // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 6 – 13.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981.
Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2005.
Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 5 – 26.
Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Под ред. Б.Г. Юдина. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
Богданович Н.А. Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис... канд. психол наук. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Педагогика, 1982.
Бодров В.А. Методологические и теоретические вопросы изучения проблемы профессиональной пригодности субъекта труда // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. С. 10 – 27.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

Бочаров С.Г. Из истории понимания Пушкина // Вестник Российского государственного научного фонда. 1999. № 1. С. 83—91.

Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер, Роспедагентство, 1994.

Братченко С.Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: методическое пособие для школьных психологов. Псков: Изд-во Псковского областного института повышения квалификации работников образования, 1997. С. 34—62.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.

Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3—13.

Брушлинский А.В. Психология мышления и теория множеств // Психология технического творчества. М., 1973. С. 222—224.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.— Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.

Брушлинский А.В. Психологическая наука — основа гуманизации высшего образования // Развивающаяся психология — основа гуманизации образования. В 2 т. М.: Российское психологическое общество, 1998. Т. 2. С. 15—17.

Брушлинский А.В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М: Магистр, 1999а. С. 30—41.

Брушлинский А.В. Философия и психология: С.Л. Рубинштейн и С.Л. Франк // Психологический журнал. 1999б. Т. 20. № 6. С. 6—12.

Брушлинский А.В. Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. 2000а. Т. 21. № 6. С. 5—11.

Брушлинский А.В. Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000б Т. 21. № 3. С. 43—48.

Брушлинский А.В. О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. Москва—Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5—23.

Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 9—33.

Брушлинский А.В. Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.

Брушлинский А.В., Темнова Л.В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К.А. Абульхановой и М.И. Воловиковой. М.: Институт психологии, 1993. С. 45—56.

Буракова М.В. Интерпретация маскулинности-феминности внешнего облика субъекта общения. Дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000а.

Буракова М.В. Гендерная идентичность субъекта общения в перспективе социально-психологической адаптации // Международная конференция «Психология общения 2000: проблемы и перспективы». М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000б. С. 55—57.

Буракова М.В. Интерпретация маскулинности-феминности внешнего облика субъекта общения. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000в.

Быстрицкий Е.К., Филатов В.П. Теория познания и проблема понимания // Гносеология в системе философского мировоззрения / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Наука, 1983. С. 273—304.

Бэндлер Р., Гриндер Дж. Из лягушек — в принцы. Нейролингвистическое программирование. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1992.

Василюк Ф.Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С. 48—68.

Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 284—314.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61—344.

Венцлова Т. Поэзия важнее, чем крестовые походы… // Иностранец. 2002. № 24. С. 28.

Войскунский А.Е. Групповая игровая деятельность в Интернете // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 126—132.

Ворона О.А. Психологические последствия стресса у больных раком молочной железы. Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2005.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

Гартман Н. Эстетика. М., 1958.

Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб.: ИЛИ РАН, 1996.

Горский Д.П. Логика. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1963.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Институт философии РАН, 1999.

Грошев И.В. Психология половых различий. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.

Гусейнов А.А. Язык и совесть: Избранная социально-философская публицистика. М.: Институт философии РАН, 1996.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической — к постнеклассической картине мира // Вопросы психологи. 2003. № 1. С. 99—115.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.: Диамант, 1997. Т. II.

Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 80 – 119.

Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 56 – 88.

Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982.

Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве. М.: Смысл, 1997.

Достоевский Ф.М. Нечто о вранье // Собр. соч. В 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 138 – 148.

Достоевский Ф.М. Подросток. Кишинев: Литература артистикэ, 1986.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997.

Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.

Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25 – 28 июня 2003 г. В 8 т. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003.

Емельянов Е.Н. Процессы взаимопонимания в первичном научном коллективе // *Белкин П.Г., Емельянов Е.Н., Иванов М.А.* Социальная психология научного коллектива. М.: Наука, 1987. С. 10 – 80.

Еремеев Б.А. Об одном подходе к изучению социальной перцепции // Вопросы познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 1977. С. 12 – 20.

Жданова О.О. Сравнительный анализ понятий «манипулирование» и «макиавеллизм» и их использования в психологической литературе // В.М. Бехтерев и современная психология, психотерапия: Сборник статей к конференции. Казань: Центр инновационнных технологий. 2001. С. 26 – 31.

Желтонова Ю.А. Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимопонимания. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000.

Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социально-психологические трудности становления малого бизнеса в России (анализ группового мнения предпринимателей) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23 – 34.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.

Завалишина Д.Н. Субъект профессиональной деятельности: динамический аспект // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. *В.А. Барабанщикова и А.В.* Карпова. Москва – Ярославль: Аверс-Пресс, 2002. Вып. 2. С. 42 – 64.

Закирова А.Ф. Теоретико-методологические основы и практика педагогической герменевтики. Автореф. дис... докт. пед. наук. Тюмень: ТГУ, 2001а.

Закирова А.Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001б.

Залевский Г.В. Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. С. 129–137.

Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения в индивидуальных и групповых системах (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). М. — Томск: Томский гос. ун-т, 2004.

Запорожец А.В. Избранные психологические труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.

Зарецкий В.К. Творчество. Рефлексия. Самоопределение // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 32–40.

Зингер Т.Э. Влияние феминизированных черт личности мужчин на их профессиональную деятельность в системе госслужбы. Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: РАГС, 2002.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 1998.

Зинченко Е.В. Самораскрытие и его обусловленность социально-психологическими и личностными факторами. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2000.

Знаков В.В. Самооценка правдивости и понимание субъектом честности // Психологический журнал. 1993. Т.14. № 5. С. 13–23.

Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994.

Знаков В.В. Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // *Экман П.* Психология лжи. СПб.: Питер, 1999а. С. 243–268.

Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999б.

Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 7–15.

Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.

Знаков В.В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 41–51.

Знаков В.В., Романова И.А. «Истина» и «правда» в христианстве и психологии понимания // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 6. С. 61–71.

Иванова О.Н. Гендерные различия в понимании сообщений. Дипломная работа. Факультет психологии МГУ. М., 2004.

Иванченко Г.В. Психология восприятия музыки. Подходы, проблемы, перспективы. М.: Смысл, 2001.

Иванченко Г.В. Реальность Паблик рилейшнз. М.: Смысл, 1999.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Изд-во политической литературы, 1984.

Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.

Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.

Кайгородов Б.В. Психологические основы развития самопонимания в юношеском возрасте // Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1999.

Калина Н.Ф. Тест по оценке уровня самоактуализации личности // *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. С. 281 – 300.

Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. № 5. С. 45 – 57.

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных процессов управления. Москва – Ярославль: ДИА-пресс, 2000.

Касавин И.Т. Познание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 259 – 263.

Категория переживания в философии и психологии. М.: ГНО Издательство «Прометей» МПГУ, 2004.

Кашапов М.М. Ситуационный подход к исследованию и формированию творческого педагогического мышления // Ярославский психологический вестник. 2004. Вып. 13. С. 147 – 155.

Кемпиньски А. Человек и невроз. Психопатология и психотерапия неврозов. М.: Независимая ассоциация психологов-практиков, 1997.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.

Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1998а.

Климов Е.А. Социальная перцепция: объяснение и понимание // Развитие социально-перцептивной компетентности личности: Материалы научной сессии, посвященной 75-летию академика А.А. Бодалева. М.: РАГС, 1998б. С. 24 – 29.

Климова С.Г, Дунаевский Л.В. Новые предприниматели и старая культура // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 64 – 69.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1985.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.

Кондратьева С.В. Понимание учителем личности учащегося // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 143 – 147.

Корнилова Т.В. Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

Костюк В.Н. Объяснение, предсказание, понимание // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев: Наукова думка, 1980. С. 246—261.

Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1988.

Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 21—28.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004.

Ксенофонтова Е.Г. Уровни развития саморегуляции личности: критерии их определения. Дис... канд. психол. наук. М., 1988.

Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К. Субъект деятельности в онтогенезе // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 14—30.

Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИФИ, 2000.

Кулюткин Ю.Н., Бездухов В.П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.

Кундера М. Невыносимая легкость бытия // Иностранная литература. 1992. № 5. С. 51—52.

Куницына В.Н. Некоторые особенности восприятия подростком другого человека // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. С. 116—119.

Купрейченко А.Б. Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у предпринимателей и менеджеров). Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2001.

Купчик Дж., Леонард Г. Два «Я» эстетического процесса // Творчество в искусстве — искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана и др. М.: Наука, Смысл, 2000. С. 102—121.

Кучинский Г.М. Диалог и мышление. Минск: Изд-во БГУ им В.И. Ленина, 1983.

Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское, 1988.

Лабунская В.А. Социально-психологический подход к изучению маскулинности-феминности личности // Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С. 107—112.

Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. М: Академия, 2001.

Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48—58.

Лекторский В.А. Междисциплинарный и философский подход к проблеме понимания // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 65—69.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
Лендел Ж. О понимании учителей школьниками 8 – 10 классов. Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1979.
Леонтьев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения. В 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 232 – 239.
Леонтьев Д.А. Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 40 – 54.
Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Изд-во МГУ. 1998.
Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.
Леонтьев Д.А., Ломакина Д.А. Художественная компетентность как характеристика личности // Эмоции, творчество, искусство. Тезисы докладов международного симпозиума. Пермь: ПГИИК, 1997. С. 64 – 65.
Личностный дифференциал: Методические рекомендации / Сост. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Л., 1983.
Личность и бытие: субъектный подход. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. В 3 т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
Лэнгле А. Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 150 – 168.
Мазилов В.А. Проблема интеграции психологического знания // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабриной. М.: Институт психологии РАН, 2003. С. 417 – 432.
Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
Марголина Е.Л., Рюмшина Л.И. Манипуляция как психологический феномен // Прикладная психология. 1999. № 4. С. 65 – 74.
Марцинковская Т.Д. Сравнительный анализ подхода к проблеме переживания в философии и психологии // Категория переживания в философии и психологии. М.: ГНО Издательство «Прометей» МПГУ, 2004. С. 261 – 278.
Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во МГУ, 1981.
Менджерицкая Ю.А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незатрудненного общения в ситуациях затрудненного взаимодействия. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 1998.
Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.

Минигалиева М.Р. Проблема понимания психолога клиентом. Калуга: КГПУ, 1999.

Морган К., Морган М. Половые различия в применении технологий // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 267—289.

Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М: Наука, 1998.

Моэм С. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. Романы. М.: Радуга, 1985.

Мудрик А.В. Общение в процессе воспитания: Учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2001.

Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 79—91.

Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Смысл, 2001.

Мэй Р. Открытие бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.

Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960.

Непомнящий В.С. Пушкин: Проблема целостности подхода и категория контекста (методологические заметки) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 91—104.

Нуркова В.В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 16—29.

Нуркова В.В. Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 5. С. 15—29.

Объяснение и понимание в науке. Реферативный сборник / Под ред. Е.Д. Климентьева. М.: ИНИОН АН СССР, 1982.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.

Падун М.А., Тарабрина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5—15.

Пауэлл Д. Полнота человеческой жизни. М.: Дом Марии, 1993. С. 98—99.

Пелевин В.О. Затворник и шестипалый. М.: ВАГРИУС, 2001.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск: СГУ, 1997.

Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113—121.

Петренко В.Ф. Что есть истина? (или наш ответ лорду Чемберлену) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 93—101.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск: СГУ, 1997.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Пирсиг Р. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. СПб.: Симпозиум, 2003.

Писемский А.Ф. Русские лгуны // Соч. В 3 т. М.: ГИХЛ., 1956. Т. 2. С. 501—566.
Пономарев Я.А. Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967.
Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М.: Государственный НИИ МО РФ (авиационной и космической медицины), 1997.
Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М.: Российская академия образования, 1997.
Попов Л.М., Кашин А.П., Старшинова Т.Д. Добро и Зло в психологии человека. Казань—Нижнекамск: Изд-во Казанского университета, 2000.
Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 177—199.
Порус В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. С. 256—277.
Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 3 т. М.: Русская книга, 1993.
Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.
Практическая психодиагностика: методики и тесты. Самара: Бахрах 1999. С. 563—566.
Проблема общения в психологии / Под ред. Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1981.
Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.
Прохоров А.В. О выразительной подвижности рисунка // Проблемы синтеза в художественной культуре. М.: Наука, 1985.
Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна: Феникс, 2002.
Прохоров А. О. Смысловая детерминация психических состояний // Психология психических состояний. / Под ред. проф. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. Вып. 5. С. 11—28.
Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997.
Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Барабанщикова и А.В. Карпова. Москва—Ярославль: Аверс-Пресс, 2002. Вып. 2.
Разумникова О.М. Взаимодействие тендерных стереотипов и жизненных ценностей как факторов выбора профессии // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 76—83.
Ракитов А.И. Понимание и рациональность // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 69—73.

Реан А.А. Возрастная периодизация // Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, М.: Олма-Пресс, 2001, с. 90—92.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Институт философии РАН, 1995б.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995а.

Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: ИП РАН, 1998.

Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Родионова Н.В. Понимание ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами. Дис... канд. психол наук. М.: Институт психологии РАН, 2004.

Романова И.А. Самопонимание личности // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе (к 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна). М.: ИП РАН, 1999. С. 131—132.

Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2001а. Т. 22. № 1. С. 102—112.

Романова И.А. Христианский подход к проблеме самопонимания // Христианство и мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Христианство-2000». Самара: Православная Самара, 2001б. С. 259—267.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии. М.: Смысл, 2004.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. С. 241—282.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Русалов В.М. Пол и темперамент // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С.55—64.

Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ): Методическое пособие. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

Рюмшина Л.И. Ценностно-смысловой подход к общению (теоретикометодологическое обоснование). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004.

Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С. 5—26.

Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6—28.

Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. М.: Политиздат, 1992.

Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1995.

Свинцов В.И. Полуправда // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 53—62.

Святитель Игнатий Брянчанинов. О прелести. СПб.: Шпиль, 1996.

Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.

Селицкая Л.А. Гносеологическая природа понимания. Дис... канд. филос. наук. Л., 1976.

Сергиенко Е.А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе человека // Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под. ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 135—163.

Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Под. ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 184—203.

Сергиенко Е.А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 270—309.

Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2002.

Сильницкий Г.Г. Разум человека по учениям исихастского и схоластического богословия // Синергия: Проблемы аскетики и мистики Православия. / Под ред. С.С. Хоружего. М.: ДИ-ДИК, 1995. С. 249—271.

Скитяева И.М. Закономерности структурно-функциональной организации рефлексии и их роль в формировании личности. Автореф. дис... канд. психол. наук. Ярославль: ЯрПГУ, 2002.

Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Начала христианской психологии. М.: Наука, 1995. С. 122—138.

Слободчиков В.И. О соотношении категорий «субъект» и «личность» в контексте психологической антропологии // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность — коммуникация — толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 20—29.

Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.

Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти М.: Просвещение, 1966.
Соколов Б. Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования. Вторые международные философско-культурологические чтения. СПб.: Философско-культурологический исследовательский центр ЭЙДОС. Санкт-Петербургский Союз ученых. 1995. С. 346 – 352.
Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1.
Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 123 – 130.
Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К.Корнилова. Ярославль: Ремдер, 2004.
Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
Таннен Д. «Ты меня не понимаешь!» Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М.: Вече, Персей, АСТ, 1996.
Тарасова Л.Н. Основы психологии субъекта. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2004.
Тарасова С.А. Индивидуально-психологические различия в понимании текста учащимися начальных классов. Автореф. дис... канд. психол. наук. Самара: СамПГУ, 2000.
Татенко В.А. Психология в субъектном измерении. Киев: Просвіта, 1996.
Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во МГУ, 1969.
Тихомиров О.К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 31 – 39.
Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология: Учебно-справочное пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.
Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М.: ГИХЛ, 1928 – 1958. Т. 26.
Тхостов А. Ш. Топология субъекта (Опыт феноменологического исследования) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 3 – 13; № 3. С. 3 – 12.
Тэффи Н.А. Сокровище земли // Тэффи Н.А. Избр. произв. И стало так... М.: Лаком, 1997. С. 295 – 300.
Ухтомский А.А. Уловить содержание и смысл бытия // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 137 – 152.
Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М.: Политиздат, 1989.
Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
Флоренская Т.А. Диалог как духовно развивающее общение (диалогические принципы общения в работе учителя) // Учителю об экологии детства. М.: ЦКФЛ РАО, 1996.

Франк С.Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф.Д. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994 . С. 7—34.
Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997.
Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб. — М.: Университетская книга, 1998.
Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс,1990.
Хандрусь О. Полковник всегда найдется. М.: ПИК, 1992.
Харламенкова Н.Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность // Психология личности: новые исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 85—97.
Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002а.
Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: Учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002б.
Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М.: Академический проект, 2004.
Хорни К. Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе. СПб.: Питер, 2002.
Чаландзия Э. Ложь во спасение? Врать или не врать — вот в чем вопрос // Cosmopolitan. 1996. Июль-август. С. 86—89.
Челпанов Г.И. Психология. Философия. Образование. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999.
Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
Чечельницкая Е.П. Стратегии манипулятивного общения у пациентов с искажением образа Я при пограничной личностной организации. Автореф. дис... канд. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1999.
Чирикова А.Е., Кричевская О.Н. Социально-психологические проблемы становления женского предпринимательства. М.: Изд-во ИП РАН, 1996.
Шадриков В.Д. Духовные способности. М.: Магистр, 1996а.
Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996б.
Шелдон С. Расколотые сны. М.: АСТ. 2001.
Шелдон С. Интриганка. М.: АСТ, 2002.
Шилков Ю.М. Гносеологические основы мыслительной деятельности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992.
Шлейермахер Ф.Д. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994.
Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.
Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука. 1998.
Шукшин В.М. Нравственность есть Правда // Собрание сочинений. В 3 т. М., 1985. Т. 3.

Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 1999.

Эммонс Р. Психология высших устремлений, мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. С. 180

Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

Юревич А.В. Научное мышление // Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки: Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. С. 28—86.

Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35—46.

Юрьев А.И. Может ли общество одновременно думать и чувствовать? // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 420—440.

Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.

Ялом И. Самопонимание // Психотерапевтические истории. М.: ЭКСМО, 2002. С. 750—755.

Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

Ястребов С. Гражданин, не будьте «лохом»! Как дурят доверчивых и жадных // Московский комсомолец. 1994. 16 марта.

Ames M., Kidd A.H. Machiavellianism and women's grade point averages // Psychological Reports. 1979. V. 44. No 1. P. 223—228

Anderson C.R. Locus of control, coping behaviors, and performance in a stress setting: A longitudinal study // Journal of Applied Psychology. 1977. Vol. 62. No 4. P. 446—451.

Atwater L.E., Ostroff Ch., Yammarino F.J., Fleenor J.W. Self-other agreement: does it really matter? // Personnel Psychology. 1998. Vol. 51. No 3. P. 577—598.

Augustinus A. Die Luge und Gegen Luge. Wurzburg,: Augustinus-Verlag, 1986.

Barnes A. Seeing through self deception. Cambridge: Cambridge University Press. 1997.

Baumeister R.F. A Self-Representational View of Social Phenomena // Psychological Bulletin. 1982. V. 91. No 1. P. 3—26.

Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. No 2. P. 155—162

Bem S.L. Gender schema theory: a cognitive account of sex typing // Psychological Review. 1981. Vol. 88. No 4. P. 354—354.

Blumstein P.W. Audience, machiavellianism, and tactics of identity bargaining // Sociometry. 1973. V. 36. No 3. P. 346—365.

Bohme G. Sense and counter-sense: On the Deconstruction of stories // Journal Studia Culturologica. 1994. Vol. 3. Spring — Autumn. P. 103—117.

Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. N.Y.: Vintage Books, 1978.

Bok S. Secrets: On the ethics of concealment and revelation. Oxford. 1984.

Braun B. Development of self-knowledge and the process of individuation // Polish Psychological Bulletin. 1988. Vol. 19. No 3—4. P. 249—256.

Bruner J. Two Modes of Thought // Actual Minds, Possible Worlds. London: Harvard University Press, 1986. P. 11—43.

Bruner J. Another Look at New Look 1 // American Psychologist. 1992. Vol. 47. No 6. P. 780—783.

Burton B.K., Hegarty W.H. Some Determinants of Student Corporate Social Responsibility Orientation // Business & Society. 1999. V. 38. Issue 2. P. 188—205.

Carson Th.L., Wokutch R.E., Cox J.E. An ethical analysis of deception in advertising // Contemporary moral controversies in business. N.Y., 1989. P. 384—394.

Cast A.D., Stets J.E., Burke P.J. Does the Self conform to the views of others? // Social psychology quarterly. 1999, V. 62. No 1. P. 68—82.

Cataldi, Amy E., Reardon, Richard Gender, interpersonal orientation, and manipulation tactic use in close relationships // Sex roles. 1996. Vol. 35, Iss. 3—4. P. 205—218.

Chen G.-M. Self-disclosure and Asian students' abilities to cope with social difficulties in the United States // The Journal of Psychology. 1993. Vol. 127. No 6. p. 603—610.

Cherulnik P.D., Way J.H., Ames S., Hutto D.B. Impressions of high and low Machiavellian men // Journal of Personality. 1981. V. 49. No 4. P. 388—400

Connolly M.B., Crits-Christoph P., Shelton R.C., Hollon S., Kurtz J., Barber J.P., Butle S.F., Baker S., Thase M.E. The Reliability and Validity of a Measure of Self-Understanding of Interpersonal Patterns // Journal of Counseling Psychology. 1999. Vol. 46. No 4. P. 472—482.

Contemporary moral controversies in business. / Ed. by A. P. Iannone. New York, Oxford: Oxford University Press, 1989.

Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119—143.

Copello A.G., Tata P.R. Violent behavior and interpretive bias: An experimental study of the resolution of ambiguity in violent offenders // British Journal of Clinical Psychology. 1990. V. 29. No 4. P. 417—428.

Damon W., Hart D. The Development of Self-Understanding from Infancy through Adolescence // Child Development. 1982. Vol. 53. No 4. P. 841—864.

Damon W., Hart D. The development of self-understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Davies M.F. Private Self-Consciousness and the Acceptance of Personality Feedback: Confirmatory Processing in the Evaluation of General vs Specific Self-Information // Journal of Research in Personality. 1997. Vol. 31. No 1. P. 78—92.

DePaulo B.M., Lainer K., Davis T. Detecting the Deceit of Motivated Liar // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 45. No 5. P. 1096—1103.

Domelsmith D.E., Dietch J.T. Sex differences in the relationship between Machiavellianism and self-disclosure // Psychological Reports. 1978. V. 42. No 3. P. 725—721.

Duck S., Rutt D.J., Hurst M.H., Strejc H. Some evident truths about conversations in everyday relationships: All communications are not created equal // Human Communication Research. 1991. V. 18. No 2. P. 228—267.

Durand D.E., Shea D. Entrepreneurial activity as a function of achievement motivation and reinforcement control // The Journal of Psychology. 1974. V. 88. No 1. P. 57—63.

Eagly A.H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation // Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1987.

Edwards R. The effects of gender, gender role, and values on the interpretation of messages // Journal of Language and Social Psychology. 1998. Vol. 17. No 1. P. 52—71.

Ekman P. Telling lies: Clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage N.-Y: W.W. Norton, 1985.

Ekman P., O'Sullivan M. Who Can Catch a Liar? // American Psychologist. 1991. V. 46. No 9. P. 913—920.

Epps J., Kendall, P.C. Hostile attributional bias in adults // Cognitive Therapy and Research, 1995. Vol. 19. No 2. P. 159—178.

Fenigstein A., Scheier M.F., Buss A.H. Public and Private Self-Consciousness: Assessment and Theory // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1975. Vol. 43. No 4. P. 522—527.

Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-development inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. No 9. P. 906—911.

Franzoi S.L., Davis M.H. The Effects of Private Self-Consciousness and Perspective Taking on Satisfaction in Close Relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. Vol. 48. No 6. P. 1584—1594.

Franzoi S.L., Davis M.H., Markwiese B. A Motivational Explanation for the Existence of Private Self-Consciousness Differences // Journal of Personality. 1990. Vol. 58. No 8. P. 641—659.

Gable M., Dangello F. Locus of control, Machiavellianism, and managerial job performance // The Journal of Psychology. 1994. Vol. 128. No 5. P. 599—608.

Gadamer H.-G. On the Problem of Self-Understanding // Philosophical Hermeneutics / Translated and edited by D.E. Linge. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1977. P. 44—58.

Geis F.L. Machiavellianism // Dimensions of personality. N.Y.: A Wiley-Interscience Publication, 1978. P. 305—364.

Gergen K.J. If persons are texts // Hermeneutics and psychological theory. L.: New Brunswick. 1988. P. 28—51

Gergen K.J., Gergen M.M. Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut. London: Praeger, 1986. P. 22—45.

Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, Massachusetts.: Harvard University Press, 1982.

Goethe I.W. Uber Wahrheit und Wahrsheinlichkeit der Kunstwerke / Goethes Werke in zwolf Banden. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1974. Bd. 11. S. 67—74.

Graham J.H. Machiavellian project managers: do they perform better? // International Journal of Project Management, 1996. Vol. 14. No 2. P. 67—74.

Greenberg J., Arndt J., Simon L., Pyszczynski T., Solomon Sh. Proximal and Distal Defenses in Response to Reminders of One's Mortality: Evidence of a Temporal Sequence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. Vol. 26. No 1. P. 91—99.

Harmon-Jones E., Simon L., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh., McGregor H. Terror Management Theory and Self-Esteem: Evidence That Increased Self-Esteem Reduces Mortality Salience Effects // Journal of Personality and Social Piychology. 1997. Vol. 72. No 1. P. 24—36.

Helson *R., Kwan V.S.Y., John O.P., Jones C.* The growing evidence for personality change in adulthood: Findings from research with personality inventories // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36. No 2. P. 287—306.

Heuvel H., Tellegen G., Koomen W. Cultural Differences in the Use of Psychological and Social Characteristics in Children's Self-Understanding // European Journal of Social Psychology. 1992. Vol. 22. No 4. P. 353—362

Hopper R., Bell R.A. Broadening the deception construct // Quarterly Journal of Speech. 1984. V.70. No 3. P. 288—302.

Ickes W. Empathic accuracy // Journal of Personality. 1993. Vol. 61. No 4. P. 587—610.

Ickes W., Stinson L., Bissonnette V., Garcia S. Naturalistic social cognition: Empathic accuracy in mixed-sex dyads // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59. No 4. P. 730—742.

Jackman L.P., Williamson D.A., Netemeyer, R.G., Anderson, D.A. Do weight-preoccupied women misinterpret ambiguous stimuli related to body size? // Cognitive Therapy and Research. 1995. V. 19. No 3. P. 341—355.

Klein K.J.K., Hodges S.D. Gender Differences, Motivation, and Empathic Accuracy: When It Pays to Understand // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 27 No 6. P. 720—730.

Krampen G., Effertz B., Jostock U., Muller B. Gender Differences in Personality: Biological and/or psychological? // European Journal of Personality. 1990. Vol. 4. No 4. P. 303—317.

Kraut R.E., Price J. D. Machiavellianism in parents and their children // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1976. V.33. No 6. P. 782—786.

Lamarque P. Reasoning to What Is True in Fiction // Argumentation. 1990. Vol. 4. No 3.

Lange G. Verstehen in der Psychodiagnostik. Eine fragemethodische Untersuchung am Beispiel des Rorschach-Tests. Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultat der Universitat zu Koln. Koln, 1986.

Lerner H.G. The Dance of Deception. Pretending and Truth-telling in Women's Lives. N.-Y.: Harper-Collins Publichers, 1993.

Levitt M.Z., Hart D. Development of Self-Understanding in Anorectic and Nonanorectic Adolescent Girls // Journal of Applied Developmental Psychology. 1991. Vol. 12. No 3. P. 269—288.

Maccoby E.E. Gender and relationships // American Psychologist. 1990. No 4. P. 513—520.

Maccoby E.E., Jacklin C.N. The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974.

MacLeod, C., Cohen, I.L. Anxiety and the interpretation of ambiguity: A text comprehension study // Journal of Abnormal Psychology. 1993. Vol. 102. No 2. P. 238—247.

Manstead A.S., McCulloch C. Sex-role stereotyping in British television advertisements // British Journal of Social Psychology. 1981. V. 20. No 3. P. 171—180.

Martin M.M., Anderson C.M., Thweatt K.S. Aggressive communication traits and their relationships with the Cognitive Flexibility Scale and the Communication Flexibility Scale // Journal of Social Behavior and Personality. 1998. Vol. 13. Issue 3. P. 531—540.\

Matlin M.W. The Psychology of Women. N.Y.: CBS College Publishing, 1987.

McAdams D.P. The stories we live by: Personal myths and the making of the self. New York and London: The Guilford press. 1996. P. 27—37

McFarland C., Ross M., Conway M. Self-Representation as Mediators of Anticipatory Attitude Change // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. V. 46. No 3. P. 529—540.

McHoskey J.W. Machiavellianism, Intrinsic Versus Extrinsic Goals, and Social Interest: A Self-Determination Theory Analysis // Motivation and Emotion, 1999. Vol. 23, No 4, P. 267—283

McHoskey J.W., Hicks B., Betris T., Szyarto C., Worzel W., Kelly K., Eggert T., Tesler A., Miley J., Suggs T. Machiavellianism, adjustment, and ethics // Psychological Reports. 1999. V. 85. No 1. P. 138—142.

Mummenday H.D. Psychology der Selbstdarstellung. Gottingten: Hofgrefe, 1995.

Neisser U. Five Kinds of Self-knowledge // Philosophical Psychology. 1988.Vol. 1. No 1. P. 35—59.

Neisser U. The self perceived // The perceived self. Ecological and interpersonal sources of self-knowledge / Ed. by U. Neisser. Cambridge University Press. 1993. P. 3—21.

Oppenheimer L. The Self, the Self-Concept, and Self-Understanding: A Rewiew of 'Self-Understanding in Childhood and Adolescence' by William Damon and Daniel Hart // Human Development. 1991. V. 34. No 2. P. 11—120.

Paulhus D.L. Self-Deception and Impression Management in Test Responses // Personality Assessement via Questionnaires. Current Issues in Theory and Measurement. Berlin, 1986.

Pinto A.J., Kanekar S. Social perception as a function of Machiavellianism // Journal of Social Psychology. 1990. Vol. 130. Issue 6. P. 755—762.

Rafaeli-Mor E., Gotlib I.H., Revelle W. The Meaning and Measurement of Self-Comlexity // Personality and Individual Differences. 1999. No 27. P. 341—356.

Reber A.S. The Penguin Dictionary of Psychology. London: Penguin Books, 1985.

Richter J., Eisemann M., Zgonnikova E. Doctors' authoritarianism in end-of-life treatment decisions. A comparison between Russia, Sweden and Germany // Journal of Medical Ethics. 2001. Vol. 27. No 3. P. 186—191.

Robinson W.P., Shepherd A., Heywood J. Truth, equivocation/concealment, and lies in job applications and doctor — patient communication // Journal of Language and Social Psychology. 1998. Vol. 17. No 2. P. 149—164.

Rosemann B., Kerres M. Interpersonales Wahrnehmen und Verstehen. Bern, Stuttgart, Toronto: Huber, 1986.

Sarbin T.R. The Narrative as a Root Metaphor for Psychology // Narrative Psychology. The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Theodore R. Sarbin. New York: Praeger, 1986. P. 3—22.

Saxe L. Lying: Thoughts of an Applied Social Psychologist // American Psychologist. 1991. V. 46. No 4. P. 409—415.

Sayers G.M., Perera S. Withholding life prolonging treatment, and self deception // Journal of Medical Ethics. 2002. Vol. 28. No 6. P. 347—352.

Scandell D.J. Is Self-Reflectiveness an Unhealthy Aspect of Private Self-Consciousness? // The Journal of Psychology. 2001. Vol. 135. Issue 4. P. 451—461.

Schoeneman T.J. Reports of the Sources of Self-knowledge // Journal of Personality 1981. Vol. 49. No 3. P. 284—293.

Sedikides C., Skowronski J. On the Sources of Self-knowledge: The Perceived Primacy Self-reflection // Journal of Social and Clinical Psychology, 1995. Vol. 14, No 3. P. 244—270.

Shepperd J.A., Socherman R.E. On the Manipulative Behavior of Low Machiavellians Feigning Incompetence to «Sandbag» on Opponent // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 72. No6. P. 1448—1459.

Smith R.F. Negotiating with the Soviet. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1989.

Sparks J.R. Machiavellianism and Personal Success in Marketing the Moderating Rote of Latitude for Improvisation // Journal of the Academy of Marketing Science. 1994. Vol. 22. Issue 4. P. 393—400.

Strickland B.R., Haley W.E. Sex Differences on the Rotter I-E Scale // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 39. No 5. P. 930—939.

Studies in Machiavellianism / Ed. by Christie R., Geis F.L. New York: Academic Press, 1970.

Swann W.B. Identity Negotiation: Where Two Roads Meet // Journal of Personal and Social Psychology. 1987. V. 53. No 5. P. 1038—1051.

Trzebinski J. Narrative self, understanding, and action // The self in European and North American culture: Development and processes. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers. 1995. P. 73—88.

Tseng Dwan-Jen A Study on the Damon and Hart's self-understanding model in taiwanese children // Chinese journal of psychology. 1993. V. 35. No 1. P. 1—17.

Wagenaar W., van Koppen P.J., Crombag H.F.M. Anchored Narratives: The Psychology of Criminal Evidence: St.Martin's Press Great Britain, 1993.

Watson P.J., Morris R.J, Ramsey A., Hickman S.E., Waddell M.G. Further Contrasts between Self-Reflectiveness and Internal State Awareness Factors of Private Self-Consciousness // The Journal of Psychology. 1996. Vol. 130. No 2. P. 183—194.

Wilson D.S., Near D., Miller R.R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 119. No 2. P. 285—299.

Yammarino F.J., Atwater L.E. Do managers see themselves as others see them? Implications of self-other rating agreement for human resources management // Organizational Dynamics. 1997. Vol. 25. No 4. P. 35—44.

Научное издание

Виктор Владимирович Знаков

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ
Проблемы и перспективы

Редактор — *О.В. Шапошникова*
Корректор — *И.В. Клочкова*
Макет и верстка — *Н.Г. Новикова*
Обложка — *А. Пожарский*

Сдано в набор 10.11.05. Подписано в печать 21.12.05.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Балтика.
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 23,9.
Тираж 800 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: publ@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Отпечатано в типографии ООО «УПП Макс Принт»
Москва, ул. Талалихина, 41, стр. 9